

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

Журналу «Вопросы истории» — 50 лет

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА КУЛЬТУРЫ СССР
1905 г. И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ
ПРИЗНАНИЕ РУСИ ВИЗАНТИЕЙ
БЕРЛИН, 8 МАЯ 1945 ГОДА
УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА ИВАНА ПОПОВА

6

МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 6

ИЮНЬ

1976

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении журнала «Вопросы истории»
орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии исторической науки
наградить журнал «Вопросы истории» орденом
Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль.
9 июня 1976 г.

СТАТЬИ

ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» — 50 ЛЕТ

А. М. Сахаров

Летом 1926 г. двухтысячным тиражом был издан первый номер (точнее, первая книга) ежеквартального тогда журнала «Историк-марксист», прямым наследником которого являются «Вопросы истории». Прошло, следовательно, полвека существования ведущего журнала советских историков: срок солидный и дата примечательная, чтобы подумать о пройденном пути, о дне сегодняшнем и завтрашнем, о том, что стало в журнале определяющим и непреходящим, а что нуждается в развитии и обогащении¹.

Это важно потому, что среди многообразных явлений, составляющих в совокупности движение исторической науки, журналам, особенно такого ранга, как «Вопросы истории», принадлежит особое место. Конечно, позитивное решение научных проблем происходит в результате их изучения учеными. Но появление исследовательских статей и монографий возможно лишь в определенной питательной среде, и дело тут не только в наличии источников для изучения поставленной проблемы. Здесь важны определение задач исторического исследования, выдвигаемых общественной практикой, оценка существовавших и существующих направлений в изучении той или иной проблемы, что реализуется чаще всего в ходе оживленных обсуждений. Особенно важны оттачивание методологических позиций научного исследования, критика чуждых концепций и взглядов. И, наконец, ввод монографического исследования в науку происходит опять-таки через его оценку, даваемую специалистами. Во всех перечисленных делах журнал играет совершенно исключительную роль, обращаясь сразу ко всем историкам, ориентируя, активизируя, в определенном смысле воспитывая их, поколение за поколением.

Разумеется, такое значение журнал имеет не потому, что он является какой-то внешней силой, стоящей над наукой и управляющей ею, а как раз наоборот, потому, что журнал порожден самой наукой; он существует лишь постольку, поскольку он органически связан с нею, находится не «над», а в центре научной жизни, и от того, насколько верно журнал улавливает внутренние закономерности ее развития, зависит успех его деятельности. Но журнал не только в центре науки, он

¹ Настоящая статья не имеет своей целью систематический обзор журнала. Такой обзор содержится в редакционной статье «Журнал и историческая наука» («Вопросы истории», 1966, № 1); в материале: А. И. Алаторцева. «Историк-марксист» — «Вопросы истории» (Хроника за 40 лет). «Вопросы истории», 1966, №№ 3, 4; см. также: е е же. Журнал «Историк-марксист» и его роль в развитии советской исторической науки. Автореф. канд. дисс. М. 1973; е е же. Журнал «Историк-марксист» — орган общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии. «История и историки, 1971». М. 1973; е е же. Структура и основные направления деятельности журнала «Историк-марксист» (1926—1941 гг.). «История и историки, 1972». М. 1973; е е же. А. В. Шестаков — первый редактор журнала «Историк-марксист». «История СССР», 1973, № 3.

еще и у ее дверей в общественную практику. Связь науки и общественного развития (и в смысле постановки обществом перед историками вопросов, разработка которых необходима для решения задач общественно-политического развития, и в смысле оценки соответствия результатов работы историков разрешению этих задач) представляет собой одну из специфических функций журнала в науке.

«Вопросы истории» — внешне довольно обычное название отраслевого научного журнала, но в действительности оно точно отражает само существо его содержания, служащего тому, чтобы история развивалась как современная наука не только по своему методологическому уровню, но прежде всего как наука для современности и будущего, которое невозможно осмыслить без прошлого, без истории. Для этого надо сформулировать, задать, поставить эти вопросы истории перед учеными и перед обществом.

Журнал возник как раз на перекрестье задач общественной практики и развития марксистской исторической науки. Он был задуман Обществом историков-марксистов уже на собрании учредителей этого общества 2 марта 1925 года. То было время накануне решающих битв социалистической индустриализации страны и коллективизации ее сельского хозяйства, время развертывавшейся борьбы ленинской партии против оппортунистов всех видов и оттенков. Шла невиданная в истории социальная перестройка. Что, казалось бы, мог сказать в ту революционную эпоху специалист, занимающийся прошлым? Но революционная современность породила и революционную науку о прошлом; знание журнала «Историк-марксист» состояло именно в том, что он был глашатаем и пропагандистом этой науки, ее боевым оружием и аккумулятором ее быстро накапливавшегося опыта, ее трибуной и кафедрой одновременно.

У истоков журнала стоял М. Н. Покровский. Он возглавил комиссию по подготовке журнала² и открыл первый номер своей статьей о задачах Общества историков-марксистов. Не было до 1932 г., кажется, ни одного номера журнала без статей М. Н. Покровского. Вот тематика статей первого номера: Парижская Коммуна (О. Л. Вайнштейн), Французская буржуазная революция конца XVIII в. (Ц. Фридлянд и К. П. Добролюбовский), революция 1905—1907 гг. (М. П. Павлович, П. О. Горин, С. И. Черномордик, С. М. Дубровский), декабристы (М. В. Нечкина, Н. К. Пиксанов). История революции и революционного движения — то был ответ историков-марксистов на потребности общественно-политического развития рожденного социалистической революцией общества. Последующие номера расширили проблематику: появились материалы по истории рабочего класса, колониальной политики царизма, международного коммунистического движения, крестьянских восстаний; появился раздел критики и библиографии; большое место стали занимать проблемы преподавания истории. Так определился круг вопросов, которыми прежде всего занялись историки-марксисты.

Сама эта проблематика принципиально противостояла традиционному содержанию исследований в дворянской и буржуазной историографии, которая в те годы была отнюдь не далеким прошлым: она была активно действующей силой в разгоравшейся классовой борьбе. В тру-

² Ответственными (главными) редакторами журнала являлись: А. В. Шестаков (1926—1930 гг.), М. Н. Покровский (1930—1932 гг.), Н. М. Лукин (1933—1938 гг.), Е. М. Ярославский (1938—1944 гг.), В. П. Волгин (1945—1948 гг.), А. Д. Удальцов (1949—1950 гг.), П. Н. Третьяков (1950—1953 гг.), А. М. Панкратова (1953—1957 гг.), С. Ф. Найда (1959—1960 гг.). В состав редколлегии входили в разные годы виднейшие ученые страны, академики и члены-корреспонденты АН СССР, ведущие профессора высших учебных заведений, старшие научные сотрудники научно-исследовательских институтов и работники иных учреждений в области исторической науки. Журнал постоянно аккумулировал деятельность всего комплекса исторических учреждений страны.

дах молодых историков-марксистов представляла совершенно новая по содержанию история. Новая наука спешила отличиться прежде всего предметом своих занятий, она открывала историю народных масс, борющихся и трудящихся, сосредоточивая свои усилия на ближайших временах и не уходя вглубь далее конца XVIII века.

Журнал скоро стал оружием наступательной борьбы против буржуазной историографии. Это была составная часть классовой борьбы трудящихся за построение социализма, против еще многочисленных и активно действовавших сил контрреволюции. Непримиримо и бескомпромиссно оценивалась белоэмигрантская историческая литература. Столь же решительно и остро развенчивалась буржуазная историография, представленная работавшими в стране историками немарксистского направления. Теперь можно, конечно, заметить, что этой критике порою не хватало позитивных позиций, эрудиции, чувства историзма в подходе к явлениям и процессам, последовательности в стремлении привлечь на свою сторону честных представителей старой науки. Достаточно напомнить о крайне резких и в то же время довольно ошибочных позициях, занятых М. Н. Покровским по вопросам о происхождении первой мировой войны или об образовании Русского государства и вхождении нерусских народов в его состав. Об этих и подобных им ошибках, нашедших место на страницах журнала в первые годы его деятельности и отражавших общие явления в нашей историографии тех лет, забывать не следует. Но и сводить оценку марксистской историографии и ее главного органа «Историка-марксиста» к этим ошибкам было бы еще более несправедливо. При всех слабостях и ошибках шел сложный процесс восхождения советской марксистской историографии, протекавший в общественно-политических условиях острейшей классовой борьбы.

Хотя проблематика занятий сосредоточивалась преимущественно на истории конца XVIII — начала XX в., а внутри этого отрезка — на революционном движении, задачи борьбы с буржуазной историографией потребовали решительного расширения теоретического кругозора. Историки-марксисты атаковали прежде всего теоретические, методологические позиции буржуазной науки. В этой связи происходило расширение круга вопросов, которыми они занимались. Обсуждение работ Д. М. Петрушевского стимулировало возрастание интереса к теоретическим проблемам феодализма. Закономерно возник интерес к проблеме общественно-экономических формаций. Наряду с этим все более углублялось изучение социально-экономических предпосылок социалистической революции в России, классовой сущности различных направлений и этапов освободительного движения.

Примечательная особенность журнала тех лет — острые и напряженные дискуссии как проявление новой закономерности развития исторической науки в условиях советского общества и на базе марксизма-ленинизма. Коллективный характер научного творчества ярко воплощался в обсуждениях сложнейших проблем. Естественно, что в дискуссиях поднимались в первую очередь наиболее общие, проблемные вопросы. И хотя конкретные исследования далеко еще отставали от проблемных дискуссий, выдвигание на первый план теоретической стороны научного познания имело первостепенное значение для формирования марксистской исторической науки. Особенно важным было сосредоточение усилий на овладении ленинским теоретическим наследием. Задача эта была поставлена М. Н. Покровским уже в его первой статье в первом номере журнала и выражена в словах «стать не только историками-марксистами, но и историками-ленинцами»³. В начале

³ М. Н. Покровский. Задачи Общества историков-марксистов. «Историк-марксист», 1926, кн. 1, стр. 10.

30-х годов журнал значительно расширил круг публикаций, посвященных ленинскому пониманию истории вообще, истории России в частности и в особенности. Эта работа приобрела большие масштабы к 10-летию со дня кончины В. И. Ленина.

С ростом внимания к теоретико-методологическим проблемам развивались зачатки историографической отрасли марксистской исторической науки: наряду с развенчивающей критикой старых концепций стали появляться материалы об исторических взглядах и теориях Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова, А. П. Щапова. Характерно, что и эта область марксистской науки начиналась с изучения революционной исторической мысли.

В дискуссиях конца 20-х — начала 30-х годов, в критических рецензиях и обзорах отчетливо выступала борьба за чистоту марксистско-ленинского учения, против всех видов ревизии исторического материализма. Историки-марксисты вели, можно сказать, ураганный огонь по троцкистским и правоуклонистским извращениям в исторической науке. Атмосфера острейшей критики и самокритики вообще характерна для журнальных материалов того времени. Обстановка воинствующей нетерпимости ко всему, что было или могло быть использовано классовым врагом в его борьбе против построения социализма, остроумно возникает со страниц «Историка-марксиста» геронческих лет социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Тем не менее скоро наступило время, когда развитие марксистской исторической науки стало уже отставать от быстро развивавшихся и усложнявшихся общественно-политических потребностей социалистического общества. Слабые стороны науки становились все заметнее, приходя в противоречие с ее собственными потребностями. Науке явно не хватало широты охвата проблематики, глубины овладения теорией, прежде всего марксистским историзмом в подходе к прошлому. Возрастал разрыв между критическим накалом выступлений историков-марксистов и исследовательской обоснованностью их позиций. Борьба с буржуазной историографией требовала решительного подъема исследовательского уровня марксистской науки по всему ее фронту, чтобы устранить слабые позиции в этой борьбе. Более того (здесь уже речь шла о противоречиях с потребностями общественной практики), односторонне критическая оценка прошлого не давала необходимого материала для воспитания и образования широких масс трудящихся. Прежде всего это ощутилось в преподавании истории в школе, имевшем огромное значение для воспитания подрастающего поколения.

Ликвидация эксплуататорских классов в СССР и построение основ социалистического общества, что было зафиксировано в 1934 г. XVII съездом Коммунистической партии; усложнившаяся с возникновением очагов новой мировой войны на Западе и Востоке международная обстановка; переход подавляющей массы бывшей буржуазной интеллигенции в СССР на позиции активного участия в социалистическом строительстве; развернувшееся овладение историками марксистско-ленинской методологией — все это создавало принципиально новые потребности в изучении истории и новые условия для того.

В среде самих историков-марксистов уже возникли элементы понимания теоретического несовершенства главенствовавших тогда воззрений М. Н. Покровского⁴. Под натиском критики и сам он начал пересматривать некоторые прежние, в том числе принципиальные (например, тезис о «торговом капитализме»), позиции. Трудно сказать, как

⁴ Характеризуя советскую историческую науку конца 20-х — начала 30-х годов, М. В. Нечкина отмечала, что «осознание противоречий между ленинским пониманием и концепцией М. Н. Покровского и является характернейшей чертой данного этапа» (М. В. Нечкина. О периодизации истории советской исторической науки. «История СССР», 1960, № 1, стр. 89).

развивался бы дальше этот процесс, прерванный кончиной выдающегося ученого в 1932 году.

В этой обстановке еще раз проявилась принципиально новая закономерность развития науки в условиях социалистического общества — руководящая и направляющая роль Коммунистической партии. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (май 1934 г.) было в этом отношении историческим, потому что оно открывало новый этап развития не только исторического образования в нашей стране, но и всей советской исторической науки. Оно давало достаточно жесткую оценку тогдашнему ее состоянию через оценку преподавания истории, в отношении которого было сказано, что оно «поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Партия и правительство указали, что только на основе соблюдения историко-хронологической последовательности, закрепления в памяти учащихся важных исторических явлений, имен исторических деятелей, дат, обеспечения доступности, наглядности и конкретности исторического материала возможны «правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»⁵.

Преподавание истории в школе отражало прямо и непосредственно состояние всей исторической науки в СССР, в чем легко убедиться, просмотрев комплект «Историка-марксиста» за первую половину 30-х годов. В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова, адресованных историкам, в августе 1934 г., видимо, не случайно было сказано «о безответственных журнальных статьях, где можно было болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности»⁶.

Совнарком СССР и ЦК партии постоянно обращались к вопросам преподавания и изучения истории. 27 января 1936 г. в «Правде» («Историк-марксист», 1936, № 1) появился новый партийно-правительственный документ, в котором было констатировано, что среди некоторой части историков, особенно специалистов по истории СССР, укоренились, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. «Задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения»⁷. В том же году были проведены важные организационные преобразования в исторической науке, и журнал «Историк-марксист» из органа Института истории Коммунистической академии, каким он являлся с 1930 г., превратился в орган Института истории АН СССР.

Начинался новый этап развития советской исторической науки, а вместе с тем и деятельности ведущего советского исторического журнала. Значительно расширилась проблематика публикуемых материалов. Тема истории революции и революционных движений, особенно пролетарского этапа, естественно, сохраняла свое ведущее место. На-

⁵ «Историк-марксист», 1934, № 3, стр. 83; «К изучению истории». М. 1937, стр. 18.

⁶ «К изучению истории», стр. 24.

⁷ Там же, стр. 21.

ряду с нею стали печататься работы по истории начальных лет Советской власти, в особенности гражданской войны и борьбы с иностранной военной интервенцией. Все больше материалов появлялось по истории и повседневной «практике» германского фашизма. Была шире поставлена проблема кризиса современной буржуазной исторической мысли. Наряду с этим стали обсуждаться проблемы Древнего мира, истории Английской буржуазной революции XVII в. (до того в журнале не затрагивавшейся), общественного строя Киевской Руси и вообще социально-экономической истории феодальной России. Заново переосмысливалось значение преобразований Петра I, героических страниц борьбы русского народа против иностранных интервентов в прошлом, происхождение первой мировой войны и зловещая роль германского милитаризма. Стали обсуждаться проблемы абсолютизма в истории России, общественного строя народов древнего Закавказья. Наряду с юбилеями истории революционного движения были отмечены юбилей «Слова о полку Игореве» и открытия «Русской Правды». Шире стал подход к истории общественной мысли и историографии: появились исследовательские статьи о С. М. Соловьеве, В. Н. Татищеве, славянофилах. Начали шире разрабатываться и обсуждаться проблемы источниковедения.

На страницах журнала весьма полно отражались дискуссии вокруг новых учебников для высшей школы и разрабатывавшихся проспектов крупных коллективных трудов. Вторая половина 30-х годов отмечена не только радикальным расширением проблематики журнала, но и вовлечением в число авторов гораздо более широкого круга историков. Журнал отразил происходившее в СССР объединение научных сил на базе марксистско-ленинской теории — «старых» профессиональных исследователей, приходивших к марксизму в условиях победы социализма, и боевых историков марксистской школы, прошедших путь борьбы за ленинизм. Теоретический опыт и исследовательское мастерство сплавились в советской исторической науке и давали значительные научные результаты. Формировалась конкретно-историческая концепция истории СССР и зарубежных стран на основе марксистско-ленинского учения о формациях, опиравшаяся на быстро расширявшийся исследовательский фундамент. Повышалась источниковедческая культура исторических работ.

Сложнее обстояло дело с разработкой теоретико-методологических проблем. Критика «торгового капитализма» и других ошибочных концепций, ведшаяся, в частности, и на страницах журнала, страдала в ряде случаев теоретической поверхностностью, «цитатничеством», неисторическим и в силу этого нигилистическим подходом к деятельности М. Н. Покровского, зачеркиванием его несомненного вклада в советскую историческую науку. Все это, разумеется, осложняло процесс развития советской историографии. Однако нельзя на этом основании снижать значение большого общего подъема в исторической науке, в организации которого «Историку-марксисту» принадлежала важная роль.

Как известно, общественная практика является самым главным и самым надежным критерием соответствия исторических концепций реальному, объективному ходу истории. Великая Отечественная война была суровым испытанием социалистического общественного и советского государственного строя. В том, что Советская страна успешно выдержала тягчайшую схватку с ударными силами мирового империализма и завершила войну победой величайшего всемирно-исторического значения, свою роль сыграла и морально-политическая готовность советского народа к этой схватке. А в создании такой готовности важное место принадлежало перестроившейся во второй половине 30-х годов советской исторической науке. В свете великой Победы еще яснее выглядит глубоко прогрессивное значение перемены, происшедших под руководством пар-

тии в развитии нашей исторической науки накануне Великой Отечественной войны.

Война, разумеется, значительно изменила характер работы ведущего исторического журнала. «Историк-марксист» слился с научно-популярным «Историческим журналом», а объединенный журнал стал выходить под его названием. В годы войны он проделал большую работу. На его страницах отразились начавшийся сбор и публикация документальных материалов о войне; появились первые статьи о ее крупнейших событиях — битве за Москву, обороне Одессы и др. Журнал сосредоточивал силы первых историков Великой Отечественной войны. Наряду с этим в нем печатались материалы, раскрывавшие классовый характер борьбы Советского государства с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны, разоблачалась и развенчивалась фашистская фальсификация истории с древнейших времен до наших дней. Героические традиции борьбы народов нашей страны за независимость в далеком прошлом приобрели самое современное и актуальное звучание в годы войны, и журнал посвятил немало своих материалов этим вопросам, непосредственно помогая агитаторам и пропагандистам на фронте и в тылу. Через журнал слово советских историков участвовало в великой битве с врагом.

Вместе с тем продолжалась активная разработка научных проблем по всему фронту исторической науки. Наряду с исследованием социально-экономической, историко-революционной и историко-военной проблематики в те годы получили развитие сравнительно новые отрасли марксистско-ленинской исторической науки — славяноведение и византиноведение, что нашло отражение на страницах «Исторического журнала». Были подведены итоги 25-летнего развития советской исторической науки (как раз в напряженные дни Сталинградской битвы!) и намечены перспективы дальнейшего ее развития в послевоенный период. Обсуждалась «История Казахской ССР». Журнал информировал о всесоюзных конференциях архивистов и археологов, о научной жизни в университетах и научных учреждениях. В трудных условиях войны журнал играл важную роль информатора и пропагандиста работы советских историков. Он спланировал их силы, был проникнут чувством великого оптимизма, уверенности в победе над врагом и скорого нового расцвета отечественной исторической науки.

В 1945 г. ЦК партии преобразовал «Исторический журнал» в журнал «Вопросы истории», сосредоточив его внимание на научной разработке проблем истории СССР и всеобщей истории. В редакционной статье о задачах журнала, опубликованной тогда в № 1, говорилось: «Вопросы истории» — научный журнал, задача которого состоит в том, чтобы, отражая движение исторической научно-исследовательской мысли в СССР, в то же время воздействовать на направление этого движения... Журнал «Вопросы истории» будет отражать на своих страницах исследовательскую работу по всем разделам всемирной истории. Однако наибольшее внимание он будет уделять вопросам истории СССР. Разработка истории СССР, истории русского народа и истории других народов Советского Союза — первоочередная задача советских историков». Основную часть журнала редакция запланировала для статей научно-исследовательского характера; «для широкого обмена мнениями по спорным вопросам в журнале будут помещаться также статьи дискуссионного характера»; «должен быть серьезно, широко поставлен отдел критики и библиографии»; «должен отражать текущую работу в области исторической науки на ее предварительных стадиях»; «всемерно содействовать дальнейшему развитию советской исторической науки — такова цель, которую ставит перед собой редакция журнала «Вопросы истории». Во имя этой цели журнал стремится объединить вокруг себя всех советских историков». Вот программа преобразованно-

го журнала, которая стала успешно претворяться в жизнь в трудные послевоенные годы.

Журнал провел серию дискуссий, сыгравших во многих отношениях значительную роль в определении теоретических и концептуальных позиций советских историков и направлений их дальнейших исследований: об образовании Русского централизованного государства, о путях развития капиталистического уклада в феодально-крепостническом хозяйстве, о периодизации истории России феодальной и капиталистической эпох, о товарном производстве при феодализме, об основном экономическом законе феодализма, о формуле «наименьшее зло» при оценке вхождения нерусских народов в состав Российского государства, о процессе развития народов нашей страны в нации. Нетрудно заметить, что предметом дискуссий являлись сложнейшие проблемы, от решения которых в большой степени зависит вся концепция истории СССР досоветского периода.

Дискуссии отчетливо выявили сильные и слабые стороны существовавших в то время решений названных проблем, показали рост творческих сил советской исторической науки, выдвижение новых плодотворных идей. Именно тогда, на рубеже 40-х — начала 50-х годов, при всех сложностях закладывались и начинали уже проявляться ростки того творческого подъема, который произошел в исторической науке во второй половине 50-х годов, прежде всего в стремлении глубже проникнуть в теорию общественно-экономических формаций и мобилизовать в исследовательском плане новые пласты материала, отойти от ставших привычными «наборов» узкого круга фактов-примеров. Журнал, в частности, обратил внимание на проблемы постановки в вузах общих и специальных исторических дисциплин, в том числе курсов новой и новейшей истории, историографии и источниковедения истории СССР, а также поставил вопрос о сохранении древних рукописей и организации новых археографических изысканий.

В послевоенные годы шло становление истории социалистического общества как нового, самостоятельного раздела советской исторической науки. Важное значение имели публикация проспекта первого вузовского учебника по истории советского общества и его обсуждение, а также материалов т. VI «Истории Москвы». Началась более активная разработка темы «В. И. Ленин и историческая наука», усилившаяся в середине 50-х годов в результате многочисленных публикаций воспоминаний о В. И. Ленине и других материалов.

Журнал твердо держал линию на осуществление в советской исторической науке указаний ЦК партии, данных в его решениях второй половины 40-х годов по идеологическим вопросам, вел острую борьбу против отклонений от марксистско-ленинской методологии. Однако в середине 50-х годов на страницах журнала появились некоторые материалы, особенно касавшиеся истории революционных событий 1917 г., а также по отдельным другим вопросам, в которых при пересмотре ряда неверных или неточных положений, утвердившихся в литературе в предшествующее время, были допущены теоретические и методологические ошибки. 9 марта 1957 г. ЦК КПСС принял специальное решение «О журнале «Вопросы истории», в котором была отмечена публикация ряда «содержательных материалов по отдельным вопросам исторической науки», а допущенные ошибки квалифицированы как «имеющие тенденцию к отходу от ленинских принципов партийности в науке»⁸. То была огромная помощь партии журналу и всем советским историкам при определении принципиальных позиций в новых условиях борьбы Коммунистической партии за неотступное применение ленинских норм и принципов партийной жизни после XX съезда КПСС⁹.

⁸ «Справочник партийного работника». М. 1957, стр. 381.

⁹ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 64.

В том же году журнал стал органом Отделения истории АН СССР, а с 1962 г. — также Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Положение журнала изменилось не только в организационном отношении: с 1957 г. стали выходить новые исторические журналы, в том числе такие крупные, как «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история» и другие. «Вопросам истории» предстояло определить свое место в системе других исторических журналов страны и сохранить при этом свое значение как главного периодического издания в области отечественной и всеобщей истории.

Наиболее характерными чертами деятельности журнала в последующие годы явились усиление внимания к методологическим и историографическим вопросам, в особенности к освоению теоретического наследия В. И. Ленина в области исторической науки, а также крутой поворот к вопросам истории советского общества, новейшей истории зарубежных стран, истории мирового коммунистического и рабочего движения, развития и укрепления мировой социалистической системы. Расширились связи журнала с историками страны, чему способствовала установившаяся с тех пор практика читательских конференций в разных городах Советского Союза. Значительно развились «информационные службы» журнала: отчеты о наиболее важных явлениях в советской и зарубежной науке, сведения о новых советских и зарубежных изданиях, в том числе периодических и продолжающихся, об иностранных рецензиях на советские труды по истории. Журнал стал публиковать мемуары, а также другие материалы источникового характера. Наконец, журнал предоставил свои страницы для публикации научно-популярных очерков и этюдов, расширив тем самым круг читателей за пределы специалистов-ученых и адресовав свои номера самым широким слоям, интересующимся историей.

Вместе с тем на страницах журнала продолжались дискуссии по крупным проблемам: о «восходящей» и «нисходящей» стадиях развития феодальной формации в России, о предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР, о содержании понятия «нация», о закономерностях перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, о проблемах возникновения человеческого общества. Журнал широко публиковал материалы Всесоюзного совещания по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, состоявшегося в 1962 году. В соответствии с рекомендациями совещания журнал еще более усилил работу в области методологии исторических исследований и критики буржуазной историографии. Появились содержательные статьи о применении математических методов в исторических исследованиях, о социальной психологии, структурализме, повторяемости в истории, вопросах методологии изучения истории советского общества и другие. Значительно больше места, чем прежде, уделялось проблемам историографии узловых проблем отечественной и всеобщей истории.

По богатству и разнообразию материалов, опубликованных в «Вопросах истории» за последние 10—15 лет, этот период не может идти ни в какое сравнение ни с одним из предыдущих. Проблематика журнала отразила громадный размах исследований советских историков, общий подъем нашей науки, расширившей предмет своих занятий и разрабатывающей сложнейшие вопросы всемирной истории.

Крупными вехами в развитии науки явились нашедшие отражение на страницах журнала важнейшие партийные документы — доклады и выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, материалы съездов партии, Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», документы Международного совещания ком-

мунистических и рабочих партий (1969 г.); такие юбилеи, как 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 50-летие образования СССР, 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Журнал провел серьезную работу по изучению и пропаганде теоретического наследия основоположников научного коммунизма в области исторической науки, опубликовав цикл работ об исторических трудах К. Маркса (в связи со 150-летием со дня его рождения), Ф. Энгельса (к 150-летию со дня его рождения) и истории формирования исторического материализма. Внимание читателей привлекли также опубликованные в журнале исследования, посвященные связям К. Маркса и Ф. Энгельса с русским революционным движением и изучению ими этого движения. Большой интерес вызвали материалы о создании архива К. Маркса в СССР, об огромной работе, ведущейся в области расшифровки, перевода и публикации его рукописей. За последние годы в журнале появились статьи, посвященные изучению работ Ф. Энгельса в области военной истории и теории познания истории.

Немало сделано журналом для изучения ленинских трудов. Тема «В. И. Ленин и историческая наука», неисчерпаемая сама по себе, может быть по праву названа как ведущая в «Вопросах истории» на протяжении многих лет. Естественно, что внимание к трудам В. И. Ленина возросло в связи с подготовкой и проведением 100-летия со дня его рождения. Но это внимание характерно как постоянная черта журнальных публикаций. На страницах журнала раскрывались различные аспекты этой важнейшей для историков темы, начиная от создания архива ленинских документов до анализа ленинской «лаборатории» исследования советского общества, приемов работы В. И. Ленина над изучением источников и специальной литературы. Читатели увидели в номерах журнала статьи, посвященные ленинскому пониманию соотношения истории и современности, трудам В. И. Ленина в области истории феодальной и капиталистической России. Главное место заняли исследования работ В. И. Ленина по истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, ленинского плана социалистического строительства в нашей стране, ленинской внешней политики Советского государства. В опубликованных статьях анализировались проблемы государственного капитализма, социалистического преобразования сельского хозяйства, объединения революционных сил в борьбе против империализма, организации и деятельности Коминтерна, путей некапиталистического развития, национально-освободительного движения в странах Востока и многие другие вопросы, рассматривавшиеся в трудах В. И. Ленина. Журнал широко освещал и освещает работу историков по изучению ленинского наследия, информирует о конференциях, посвященных трудам В. И. Ленина, рецензирует книги и сборники статей по ленинской тематике, использует самые разнообразные виды журнальных рубрик для всестороннего освещения этой первостепенной по значению темы, держит ее в центре внимания советской исторической науки. Эта работа будет продолжаться и впредь, принося громадную пользу марксистской историографии и повышая ее теоретико-методологический уровень.

Усиление внимания к проблемам теории и методологии является характерной чертой исторической науки развитого социализма. Это явление нашло отражение и в деятельности журнала. Разработка методологических вопросов неразрывно связана с критикой современных буржуазных поисков в области методологии исторического познания. Углубляющийся кризис буржуазной историографии, разрушение связей между буржуазной исторической наукой и объективными, реальными потребностями общественной практики (что особенно отчетливо проявилось недавно на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-

Франциско) толкают специалистов по методологии исторической науки в капиталистических странах к напряженным поискам новых приемов в области методологии. Многие такого рода поиски прямо или косвенно направлены в конечном счете против марксистско-ленинского понимания истории. В то же время историки-марксисты не могут просто отмахиваться от новейших приемов в области изучения источников и призваны критически переосмыслить их с марксистских позиций. Развенчивая идеалистическую основу и буржуазное социально-политическое содержание методологических поисков западных теоретиков исторической науки, историки-марксисты ведут большую позитивную работу в области совершенствования «инструментария» марксистско-ленинского исторического познания.

В этом плане журнал также выступает довольно активно, опубликовав за последние годы ряд статей о так называемой новой исторической науке, о проблеме метода в современной буржуазной историографии, о методе структурного анализа в истории, логике исторического исследования и источниковедения, вопросах истолкования источников, понятии «факт» в исторической науке, критериях обратимости и необратимости исторического процесса, законах исторических ситуаций, методологических проблемах применения количественных (математических) методов в исторических исследованиях разных планов, в том числе в области изучения истории революционного движения, конкретно-социологических исследованиях в исторической науке. Журнал подверг специальному рассмотрению вопрос о роли географического фактора, в том числе в истории древней Руси и западноевропейского общества периода раннего феодализма, выступил с принципиальной критикой попыток биологизации этнической истории, а также против проявления некоторых позитивистских тенденций в источниковедении. В значительную методологическую проблему выросли за последние годы вопросы истории культуры, чему журнал также посвятил ряд содержательных материалов. Он дал оценку научно-технической революции с позиций исторического подхода к ней и подверг критике буржуазные концепции этого крупнейшего явления современности. Освещались журналом за последние годы и теоретические вопросы археологии.

Обсуждениям подверглись такие сложные проблемы исторического развития, как вопрос о нации и путях этнического развития народов. Нельзя не заметить, однако, что в самые последние годы журнал не вел дискуссий по крупным проблемам. Хотя и не следует искусственно плодить дискуссии по ясным вопросам, но в принципе научные обсуждения были и остаются важнейшим средством движения науки, в которой всегда существуют спорные и нерешенные вопросы, требующие коллективного обсуждения и выявления точек зрения. Дискуссии являются одной из сильных традиций журнала, и отказываться от них журнал, видимо, не должен. Опыт показывает необходимость тщательной подготовки таких обсуждений, ясной постановки спорных вопросов и в итоге — формулирования путей их разрешения.

В то же время журнал систематически информирует читателей о дискуссиях, проходящих в научных учреждениях, и о научной жизни в целом. Полезны для развития исторической науки публикуемые им аналитические обзоры развития отдельных отраслей науки или изучения крупных проблем. Так, была напечатана серия статей о полувековом пути советской историографии в области изучения отечественной истории, востоковедения, славяноведения, византиноведения, археологии, статьи о развитии Китаеведения, об исторической науке в целом между съездами партии, о развитии исторической науки в отдельных регионах страны, о новых археологических открытиях и пр. Были подведены научные итоги работы над первыми шестью томами «Истории СССР с древ-

нейших времен до наших дней» (досоветский период), проанализировано решение советской историографией вопросов истории крестьянства и крестьянских войн, истории церкви, новой экономической политики и истории советского рабочего класса, социалистической индустриализации, советской культуры и многие другие, освещен ход изучения новой и новейшей истории за последние годы. Историографическая проблематика постоянно занимает особое место в тематике журнала, поскольку историографический анализ является необходимым условием эффективности исследований в любой области науки. Известное, хотя и все еще недостаточное, отражение находят в журнале вопросы истории исторической науки, играющие важную роль в осмыслении общих закономерностей ее характера.

С историографической проблематикой связаны и многочисленные рецензии, систематически публикуемые журналом. Сжатый их объем не всегда дает возможность развернуть серьезную аргументацию по поводу отдельных положений рецензируемых работ. Но в целом журнал стремится давать возможно полную, принципиальную оценку выходящей научной литературе, поток которой все более возрастает. Он старается откликаться на любое крупное и заслуживающее внимания исследование. Одновременно журнал ведет постоянную и целеустремленную борьбу против буржуазной историографии, против ревизионистских извращений марксизма во всех видах и формах. Систематические обзоры зарубежной литературы по странам и проблемам, обзоры иностранных журналов, заметки о книгах и статьях, рецензии на труды зарубежных историков заняли на его страницах за последние годы значительное место, что должно соответствовать выросшим задачам в этой области. Привлекают внимание материалы, посвященные характеристике теоретико-методологических направлений современной буржуазной науки (например, о традициях немецкого историзма в современной литературе ФРГ). В журнале анализируется как теоретическая несостоятельность концепций буржуазной историографии, так и фальсификаторская сущность многих ее построений, зависимость ее от социально-политических интересов монополистического капитала. Публикуемые материалы дают отпор попыткам исказить историю советского общества и Коммунистической партии, извратить социалистический характер Октябрьской революции и общественного строя в СССР. Можно напомнить в этой связи о материалах относительно буржуазной «критики» Великого Октября и многих других, о буржуазной фальсификации истории нашей страны в прошлом (например, стремление Э. Кинана «закрыть» ряд памятников русской общественной мысли, поставив под сомнение их достоверность), а также острую критику западногерманских школьных учебников, грубо искажающих историю СССР.

Критике подвергаются и попытки фальсификации исторического процесса. Маоистская историография справедливо оценивается как великоханьская фальсификация истории. Статьи журнала показывают полный отход нынешних китайских историков от позиций исторического материализма, позиций марксизма-ленинизма.

Журнал уделяет значительное внимание развитию марксистско-ленинской исторической науки в странах социалистического содружества. Стали традицией выступления ученых-марксистов из социалистических (и не только социалистических) стран на страницах журнала. Обзоры литературы, выходящей в социалистических странах, информация о научной жизни в этих странах, рецензии и заметки имеют далеко не только информационное значение, а являются средством развития и укрепления творческих связей историков-марксистов. Очевидно, эта сторона работы журнала должна еще более развиваться впредь: советские историки со всей энергией будут выполнять свой интернациональный долг. Сотрудничество историков-марксистов есть составная часть того великого дела

пролетарского интернационализма, верность принципам которого была с особой силой подчеркнута на XXV съезде КПСС.

Международные связи советских историков, значительно окрепшие за последние годы, также постоянно поддерживаются и освещаются журнальными публикациями, среди которых центральное место занимают аналитические материалы, посвященные международным конгрессам исторических наук, другим международным конгрессам и конференциям, двусторонним встречам советских и зарубежных историков. Журнал стремится четко и последовательно раскрывать борьбу идеологий в исторической науке.

Решительное выдвижение на первый план тематики истории советского общества, истории мирового революционного процесса, создания и развития социалистического содружества, развития антиколониального и национально-освободительного движения, новейшей истории в широком смысле слова представляет собой характерное явление современной советской исторической науки, и журнал стремится активно участвовать в этом деле.

В области истории советского общества публикации журнала раскрывают руководящую и организующую роль Коммунистической партии на всех этапах — от Великой Октябрьской социалистической революции до современного этапа коммунистического строительства. Журнал показывает историческую роль большевизма в мировом революционно-освободительном движении. В связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции, а затем 50-летием образования СССР были опубликованы циклы статей, в которых подведены итоги изучения истории Великого Октября и первых лет существования Советского государства, раскрыты новые аспекты этой колоссальной по объему и значению темы. В журнале подверглось рассмотрению, в частности, разрешение национального и женского вопросов в СССР, раскрывалось влияние Великой Октябрьской социалистической революции на мировой революционный процесс, систематически появлялись новые исследования по истории советского общества, причем внимание привлекали такие проблемы, как углубленное изучение его социальной структуры, а также влияние демографических факторов на его развитие.

Серией интересных публикаций, в том числе многочисленных мемуарных материалов, принадлежащих перу виднейших советских военных и хозяйственных руководителей периода Великой Отечественной войны, отмечены 20-летие, 25-летие и 30-летие Победы над фашизмом. Эти материалы имеют большое познавательное и воспитательное значение. Велико и их научное значение, потому что они в реальном свете показывают события войны, героизм воинов и тружеников тыла, содержат уникальную информацию.

Журнал постоянно уделяет первостепенное внимание руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза в развитии советской исторической науки. В этом отношении важную роль сыграли материалы Мартовского (1973 г.) совещания историков в ЦК КПСС, на котором был рассмотрен вопрос о ходе выполнения Постановления ЦК партии от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Опубликованные в этой связи журналом материалы содержали глубокий анализ современного этапа развития советской исторической науки, характеристику достижений советских историков, в том числе работы по созданию ряда фундаментальных обобщающих трудов; в то же время в них отмечалось, что «в некоторых работах недостаточно проводится принцип партийности, допускается отход от марксистско-ленинской концепции исторического процесса»; что некоторые авторы «сделали неверные, политически ошибочные выводы о рабочем классе, допустили путаницу в

трактовке вопроса о расстановке классовых сил в Великой Октябрьской социалистической революции. Между тем вопрос о гегемонии рабочего класса, о руководящей роли Коммунистической партии в революционном преобразовании общества стал сегодня узловым пунктом борьбы между марксистами-ленинцами и представителями различных форм ревизионизма. Поэтому здесь особенно важна четкость идейных позиций»¹⁰. Выполняя свой партийный и научный долг, журнал систематически публикует материалы, раскрывающие многогранную деятельность КПСС на всех этапах и во всех аспектах исторической борьбы за построение социалистического и коммунистического общества.

Плодотворна работа журнала по освещению послевоенного периода советского общества и развитого социализма. Это остро актуальная тематика, исследование которой идет в значительной степени по «целине». Здесь особенно важна поддержка наиболее квалифицированных, самых удачных в научно-творческом отношении работ. На страницах журнала увидели свет статьи по истории послевоенного колхозного крестьянства и о социальных сдвигах в нем, о роли Советов в период развитого социализма, о рабочем классе на современном этапе, изменении его социального облика и возрастании его роли в современном обществе, о развитии социалистического соревнования, об этапах создания материально-технической базы коммунистического общества. Значительное место уделяется рассмотрению международных отношений и внешней политики Советского государства, включая анализ современных советско-американских экономических отношений, реализацию принципов мирного сосуществования и осуществление Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС.

Рядом с этими материалами читатели находят в журнале статьи, очерки, обзоры и заметки, посвященные такой важной и актуальной проблеме, как история создания и развития мировой социалистической системы, развития отдельных социалистических стран — Болгарии, ГДР, Польши и других, международной социалистической экономической интеграции и сотрудничества во всех их видах и формах. В ряде публикаций журнал раскрывает сотрудничество народов и руководящую роль коммунистов в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны.

Публикации по вопросам истории Китая показывают, какую зловещую роль сыграл и продолжает играть маоизм в искажении пути общественно-экономического развития своей страны, и раскрывают антисоциалистическую сущность маоистской «культурной революции» в КНР. Журнал разоблачает предательскую, провокационную роль нынешних пекинских лидеров в национально-освободительном движении.

Большое место занимают в журнале вопросы развития мирового революционного процесса и национально-освободительного движения. Проблемы новейшей истории стран Азии, Африки, Латинской Америки постоянно присутствуют в номерах. При этом характеризуются тенденции и перспективы дальнейшего исторического движения молодых освободившихся стран, исследуется вопрос о некапиталистическом пути их развития.

Анализ процессов, происходящих в капиталистическом мире, неустанная борьба с идеологией империализма всегда были важнейшим предметом журнальных материалов. На его страницах читатель находит публикации по вопросам современной истории главной державы капиталистического мира — США, о роли военно-промышленного комплекса и Пентагона в определении агрессивных акций американского империализма, о борьбе рабочего класса США за свои права, анализ внутренней и внешней политики этой страны на разных этапах ее истории. Журнал напечатал ряд материалов по истории капиталистических стран Европы

¹⁰ «Вопросы истории», 1973, № 5, стр. 12.

в новейшее время, в том числе о современном развитии Франции, истории португальского фашизма, западноберлинского вопроса, аграрной интеграции и положении крестьянства в странах «Общего рынка», отношениях «Общего рынка» с Великобританией и др.

За последние годы появился ряд острых, наступательных материалов, разоблачающих сионизм как опаснейшую разновидность империалистической идеологии. История и практика сионистов нашли развенчание на страницах журнала.

Журнал стремится расширить географию подвергающихся историческому изучению процессов общественного развития, стремится обращаться к актуальнейшим проблемам современности, чтобы выполнять свою задачу в этом важном деле и одновременно не упустить из поля зрения всемирно-исторический процесс в целом, постоянно публикуя статьи и другие материалы по важнейшим проблемам истории капиталистического, феодального, рабовладельческого и первобытного общества. Так, было уделено внимание сложнейшей проблеме возникновения классовых обществ и государств в период «военной демократии» и классовообразования, «дофеодальным отношениям» в странах Европы и Азии. Ряд статей был посвящен типологии феодальных отношений на разных континентах и их сравнительно-историческому анализу, методологическому значению изучения раннего средневековья, особенностям феодализма в Византии и других странах, феодальной земельной собственности, в том числе в средневековой России. Журнал, как и прежде, представлял свои страницы для публикации новейших исследований по истории древней Руси, обобщал их в историографическом плане, анализировал и ранее известные и новые источники, этническое и государственное развитие древней Руси, раскрывал аспекты социально-политического и культурно-идеологического развития на этом раннем, но очень важном этапе становления русской государственности.

Другая важная тема истории феодальной эпохи, постоянно освещаемая журналом, — классовая борьба народных масс, крестьянские войны, итоги, задачи и проблемы их изучения, вопрос о крестьянской революционности и идеологии крестьянства, о связи крестьянских движений с генезисом капитализма. Эти вопросы требуют постоянного внимания и дальнейшей разработки, тем более что маоистская пропаганда грубо извращает марксистское понимание роли крестьянства и его классовой борьбы при переходе от одной общественно-экономической формации к другой, пытается распространить (особенно в молодых развивающихся государствах) версию о «самостоятельной» революционной роли крестьянства, о «необязательности» его союза с рабочим классом и пролетарского руководства в революционно-освободительном движении.

На страницах журнала появились также статьи по вопросам социально-экономической истории развитого и позднего средневековья, происхождения крепостного права в России, об особенностях феодального строя в Сибири, эволюции общины, земских соборах, возникновении и характеристике абсолютизма, отношении народных масс к религиозным движениям XVII в., по дискуссионным проблемам так называемого первоначального накопления в России.

История нашей страны всесторонне освещается за последние годы и в серийных публикациях научно-популярного характера: «Героические страницы боевого прошлого народов нашей страны», «Очерки истории отечественной культуры», «Исторические очерки», «Факты, события, люди», «У исторической карты народов мира» и др. Журнал несет достижения исторической науки в самые широкие круги читательской общественности.

В области зарубежной истории древности и средневековья внимание читателей привлекли, в частности, материалы об истоках древней куль-

туры Китая, о конфуцианстве, о становлении императорской системы в Китае. Эти материалы внесли свой вклад в борьбу с маоистской фальсификацией истории Китая и помогли глубже понять некоторые исторические корни маоизма. Был дан также отпор попыткам возвеличивания Чингисхана. Журналом были раскритикованы тенденции к идеализации монгольских нашествий, проникшие, к сожалению, в отдельные работы советских авторов. Были напечатаны статьи, анализировавшие государственный строй Золотой Орды и его эволюцию.

Журнал освещал развитие зарубежных концепций по вопросам феодальной формации в Западной Европе, опубликовал исследования по истории сословных предствительств, социальной роли религиозной пропаганды в древности и средние века, по сравнительно-исторической характеристике буржуазных революций на Западе.

В истории нашей страны периода XVIII — начала XX в. журнал старался избирать наиболее важные и принципиальные проблемы: оценка вхождения нерусских народов и территорий в состав России (Молдавия, Средняя Азия, Северный Кавказ и др.), подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г. и в этой связи анализ дореформенных и пореформенных аграрных отношений, характеристика общественно-экономических отношений и проблема многоукладности в период промышленного капитализма и империализма (как известно, в последнем вопросе были допущены некоторыми советскими историками ошибки принципиального характера, и журнал публиковал соответствующие материалы, способствовавшие преодолению этих ошибок). В «Вопросах истории» напечатаны важные в научном и политическом отношении материалы об истории освоения Сибири и о внешней политике России на Дальнем Востоке. Журнал откликнулся специальными публикациями на 250-летний юбилей АН СССР.

Видное место принадлежит статьям и другим публикациям, посвященным событиям буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. как народной революции нового типа, а также различным событиям и деятелям пролетарского этапа революционного движения в России. Журнал посвятил ряд материалов событиям Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. и ее освещению в советской историографии.

Журнал за последние годы стал многоплановым. В нем развит информационный отдел, а также научно-популярный, представленный серийными очерками и разнообразными рубриками. Став после упразднения журнала «Исторические науки. Научные доклады высшей школы» органом не только Отделения истории АН СССР, но и Министерства высшего и среднего специального образования СССР, «Вопросы истории» уделяют все большее внимание вопросам преподавания исторических дисциплин в высшей школе, и соответствующие материалы постоянно появляются на его страницах (информация о работе историков в вузах, рецензии на учебники и учебные пособия, анализ состояния преподавания историографии, постановка вопросов содержания специальных исторических дисциплин).

Хотелось бы постоянно видеть на страницах «Вопросов истории», как это вытекает из традиций журнала, определившихся с самых первых его номеров, разработку наиболее крупных по значению, проблемных по своему характеру, самых важных вопросов истории в исследовательских статьях, теоретических обобщениях, дискуссионных обсуждениях. Вопросы методологии, разработка общих концепций важнейших процессов отечественной и всемирной истории, основательная и всесторонняя критика буржуазных и ревизионистских методологических, идеологических и концептуальных построений в области истории — всем этим журнал занимается. Но нам думается, что эти проблемы должны занять в нем

еще большее место. Тогда организующая роль журнала в развитии советской исторической науки возрастет и полнее будет отвечать усложнившимся задачам дальнейшего ее подъема.

Одна из самых интересных сторон деятельности журнала — привлечение все новых авторов на его страницы. Могло бы стать предметом особого исследования, как изменялся и расширялся состав авторов за полвека, как росла «периферия» науки и журнала, как лучшие силы молодых поколений историков входили в «большую науку» через всесоюзный журнал. Невозможно назвать здесь имена всех авторов за полвека, каким бы принципом отбора ни руководствоваться. Но значение проблемы «журнал и авторы» для оценки его деятельности совершенно очевидно, как очевидна и работа журнала в этом направлении. Прибавим к этому стремление выдерживать творческий, конструктивный тон публикуемых материалов, что имеет немалое воспитательное значение не только для начинающих историков.

Значительна роль «Вопросов истории» в публикации новейших результатов исторических исследований — от изучения новгородских берестяных грамот до обобщающих трудов о Великой Октябрьской социалистической революции, по истории народов СССР с древнейших времен до наших дней. Крупнейшие советские ученые впервые выносили основные выводы своих исследований на страницы «Вопросов истории». Эту традицию стремятся поддерживать историки всех поколений и редколлегия журнала. Ведь самые новые и самые крупные по значению научные открытия должны находить выход к читателю именно через журналы.

В современном мире, где идет острейшая идеологическая борьба, исторической науке принадлежит важнейшая роль в духовной жизни общества. История сегодня не только «учительница жизни»: она воин, вооруженный богатейшим и разнообразнейшим оружием теоретического и конкретного знания — процессов общественного развития. «Вопросы истории» — один из арсеналов этого оружия, причем таких, куда поступает оружие исторического познания. Полезно было бы издать указатель материалов, опубликованных за полвека в «Историке-марксисте», «Историческом журнале» и «Вопросах истории». Это помогло бы полнее использовать публикации журнала в научной и педагогической работе, а также для исследований в области истории исторической науки.

«Вопросы истории» прошли большой, не всегда легкий и гладкий путь. Журнал этот шел и идет ныне в самой толще советских историков, стремясь играть роль коллективного организатора и пропагандиста достижений советской, марксистско-ленинской исторической науки, пропагандиста идей коммунизма, проводника политики Коммунистической партии Советского Союза в науке.

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р. В. Ахундов

С построением в СССР развитого социалистического общества неизмеримо возрастает социальная роль духовной культуры. Дальнейшее повышение этой роли, успешное решение все более масштабных задач коммунистического воспитания трудящихся во многом зависят от всестороннего развития материально-технической базы культуры, которая представляет собой совокупность материальных условий и технических средств организации культурной жизни — производства, распространения и потребления духовных ценностей.

Развитие советского общества происходит в условиях бурной научно-технической революции, одной из важнейших особенностей которой является ее всеохватывающий характер. Выдвинутое XXIV съездом КПСС положение о соединении ее достижений с преимуществами социализма распространяется на сферу материального и духовного производства. Это находит свое выражение и в дальнейшем расширении и совершенствовании материально-технической базы культуры. Новые качественные изменения, которые вносит научно-техническая революция в материально-техническую базу культуры, заключаются в усилении технических элементов в системе производства и распространения духовных ценностей, появлении все новых ее отраслей. Возникла новая техническая оснащённость культуры. Быстрыми темпами ликвидируется пространственная и географическая замкнутость и изоляция, что расширяет сферу и динамику культурного общения, обеспечивает широкие возможности для приобщения миллионов людей к сокровищам духовной культуры.

Всезрастающее значение духовной культуры в жизни советского общества определяет и большой интерес исторической науки к проблемам культурного строительства. Наша литература в последние годы обогатилась значительными исследованиями по истории советской культуры. Появились работы, в которых вместе с обобщением опыта КПСС в деле культурных преобразований в стране, успехов культурного строительства, взаимосвязи научно-технического прогресса и культуры дается и характеристика современного этапа развития системы народного образования, науки, культурно-просветительных учреждений и средств массовой информации¹. В ряде работ нашли отражение отдельные ас-

¹ «СССР на пути строительства коммунизма (1959—1970 гг.)». М., 1971; «КПСС во главе культурной революции в СССР». М. 1972; «Партия и социалистическая культура. XXIV съезд КПСС и проблемы духовной культуры социализма». М. 1972; «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества». Свердловск. 1974, и др.

пекты развития материально-технической базы культуры². Более детально этот вопрос исследован в работах, раскрывающих деятельность государственных и общественных организаций по развитию культуры в СССР³. Заслуживают внимания предпринятые в последние годы попытки дать систематизированное изложение методологических основ научного управления культурным строительством и экономического обоснования его планирования⁴, а также работы, в которых рассматривается влияние научно-технической революции на культуру⁵. Однако вопрос об укреплении и развитии материально-технической базы культуры на современном этапе нуждается в дальнейшем изучении. В данной статье предпринята попытка рассмотреть развитие таких важных составных частей материально-технической базы культуры, как полиграфическая и бумажная промышленность, культурно-просветительные учреждения, телевидение, радио и кинопроизводство за годы восьмой и девятой пятилеток.

К середине 60-х годов размах коммунистического строительства, быстрые темпы общественного, научно-технического и культурного прогресса в СССР определили успехи в укреплении материально-технической базы культуры. Значительные изменения произошли в полиграфической и бумажной промышленности. Быстрыми темпами развивалось телевидение и радио. Мощной самостоятельной отраслью культуры с развитой материально-технической базой стала кинематография. Однако, как бы ни были значительны эти успехи, грандиозные задачи и размах культурного строительства в условиях развитого социалистического общества требовали дальнейшего укрепления и развития материально-технической базы культуры, усовершенствования материальных и технических средств ее производства и распространения, в частности преодоления отставания в темпах развития полиграфии и полиграфического машиностроения. Требовала своего решения и проблема увеличения производства бумаги, улучшения ее качества. Не вся территория страны была охвачена теле- и радиовещанием. Неудовлетворительными были темпы строительства и ввода в эксплуатацию культурно-просветительных учреждений, особенно в сельской местности. Значительное количество небольших населенных пунктов не имело стационарных учреждений культуры.

С учетом возросших экономических возможностей страны XXIII и XXIV съездами КПСС была разработана программа дальнейшего развития культуры. Директивами XXIII съезда предусматривалось: «Ос-

---

² Т. Кудрина. В. И. Ленин и некоторые вопросы культурного преобразования деревни на современном этапе (1959—1969). «В. И. Ленин и некоторые проблемы истории советского общества». М. 1970; А. И. Обидовский. Учение В. И. Ленина о культурной революции и борьба Коммунистической партии за его осуществление. «Экономика. Труд. Культурное строительство». Вып. 1. Владимир. 1971; Н. М. Чернов. Развитие культуры в СССР. М. 1971; М. П. Недо. Некоторые проблемы преодоления культурно-бытовых различий между городом и деревней в свете решений XXIV съезда КПСС. «Из истории советской культуры». М. 1972; Г. В. Ангелов, К. К. Зубрик, Т. А. Овчаренко. Деятельность КПСС по руководству народным образованием и культурой. Одесса. 1972, и др.

³ В. А. Сиснев. Культура и общественность. М. 1971; П. А. Малафеев. Россия: Советы и культура. М. 1974, и др.

⁴ И. Пуанов. Экономика культуры. «Культурно-просветительная работа», 1970, № 1; «Экономика культуры». М. 1972; И. М. Болотников. Методологические основы научного управления культурным строительством. Л. 1974; Л. В. Черкашин. Планирование культурного строительства. М. 1975, и др.

⁵ М. П. Ким. Культурная революция в СССР и научно-технический прогресс. «Вестник» АН СССР, 1971, № 9; В. Н. Орлов. Культура и научно-технический прогресс. Л. 1974; «Социология культуры». Вып. 1. М. 1974; «Партия и современная научно-техническая революция в СССР». М. 1974; Л. Н. Коган. Научно-техническая революция и духовная культура. «Научно-техническая революция и проблемы развития общества». Свердловск. 1974; В. Г. Афанасьев. Социальная информация и управление обществом. М. 1975, и др.

воить производство новых видов целлюлозы, бумаги...»; «Обеспечить дальнейшее развитие издательского дела и полиграфического промышленности. Увеличить тираж книг... Улучшить качество полиграфического исполнения книг и других изданий... Организовать скоростную передачу текста центральных газет фототелеграфным методом в наиболее крупные города страны для печатания и доставки их населению в этих городах в день выхода газет в Москве». Намечалось широкое развитие сети учреждений культуры и искусства, увеличение количества массовых библиотек и клубов, укрепление их материально-технической базы, особенно в сельской местности. Предусматривался рост сети радиовещательных и телевизионных станций, использование искусственных спутников Земли для передачи программ телевидения, осуществление мер по развитию цветного телевидения⁶.

Обширная программа дальнейшего развития и укрепления материально-технической базы культуры с учетом современных достижений научно-технической революции была намечена решениями XXIV съезда КПСС⁷. Значительно возросли расходы на социально-культурные мероприятия из государственного бюджета и других источников. Если в 1965 г. они составили 38,4 млрд. руб., то в 1974 г. уже равнялись 74,6 млрд. руб., что в 17 раз превышало расходы на эти цели в 1940 году⁸.

Важную роль в решении задач коммунистического строительства в нашей стране играет советская печать. По мере непрерывного подъема экономики, науки и культуры страны расширялся выпуск печатной продукции, увеличивались количество и тиражи книг, газет, журналов, что связано с огромным культурным ростом трудящихся страны, с приобретением миллионов людей к неисчерпаемым источникам знаний. В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС вопросы печати получили следующую характеристику: «За последние годы выросли тиражи советской печати, увеличилось количество новых изданий. Создано свыше 400 новых газет, 113 журналов. По данным подписки, в среднем на семью у нас теперь приходится более четырех периодических изданий. Это — высокий показатель. Вместе с тем известно, что удовлетворение спроса на целый ряд изданий отстает от быстрорастущих потребностей. Тут надо подумать, в частности, об увеличении производства бумаги. Вряд ли нужно доказывать, что это не только хозяйственный вопрос. Необходимо также ускорить обновление материально-технической базы газет, журналов, радио и телевидения»⁹.

Материальной базой возрастающего количества печатной продукции является бумажная промышленность. Эта отрасль превратилась по своему техническому оснащению в современную индустрию с высоким уровнем концентрации и комбинирования производства. На ее развитие были направлены крупные капиталовложения, что позволило создать, а частично закупить необходимое технически совершенное комплексное оборудование, построить новые и реконструировать многие действующие промышленные предприятия. За 1966—1974 гг. вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций в целлюлозно-бумажную промышленность составили свыше 3,6 млрд. рублей¹⁰. Было произведено технологического оборудования на сумму около 780 млн. рублей.

⁶ «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II. М. 1966, стр. 340, 351—352, 360—361.

⁷ См. «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II. М. 1971, стр. 281—282, 289.

⁸ Подсчитано по: «СССР в цифрах в 1974 году». Краткий статистический сборник. М. 1975, стр. 47, 71.

⁹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 78.

¹⁰ Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1970 г.». Статистический ежегодник. М. 1971, стр. 484; «Народное хозяйство СССР в 1974 г.». Статистический ежегодник. М. 1975, стр. 526.

В результате производство бумаги в стране к 1975 г. возросло до 5 млн. т по сравнению с 3,2 млн. т в 1965 г., в том числе производство газетной бумаги увеличилось с 744 тыс. т до 1,3 млн. т, типографской — с 273 тыс. т до 376 тыс. т, офсетной — с 95 тыс. т до 179 тыс. т и т. д.¹¹. Стали производиться совершенно новые виды бумаги — такие, как электротермическая, предназначенная для записи и передачи изображения на сверхдальние расстояния, электрохимическая — для воспроизведения текста изображений открытым методом на фототелеграфных аппаратах и др. Изменилось географическое размещение бумажной промышленности. В целях комплексного использования древесины в районах ее заготовки в Сибири и на Дальнем Востоке были введены в действие первые очереди Братского лесопромышленного комплекса, Байкальского целлюлозного завода, Амурского целлюлозно-картонного комбината, расширен Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат.

Ввод в эксплуатацию и освоение проектных показателей новых мощностей были решающим фактором в деле выполнения задач по росту объемов производства бумажной продукции. В течение 1966—1974 гг. за счет расширения и реконструкции действующих и строительства новых предприятий были введены в действие производственные мощности по производству 946 тыс. т бумаги¹². Были реконструированы и расширены такие ведущие комбинаты, как Кондопожский, Балахнинский, Соликамский, и ряд других. Начался процесс автоматизации производства. Так, на Котласском комбинате впервые в отечественной практике начала действовать в годы восьмой пятилетки система управления процессом производства бумаги с помощью вычислительного центра, оснащенного современной электронной техникой.

В осуществлении решений партии по ускорению научно-технического прогресса в целлюлозно-бумажной промышленности была создана широкая сеть научных учреждений и лабораторий, оснащенных современным оборудованием и приборами. Наряду со Всесоюзным научно-исследовательским институтом бумаги и его филиалами в Перми, Волжске, Астрахани, Архангельске и других городах имеется свыше 70 научно-исследовательских лабораторий непосредственно на предприятиях. В начале 1972 г. в целях усиления взаимосвязи науки, техники и производства, ускорения научно-технического прогресса в Ленинграде было создано первое в стране Всесоюзное научно-производственное объединение целлюлозно-бумажной промышленности¹³. С их помощью только в 1971—1973 гг. на предприятиях было внедрено 317 научно-исследовательских работ, изготовлено около 60 новых видов приборов и установок¹⁴.

Непрерывно происходило укрепление и развитие отечественной полиграфической промышленности. От состояния этой важной отрасли зависело количество и качество печатной продукции — книг, журналов, газет и т. д.

За период 1966—1974 гг. значительно увеличилась мощность отечественной полиграфии: новые типографии, фабрики книги, дома печати появились почти в каждой республике. Приступили к выпуску печатной продукции крупнейший в стране Чеховский полиграфический комбинат периодических изданий¹⁵, первая очередь Можайского полиграфического комбината, рассчитанного на выпуск 67 млн. экземпляров книг и брошюр на иностранных языках, и другие¹⁶.

¹¹ Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1967 г.». Статистический ежегодник. М. 1968, стр. 261; «Народное хозяйство СССР в 1969 г.». Статистический ежегодник. М. 1970, стр. 222; «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 243, 260.

¹² «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 516.

¹³ «Бумажная промышленность», 1973, № 11, стр. 1.

¹⁴ «Бумажная промышленность», 1975, № 1, стр. 1.

¹⁵ «Советская культура», 4.IV.1975.

¹⁶ «Советская культура», 23.I.1976.

Быстрыми темпами с учетом достижений науки и техники осуществлялось оснащение новой техникой полиграфических предприятий. В течение 1966—1974 г. для них было произведено технологического оборудования на 450 млн. руб., изготовлено 14 тыс. наборных машин и свыше 21 тыс. печатных¹⁷. На полиграфических предприятиях появились электронно-гравировальные, цветоделительные и цветокорректирующие автоматы, фотонаборные автоматы, широкое распространение получили листовые ротационные машины высокой печати, многокрасочные офсетные машины, брошюровочные и переплетные линии, агрегаты и др. В течение 1966—1974 г. было комплексно механизировано 53 предприятия, в том числе 1-я Образцовая типография имени А. А. Жданова, Минский, Фрунзенский полиграфические комбинаты, Киевская и Харьковская книжные фабрики, ленинградские предприятия — «Печатный двор», «Комбинат цветной печати», Торжокский завод полиграфических красок, Подольская типография и др.¹⁸. Только в промышленности Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздата СССР) за годы восьмой пятилетки осуществлена комплексная механизация 300 цехов и участков, введено в строй 100 поточно-механизированных линий. Между тем за 1961—1965 г. было комплексно механизировано всего два предприятия¹⁹.

Большая работа была проделана научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями, заводами полиграфического машиностроения по подготовке технической документации на освоение новой техники, изготовлению опытных образцов и их испытанию, серийному внедрению различного полиграфического оборудования, модернизации и улучшению качества изготовления, повышению надежности и долговечности оборудования, а также снятия с производства устаревших моделей. За 1966—1974 г. было создано 133 образца новых типов машин, оборудования, аппаратов и приборов²⁰. В исследованиях по различным проблемам развития полиграфии как отрасли участвуют 23 министерства, ведомства и около 70 подчиненных им предприятий²¹. Повсюду нашла применение офсетная печать, что заметно повысило качество полиграфического исполнения печатной продукции. За последние годы удельный вес офсетной печати в общем производстве печатной продукции значительно возрос. За 1966—1970 г. на полиграфических предприятиях страны было установлено свыше 350 офсетных машин и агрегатов²².

Важным моментом в развитии газетного дела является своевременная доставка их читателю. В связи с этим на первый план выдвигалась задача изыскания способа высокоскоростной передачи газетных полос по каналам связи. На основе достижений технического прогресса, с помощью созданного комплекта оборудования «Газета» стала возможной передача изображений газетной полосы на расстояние свыше 1200 км за 2 минуты. Если в 1965 г. в стране действовал всего один пункт фото-телеграфного приема (в Ленинграде) по приему газеты «Правда», то в 1975 г. уже 9 центральных газет передавалось более чем в 20 городов, в том числе в такие отдаленные от Москвы, как Хабаровск, Иркутск и Алма-Ата, и каждый день с фотокопий полос печаталось более 24 млн. экземпляров газет. Только в 1973 г. в пунктах децентрализованного пе-

¹⁷ Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 267; «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 229; «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 246.

¹⁸ Подсчитано по: «Полиграфия», 1971, № 7, стр. 2; 1975, № 8, стр. 3.

¹⁹ «Полиграфия», 1971, № 1, стр. 4.

²⁰ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 150.

²¹ «Полиграфия», 1973, № 8, стр. 1.

²² «Полиграфия», 1972, № 1, стр. 3.

чтения было принято 222 тыс. газетных полос и напечатано 8 млрд. экземпляров центральных газет²³.

Сегодня, как и вчера, самым фундаментальным источником информации, оказывающим наиболее серьезное влияние на культурный уровень людей, является книга. В течение восьмой и девятой пятилеток в целях главным образом увеличения выпуска книг происходило дальнейшее совершенствование организации управления полиграфической промышленностью путем укрупнения предприятий, создания производственных объединений. Эта работа имела серьезное значение в силу того, что в 1965 г. только центральные издательства находились в подчинении 48 министерств и комитетов²⁴. Ведомственная разобщенность мешала координации выпуска печатной продукции. В 1974 г. 236 издательств и около 4 тыс. полиграфических предприятий, сосредоточенных в основном в системе Госкомиздата СССР, занимались выпуском книжной продукции²⁵. В 1974 г. было выпущено около 87 тыс. книг и брошюр (печатных единиц), что на 10,7 тыс. больше, чем в 1965 г., а годовой тираж их увеличился более чем на 450 млн. и составил 1,7 млрд. экземпляров, что почти в четыре раза превышает тираж книг, выпущенных в 1940 году²⁶.

К числу оперативных источников информации относятся периодические издания. В 1974 г. в СССР выходило 1292 журнала по сравнению с 1044 в 1965 г., а годовой тираж их увеличился более чем на 1,1 млрд. и составил свыше 2,2 млрд. экземпляров. Увеличились число и тираж газет — самого распространенного и оперативного вида печатной продукции. В 1974 г. в СССР издавалось 8172 газеты (с колхозными и низовыми) против 7687 в 1965 году. Годовой тираж их увеличился на 14 млрд. экз. и составил 37 млрд. экземпляров²⁷.

В силу органической связи таких близких отраслей промышленности, как бумажная и полиграфическая, положение дел в каждой из них существенным образом влияет на выпуск печатной продукции в стране. Однако, несмотря на достигнутые успехи, бумажная индустрия развивается недостаточными темпами. Из-за несвоевременного укомплектования строящихся объектов оборудованием, металлоконструкциями, недостаточной мощности некоторых строительных управлений и трестов отдельные предприятия сооружаются медленно. Это приводит к тому, что все еще из-за нехватки бумаги лимитируются тиражи отдельных журналов, политической, художественной и технической литературы. Требуют дальнейшего улучшения качество бумаги, разработка и внедрение в производство новых ее видов. Для решения этих задач ведутся работы в области создания новых видов оборудования, а также по техническому перевооружению действующих предприятий, имеющих устаревшее оборудование. Особое внимание уделяется созданию условий для работы электронно-вычислительной техники на всех потоках управления бумажным производством.

Ускорение технического прогресса в полиграфической промышленности — задача первостепенной важности. Большое значение в этом отношении имеет постановление Совета Министров СССР «О мерах по развитию производства электронного оборудования и внедрения его в полиграфическую промышленность»²⁸.

Одной из главных задач дальнейшего развития в СССР газетного

²³ М. Н. Яблоков. Газета и расстояние. М. 1971, стр. 21; «Неделя», 19—25. V. 1975, № 21, стр. 2; «Радио», 1975, № 9, стр. 12.

²⁴ ЦА ВЦСПС, ф. 441, оп. 1, д. 2481, л. 28.

²⁵ «Вестник статистики», 1974, № 5, стр. 3.

²⁶ Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 719.

²⁷ Подсчитано по: «Печать СССР в 1974 году». Статистический сборник. М. 1975, стр. 62; «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 719.

²⁸ «Известия», 4.VI.1975.

производства является осуществление в самых широких масштабах техники децентрализованного печатания центральных и местных (республиканских) газет. Сегодня практически решена задача передачи газетных полос через искусственные спутники связи, в перспективе — передача многокрасочных газет и журналов. Ведутся исследования по применению в полиграфии таких научно-технических достижений, как лазерная и телевизионная техника в изготовлении фотографических и печатных форм, автоматических читающих устройств, и других.

Но мало произвести печатную продукцию, необходимо сделать ее достоянием широких читательских масс. Лозунг первых лет Советской власти «Книгу — в массы» полностью претворен в жизнь. Это стало возможным благодаря четкой системе распределения и распространения печатной продукции. Решающая роль в этом принадлежала разветвленной библиотечной системе страны. В. И. Ленин, как известно, придавал большое значение развитию в стране библиотечного дела. «Подъем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, — писал он в 1921 г., — стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «народное» в настоящем смысле слова»²⁹. Одним из главных путей, обеспечивающих культурные запросы трудящихся, он считал создание действительно единой библиотечной сети в стране. В СССР создана широкая сеть библиотек всех типов: массовых, детских, учебных, научных, технических и различного рода специальных, общее число которых в 1974 г. составило 360 тыс. с книжным фондом 3,3 млрд. экз., что на 1 млрд. больше, чем в 1965 году³⁰. Библиотечным обслуживанием охвачено более 180 млн. читателей, практически предприятия и организации всех отраслей народного хозяйства, каждый населенный пункт, каждая семья. Быстрыми темпами росло количество массовых библиотек. По сравнению с 1965 г. их число увеличилось на 3,6 тыс. и составило к 1975 г. свыше 130 тысяч. Книжный фонд их возрос за соответствующий период на 450 млн. и составил 1,5 млрд. экземпляров³¹. Одновременно шел процесс укрупнения мелких библиотек, а также реорганизации их в филиалы или передвижные пункты близлежащих больших библиотек, что позволило объединить их усилия и материальные ресурсы.

В годы восьмой пятилетки осуществлялось большое строительство новых и реконструкция помещений старых библиотек. Было построено более 22 тыс. новых библиотечных зданий³², в том числе такие крупнейшие сооружения, как библиотека имени Я. Коласа в Минске на 2,5 млн. томов, Государственная библиотека имени К. Маркса в Ашхабаде на 3 млн. томов, Государственная публичная библиотека Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске на 7 млн. томов³³, и многие другие. Новые библиотеки имеют просторные читальные залы, оснащены различными механизмами (копировально-множительная техника, электроштемпелевальные аппараты и комбинированные полуавтоматические нумераторы и многие другие), позволяющими в несколько раз увеличить обработку литературы, получить информацию о книге, облегчить ручной труд. Важным этапом в подъеме на новую, соответствующую современным условиям ступень библиотечного дела в стране явилось постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе»³⁴.

Серьезная роль в деле культурного развития широких слоев насе-

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 328.

³⁰ «Народное хозяйство СССР в 1965 г.». Статистический ежегодник. М. 1966, стр. 717; «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 705.

³¹ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 705.

³² «Агитатор», 1972, № 2, стр. 46; «Советская культура», 13 I.1976.

³³ «Правда», 30.VII.1967; 11.V.1975; 30.I.1976; «Советская культура», 28.XI.1975.

³⁴ «Правда», 26.V.1974.

ления принадлежит клубам, домам и дворцам культуры. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин говорил, что клубные учреждения станут одной из важнейших позиций для просвещения трудящихся³⁵. Годы восьмой и девятой пятилеток были отмечены высокими темпами строительства культурно-просветительных учреждений, особенно на селе. На смену старым, уже не отвечающим современным требованиям строились новые здания клубов и домов культуры, отличающиеся большей практичностью и сравнительно экономичные. Характерно то, что 80% клубныхстроек осуществлялось по типовым проектам, причем малогабаритные клубы уже в основном не строились. Были разработаны типовые проекты клубов со зрительными залами на 400 и 600 мест, дома культуры с залом на 1200 мест и другие. За 1967—1974 гг. было возведено свыше 26 тыс. клубных зданий на 6,5 млн. мест³⁶. В 1975 г. в стране действовала широко разветвленная сеть клубных учреждений общим числом свыше 134 тысяч. Особенно значительные изменения произошли в деле укрепления материальной базы культуры на селе. Число клубных учреждений в сельской местности к 1975 г. по сравнению с 1965 г. увеличилось более чем на 3,5 тыс. и составило около 115 тысяч³⁷. С целью регулярного культурного обслуживания сел, не имеющих стационарных клубов, был значительно расширен парк автоклубов. Только по РСФСР в годы восьмой пятилетки количество автоклубов увеличилось с 582 до 2865, а в Казахстане к 1974 г. функционировало 1415 автоклубов (218 в 1959 году)³⁸.

Однако существующая сеть учреждений культуры все еще неравномерно распределена. Часто культурно-просветительные учреждения в сельской местности создавались при отсутствии научно обоснованных требований и норм развития, что нередко приводило к тому, что вместо строительства учреждений культуры в первую очередь в крупных, перспективных населенных пунктах они сооружались в мелких поселках, по устаревшим проектам, с крайне ограниченным набором помещений. Иногда в одном и том же населенном пункте чуть ли не рядом появлялись два клуба, а в нескольких километрах, в другом пункте, вообще не было клуба. Такое положение во многом объясняется ведомственной разобщенностью учреждений культуры. Дальнейшего улучшения требует развитие передовых форм культурного обслуживания небольших населенных пунктов. По данным ЦСУ СССР, в 1974 г. в стране насчитывались десятки тысяч пунктов (в основном с количеством жителей от 50 до 70 человек), которые не имели никаких учреждений культуры³⁹. Ныне требуется новый, научный подход к размещению культурно-просветительных учреждений, в соответствии с основными тенденциями развития производительных сил, концентрацией населения и другими объективными процессами, особенно в сельской местности.

В условиях, когда претворяется в жизнь задача по преодолению существенных различий между городом и деревней, методика определения принципов территориального размещения учреждений культуры должна быть рассчитана не только на ближайшие годы, а на десятилетия. В этом плане заслуживают внимания разработка и утверждение Советом Министров Эстонской ССР перспективного плана развития материальной базы культуры с определением конкретных сроков по

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 271.

³⁶ «Правда», 21.V.1975.

³⁷ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 713.

³⁸ В. А. Ковшаров. Совершенствование системы клубного обслуживания села. «Труды» Научно-исследовательского института культуры. Т. 7. Актуальные вопросы клубной работы. М. 1971, стр. 12; А. Ережеев. Культурно-просветительные учреждения в современный период. «Культура и общественный прогресс», Алма-Ата. 1974, стр. 90—91.

³⁹ «Советская культура», 28.I.1975.

сооружению клубных учреждений⁴⁰, а также составление карты развития культуры Омской области в 1971—1975 годах⁴¹.

В годы восьмой и девятой пятилеток происходило дальнейшее развитие сети театрально-зрелищных учреждений. Было построено и реконструировано около 60 театральных зданий⁴². Новые театры получили жители Мурманска, Новокузнецка, Белгорода. В новые, современно оборудованные здания переехали театры юного зрителя в Кирове и Омске, драматические театры в Саратове, Ульяновске, Махачкале, Орджоникидзе⁴³. Среди введенных в строй в эти годы — новые здания театра кукол и МХАТ в Москве, здания театров в Вильнюсе, Тбилиси, Самарканде и других городах. В 1975 г. общее количество театров по стране составило 564 по сравнению с 501 в 1965 г., а их общая вместимость превысила 330 тыс. человек⁴⁴. Распахнули двери новые цирки в Москве, Баку, Ташкенте, Брянске и других городах. За 1966—1974 гг. было построено 38 зданий цирков⁴⁵. Вошли в строй киноконцертные залы в Киеве, Ленинграде, Алма-Ате, Тюмени, Омске.

Среди массовых очагов культуры важное место занимают музеи. В стране развернута широкая сеть историко-революционных, исторических, краеведческих, искусствоведческих, мемориальных, отраслевых и прочих музеев. За 1966—1974 гг. количество их увеличилось на 305 и достигло 1259⁴⁶. Введены в строй такие крупные объекты культуры, как мемориальные комплексы в Ульяновске и Волгограде.

В культурной жизни страны большое место занимает киноискусство. Как и предвидел В. И. Ленин, оно стало в СССР одним из могущественнейших средств просвещения масс⁴⁷. Кинематограф в отличие от других видов искусств представляет собой единство идейно-художественных и технических процессов. Современная материально-техническая база кинематографа как единый промышленный комплекс кинотехники, базирующийся на достижениях радиоэлектроники, электротехники, акустики, оптики и других областей знаний, дала возможность неизмеримо усилить эмоциональное и эстетическое воздействие киноискусства на людей.

Из года в год росло производство кинофильмов, выпускаемых на киностудиях страны. К 1975 г. выпуск полнометражных фильмов по сравнению с 1965 г. увеличился на 94 и достиг 261, а короткометражных — на 403 и достиг 1323 в год. Материально-техническая база кинематографии насчитывала в 1975 г. 40 киностудий, 7 кинокопировальных фабрик, 150 киноремонтных предприятий и 158 кинопрокатных организаций, научно-исследовательские и учебные институты, конструкторские бюро и заводы⁴⁸. Число киноустановок к 1975 г. по сравнению с 1965 г. увеличилось на 9,4 тыс. и достигло 155 тыс., в том числе увеличилось со 132 тыс. до 146 тыс. число стационарных киноустановок⁴⁹. За годы девятой пятилетки было переоснащено 75% всех киноустановок, что позволило резко улучшить качество демонстрации фильмов. Наряду с этим произошло уменьшение числа передвижных киноустановок, что объясня-

⁴⁰ «Советская культура», 21.I.1975.

⁴¹ «Социология культуры». Вып. I, стр. 46.

⁴² Н. М. Чернов. Указ. соч., стр. 6; «Советская культура», 28.I.1975; «Агитатор», 1974, № 8, стр. 44.

⁴³ «Правда», 14.III.1966; ЦА ВЦСПС, ф. 441, оп. 1, д. 3232, л. 26.

⁴⁴ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 716; «Советская культура», 28.I.1975.

⁴⁵ «Советская культура», 28.I.1975; Н. М. Чернов. Указ. соч., стр. 6.

⁴⁶ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 715.

⁴⁷ Вл. Бонч-Бруевич. Ленин и кино. «Ленин о культуре и искусстве». М. 1938, стр. 143.

⁴⁸ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 719; «Советская культура», I.IV.1975.

⁴⁹ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 717.

ется сокращением количества населенных пунктов, не имеющих стационарных киноустановок.

В области кинофикации и кинопроката серьезной задачей являлось улучшение качества кинообслуживания. За 1966—1974 гг. было введено в эксплуатацию свыше 2800 оборудованных на современном техническом уровне кинотеатров, более чем на 1200 тыс. мест⁵⁰. Естественно, такое массовое строительство можно было осуществлять только по типовым проектам. Если в 1968 г. в стране действовало 27 типовых проектов кинотеатров, в настоящее время работа ведется по 76 типовым проектам, среди которых кинотеатры для Крайнего Севера, средней полосы и Юга⁵¹. Необходимость увеличения числа типовых проектов объяснялась наличием большого числа климатических зон, имеющих на территории страны, а также значительной разницей в степени концентрации населения в городах и особенно в сельской местности.

Одним из важных направлений развития материально-технической базы фильмопроизводства за исследуемый период явилось непрерывное укрепление производственной базы как центральных, так и республиканских киностудий за счет строительства новых студийных комплексов и отдельных производственных объектов, реконструкции действующих цехов. За 1966—1974 гг. завершены строительством и введены в эксплуатацию новые киностудии в Грузии, Азербайджане, Литве, Таджикистане, новые киносъемочные павильоны в Казахстане и Туркмении, Киевская студия научно-популярных фильмов, Восточно-Сибирская студия кинохроники, новые цеха на «Ленфильме», «Центрнаучфильме», создана производственная база студии «Фильмэкспорт» и многие другие⁵². Киностудии страны получили значительное количество кинотехнологического и общепромышленного оборудования. Это не только повысило техническую оснащенность киностудий, но и позволило внедрить в производство кинофильмов ряд новых технологических процессов. Только за последние три года девятой пятилетки специализированными конструкторскими бюро разработано и модернизировано для кинематографии около 100 различных изделий⁵³. Новая техника, существенно изменившая методы съемки, позволила заметно улучшить качество фильмов, сократить сроки их производства.

Большое значение для улучшения кинообслуживания населения имеют качество фильмокопий и своевременность их поставки прокатным конторам и кинотеатрам. Развитие производства новых видов кинематографа — широкоформатных и широкоэкранных фильмов — выдвинуло перед кинокопировальной промышленностью задачу освоения технологии не только их массовой печати, но и изготовления исходных материалов и фильмокопий. Для выполнения этих видов работ была введена в эксплуатацию кинокопировальная фабрика в Рязани, на Киевской и Новосибирской кинокопировальных фабриках были построены новые производственные корпуса. В результате проведенной работы удалось увеличить массовую печать фильмокопий, что позволило сократить сроки доведения кинофильмов до зрителей.

Но, несмотря на значительное развитие в стране сети кинотеатров, довольно большое число их построено по старым проектам, не отвечающим современным требованиям. Киностудии страны располагают значительным количеством и ассортиментом киносъемочной аппаратуры. Но насыщенность киностудий техническими средствами количественно еще не решает полностью задач технического прогресса фильмопроизводства. Несмотря на некоторое улучшение уровня кинотехники, мно-

⁵⁰ Подсчитано по: «Народное образование, наука и культура в СССР». Статистический сборник. М. 1971, стр. 390; «Советская культура», 1.IV.1975.

⁵¹ ЦА ВЦСПС, ф. 441, оп. 1, д. 3232, л. 9; «Советская культура», 25.VII.1975.

⁵² «Техника кино и телевидения», 1971, № 3, стр. 3.

⁵³ «Техника кино и телевидения», 1975, № 1, стр. 4.

гие виды киноаппаратуры не отвечают современным требованиям⁵⁴. Такое положение сложилось в силу длительных сроков опытно-конструктивных работ и освоения производства новых изделий, а также недостаточного научно-технического уровня разработок в этой области. Не отвечают потребностям киностудий и кинопроката качество и объем выпускаемой киноплёнки. На решение назревших вопросов направлено постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», предусматривающее обеспечение студий и киносети страны оборудованием и киноплёнкой, отвечающими современным требованиям⁵⁵.

Важное место в общественно-политической и культурной жизни страны занимают телевидение и радиовещание, являющиеся массовым и действенным средством информации и коммунистической пропаганды. Телевидение и радио оказывают глубокое влияние на формирование советского человека, его мировоззрения, этических норм и эстетических взглядов. По степени одновременного охвата своим влиянием телевидение и радио не имеют себе равных среди других средств массовой информации.

За последние годы заметно выросло значение телевидения и как серьезного фактора в организации культурного досуга советских людей, в сближении культурного уровня города и села, важного средства по дальнейшему взаимообогащению культуры наций и народностей нашей страны.

Значительным событием в развитии советского телевидения стало вступление в строй в Москве первой очереди крупнейшего в мире телевизионного центра в Останкине. Телевизионный технический центр — основное звено советской системы телевизионного вещания — обеспечил повышение качества общесоюзных программ телевидения, регулярную передачу цветных телевизионных программ, производство дублей первой программы Центрального телевидения для восточных районов страны — программ «Восток» и «Орбита». Расширилась сеть радиорелейных и кабельных линий связи. Продолжалось создание единой телевизионной сети страны. Если в 1965 г. телевизионная сеть на территории СССР насчитывала 120 программных и 533 ретрансляционные станции, то к 1975 г. действовало 130 программных телецентров и 1619 ретрансляционных станций⁵⁶.

В Советском Союзе введена в действие самая разветвленная в мире общегосударственная сеть спутниковой связи, успешно преодолевшей путь от экспериментов до практического применения, что открыло новую страницу в развитии радиовещания и телевидения, обеспечило передачу программ Центрального телевидения многим миллионам телезрителей Крайнего Севера, Дальнего Востока и Средней Азии, сделало их жизнь духовно богаче и интереснее. Если в 1965 г. в стране была одна наземная экспериментальная станция «Орбита», то в 1975 г. уже действовало 68 станций с охватом десятков миллионов телезрителей⁵⁷. Самая северная из них — в Тикси, самая восточная — на острове Кунашир (Южные Курилы). Благодаря космической связи стал принимать телевизионные программы Центрального телевидения один из самых северных городов мира — Норильск. Открылись телевизионные мосты Москва — космос — Байкал и Москва — космос — Забайкалье. Со окончанием монтажа оборудования телевизионной станции недалеко от Магадана вступил в строй телемост Москва — космос — Магадан и т. д.⁵⁸

⁵⁴ Там же, стр. 5.

⁵⁵ «Вопросы идеологической работы КПСС». Сборник документов (1965—1973 гг.). 2-е, доп. изд. М. 1973, стр. 548—553.

⁵⁶ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 507.

⁵⁷ «Техника кино и телевидения», 1971, № 2, стр. 3; «Радио», 1976, № 3, стр. 2.

⁵⁸ «Правда», 13.VIII, 15.X.1967.

Обширная сеть наземной и космической телесвязи дала возможность резко увеличить аудиторию телезрителей в стране. Если в 1965 г. осуществлялся прием телепрограмм на территории с населением 115 млн. человек⁵⁹, то в 1975 г. — 185 млн. человек, что составило около 75% всего населения страны⁶⁰. Появилось качественно новое явление — цветное телевидение — большое достижение отечественной инженерно-технической мысли, плод труда тысяч людей. 1 октября 1967 г. советское телевидение начало регулярные цветные передачи. Вслед за Москвой начали осуществляться передачи цветного телевидения Ленинград, Киев, Ташкент, Тбилиси и Баку. К 1976 г. более чем в 120 городах страны мощные телевизионные передатчики транслировали цветную программу из Москвы и свыше 700 городов имели возможность принимать цветное телевидение⁶¹.

Советское телевидение благодаря мощной технической базе значительно расширило свои информационно-пропагандистские функции, войдя в 1971 г. в международную систему спутниковой связи «Интерспутник», созданную правительствами Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии.

Газета без бумаги и «без расстояний», как образно называл радио В. И. Ленин⁶², в настоящее время практически охватывает всю территорию страны и доступна всему населению. За годы восьмой и девятой пятилеток разрослась сеть технических средств радиовещания. В различных частях страны построены и расширены сети передатчиков всех вещательных диапазонов. По суммарной мощности радиовещательные станции СССР занимают первое место в Европе, располагая наиболее мощными радиостанциями в мире. Создана самая разветвленная в мире сеть проводного вещания. По сравнению с 1965 г. число трансляционных радиоточек к 1975 г. увеличилось более чем на 23 млн. и составило 59 млн.⁶³ с охватом 97% населения страны. Увеличилось число городов, обеспеченных высококачественным двухпрограммным вещанием. Им были охвачены сотни крупных и средних городов и окружающих их сельских районов — более 70% населения страны⁶⁴. Важнейшим направлением технического развития в области проводного вещания является перевод его в трехпрограммный режим работы. Практически трехпрограммное проводное вещание осуществляется в 500 крупных городах. В 15 городах страны ведется стереофоническое вещание⁶⁵.

Качественные изменения претерпела и отечественная радиопромышленность. Прежде всего это был переход к серийному производству сетевых приемников и радиол на транзисторах, максимальная унификация аппаратуры, разработка и увеличение выпуска радиол высшего и первого класса, обеспечивающих возможность приема стереофонического радиовещания и воспроизведения стереофонических записей. Если в 1965 г. производство радиоприемников и радиол составляло 5 с лишним млн. штук, то к 1975 г. оно возросло до 8,8 миллиона. Уменьшились вес и габариты телевизоров при одновременном увеличении размеров экрана. Промышленность страны приступила к выпуску ускоренными темпами телевизоров для приема цветного изображения. По сравнению с 1965 г. число выпускаемых телевизоров увеличилось на 3 млн. и составило в 1975 г. свыше 6,5 млн. штук⁶⁶. Неуклонно повышалась степень насыщения населения радио- и телеаппаратурой. Если в 1965 г. в пользовании

⁵⁹ «Техника кино и телевидения», 1966, № 6, стр. 3.

⁶⁰ Подсчитано по: «СССР в цифрах в 1974 году», стр. 7; «Радио», 1976, № 1, стр. 4.

⁶¹ «Советская культура», 24.X.1975; «Радио», 1976, № 3, стр. 2.

⁶² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 130.

⁶³ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 507.

⁶⁴ «Вестник связи», 1974, № 4, стр. 21.

⁶⁵ «Радио», 1976, № 1, стр. 6; «Советская культура», 24.X.1975.

⁶⁶ «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», стр. 186—187.

у населения находилось 38,2 млн. радиоприемников и радиол, 15,7 млн. телевизоров, то уже к 1975 г. эти цифры выросли соответственно до 57,1 млн. и 52,6 миллиона⁶⁷. Однако, несмотря на большие успехи в развитии телевидения в годы восьмой и девятой пятилеток, более 60 млн. советских людей еще не имеют возможности смотреть телепередачи⁶⁸.

Широкие перспективы дальнейшего развития материально-технической базы советской культуры намечены в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», принятых XXV съездом КПСС. Предусмотрено увеличить выпуск оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности, ускоренными темпами развивать производство и повышать качество бумаги для печати. Намечено увеличить выпуск фотонаборного полиграфического оборудования, прогрессивных машин для офсетной печати и автоматизированных линий для изготовления книг, предусматривается дальнейшее развитие издательского дела, увеличение выпуска и повышение качества издания книг, газет и журналов, широкое внедрение в полиграфической промышленности офсетного способа печати, фотонабора и автоматических поточных линий. Предусматривается ускорить доставку центральных газет населению, увеличив в два раза количество пунктов приема газетных полос, передаваемых фототелеграфным способом. Получат дальнейшее развитие радиовещание и телевидение, будет более широко внедрено цветное телевидение и стереофоническое радиовещание. Предусматривается широкое использование искусственных спутников Земли, в первую очередь для обеспечения телевизионным вещанием районов Западной и Восточной Сибири. Будет расширено производство цветных и переносных телевизоров, радиоприемников и радиол высшего класса, кинофотоаппаратуры и других товаров культурно-бытового назначения. Существенно укрепится материальная база учреждений культуры, особенно в сельской местности и в новых районах промышленного строительства, расширятся сеть массовых библиотек и клубов, сеть кинотеатров и материальная база кинематографии⁶⁹.

Таким образом, в результате научно-технического прогресса значительно возрастает роль материально-технической базы духовной культуры. Качественно новой ее стороной является то, что она все более становится на рельсы индустриального производства. Технический прогресс предоставил совершенно новые, подчас безграничные по своим возможностям технические средства как производства, так и распространения духовной культуры, являющиеся мощным фактором подъема культуры широких масс трудящихся. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека. Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы»⁷⁰. Сегодня, когда перед советским обществом стоит задача создания идеологических и культурных условий для дальнейшего прогресса развитого социалистического общества в СССР, прочная и широко разветвленная материально-техническая база культуры в значительной степени позволит ускорить ее решение.

⁶⁷ Там же, стр. 507.

⁶⁸ «Советская культура», 24.X.1975.

⁶⁹ См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 187, 192, 194, 195, 210—211, 221—222.

⁷⁰ Л. И. Брежнев в Ленинском курсом. Речи и статьи. Т. 3. М. 1974, стр. 287.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ» ДРЕВНЕЙ РУСИ (860 г.)

А. Н. Сахаров

В 860 г. в истории Восточной Европы произошло примечательное событие, взволновавшее современников от Константинополя до Рима и оставившее заметный след в византийских хрониках, церковных источниках, правительственной переписке. Отмечено оно позднее и в Повести временных лет. Ранним утром 18 июня 860 г. Константинополь подвергся неожиданной яростной атаке русского войска. Руссы подошли со стороны моря, высадились около самых стен византийской столицы и осадили город.

Не раз и не два до этого на протяжении долгих лет русские наносили удары по владениям империи. В византийских церковных источниках IX в. отразились факты нападения русских воинов на крымские владения Византии на города Херсонес, Керчь и Сурож. В том же IX в. руссы атаковали и малоазиатские владения Византии, пройдя огнем и мечом от Пропонтиды (Босфора) до города Амастриды. Это было время, когда Русь, освободившись от ига хазар, выходила на самостоятельный государственный путь, когда вокруг Киева и Новгорода формировались первые крупные конфедерации племен «военно-демократического» типа. Рождение государственных образований у восточных славян знаменовалось и первыми крупными военными предприятиями, целью которых было как объединение славянских и других окрестных племен, так и защита внешнеполитических интересов феодализирующейся знати и растущего купечества, ограбление соседних народов. Первыми жертвами здесь оказались богатые крымские и малоазиатские города Византийской империи. В источниках отложились не только факты самих нападений, но и ход последовавших за военными конфликтами переговоров, а также условия первых известных нам локальных мирных договоров, заключенных руссами с местными византийскими властями под стенами Сурыжа и Амастриды.

По данным Бертинской хроники известен и факт появления в Византии в 838 г. первого русского посольства, целью которого, очевидно, являлось урегулирование отношений между Русью и Византией, нарушенных в результате нападения русских воинов на малоазиатские владения империи при императоре Феофиле; установление с Византией дружественных отношений, а также сбор политической информации о положении в странах Черноморского бассейна и Восточной Европы, в первую очередь в Византии и королевстве франков для определения дальнейших внешнеполитических шагов складывающегося Древнерусского государства¹.

¹ См. об этом подробнее: А. Н. Сахаров. У истоков русской дипломатии. Первая половина IX в. «История СССР», 1975, № 5; его же. Русское посольство в Византию. 838—839 гг. «Общество и государство феодальной России». М. 1975.

Но и нападения руссов на византийские владения, и переговоры в Крыму и в Пафлагонии, и посольство 838—839 гг. не решали принципиальных вопросов отношений между двумя государствами. Византийская империя, которая была для огромного причерноморского и восточноевропейского «варварского» мира своего рода государственным образцом, законодателем политических мод, центром обширной и богатейшей торговли и, наконец, желанным объектом грабительских набегов, фактически не признавала развивающееся Древнерусское государство, которое только-только выходило из своего племенного бытия на государственную дорогу и поступь которого была еще слабо слышна большому европейскому миру. И хотя византийские государственные деятели (как это ощущалось в ходе визита русского посольства в Византию в 838 г.) уже принимали в расчет военную мощь Руси в политических перипетиях Северного Причерноморья, однако они относились к ней лишь как к одному из «варварских» народов, которые в течение предшествующих веков в великом множестве вырастали и исчезали на границах империи. Русь первой половины IX в. хотя и показала себя уже растущим государством, рискнула выйти походами к византийским границам и заслала свое посольство в Константинополь, но не имела еще ни сил, ни средств для того, чтобы вступить в открытое военное и политическое соперничество с Византией.

Нападение русского войска на Константинополь в 860 г. значительно изменило характер отношений между двумя государствами. Прежде всего обращает на себя внимание тот резонанс, который имело это событие. Еще в XI в. автор Повести временных лет отметил его как явление экстраординарное в русской истории. Под 852 г. мы читаем: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемъ. Тем же отселе почнем и числа положимъ...»². Не вдаваясь в существо спора о том, верно или неверно отразил летописец дату начала царствования императора Михаила III³, обратим внимание на другое: именно во время его царствования Русская земля начала упоминаться в летописях именно как русская земля. И известно об этом стало из греческого летописания, оповестившего мир о нападении Руси на Царьград. Это необычное отношение летописца к факту нападения Руси на Константинополь давно уже заметили отечественные историки⁴. Большое внимание уделяли этому вопросу и советские ученые — М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто. Анализируя данные византийских хроник, церковных источников, Повести временных лет, они подчerkнули, что поход отразил более высокую, чем прежде, степень объединительных тенденций среди славянских племен, иной, чем раньше, уровень их социально-экономического и политического развития, результатом чего и явился выход Древнерусского государства на европейскую арену⁵.

² «Повесть временных лет» (ПВЛ). Т. I. М. 1950, стр. 17.

³ См. об этом подробнее: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, стр. 163—164.

⁴ М. В. Ломоносов. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л. 1952, стр. 210; И. Н. Болтин. Примечание на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Т. I. СПб. 1788, стр. 62; Д. И. Иловайский. О мнимом призвании варягов. М. 1874, стр. 17; его же. Разыскания о начале Руси. М. 1876, стр. 197; Ф. И. Успенский. Первые страницы русской летописи и византийских переходные сказания. «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. XXII. Одесса. 1915, стр. 204; С. Геденов. Варяги и Русь. Ч. I. Варяги. СПб. 1876, стр. 460; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X—XII вв. СПб. 1913, стр. 45.

⁵ М. Н. Тихомиров. Начало Русской земли. «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 41; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 165; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 76; В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 59.

Кто же из византийцев писал о русском нашествии так, что сведения эти сохранили долгую и добротную историографическую жизнь?

Первыми на это событие откликнулись современники. Известия о нападении руссов на Константинополь мы встречаем в двух проповедях патриарха Фотия, непосредственного участника событий⁶. Выступив в храме св. Софии по случаю нашествия руссов, Фотий в первой проповеди обрушился на греховодный Константинополь, который поразила божья кара — нашествие иноплемеников. Патриарх подробно рассказывает о том ужасе, который охватил город перед лицом врага, отмечает всю серьезность положения осажденных, дает описание нападавшего народа, поставившего столицу империи на грань катастрофы. Во второй проповеди, произнесенной тут же вслед за уходом русских войск, Фотий еще раз возвращается к ужасам нашествия, вновь дает характеристику нападавших, рассказывает об их внезапном отступлении и благодарит божественные силы, спасшие город от гибели. Позднее, в 867 г. в «Окружном послании» восточным архиепископам Фотий еще раз вернулся к страшным событиям 860 г. и упомянул, что недавние враги империи — руссы ныне примирились с Византией и приняли христианство⁷.

Конкретную картину нашествия нарисовал в своих сочинениях другой греческий современник — Никита Пафлагонский, биограф смещенного Михаилом III патриарха Игнатия. В момент нашествия последний находился на одном из Принцевых островов в Мраморном море — Теревинфе. Там его и застала русская гроза. В «Жизни святого Игнатия патриарха», написанной около 880 г., уже после его смерти (877 г.) Никита Пафлагонский, повествуя о нападении русских войск в 860 г. на острова, скупно, но выразительно развертывает конкретный ход событий⁸.

В те же годы был создан еще один церковно-литературный памятник, сюжет которого непосредственно навеян нашествием, — «Слово на положение ризы богородицы во Влахернах». Х. М. Лопарев, опубликовавший «Слово» в русском переводе (после того, как оно, увидя свет в 1648 г. в Париже, надолго оказалось забытым), полагал, что «Слово» было написано по горячим следам событий, по заказу патриарха Фотия хартофилаком собора св. Софии в Константинополе Георгием, известным в то время церковным автором. Х. М. Лопарев считал, что оно является прекрасным источником по истории русского похода 860 г. «Слово» повествует, как перед лицом грозного нашествия греки спасали ценности храма богородицы во Влахернах (район Константинополя, выходящий непосредственно к бухте Золотой Рог и окруженный лишь одной линией стен). Здесь же приводятся и другие сведения о ходе осады⁹.

⁶ «Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия руссов на Константинополь». «Христианское чтение», 1882, сентябрь — октябрь (далее — «Две беседы Фотия...»).

⁷ См.: Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I. М. 1880, стр. 32.

⁸ См.: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 68.

⁹ Х. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году. «Византийский временник». Т. II. СПб. 1895. Приложение: «Слово на положение ризы богородицы во Влахернах» (далее — «Слово на положение ризы...»). Отнесение событий, описываемых в «Слове», к нападению 860 г., встретило возражения. Основным оппонентом Х. М. Лопарева стал известный русский византист В. Г. Васильевский (В. Г. Васильевский. Авары, а не русские, Федор, а не Георгий. «Византийский временник». Т. III. СПб. 1896, стр. 84—85). В зарубежной историографии точку зрения В. Г. Васильевского поддержал американский историк А. А. Васильев (A. Vasilev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge. Mass. 1946, p. 106), в советской историографии М. В. Левченко (М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 78). Ряд авторов (В. Т. Пашуто, Г. Г. Литаврин) не определил своего отношения к этому сюжету (см.: В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 59; «История Византии»,

Четвертое современное известие, отразившее факт нападения, принадлежит римскому папе Николаю I, который коснулся этого сюжета в письме императору Михаилу III в сентябре 865 года¹⁰. Папа Николай I, пославший осенью 860 г. своих легатов в Константинополь на собор, посвященный делу низложенного патриарха Игнатия, видимо, получил от них информацию о нападении руссов на византийскую столицу¹¹. В письме к Михаилу III папа упрекал его за то, что враги ушли неотомщенными, хотя и натворили много всяких бед: убивали людей, пожгли церкви и дошли до самых стен города¹².

Пятым современным свидетельством нападения следует считать, как это убедительно показал еще в начале века А. Пападопуло-Керамевс, «Акафист божией матери» — гимн, созданный в честь богородицы, якобы спасшей город от нападения врагов¹³.

Вслед за видными государственными и церковными деятелями IX в. русское нашествие на Константинополь 18 июня 860 г. подробно и дружно описали известные византийские хронисты X в. и их последователи и эпигоны более позднего времени. От X в. дошло два известия о нападении руссов. Одно принадлежит перу так называемого продолжателя хроники Феофана, другое написано Симеоном Логофетом. В группе продолжателя Феофана в разных частях присутствуют два свидетельства о нападении руссов на Константинополь: первое рассказывает о нашествии при императоре Михаиле III, в то время когда сам император находился в походе против арабов. Это сообщение говорит, что руссы «возвратились к себе», как только патриарх Фотий умолился богу, а некоторое время спустя их посольство пришло в Констан-

Т. II. М. 1967, стр. 229, 444, сн. 9, 14). В данном споре мы решительно поддерживаем Х. М. Лопарева. Аргументы В. Г. Васильевского и его сторонников нам представляются неправомерными. Они вкратце сводятся к тому, что в проповедях Фотия говорится о «народце» незначительном, а в «Слове» о «многих народах», что оба эти памятника разнятся по стилю, что в «Слове» в отличие от проповедей говорится о преувеличенных нашествиях переговоров. С этими соображениями трудно согласиться. Слова Фотия о «кнеименитом», «незначительном» народе — не более как риторический прием для доказательства основной мысли — Константинополь пострадал за грехи свои, а характеристики, данные Фотием, следует, в соответствии с контекстом, рассматривать как определение народа, непризнанного ранее империей, но навязавшего ей свою волю. Описания же противника у Фотия и в «Слове» идентичны. Един и стиль памятников, есть даже фразеологические повторы. Наконец, в «Слове» говорится, что вождь нападавших лишь хотел «утвердить» мирный договор, и нет ни единого следа, что речь идет о переговорах, проведенных до нападения. Ошибочным следует считать отнесение событий, описываемых в «Слове», к нападению аваров, персов, протоболгар на Константинополь в 626 г. и потому, что слишком разнится положение империи, изображаемое в «Слове», от событий 626 г., да и император в 626 г. так и не попал в осажденный город, что имело место в 860 г. и нашло отражение в «Слове».

¹⁰ На этот факт обращали внимание в дореволюционной историографии Е. Е. Голубинский, В. И. Ламанский и другие авторы (Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 23; В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пгг. 1915, стр. 107—108). В советской историографии об этом писал В. Т. Пашуто (Указ. соч., стр. 59, 314, прим. 21).

¹¹ См. об этом подробнее: «История Византии». Т. II, стр. 195—196.

¹² См.: Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 23.

¹³ А. Пападопуло-Керамевс. Акафист божией матери. Русь и патриарх Фотий. «Византийский вестник». Т. X, вып. 3—4. СПб. 1903. Эта точка зрения была поддержана зарубежными византинистами американцем А. А. Васильевым и бельгийцами А. Грегуаром и П. Оргельсом. А. А. Васильев указывает, что текст Акафиста весьма близок по стилю первой проповеди Фотия, а из второй взяты целые фразы (А. Vasiliev. Op. cit., p. 97; Н. Gregoire, P. Orgels. Les invasions russes dans le Synaxaire Constantinople. «Byzantion». Т. XXIV. 1954. Bruxelles. 1955, p. 142). М. В. Левченко, хотя и правильно подмечает, что ни в песнопении, ни в Синакере (византийском часовнике, рассказывающем о всех крупных годовых византийских церковных праздниках и о песнопениях в их честь) «нет и намека на осаду Константинополя русскими», тем не менее абстрагируется от факта упоминания в Синакере первых трех осад и спасения города от врагов в четвертый раз (М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 72). Как известно, до 860 г. Константинополь действительно трижды находился в критическом положении — в 626, 677, 717 гг. во время нападений аваров, персов и арабов.

тинополь с просьбой о крещении Руси, что и было осуществлено¹⁴. Во втором сообщении (Константина Багрянородного) более подробно рассмотрен сюжет крещения. Другой источник, содержащий сведения о нападении Руси на Константинополь при Михаиле III, — это так называемая хроника Симеона Логофета (и ее изводы, одним из которых является Хроника продолжателя Георгия Амартола), автора первой половины X века. Симеон Логофет, так же как и продолжатель Феофана, рассказывает об ужасах русского нашествия, приводит количество русских судов (200), подошедших к городу, говорит о возвращении Михаила III из похода в Малую Азию и о его молениях вместе с Фотием в храме Богородицы во Влахернах¹⁵.

Факт русского нашествия получил отражение во всех крупных византийских хрониках XI—XII вв. (хроники Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Михаила Глики, Льва Грамматика и других). В XI в. капеллан венецианского дожа Иоанн Диакон в своей «Венецианской хронике» сообщил, что при Михаиле III на Константинополь напали норманны в 360 судах и с триумфом возвратились домой¹⁶. Сторонники норманской теории¹⁷, естественно, считают, что это свидетельство подтверждает норманский характер Древнерусского государства и варяжский характер самого нашествия. Но существует и иная точка зрения, говорящая, что под норманнами Иоанн Диакон мог иметь в виду просто жителей Севера, каковыми в данном случае и являлись руссы¹⁸. В XII в. версию о чудесном спасении Константинополя при Михаиле III от врагов повторил в письме к антиохийскому патриарху Иоанну император Алексей Комнин¹⁹, в XIII в. о фактах нападения руссов на столицу империи в 860 г. упоминал император Феодор Ласкарис²⁰. В 1894 г. профессор Гентского университета Ф. Кюмон издал хранящуюся в Брюссельской библиотеке византийскую рукопись, которая включала ряд сочинений XI—XIII вв., в том числе «Хронику Манасии». Она состояла из списка римских и византийских императоров, сопровождавшегося короткими замечаниями о событиях, при них происходивших. После имени императора Михаила III следовало сообщение о том, что в период его правления 18 июня 860 г. произошло нашествие Руси на Византию²¹.

Таким образом, на протяжении почти пяти веков нападение Руси на Константинополь в 860 г. неизменно становилось сюжетом хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, часословов, проповедей, официальных циркуляров, речей. Думается, что не все сведения на этот счет дошли до нас, но и те, что стали достоянием исторической науки, не вызывают сомнения в одном: событие это явилось для Византии неординарным пограничным конфликтом, не обычным нападением одного из варварских племен, а противоборством с опасным и сильным противником, из ряда вон выходящим явлением, может быть, столь же прогремевшим на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир, как и предыдущие нападения на Византию персов, аваров и арабов, после чего во внешней политике империи на долгие го-

¹⁴ См. перевод текста продолжателя Феофана: А. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 379.

¹⁵ Там же, стр. 379—380.

¹⁶ См.: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 61.

¹⁷ См., например, А. Vasiliev. Op. cit., pp. 189—190.

¹⁸ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 61; см. также В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 59.

¹⁹ См. перевод письма: А. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 381.

²⁰ См. там же, стр. 394.

²¹ Публикация этого источника впервые за долгие годы изучения события дала его точную дату, о чем В. Г. Васильевский немедленно сообщил русской научной общественности (см.: В. Г. Васильевский. Год первого нашествия русских на Константинополь. «Византийский временник». Т. I. СПб. 1894, стр. 258—259).

ды каждая из этих вновь возникших держав занимала свое особое, весьма значительное место.

Чем же поразило это нападение воображение греков? Почему оставило оно столь яркий и долгий след в византийской литературе? Почему вызвало такой горделивый восторг русского летописца? Ответы на эти вопросы следует искать в истории похода, в его масштабах, международном значении, последствиях.

Прежде всего руссы напали на Константинополь в весьма трудное для Византийской империи время. Уже несколько лет она вела очередную тяжелую военную кампанию против арабов. Летом 858 г. византийский флот был разгромлен ими у берегов Апулии. В начале 859 г. арабы взяли штурмом византийскую крепость Кастроджованни в Сицилии и захватили огромную добычу и множество пленных. Греческий флот, посланный на выручку сицилийским грекам, был также разбит; по сведениям арабских писателей, греки потеряли 100 кораблей. 860 год не принес облегчения империи: греки вновь потерпели поражение в боях за свои сицилийские владения, на сей раз у города Чефалу²². Весной 860 г. новая беда обрушилась на Византию: арабы начали наступление на ее владения со стороны Малой Азии. Император Михаил III повел из Константинополя 40-тысячное войско навстречу врагу. В то же время греческий флот ушел к Криту на борьбу с пиратами²³. Таким образом столица оказалась практически беззащитной; в городе не было ни достаточного для обороны количества войск, ни флота, который мог бы воспрепятствовать высадке неприятеля с моря. Оставшись в столице адмирал флота, патрикий Никита Орифа, видный военачальник и государственный деятель, принимавший активное участие в войнах с арабами²⁴, и патриарх Фотий в случае вражеского нашествия могли надеяться лишь на мощь константинопольских стен, неоднократно защищавших город от «варваров».

Именно этот момент и выбрали русские для нападения. Византийские источники дружно отмечают внезапность атаки и потому особенно впечатляющую ее силу. «Где теперь царь христолюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? Не других ли варваров нашествие удалило и привлекло к себе все это?»²⁵ — вопрошал Фотий. Он откровенно говорил о полной неготовности греков к отражению нашествия: «Мы услышали весть о них, или лучше увидели грозный вид их»²⁶. Итак, первой вестью о руссах явилось само их появление. «Неожиданное нашествие варваров,— продолжал он,— не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности»²⁷. «Ни на какое приготовление не надеялись», — отмечается и в «Слове» Георгия Хартофилакса²⁸. В хронике продолжателя Георгия Амартола говорится, что греки узнали о нашествии лишь тогда, когда русские были уже у Марропатама, близ Константинополя. Ни у царя, ушедшего с войском в Каппадокию, ни у его сановников, отмечает автор, и в уме не было, что предстоит нападение руссов («иже не у цареви, ни от ихже поучавашесе и в уме имаше твориму безбожныхъ Русь взъвести нашствие...»)²⁹.

Удачность выбора момента для нападения вслед за византийскими источниками отразили и русские летописи. В Повести временных лет

²² М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 60; «История Византии». Т. II, стр. 191—192.

²³ В. И. Ламанский. Указ. соч., стр. 118, 120; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 67.

²⁴ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 215, прим. 1.

²⁵ «Две беседы Фотия...», стр. 425.

²⁶ Там же, стр. 421.

²⁷ Там же, стр. 424.

²⁸ «Слово на положение ризы...», стр. 595.

²⁹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. I. СПб. 1846, стр. 242 (приложение).

в разделе о нападении Руси на Константинополь (летопись датирует его 866 г.) содержится упоминание о том, что поход начался тогда, когда Михаил III увел войско из города против арабов («отшедшу на огаряны») ³⁰. Никоновская летопись, связавшая этот поход с именами Аскольда и Дира, утверждает, что эти князья знали о трудностях, возникших в ту пору на границах империи. В тексте, озаглавленном «О пришествии агарян на Царьград», летописец сообщает, что «множество съвкупившеся агарян прихожяху на Царьградъ, и сна множицею творяще. Слышавше же киевстии князи Аскольдъ и Диръ, идоша на Царьградъ и много зла сътвориша» ³¹. В этом позднем тексте важна интерпретация событий летописцем, его убежденность, что в Кисве располагали определенными сведениями насчет трудного тогда внешнеполитического положения Византии.

Неспокойно было в 860 г. в самой империи. В конце 50-х годов IX в. вновь обострилась борьба с павликианами. Обосновавшись в Западной Армении, они поддержали выступление арабов в Малой Азии. Сторонники павликиан в столице с нетерпением ждали исхода военных событий на Востоке. 860 г. был отмечен также острыми распрями в среде господствующего класса Византии и в связи с делом патриарха Игнатия. Низложенный в 858 г., он коротал свои дни на острове Тервинфе в Мраморном море. Его место занял видный ученый и дипломат Фотий, явившийся ставленником провинциальной знати и высших армейских командиров. Однако «игнатиане» не сдались. Они бурно обвиняли Фотия в нарушении им канонических правил избрания на патриарший престол. Назревал церковный собор ³². Римский папа внимательно следил за развитием событий в Византии, стремясь вернуть папской курии былое влияние в Константинополе.

Таким образом, момент нападения был выбран настолько удачно, что возникает мысль о его тщательной подготовке руссами, о сборе ими перед походом определенной военной и политической информации. Первым на это обратил внимание автор Никоновской летописи. Он, однако, написал сдержанно: киевские князья, «слышавше» о нападении «агарян» на Византию, решили воспользоваться этим обстоятельством. Здесь как бы подчеркивается пассивный характер полученной информации (слышали), то есть подразумевается, что сведения случайно дошли до Киева. Но, думаем, что тут летописец явно поосторожничал: уж слишком много совпадений благоприятных для русских событий как внешне, так и внутривизантийского характера падает на 860 год. И на это давно уже обратили внимание некоторые историки. Еще Г. Эверс высказал предположение, что поход был хорошо подготовлен, что руссы тщательно обдумали все детали нападения и собрали необходимые сведения о городе, на который они шли. Прекрасно были они знакомы и с путями, по которым им предстояло идти на Византию ³³. Д. И. Иловайский высказал предположение, что руссы знали об уходе греческой армии во главе с Михаилом III в Малую Азию ³⁴. В. И. Ламанский отмечал, что неожиданность нападения и совпадение русской атаки и наступления арабов в Малой Азии может говорить о взаимобусловленности этих событий ³⁵. М. Д. Приселков, продолжая мысль В. И. Ламанского, решительно настаивал на возможности союза Руси и арабов, на закономерной синхронности их военных действий ³⁶. Из зарубежных историков на эту сторону вопроса обратил внимание А. А. Ва-

³⁰ ПВЛ. Т. I, стр. 19.

³¹ ПСРЛ. Т. IX. СПб. 1862, стр. 8.

³² «История Византии». Т. II, стр. 76—77, 173—174.

³³ И. Ф. Г. Эверс. Предварительные критические исследования для российской истории. М. 1826, стр. 229.

³⁴ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М. 1876, стр. 197.

³⁵ В. И. Ламанский. Указ. соч., стр. 121—123.

³⁶ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 46—47.

сильев. «Вторжение было запланировано русскими заранее, — писал он, — что позволяет предположить знание ими положения в городе»³⁷. И. Свенцицкий, занимавшийся исследованием болгаро-византийских и русско-византийских договоров, высказал мнение, что поход русских против Константинополя в 860 г. находился в «определенной взаимосвязи» с антивизантийскими планами правителей Первого Болгарского царства³⁸.

Из советских историков данного сюжета коснулся М. В. Левченко. Он полагал, что в Киеве были хорошо осведомлены о всех наиболее важных событиях, происходивших в Византии. Эти сведения могли принести либо заходящие торговцы, либо руссы, служившие в императорской гвардии³⁹. Мы, однако, рискнем предположить большее. Столь неожиданное нападение, столь благоприятствовавшие ему обстоятельства вероятнее всего были связаны с неплохой политической информацией, которую получали тогда на Руси, — и не случайной, а целенаправленной. Практика подобного рода хорошо была известна с древних времен. Пользовались ею и северные соседи Византии. Византийский дипломат и историк Приск Панийский (V в.) в труде «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» сообщал о системе политического шпионажа, дипломатической разведки, которую с успехом применяли друг против друга и Византийская империя и гуннская держава Аттилы. Он же пишет, что Аттила имел шпионов при константинопольском дворе и ему было даже известно содержание тайных поручений, данных императором своим послам, направленным к Аттиле. Широко использовался с целью получения нужных политических сведений подкуп видных лиц в соответствующих столицах⁴⁰. Практика взаимоотношений антов (предков восточных славян) с империей также дает основание считать, что их многочисленные нападения на столицу Византии в VI в. проходили не без участия их соплеменников, служивших в византийской армии. Вооруженные силы антского племенного союза прекрасно знали дорогу к богатым греческим городам. Система частых взаимных посольств, переговоров, выплата антам дани в обмен за мир создали благоприятные условия для широкого в тех условиях обмена политической информацией.

Новые восточнославянские государственные объединения, конечно, использовали эту испытанную «варварскую» практику общения с Византией⁴¹. В этой связи нельзя не вспомнить об элементах дипломатической разведки в период пребывания киевского посольства в 838—839 гг. в Византии и Ингельгейме — столице франкского государства. Посольство это появилось в Византии во второй половине 838 г., было с почетом принято императором Феофилом, а затем оказалось при дворе франкского короля Людовика Благочестивого. Туда оно прибыло вместе с византийским посольством и имело при себе рекомендательное письмо от императора Феофила, который объяснил приход руссов в Ингельгейм тем, что их посольство не могло вернуться на родину прежним путем, перекрытым «дикими племенами». Однако вместо ожидаемого почетного приема послы были обвинены в шпионаже и задержаны, а в Константинополь пошел ответ, в котором говорилось, что если послы окажутся невиновными в предъявленных им обвинениях, то будут отпущены обратно в Византию. Об этом сообщил епископ Пруденций в так называемой

³⁷ A. Vasiliev. Op. cit., p. 250.

³⁸ I. Swiencickij. Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz. «Studi Bizantini e neoellenici». V. 5. «Atti del V Congresso internazionale di Studi Bizantini». Roma. 1939. S. 324.

³⁹ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 68.

⁴⁰ См. об этом подробнее: З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М. 1974, стр. 135, 138.

⁴¹ См. подробнее об этом: А. Н. Сахаров. Кий: легенда и реальность. «Вопросы истории», 1975, № 10.

мых Бертинских анналах⁴². Это было время, последовавшее за нападением русского войска на византийский город Амастриду, на малоазиатском побережье Черного моря, и посольство в империю вероятней всего явилось миссией, которой было поручено урегулировать отношения между Русью и Византией⁴³. Но одновременно в Киеве могли поручить посольству, как это нередко случалось в средние века, и функцию разведывательную: собрать определенную политическую информацию о положении в Византии и в других районах Восточной Европы, которые стали уже сферой особого внимания молодого Древнерусского государства. Думается, что прибытие русского посольства в Ингельгейм было лишь отражением растущего русского политического интереса к соседним странам.

Ученые, занимавшиеся исследованием посольства 838 г., все без исключения приняли ту версию его истории, которую предложил Пруденций, воспринявший ее из письма императора Феофила: послы не могли вернуться на родину, так как обратная дорога была перерезана. В то же время все без исключения историки связали факт обвинения послов в шпионаже с тем, что они назвали себя «свеонами», то есть шведами, и тем возбудили подозрения франков, недавно воевавших с норманнами (хотя у Пруденция эта связь не прослеживается, а просто в одном случае говорится о том, что послы назвали себя «свеонами», а в другом — что посольство было обвинено в шпионаже). Нам представляется, что обвинение это было вполне обычным для своего времени. Возможно, трудности с возвращением послов на родину действительно существовали, но франки подошли к этому вопросу более реально, чем последующие интерпретаторы данного факта⁴⁴, и совершенно верно оценили функции пришедшего к ним русского посольства. Незнакомая миссия, попавшая в Ингельгейм под сомнительным предлогом, иностранное происхождение (шведское, норманское) киевских послов — все это не могло не насторожить франков. В результате русское посольство оказалось под следствием. Мы убеждены, что в данном случае перед нами один из характерных примеров дипломатической разведки, осуществляемой официальной миссией, а цель ее могла бы быть сформулирована в общих чертах как ознакомление с состоянием дел в близлежащих государствах, выяснение характера их взаимоотношений — именно так формулировались цели подобных разведывательных миссий при Владимире Святославиче и позднее.

Таким образом, прежняя дипломатическая практика восточноевропейского «варварского» мира, первые шаги древнерусской дипломатии указывают вполне определенно на традицию политической разведки. Эта традиция является в данном регионе столь же древней, сколь и посольские переговоры, и руссы, видимо, были неплохо с ней знакомы. Обстоятельства неожиданного нападения Руси на Константинополь в 860 г. лишний раз доказывают, что и в этом случае перед нами налицо тщательно продуманное, хорошо законспирированное военное предприятие, организаторы которого были неплохо обеспечены политической информацией. Источником ее могли стать не только купцы или славяне,

⁴² См. перевод этого текста: «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», Ч. 1. М. 1953, стр. 74.

⁴³ См. об этом подробнее: А. Н. Сахаров. Русское посольство в Византию. 838—839 гг.

⁴⁴ В последнее время мысль о неправомерности обвинения русского посольства в шпионаже прозвучала в книге М. А. Аллатова. Автор не согласился с мнением Е. Е. Голубинского о том, что это были шпионы черноморских россов. «Зачем понадобилось таврическим россам разведывать — да еще всю — далекую и огромную империю франков?» Конечно, таврическим россам это было ни к чему, но россы-то были киевские и представляли они собою растущее Древнерусское государство (с чем согласен и М. А. Аллатов), а это существенно меняет дело (М. А. Аллатов. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII—XVII вв. М. 1973, стр. 63, прим. 10).

служившие в императорской гвардии, но и официальные миссии типа посольства 838—839 годов. Сведения могли доставить и иные посольства других стран, оказавшиеся в Киеве. Не исключено, что наступлению руссов на Византию способствовали и арабы, сами готовившиеся к широкой военной кампании против империи, а возможно, и болгары, давние соперники Византии. Во всяком случае, источников для получения в Киеве обширных и точных сведений о состоянии дел в Византийской империи было более чем достаточно. Это и обусловило необычайный эффект нападения. Говоря современным языком: молодое Древнерусское государство политически прекрасно подготовило свою первую крупную акцию против Константинополя и посольской, дипломатической разведке принадлежало не последнее место в обеспечении ее успеха.

Но вернемся к событиям 18 июня 860 года. В тот момент, когда руссы появились у Константинополя, он был практически беззащитен. Михаил III с войсками стоял на Черной реке в Каппадокии, как об этом в один голос свидетельствуют и византийские и русские источники. Руссы подходили одновременно и с моря, со стороны бухты Золотой Рог — Суда, и с суши — со стороны крепости Иерон. Они обложили столицу со всех сторон. Ликующие их отряды проходили перед городскими стенами, а на вытянутых руках шагавших руссов, как говорил патриарх Фотий, стояли их товарищи — с обнаженными мечами, «как бы угрожая городу смертью»⁴⁵. Пораженные, смотрели греки на эту демонстрацию могущества и дерзости своих противников. В тот же день по городу пошел слух, что русские уже преодолели стену и вошли внутрь Константинополя. А в это время гонец епарха Орифы скакал в Каппадокию, спеша сообщить страшную весть императору.

Разом изменилась вся жизнь столицы. Страх и неуверенность овладели людьми. Затихли песни и танцы на улицах, прекратился пьяный разгул, который так обличал в своих проповедях патриарх Фотий. Греховодники молились, прося милости у бога. Константинополь оцепенел. Именно в эти дни Фотий обратился к своей пастве с проповедью, в которой ярко обрисовал оглушающее впечатление, произведенное нашествием на жителей столицы. «Что это? Что это за удар и гнев, столь тяжелый и поразительный? — вопрошал он. — Откуда нашла на нас эта северная и страшная гроза? Какие сгущенные облака страстей и каких судеб мощные столкновения воспламенили против нас эту невыносимую молнию?»⁴⁶. Фотий говорил о грозной силе руссов, об их жестокости: «Народ вышел из страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим, и племена поднялись от краев земли, держа лук и копьё: они жестоки и немилосердны; голос их шумит как море. Мы услышали весть о них, или лучше, увидели грозный вид их, и руки у нас опустились... не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч со всех сторон»⁴⁷.

С большим трудом Михаил III, бросив войска в Малой Азии, сумел пробраться в осажденный город и встал во главе обороны вместе с патриархом, как об этом сообщает группа хроник, примыкающая к сочинению Симеона Логофета, а также и Повесть временных лет⁴⁸. Картину потрясения империи рисует в «Слове на положение ризы богородицы во Влахернах» и хартофилак Георгий. Вернувшийся в Константинополь император первую ночь провел в молениях. Покинув дворец и переодевшись в одежду простолюдина, он распростерся ниц на камен-

⁴⁵ «Две беседы Фотия...», стр. 434.

⁴⁶ Там же, стр. 419.

⁴⁷ Там же, стр. 421.

⁴⁸ См.: А. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., т. 380. «Хроника Георгия Амартола» в кн.: В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследования и словарь. Пггр. 1920, стр. 511; ПВЛ. Т. I, стр. 19.

ных плитах Влахернского храма, испрашивая помощи у бога. Вместе с императором усердно молился и патриарх. По всему городу проходили «лития и оплакивания»⁴⁹. А в это время руссы опустошили пригороды Константинополя и близлежащие острова, разграбили «священное и другое», как повествует «Слово»⁵⁰. Никита Пафлагонский рассказывает, что руссы разгромили все селения и монастыри, «расхитив все сосуды и имущество», пленные безжалостно умерщвлялись. Добрались руссы и до острова Тервинфа, где томился в ссылке низложенный патриарх Игнатий; 22 его служителя пали под ударами русских мечей⁵¹. О разорении руссами пригородов Константинополя вплоть до самых его стен напоминал в письме Михаилу III и римский папа Николай I⁵².

Опасность нарастала с каждым часом. «Город едва... не был поднят на копье»,— говорил во второй проповеди патриарх Фотий. В этих условиях духовные иерархи решили спасти церковные ценности, в частности ризу богородицы, которая хранилась во Влахернском храме. Золотой и серебряный наряд раки рассекли топорами и секирами и перенесли в центр города. После ночной молитвы при огромном стечении народа ризу вынули из раки, развернули и показали собравшимся. Люди падали ниц, раздавались голоса «господи, помилуй!». Затем ризу перенесли в храм св. Софии, а молитва продолжалась⁵³. Симеон Логофет излагает эти события несколько иначе. Он рассказывает, как в присутствии большого числа людей край ризы богородицы был опущен в море, после чего разыгралась буря, разметавшая русские суда⁵⁴. Эта версия нашла отражение в хронике продолжателя Георгия Амартола и позднейших хронистов, а также в Повести временных лет⁵⁵. Ни Фотий, ни «Слово» Георгия Хартофилакса, ни продолжатель Феофана не сообщают ни о погружении ризы в море, ни о буре, бывшей якобы причиной гибели русского флота. Для нас важны здесь не детали, не дискуссии по поводу того, опускали амфору с ризой в море или не опускали, а то общее впечатление ужаса и отчаяния, которое охватило Константинополь и которое прекрасно передали и византийские и русские источники.

Таким образом, вся картина нашествия, как она рисуется в византийских источниках, указывает на его тщательную подготовку, масштабы, стремительность, широкий территориальный охват. Это было действительно крупное военное предприятие, которое поставило столицу империи на грань катастрофы. Город был окружен, константинопольская округа опустошена, руссы захватили огромные церковные ценности в храмах, монастырях и селениях, всякие попытки сопротивления были жестоко подавлены. В столице возникла паника, и отражением этого явились такие акты, как ночные моления императора и патриарха, вынос ризы богородицы к народу. Не часто Константинополь переживал подобные потрясения.

Поход 860 г. был исполнен глубочайшего значения и для Руси. Впервые русское войско осадило столицу Византии, этот вожделенный для «варваров» город, где находились огромные богатства. До этого отдельные русские дружины неоднократно нападали на имперские границы; в IX в., когда русские земли сбросили хазарское иго, внешнеполитическая активность Руси значительно усилилась, отражением чего явились зафиксированные в византийской агиографической литературе сведения о нападении руссов на крымский Сурож и малоазиатскую Амастриду. Но это были пограничные нападения местного значения, кончавшиеся локальными же переговорами русских вождей с местными византийскими

⁴⁹ «Слово на положение ризы...», стр. 595.

⁵⁰ Там же, стр. 596.

⁵¹ См.: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 68.

⁵² См.: Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 23.

⁵³ «Слово на положение ризы...», стр. 611.

⁵⁴ См.: А. Паладуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 379—380.

⁵⁵ «Хроника Георгия Амартола», стр. 511; ПВЛ. Т. I, стр. 19.

чиновниками и церковными иерархами. Совсем иное положение сложилось во время столкновения Византии и Руси в 860 году. Византии в данном случае противостояла держава, утвердившая свою силу и свой престиж нападением на одно из сильнейших и богатейших государств тогдашнего мира.

Подобное противоборство империи с новыми государственными образованиями, складывавшимися в Северном Причерноморье и на Балканах, было для Византии не в новинку. Так, в VI в. империя была вынуждена признать аварский каганат, в VII в. — Болгарское царство, в VIII в. — державу хазар. Во всех этих случаях вновь складывающиеся государственные образования вырвали у Византии признание силой — либо прямым нападением на Константинополь, либо серией тяжелых и опустошительных войн. В IX в. настал черед Древнерусского государства. Нападения на Сурож и Амастриду явились своеобразной пробой сил. Поход 860 г., судя по его подготовке, масштабам, резонансу, был первым крупным военным предприятием Древней Руси, направленным против Византийской империи.

Как же представлялось осажденным в своей столице грекам последнее развитие событий? Одолеть «варваров» силой не было никакой возможности: город не имел ни армии, ни флота, оставалось надеяться лишь на прочность крепостных стен и на мирные переговоры с неприятелем. В своих молитвах они и просили о мире. «Ясно покажи, что град укрепляется твоею силою; сколько душ и градов взято уже варварами, — воззови их и выкупи, яко ее всемогущая; даруй же и мир крепкий жителям града твоего», — зывали греки, обращаясь к богородице⁵⁶. Не об отмщении и победе над врагами молили растерянные жители Константинополя, а о «мире крепком», который, по их мнению, могло им дать только божественное вмешательство. И мир был получен. 25 июня⁵⁷ руссы внезапно стали отходить.

Складывалось впечатление, что «лития и моления» достигли цели и какая-то чудодейственная сила действительно заставила руссов снять осаду. Симеон Логофет объясняет это очень просто: прикосновение ризы богородицы к воде возмутило море и потопило вражеские ладьи. Но очевидцы событий — Фотий и Георгий, автор «Слова», не сообщают о чуде. Напротив, они говорят о внезапном, неожиданном для греков отступлении руссов. «Нечаянно было нашествие врагов, — отметил Фотий, — неожиданно совершилось и удаление их»⁵⁸. И тут же он дает религиозную оценку этому факту: руссы сняли осаду, как только ризу богородицы обнесли по стенам города. В точном соответствии с данными Фотия трактует этот вопрос продолжатель Феофана. Руссы возвратились к себе, пишет он, как только патриарх Фотий «умилостивил бога»⁵⁹. Конечно, патриарх, стремившийся своими проповедями пробудить религиозные чувства в душах погрязших в пороках византийцев, очень удачно использовал в церковных целях отступление неприятеля от стен столицы. И даже если бы для этого были весьма серьезные военные и политические причины, все равно церковь, как это бывало не раз на протяжении средневековья, приписала бы прекращение военных действий собственным усилиям и заслугам. Такова была церковная практика, и мы должны принимать ее в расчет при использовании религиозных проповедей в качестве источников.

⁵⁶ «Слово на положение ризы...», стр. 611.

⁵⁷ Вопрос о сроках осады русскими Константинополя является дискуссионным. Мы придерживаемся принятой в советской историографии точки зрения, согласно которой осада длилась с 18 по 25 июня 860 г. (см.: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 69, 70—71, 72; А. П. К а ж д а н. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии. «Международные связи России до XVII в.», М. 1961, стр. 15; «История Византии». Т. II, стр. 229).

⁵⁸ «Две беседы Фотия...», стр. 436.

⁵⁹ См.: А. П а п а д о п у л о - К е р а м е в с. Указ. соч., стр. 379

Разумеется, опущение ризы богородицы в море или ее обнесение вдоль стен не могло опрокинуть столь масштабный и тщательно подготовленный поход. Истинной причиной отступления руссов были либо какие-то события военного характера, либо заключение перемирия, одним из условий которого и явилось снятие осады Константинополя. Что касается военной стороны дела, то ни в одном источнике нет сведений о поражении руссов. Напротив, римский папа Николай I даже упрекал Михаила III в том, что враги ушли неотмщенными⁶⁰. Да и сам Фотий говорил о том, что возмездие варварам не было воздано⁶¹. Венецианский хронист Иоанн Диакон также пишет, что руссы вернулись на родину с триумфом⁶². На это обстоятельство уже обратили внимание как дореволюционные, так и советские ученые. Но при этом некоторые из них считали, что в источниках не отложилось каких-либо сведений о мирных переговорах под стенами Константинополя; другие полагали, что, уходя от византийской столицы, руссы уносили с собой договор «мира и любви».

Еще А. Л. Шлецер, приписывавший поход 860 г. варягам, отметил, что под стенами Константинополя были проведены переговоры: он ошибочно объединил их с позднейшим русским посольством для заключения договора о «мире и любви»⁶³. Вслед за А. Л. Шлецером М. П. Погодин писал, что «греки... вступили без сомнения в переговоры с напавшей Русью. Предложена была им богатая дань, лишь сняли бы осаду и удалились»⁶⁴. Никаких аргументов в пользу этого предположения М. П. Погодин не привел. Подробно аргументировал мысль о проведении русско-византийских переговоров под стенами Константинополя Х. М. Лопарев. Опираясь на сведения «Слова» о желании вождя нападавших увидеть императора «для утверждения мирных договоров» и на основании отсутствия сведений о поражении руссов в византийских источниках, Х. М. Лопарев считал, что между греками и русскими заключен был мир и, как тогда выражались, «любовь»⁶⁵. А. А. Шахматов, анализируя проповеди Фотия, данные «Слова» и сообщения Иоанна Диакона, пришел к выводу, что русские заключили почетный мир «под стенами Царьграда, после чего они 25 июня удалились от города»⁶⁶. «Блестящим исходом великого предприятия» назвал А. А. Шахматов результаты похода 860 года. М. Д. Приселков утверждал, что, вернувшись в город, Михаил III начинает «мирные переговоры и заключает договор «любви и мира»⁶⁷. В. В. Мавродин также согласился с этой точкой зрения, заявив, что «русские удалились победителями, уводя с собою договор «мира и любви»⁶⁸. Эта версия нашла отражение и в обобщающем труде «Очерки истории СССР». «Чтобы снять осаду,— говорится там,— Михаил должен был заключить с ними (русскими.— А. С.) договор «мира и любви». Мы имеем здесь указание на первый договор Руси с греками». А к 866—867 гг. «Очерки» относят договор Руси с Византией о «союзе и дружбе», закрепленный принятием частью Русн христианства⁶⁹.

В то же время в историографии есть на этот счет и иная точка зрения. К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что поход киевских князей на Кон-

⁶⁰ «Те, которые, умертвив множество людей, сожгли церкви святых и предместья Константинополя почти до самых его стен, не получили никакого отмщения» (см. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 23).

⁶¹ «Две беседы Фотия...», стр. 431.

⁶² См.: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 74.

⁶³ А. Л. Шлецер. Нестор. Т. I. СПб. 1809, стр. 362—363.

⁶⁴ М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М. 1872, стр. 11.

⁶⁵ Х. Лопарев. Указ. соч., стр. 615.

⁶⁶ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Птгр. 1919, стр. 60.

⁶⁷ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения. «Вестник древней истории», 1939, кн. 3, стр. 99.

⁶⁸ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, стр. 215.

⁶⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.». Ч. I, стр. 74.

стантинополь в 860 г. закончился неудачей⁷⁰. М. В. Левченко, возражая В. В. Мавродину, писал: «Ни один источник не сообщает о заключении такого договора» (который имеет в виду В. В. Мавродин). Одновременно М. В. Левченко указал на то, что руссы удалились от города, «никем не тревожимые»⁷¹. Мнение М. В. Левченко поддержал Г. Г. Литаврин: «Источники ничего не сообщают о каких-либо переговорах русских с греками перед их уходом из-под стен Константинополя»⁷². В зарубежной историографии эта мысль нашла отражение еще в XIX в. в работе француза А. Куре⁷³ и ряде других работ.

В этой связи целесообразно еще раз вернуться к сведениям, содержащимся в «Слове на положение ризы богородицы во Влахернах» и проповедях Фотия. «Слово» сообщает, что «начальник стольких тех народов для утверждения мирных договоров лично желал его (императора.— А. С.) увидеть»⁷⁴. Здесь палицо категорический тон относительно мирного договора: он состоялся, и автор «Слова» делает упор на том, что вождь нападавших желал лишь утвердить его путем личной встречи с императором. Заслуживая внимания слова Фотия о том, что «город не взят по их (руссов.— А. С.) милости»⁷⁵. Вырисовывается совершенно реальная картина: семидневная осада русскими Константинополя, опустошение ими пригородов столицы, невозможность преодолеть ее мощные стены, стремление греков к миру и как результат этого мирные переговоры под стенами города. Для утверждения выработанных мирных условий вождь руссов стремился лично встретиться с императором. Затем последовало (внезапное для массы населения византийской столицы) прекращение осады и отход руссов от Константинополя.

Другим важным аргументом в пользу заключения перемирия у стен Константинополя, ускользнувшим от исследователей, является упоминание Фотием факта ухода руссов с огромными богатствами. В проповеди, произнесенной после снятия ими осады, он говорил о них как о народе, получившем после похода «значение», «достигшем блистательной высоты и несметного богатства»⁷⁶. Если слова о «значении» и «высоте» характеризуют в основном возросший международный авторитет Руси, то упоминания о несметных богатствах, приобретенных руссами в Византии, говорят о материальных результатах похода. Двумя способами могли руссы приобрести это богатство: первый — сохранение за собой всего, что было ими награблено в Византии (товаров, церковных ценностей, другого имущества); второй — получение от осажденных огромного выкупа. Мы не знаем точно, что имел в виду Фотий, но и в том и другом случае военный конфликт между Русью и Византией должен был закончиться перемирием. Если имеется в виду сохранение руссами богатств, захваченных в ходе нашествия, то значит ни о каком поражении их, ни о каком потоплении русских судов разыгравшейся бурей (версия Симеона Логофета) не может быть и речи, а сообщение Брюссельской хроники и Симеона Логофета о неудаче руссов (повторенное русскими летописями) говорит лишь об общей оценке похода, который не достиг своей цели — взятия Константинополя. Греки были вынуждены согласиться на оставление за руссами награбленного имущества. Переговоры в этом случае должны были состояться не только потому, что зафиксировали бы почетный отход руссов от города, но и потому, что именно здесь мог ре-

⁷⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история. Т. I. СПб. 1872, стр. 99.

⁷¹ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 74—75.

⁷² Г. Г. Литаврин. Византия и Русь в IX—X вв. «История Византии». Т. II, стр. 229.

⁷³ A. Couret. La Russie à Constantinople. Premières tentatives des Russes contre l'Empire Grec. «Revue des questions historiques. 865—1116». Vol. XIX. 1876, p. 83.

⁷⁴ «Слово на положение ризы...». стр. 593—594.

⁷⁵ «Две беседы Фотия...», стр. 434.

⁷⁶ Там же. стр. 432.

шиться вопрос о последующем русском посольстве в Константинополь для заключения договора о «мире и любви», сведения о котором содержатся у продолжателя Феофана и Константина Багрянородного. Сами собой такие посольства после серьезных межгосударственных конфликтов не являлись. Факт переговоров станет тем более реальным, если учесть, что руссы увезли с собой огромный выкуп. Всего вероятней, имело место и сохранение руссами за собой награбленного имущества и получение выкупа. Все это и позволило Фотию говорить о приобретенных ими несметных богатствах.

25 июня ликующие греки увидели, как руссы удаляются от города, а 2 июля ризу богородицы торжественно водворили на свое место, в раку влахернского храма. С тех пор день 2 июля стал одним из крупнейших храмовых праздников этой церкви⁷⁷, что также подчеркивает значительность событий 860 г., их большой резонанс.

Переговоры, прекращающие военные действия, к тому времени давно уже стали прочной дипломатической традицией не только других стран и народов, но и отношений Византии с «варварскими» государствами, — они неоднократно проводились с арабами, аварами, гуннами, хазарами, болгарами⁷⁸. Мы охотно разделяем точку зрения тех историков, которые считают, что в ходе осады между русскими и греками велись переговоры. Однако признать их договорами «мира и любви» (как полагали Х. М. Лопарев, А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, В. В. Мавродин, авторы «Очерков истории СССР») не представляется возможным. Ведь договор «мира и любви» или «мира и дружбы» — это устное или письменное межгосударственное соглашение, регулирующее общие отношения между странами. В данном же случае речь шла о перемирии, прекращающем состояние войны. Нам неизвестны все его условия, кроме отхода от города русского войска, снятия блокады. Поэтому позиция М. В. Левченко и Г. Г. Литаврина, которые отвергают версию о заключении договора «мира и любви» под Константинополем в июне 860 г., вполне оправданна, хотя это вовсе не значит, что следует отрицать любые переговоры, осуществленные в то время между греками и русскими. Просто историки, защищающие мнение о наличии переговоров, в данном случае смешали перемирие, прекращающее военные действия, и межгосударственный договор «мира и любви», связавший позднее Византийскую империю с Русью.

В свете этих событий и следует, как нам кажется, рассматривать последующие отношения между двумя странами. Произошла примечательная метаморфоза: возникшая из политического небытия держава, ограничивавшаяся ранее отдельными нападениями на византийские владения и заключавшая с имперскими чиновниками частные соглашения, вдруг встала во весь свой рост перед стенами Константинополя и заставила гордых византийцев вести с собою переговоры. Вот эта перемена в отношении империи к восточным славянам и является одним из самых примечательных последствий похода 860 года. Патриарх Фотий хорошо отразил это в своих проповедях. «Народ неименитый, — говорил он, — народ несчитаемый ни за что, народ поставляемый наравне с рабами, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, — о, какое бедствие, ниспосланное нам от бога». Трудно лучше передать смысл происшедшего: гордые греки вынуждены были терпеть надменность народа, ранее рассматриваемого ими наравне с рабами, а руссы — народ «неименитый» и «неизвестный» в международном плане, — получили имя, авторитет, известность благодаря успеху похода 860 года. «Те, для кото-

⁷⁷ Х. Лопарев. Указ. соч., стр. 628.

⁷⁸ См., например: «Хроника Георгия Амортола», стр. 483, 544, 557 и др.

рых некогда одна молва о ромеях, — продолжал Фотий, — казалась грозною, подняли оружие против самой державы их и восплескали руками, неиствуя в надежде взять царственный город, как птичье гнездо». Они показали «отвагу и надменность»⁷⁹. И перемирие 860 г. в этом смысле действительно могло явиться первым договором между Византией и Русью, но договором, лишь приостанавливающим военные действия между ними. Однако и этот факт сыграл большую роль в истории многолетних контактов Византии и Руси. Впервые они вступили в государственные договорные отношения. Теперь Русь могла строить их, опираясь на победоносный поход, на мирный договор, заключенный под стенами Константинополя и возможно утвержденный императором Михаилом III и вождем руссов.

Так закончилась эпопея 860 г., но она не исчерпала, а лишь открыла начало мирных межгосударственных связей Руси и Византии. И последующая история это подтвердила. После ухода руссов из-под Константинополя внешнеполитическое положение империи отнюдь не улучшилось. Арабы продолжали теснить повсюду византийские войска. В том же 860 г. милетинский эмир нанес новое поражение войскам Михаила в Малой Азии⁸⁰. Отношения с Русью оставались неустойчивыми, и древний опыт Византии подсказывал, что для прочного замирения этого нового «варварского» государства следовало применить те же меры, что и в отношении других «варварских» держав, связанных с Византией договорами «мира и любви».

Попытаемся пояснить, какой смысл мы вкладываем в понятие договор «мира и любви». Со времен Древнего Египта и до исследуемого нами IX в. он оформлял обычные мирные договорные связи между государствами. Они могли оставаться, так сказать, мирно нейтральными, но могли быть и союзными. Первый такой договор был заключен в 1296 г. до н. э. египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем III⁸¹. Однако подробно разбирая форму и содержание этого первого известного межгосударственного соглашения, историки не обратили внимания на его квинтэссенцию, которая выражена в первых его строках. Договор, кроме союзных обязательств, декларировал состояние «мира и братства на все времена» между обоими государствами, то есть содержал определенную трактовку характера мирных отношений Египта и хеттов. И уже опираясь на существование этой мирной основы, оба государства формулировали другие, конкретные статьи соглашения. Не случайно речь о «мире и братстве» идет в начале договора, во введении, которое является отнюдь не формальной данью вежливости, а формулирует основной смысл отношений между двумя державами. Конечно, ни о каком подлинном мире, братстве или любви в условиях антагонистических обществ не может быть и речи. В этом смысле данные понятия отражают состояние мирных, дружественных связей между государствами лишь на какой-то период времени.

Значимость понятий «мир», «братство», «дружба», «любовь» для межгосударственных взаимоотношений проходит красной нитью и через другие известные мирные соглашения древности и раннего средневековья. Ни в исторической, ни в правовой науке этой формуле мира, встречающейся неизменно как в простых мирных договорах, так и в сложных политических соглашениях более позднего времени, не уделялось должного внимания. Она считалась только протокольной, ничего не значащей. Буржуазный правовед Д. Мейчик, например, характери-

⁷⁹ «Две беседы Фотия...», стр. 431.

⁸⁰ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 70.

⁸¹ См.: «История дипломатии». Т. I. М. 1959, стр. 16; Д. Б. Левин. Дипломатия. Ее сущность, методы и формы. М. 1962, стр. 67.

зовал ее как «общую отвлеченную мысль»⁸². А. В. Лонгинов, написавший интересную работу о договорах Руси с греками, также считал, что «предисловия», куда включались уверения в дружбе и любви, являются лишь «стилистическим приемом», «обычной дипломатической формулой»⁸³. Не проявили интереса к этой формуле международных договоров и советские исследователи. Между тем все международное право древности и средневековья держалось именно на этом ките, который был весьма конкретным, реальным и никак уж не отвлеченным и безразличным. Практика заключения договоров «мира и любви» или «мира и дружбы», то есть обычных мирных договорных отношений между странами, была воспринята и наследницей древневосточного и грекоримского международного права — Византией. Ее многочисленные договоры с Венецией, Пизой, Персией, Болгарским царством, венграми, Хазарским каганатом, аvarами, странами Ближнего Востока, арабами показывают, что эта формула сопутствовала всем мирным договорам, которые либо восстанавливали прерванные войной отношения, либо открывали заново мирный этап отношений между Византией и другими странами⁸⁴. При этом во всех известных случаях заключение ею первых таких договоров со своими соседями — «варварами» означало политическое признание того или иного государства, и дальнейшие отношения империи с ним строились уже на почве этого основного соглашения, которое в дальнейшем могло нарушаться военными конфликтами, возобновляться, дополняться конкретными торговыми, союзными статьями, династическими соглашениями⁸⁵.

Перемирия, кончающие военные действия, отличались от договоров «мира и любви», устанавливающих мирные отношения между государствами. Переговоры Руси под стенами Константинополя лишь завершили военные действия, но и сам факт вынужденного для Византии вступления в официальные дипломатические отношения с «неименитыми варварами» произвел оглушающее впечатление на империю. Последующие внешнеполитические события, усиливающаяся мощь Древнерусского государства, видимо, потребовали установления более прочных отношений между Византией и Русью. Путем выплаты «варварским» государствам ежегодной дани, регулярного преподнесения их правителям дорогих подарков и других политических и экономических уступок Византии удавалось не только сдерживать военный натиск окружающих «варварских» держав, но и нередко превращать их в своих союзников, ставить себе на службу их военные силы. Союзные отношения связывали империю с Хазарским каганатом, а в отдельные периоды и с государством аvarов. Гуннскую державу и позднее Болгарское царство Византии не удалось повести в фарватере своей политики, зато договоры с гуннами, болгарами на определенные периоды обеспечивали империю спокойствие на ее северо-западных границах⁸⁶. Теперь настала очередь Руси.

⁸² Д. Мейчик. Русско-византийские договоры «Журнал» министерства народного просвещения (ЖМНП). Новая серия, ч. IX. 1915, октябрь, стр. 315.

⁸³ А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса. 1904, стр. 63.

⁸⁴ См., например, С. Геденов. Указ. соч., стр. 266; А. Думитриу. К вопросу о договорах русских с греками. «Византийский вестник». Т. II. СПб. 1895, стр. 531—535; А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 25.

⁸⁵ См., например, о заключении первых межгосударственных договоров Византии с Аварским и Хазарским каганатами. Болгарским царством; В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. ЖМНП. 1878, февраль, стр. 116, 121; М. И. Артамонов. История хазар. Л. 1962, стр. 109, 111, 145—146, 199, 201; «История Болгарии». Т. I. М., 1954, стр. 56—57, 59, 65—66; «История Византии». Т. I, стр. 373; т. II, стр. 47—48.

⁸⁶ См. З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 109—110.

Византийские и русские источники говорят о том, что по истечении небольшого срока, прошедшего после ухода руссов из-под Константинополя, в город явилось русское посольство. В «Окружном послании» восточным архиепископам патриарх Фотий писал: «Руссы, которые, поработив находящиеся кругом себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Римской державы,— в настоящее время даже и они променяли эллинское и нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей (наших), вместо грабления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго»⁸⁷. О том же повествует и хроника продолжателя Феофана, в которой говорится, что «немного времени спустя посольство их (руссов.— А. С.) прибыло в Царьград с просьбою сделать их (русь) участниками в святом крещении, что и было исполнено»⁸⁸. Близкое к этому изложение событий дается в написанной в X в. Константином Багрянородным биографии своего деда Василия I Македонянина: «И народ россос, вдинственный и безбожный, посредством щедрых подарков золота и серебра и шелковых одежд (император Василий) привлек к переговорам, и заключив с ними мирный договор, убедил (их) сделаться участниками божественного крещения, и устроил так, что они приняли архиепископа»⁸⁹. В дальнейшем сведения, о которых пишет Константин Багрянородный, были повторены византийскими хронистами XI в. Зонарой и Кедриным⁹⁰, а от них проникли и на Русь. Повесть временных лет молчит об этом договоре, но составитель Никоновской летописи имеет на этот счет собственное мнение. Рассказывая о деяниях Аскольда, он отметил, что Василий Македонянин «сътвори же и мирное устроение съ прержерченными Русы, и приложи сихъ на христианство»⁹¹.

Приведенные сведения о договоре Византии и Руси начала 60-х годов IX в. имеют богатую историографию. Еще М. М. Щербатов, говоря о заключении Василием I Македонянином мира с Русью, отметил, что этот император воспользовался договором для насаждения в русских землях христианства⁹². Уже в этой оценке событий, последовавших за походом 860 г., мы видим, что хотя М. М. Щербатов и принял версию о заключении между Византией и Русью в то время договора о мире, но содержание его отделил от факта христианизации Руси. Г. Эверс заметил, что греки после нападения руссов вступили с ними в ближайшие сношения⁹³. Впервые подробно историю посольства и крещения Руси изложил Н. М. Карамзин⁹⁴. Он первым обратил внимание на то, что между сообщением Фотия о крещении Руси и свидетельством Константина Багрянородного есть известное противоречие: последний приписывает крещение руссов своему деду Василию I и патриарху Игнатию, который сменил на патриаршем троне Фотия. В «Окружном послании» Фотия определенно говорится, что крещение Руси произошло при нем, Фотии. Н. М. Карамзин объясняет это просто: «Сии два известия,— пишет он,— не противоречат одно другому. Фотий

⁸⁷ Цит. по: Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 32. Позднее слова «подданных и друзей» историки переводили как «преданных нам и друзей» (см., например, М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 57, 88).

⁸⁸ Цит. по: А. Пападопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 379.

⁸⁹ Цит. по: Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 32; см. также: Д. Я. Савок-васов. Курс истории русского права. М. 1908, стр. 3.

⁹⁰ См. об этом: А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 47; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 59—60.

⁹¹ ПСРЛ. Т. IX. СПб. 1862, стр. 13.

⁹² М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб. 1794, стр. 196.

⁹³ И. Ф. Г. Эверс. Указ. соч., стр. 228.

⁹⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб. 1830, стр. 138—139.

в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев; Игнатий тоже»⁹⁵. В трудах С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайского, М. П. Погодина, С. А. Гедеонова и других историков XIX в. при всей несхожести их концепций по данному пункту нет особых расхождений. Они повторяют без подробного анализа сведения византийских источников. Это же наблюдается и в более поздних работах Д. Я. Самоквасова, В. Сергеевича и в других историко-правовых трудах.

Но в отдельных работах дворянских и буржуазных историков и правоведов делались попытки аналитически подойти к этим весьма скудным сведениям, распутать противоречия, содержащиеся в источниках и отмеченные еще Н. М. Карамзиным, и тем приоткрыть завесу неизвестности над хронологией и содержанием первого русско-византийского договора. Ф. И. Успенский считал, что в «Окружном послании» Фотий назвал тех же руссов, которые осуществили нападение на Константинополь в 860 г.; вожди этого похода приняли крещение и заключили с Византией мир. Он высказал гипотезу о том, что руссы отправили послов в Константинополь по возвращении в Киев и просили прислать к ним епископа, хотя никаких аргументов в пользу своей версии не привел⁹⁶. Ф. И. Успенский полагает, что это могло произойти между 860 и 867 годами. М. Д. Приселков, также не утруждая себя аргументацией, высказал мысль о существовании двух русско-византийских договоров о «союзе и дружбе». Первый договор он датировал 860 г. и утверждал, что тот не дошел до нас, второй М. Д. Приселков относил, согласно данным византийских источников, к 866—867 годам⁹⁷. А. В. Лонгинов, подробно разобравший скупые данные византийских и русских источников о посольстве, привнес в историю вопроса лишь одну новую деталь. Не вдаваясь глубоко в определение содержания и хронологии договора 60-х годов IX в., он предложил считать его не первым в истории русско-византийских дипломатических отношений, а лишь вторичным, восстанавливающим соглашение, нарушенное войной 860 года. Кроме того, он обратил внимание на данные Ибн-Хордадбе о взятии в Византии с русских купцов десятины за проданные товары и посчитал поход 860 г. карой со стороны Руси за нарушение Византией торгового договора, открывавшего русским гостям свободный доступ в империю. Последующее посольство руссов в Константинополь (о котором сообщают продолжатель Феофана, Константин Багрянородный, а позднее Зонара и Кедрин) и является миссией, восстановившей старую торговую практику⁹⁸. Начальный же договор А. В. Лонгинов относит ко времени русского посольства в Константинополь в 838 году.

Более подробно и аргументированно излагали дореволюционные ученые историю крещения Руси в 60-х годах IX века. Однако в данном событии их интересовали в основном вопросы историко-церковного характера и лишь попутно они касались политической стороны дела. В основном споры шли вокруг проблемы: какая Русь крестилась, кто послал на Русь епископа — Михаил III и Фотий или сменившие их в 867 г. Василий I Македонянин и Игнатий — и кого в этой связи считать «просветителем» Руси и т. д.⁹⁹.

⁹⁵ Там же, стр. 139. Совершенно не ясна дата — 866 г., которую упоминает Н. М. Карамзин. Надо полагать, что год, когда было написано послание, и год крещения — даты не совпадающие.

⁹⁶ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 212, 214, 216.

⁹⁷ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения, стр. 99.

⁹⁸ А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 43—44, 47.

⁹⁹ А. Л. Шлецер. Указ. соч., стр. 78—79; Макарий. История христианства в России. СПб. 1868, стр. 226—227; Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 130; его же. История России. Т. I. М. 1906, стр. 13; К. Бестужев-

История похода и соответственно история русско-византийских политических контактов в 60-е годы IX в. нашли отражение в некоторых зарубежных работах 30-х—40-х годов XX века. Большинство их пронизано духом норманизма, однако ряд содержащихся в них конкретных замечаний представляет известный интерес. Так, американский историк Д. Рондал считал, что поход 860 г.— это санкция за нарушение Византией договора о дружбе и торговле, заключенного между Киевом и Константинополем еще во время миссии 838 года. Автор писал, что русские сняли осаду после переговоров, благодаря которым они получили большой выкуп, а формальный договор был заключен позднее и подтвердил прежние соглашения. Обещание принять христианство руссы дали под стенами Константинополя, и Фотий сыграл важную роль в обращении Руси в христианство¹⁰⁰.

Анализируя данные продолжателя Феофана и «Окружное послание» Фотия, А. А. Васильев утверждал, что после 860—861 гг. между Византией и Русью был заключен один, а может быть, и два дружественных договора. Одни переговоры были проведены в правление Михаила III и патриаршество Фотия. А. А. Васильев обращает внимание на то, что в «Окружном послании» Фотий сообщает о крещении Руси сразу же после сведений о крещении Болгарии (864 г.); это может пролить свет на хронологию первого договора—около 863—864 годов. Окончательный же мир с Русью был заключен (по данным Константина Багрянородного) уже после убийства Михаила III и смещения Фотия, а значит, договор, заключенный между 863—864 и 867 гг., действовал недолго. Но А. А. Васильев допускает, что Константин Багрянородный мог приписать своему деду честь заключения договора с Русью, между тем как в действительности он, возможно, был заключен еще Михаилом III¹⁰¹. Связи между переговорами и крещением Руси А. А. Васильев также не усматривает. В то же время он одним из немногих попытался выяснить содержание русско-византийского договора 60-х годов IX века. Разбирая договор Олега с греками 911 г., он обратил внимание на статью, разрешающую русским служить в византийской армии. Если же учесть, что Константин Багрянородный в своем сочинении «О церемониях» сообщил о действиях русского отряда в 700 воинов в составе войск Гимерия, отправившихся на Крит в 902 г., то становится очевидным, пишет А. А. Васильев, что это разрешение восходит к договору 60-х годов IX века¹⁰². (Кстати, первым на это указал английский историк Д. Бари в 1912 г., отнесший это разрешение не только к руссам, но и к варягам и англичанам¹⁰³). Отношения «политической дружбы», считает А. А. Васильев, прослеживаются в «Окружном послании» Фотия, где говорится, что руссы стали «друзьями» империи. К 60-м годам IX в., по мнению А. А. Васильева, восходит и разрешение русским торговать в Константинополе и селиться возле монастыря св. Мамы, отмеченное позднее и в договоре Олега с греками под 907 годом¹⁰⁴.

Рюмин. Указ. соч., стр. 99; А. Папалопуло-Керамевс. Указ. соч., стр. 393; В. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава. 1913, стр. 52—53; В. И. Ламанский. Указ. соч., стр. 73—75, 97, 99, 111—112; Н. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП. Новая серия, ч. LXXI, 1917, сентябрь, стр. 92.

¹⁰⁰ G. Raundal. Stories of the East Vikings. Minneapolis. Minn. 1938, pp. 187, 188—190.

¹⁰¹ A. Vasiliev. Op. cit., pp. 230—232. В своей ранней работе «Византия и арабы» (СПб. 1902) А. А. Васильев более определенно поддерживает версию, высказанную Константином Багрянородным относительно роли Василия I в упомянутых событиях (стр. 7—8).

¹⁰² A. Vasiliev. Op. cit., pp. 231—232.

¹⁰³ J. B. Bury. A History of the Eastern Roman Empire. L. 1912, p. 422.

¹⁰⁴ A. Vasiliev. Op. cit., pp. 232, 233.

В специальной работе о ранних русских нападениях на Константинополь канадский историк А. Боук пишет о заключении между 860 г. и началом X в. одного или более мирных договоров Руси с Византией, следы которых он усматривает в разрешении русским гостям торговать в Константинополе, в «начале миссионерских усилий православной церкви среди русских, в разрешении русским воинам служить в византийской армии»¹⁰⁵, на что уже обращали внимание Д. Бари и А. А. Васильев.

Неоднократно в западной историографии затрагивались сюжеты русского крещения 60-х годов IX века. Одни историки (вслед за их русскими предшественниками) относили его ко времени Фотия, другие — ко времени Игнатия. И, конечно, вопрос этот в соответствии с традицией рассматривался вне связи с дипломатическими проблемами того времени¹⁰⁶. Причем некоторые авторы откровенно проводили норманскую концепцию, расценивая нападение 860 г. как один из походов викингов, тогда как другие считали тот же поход принадлежащим истории восточных славян¹⁰⁷. Диссонансом даже по отношению к зарубежным работам норманистского толка явилось положение, выдвинутое И. Сорлен, о том, что вряд ли можно говорить о заключении в то время какого-то дипломатического соглашения между Византией и Русью. Все источники упоминают только о крещении, и лишь один Константин Багрянородный пишет о договоре. Само крещение И. Сорлен относит ко времени Фотия и вслед за В. И. Ламанским связывает его с миссией в Причерноморье Кирилла и Мефодия¹⁰⁸. Тем самым И. Сорлен практически сводит на нет политические результаты русского похода 860 года.

В советской историографии вопрос о политических контактах, последовавших за нападением руссов на Константинополь в 860 г., подробно исследовал М. В. Левченко. Во-первых, он определенно считал, что вскоре последовало «регулирование взаимных отношений равноправными договорами». Византия вынуждена была пойти на эти новые отношения с Русью¹⁰⁹. Во-вторых, он выступил против тех историков, которые полагали, что крестилась Русь не поднепровская, а азово-черноморская. Вслед за В. И. Ламанским М. В. Левченко высказал мысль что в Крыму не было значительных русских поселений, а готы, которые там жили и которых византийцы ошибочно могли принять за руссов, были настолько малочисленны, что не могли организовать столь масштабный поход¹¹⁰. Христианство давно уже стало для Византии средством, с помощью которого она превращала бывших противников в союзников и даже вассалов. Христианизация окрестных народов являлась определенной государственной линией империи и проводилась как Михаилом III, так и Василием I. М. В. Левченко вполне доверяет сообщениям Константина Багрянородного относительно христианизации Руси, полагая, что правительство Василия I — Игнатия успешно продолжало линию, проводимую в этом вопросе Михаилом III — Фотием и проявившуюся в крещении Болгарии в 864 г. и в начале крещения Руси. «Фотиево крещение не легенда», — пишет М. В. Левченко. Однако

¹⁰⁵ A. E. R. Boak. The Earliest Russian Moves against Constantinople. «Queen's Quarterly». Vol. LV, № 3. Kingston. Ontario. 1948, p. 312.

¹⁰⁶ See: E. Hanigman. Studies in Slavic Church. The Foundation of the Russian Metropolitan Church According to Greek Sources. «Byzantion», Vol. XVII. 1944—1945. Bruxelles, pp. 128—162.

¹⁰⁷ See: F. Dvornik. The Slavs. Early History and Civilization. Boston. 1956, pp. 196—197.

¹⁰⁸ I. Sorlin. Les traités de Byzance avec la Russe au Xe siècle. «Cahiers du Mond Russe et soviétique». Vol. II, № 3, P. 1961, pp. 322—323.

¹⁰⁹ М. В. Левченко. Указ соч., стр. 76.

¹¹⁰ Там же, стр. 81.

факты, изложенные в сообщении Константина Багрянородного, М. В. Левченко все же относит ко времени Василия I—Игнатия, а не Фотия¹¹¹. Таким образом, признавая наличие межгосударственного договора Византии и Руси, он не видит непосредственной связи между этим договором и крещением; последнее он отодвигает практически на время после 867 года. В. Т. Пашуто считает, что после военных событий 860 г. «вскоре, видимо, был восстановлен мир и скреплен договором»¹¹². А затем уже «при императоре Василии I состоялся обмен посольствами между двумя государствами, был заключен «договор мира и дружбы» и крестилась какая-то часть руссов». Эта оценка, в целом несомненно правомерная, также не может нас полностью удовлетворить, так как не раскрывает смысла первого и второго договоров, связи договоров и крещения. В обобщающих советских работах вопрос о заключении мирного договора между Византией и Русью и о крещении Руси решается на основе сведений, сообщенных Константином Багрянородным и Фотием. Авторы «Истории Византии», например, полагают, что «попытки обратить русских в христианство предпринимались неоднократно. Принятие христианства Болгарией не могло не оказать влияния на господствующие круги Русского государства. Повышение международного авторитета новообращенной Болгарии, выгодные торговые отношения с Византией, усиление центральной власти—все это должно было привлечь внимание правителей Русского государства»¹¹³. В этой характеристике привлекает стремление показать значение христианизации Руси не только для государственных интересов Византии, но и для правящих слоев Древнерусского государства.

Таким образом, до настоящего времени сообщения византийских источников о двух крупнейших событиях в истории Руси в 60-е годы IX в. в основном рассматривались изолированно друг от друга, что совершенно неверно. Нет определенной ясности в отношении хронологии событий, а это приводит к весьма различным толкованиям политических итогов похода 860 года. Нет единства относительно интенсивности политических контактов Византии и Руси того времени: историки называют и один и два договора; одно и два крещения; договор (или договоры) 60-х годов IX в. считают и отправной точкой дипломатических отношений двух государств и лишь продолжением таких отношений, начавшихся еще в 30-е годы того же века. Обращает на себя внимание информационный характер изложения событий, последовавших за походом 860 г., что в известной мере объясняется скудостью и противоречивостью источников. И лишь некоторые историки попытались восстановить содержание дипломатического акта 60-х годов IX века. В связи с этим, несмотря на обширную историографию, вопрос и сегодня практически остается дискуссионным, что дает нам основание высказать свою точку зрения по этому поводу.

При чтении византийских авторов прежде всего бросается в глаза деталь, которая не была отмечена в полной мере предшествующей историографией. Во всех сообщениях без исключения говорится, во-первых, о заключении между Византией и Русью в то время не нескольких, а одного дипломатического соглашения и, во-вторых, о крещении как неотъемлемом условии именно этого соглашения. Так, в «Окружном послании» Фотий сообщает, что руссы «в настоящее время» (следовательно, до 867 г., к которому относится «Окружное послание») променяли языческую веру на христианство, «с любовью поставив себя в чине подданных и друзей (наших)». Как видим, здесь причисление руссов к друзьям объединено с их крещением, а сам акт превращения руссов

¹¹¹ Там же, стр. 79.

¹¹² В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 59—60.

¹¹³ «История Византии». Т. II, стр. 229.

в «подданных» (или «преданных») и «друзей» формулируется как типичный договор о «мире и любви», который греки неоднократно заключали с варварскими государствами. Руссы, говорится в «Послании», «с любовью» поставили себя в чине «подданных и друзей». Являются ли в данном контексте слова «с любовью», «в чине» (или «в числе», как переводят некоторые историки), «подданные» (или «преданные») и «друзья» просто эмоциональной расцветкой цитируемого документа? Нам кажется, что это не так. Этими словами Фотий четко отразил характер типичного соглашения, хорошо известного современникам. В церковном послании не было необходимости формулировать смысл договора официальными дипломатическими фразами, да и сообщения об изменении политических отношений Византии и Руси является здесь вопросом второстепенным — ведь на первый план выносятся крещение Руси, идея о благотворной силе христианства.

Итак, уже в этом сообщении объединяются воедино два события, происшедшие вскоре после нападения руссов на Константинополь: договор о «мире и любви» и крещение Руси. Бесспорна и хронология этих событий — они произошли до 867 г., в период патриаршества Фотия, который в «Послании» как бы подводит итог своим усилиям по христианизации окрестных народов: крещение приняли и болгары и русские. Фотий говорит о крещении Руси как о факте, который «в настоящее время», то есть в 867 г., уже стал достоянием истории. И еще раз Фотий упоминает о времени событий — руссы подняли руку на Ромейскую державу «незадолго» перед тем, как поставили себя «в чине» друзей империи. Следовательно, заключение договора, крещение Руси, направление к руссам архиепископа произошло вскоре после ухода их из-под Константинополя. О каких руссах пишет Фотий — о тех ли, что напали на Константинополь 860 г., или других? Без сомнения, речь идет все о том же нападении 860 года: в «Окружном послании» повторен лейтмотив проповедей, где с негодованием говорится о грехопадении греков, допустивших руссов к стенам Константинополя: и те «подняли руки» против Ромейской державы (в «Окружном послании»), «восплескали руками, неиствуя в надежде взять царственный город» (в первой проповеди Фотия). Упоминание о нападении руссов на Византию в «Окружном послании» явилось отражением все того же резонанса событий 860 г. в византийских источниках IX—X веков.

У продолжателя Феофана вопрос о переговорах между Византией и Русью вновь объединяется с идеей крещения Руси, но вводится и новый момент — сообщается о русском посольстве в Константинополь, следовавшем за окончанием военных действий. Дается здесь и хронология этого посольства, пришедшего с просьбой о крещении. Оно случилось «немного времени спустя» после нападения Руси на Константинополь. Само описание этого нападения у продолжателя Феофана не оставляет сомнения, что речь идет именно о русской атаке в 860 году. Что касается крещения Руси, то о нем говорится в общих чертах, что оно «было исполнено». Кем? Когда? Источник об этом умалчивает. Здесь впервые мы встречаемся с фактом, когда посольство с просьбой о крещении преподносится как одно событие, а само крещение — как совершенно другое, но связанное с содержанием переговоров, проведенных русской миссией в Константинополе.

Сообщение Константина Багрянородного, повторяя общую канву событий, вводит новые детали. Автор совершенно определенно упоминает о заключении мирного договора Византии с Русью, указывает на преподнесение руссам дорогих подарков (золота, серебра, дорогих тканей), которыми Василий Македонянин склонил их к миру. Одновременно повторяется и версия о принятии Русью христианства как об одном из условий мирного договора: именно во время переговоров император убе-

дил русское посольство согласиться на крещение Руси и принять архиепископа. И снова посольство, переговоры о крещении Руси идут в одном временном ключе, а крещение, посылка на Русь архиепископа — в другом. Что касается хронологии событий, то все источники отнесли их по формальному признаку — упоминанию Василия Македонянина — к годам правления Василия I, однако в самом тексте на этот счет нет точных указаний, а говорится лишь, что Василий провел с руссами переговоры, склонил их к договору богатыми подарками и убедил «сделаться участниками божественного крещения». Был ли он в то время императором или еще могущественным фаворитом Михаила III, соправителем, расчищающим себе дорогу к власти, — вопрос далеко не ясный. Сам же акт крещения в сообщении Константина Багрянородного, так же как и в других источниках, отделен от факта переговоров по поводу крещения, которое, согласно царственному хронисту, было проведено при патриархе Игнатии. Позднейшие сведения Никоновской летописи говорят о событии лишь в общих чертах, но также упоминают о «мирном устроении» Василия Македонянина с руссами и склонении их к христианству.

Таким образом, все источники совершенно определенно и единодушно отмечают, что после ухода руссов от Константинополя между Византией и Русью был заключен мирный договор. Смысл его раскрывается в изложении и Фотия, и продолжателя Феофана, и Константина Багрянородного. Это было заключение типичного договора «мира и любви» со всеми характерными для такого случая аксессуарами. «Варварское» (в данном случае русское) посольство появляется в Константинополе; происходит переговоры между руссами и греками; заключение договора сопровождается обычным в таких случаях преподнесением руссам дорогих подарков. Сам договор свидетельствует о превращении бывших противников империи в ее друзей. «Мир и любовь» — вот та формула, на основе которой отныне будут строиться отношения между Русью и Византией. Наконец, отраженный свет этого договора мы обнаруживаем через 50 с лишним лет в договоре Олега с греками 911 г., на что уже обратила внимание отечественная историография¹¹⁴. В нем говорится, что русские послы были направлены Олегом в Константинополь к императорам Льву, Александру и Константину «на удержание и на извещение о многих лет меж христиан и Русью бывшую любовь...». И еще: Олег собирался «удержати и известити такую любовь, бывшую меж хрестьяны и Русью многожды»¹¹⁵, то есть в течение многих лет. Следовательно, договор 911 г. четко проводит мысль о существовании и до событий 907—911 гг. мирных отношений между Византией и Русью на уровне договора «мира и любви».

Кроме этой общей формулы, лежащей в основе политического смысла договора, определенно можно говорить о наличии одного из его конкретных условий — крещении Руси. Все византийские источники сохранили следы именно этого договорного условия. И не только сохранили, но и известным образом его интерпретировали: продолжатель Феофана говорит, что посольство Руси само просило греков осуществить крещение Руси, Константин Багрянородный, напротив, сообщает, что в ходе переговоров Василий Македонянин убедил руссов креститься. Патриарх Фотий пишет, что руссы сами, без принуждения, переменили языческую веру на православие. Таким образом, в одном случае крещение было договорным условием, выдвинутым русскими (продолжатель Феофана); в другом греки сами о нем просили руссов (Константин Багрянородный), в третьем крещение толкуется (Фотий) как добровольный акт

¹¹⁴ Макарий. Указ. соч., стр. 220; А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 432, и другие.

¹¹⁵ ПВД. Т. I. стр. 26.

со стороны Руси. Однако в данном случае мы не можем связывать сообщение Фотия с ходом переговоров, так как он говорит не о характере их, а о самом крещении, осуществленном уже в ходе общего политического регулирования в более поздние, чем переговоры, сроки. Рассматривая сообщения продолжателя Феофана и Константина Багрянородного о переговорах по поводу крещения, мы можем выбрать, казалось бы, любую из двух версий. Но думается, такого выбора на деле быть не могло. Принятие христианства «варварским» государством вовсе не являлось однозначным актом, который устраивал лишь одну сторону. Поэтому невозможно принять точку зрения о том, что крещение было навязано Руси в результате ее неудачного похода на Константинополь и что Византия стремилась тем самым вступить с новым сильным государством в союзные отношения, а сама христианизация окрестных народов была для Византии лишь тем средством, которое империя использовала для политического давления на эти народы.

Мы полагаем, что ближе к истине стоят авторы «Истории Византии», отметившие интерес правящих кругов Руси к обращению в христианство в связи с закономерным ростом в результате этого международного авторитета христианизирующейся стороны, выгод внешнеторгового и внутривизантийского порядка и т. д. Традиции русско-византийских и болгаро-византийских отношений идут именно в этом направлении. Во всех случаях частичной христианизации Руси на протяжении почти полутора веков (IX—X вв.) она была связана либо с ее победоносными походами, либо достигалась ее политиками иным путем, но всегда именно Русь стремилась продиктовать свои условия Византии. Так было во время похода на Амастриду в 30-х годах IX в., когда руссы добились того, что их крестил сам архиепископ Филарет, преемник святого Георгия Амастридского. Несомненно, что акт крещения безвестных руссов видным византийским церковным иерархом может восприниматься как определенное политическое достижение Руси. Тем более, что источник — «Житие святого Георгия Амастридского» — рассказывает о победоносном русском походе на Амастриду¹¹⁶. В 860 г. победоносный поход на Константинополь вновь вызвал к жизни сюжет крещения Руси. Причем продолжатель Феофана прямо говорит о том, что крещения требовало русское посольство. В 957 г. во время пребывания княгини Ольги в Константинополе также состоялись какие-то переговоры по поводу крещения, нашедшие отражение в летописной записи о крещении Ольги самим константинопольским патриархом и императором Константином Багрянородным. Русский летописец расценил это событие как определенную политическую привилегию¹¹⁷. Наконец, в ходе победоносного русского похода на Корсунь произошло крещение Руси при Владимире Святославиче.

И параллельно этому в каждом из перечисленных случаев создавалась версия (выдвигаемая, видимо, византийскими церковными кругами) о христианизации Руси как акте для руссов вынужденном, в котором проявлялось политическое влияние Византии и сила православия. Эта версия присутствует при описании событий в Амастриде, когда лишь крещение спасло руссов от гибели, прослеживается она и при описании событий 60-х годов IX в.: Фотий сообщает, что руссы променяли нечестивое язычество на праведное православие, и в этом чувствуется определенный религиозный подтекст. Константин Багрянородный пишет об успехе своего деда, которому удалось убедить руссов креститься. Византийские авторы, конечно, старались скрыть истинную политическую подоплеку событий, затушевать государственные интересы Руси, связанные

¹¹⁶ См. об этом подробнее: А. Н. Сахаров. У истоков русской дипломатии. Первая половина IX века.

¹¹⁷ ПВЛ. Т. I, стр. 44.

с христианизацией, умолчать, что для Руси получение крещения из рук видных церковных византийских иерархов являлось делом большого политического престижа.

Русские летописцы, находившиеся под влиянием византийских хронистов и сами стремившиеся подчеркнуть роль христианства, проявляли, конечно, мало заботы о том, чтобы выявить истинный политический интерес обеих сторон к христианизации. А о том, что такой интерес в 60-е годы IX в. был и у Византии и у Руси, свидетельствует фраза Константина Багрянородного о стремлении Василия убедить руссов креститься и сообщении продолжателя Феофана о желании руссов принять крещение из рук империи. Эти сведения отражают стремление договаривающихся сторон добиться для себя наибольшей политической выгоды. Руссы должны были при этом учитывать и возможность языческой оппозиции в своей стране. Поэтому переговоры могли быть напряженными. И хотя руссы в дальнейшем, согласно с условиями договора, приняли архиепископа, хотя русская епископия и появилась под номером 61 в уставе «О церковном чине» Льва VI Философа (сына Василия I Македонянина), но это были лишь первые шаги, которые остроумно и с выгодой для себя делали обе стороны. Сложный характер христианизации для Византии и для обращающейся в христианство страны подтверждается и практикой болгаро-византийских отношений в 60-е годы IX века¹¹⁸.

Данная статья русско-византийского мирного договора 60-х годов IX в. и дошла до нас в глухих фразах византийских авторов, которые, конечно, не раскрывали всей политической сложности проходивших переговоров, хотя текст Константина Багрянородного и позволяет судить об их напряженности. Конечно, христианизация Руси была не единственным конкретным условием русско-византийского договора. Одним из важнейших пунктов договоров «мира и любви», заключаемых Византией с «варварскими» государствами, являлась выплата им ежегодной дани. Греки уплачивали ее гуннам, болгарам, аварам, хазарам, и всякий раз неуплата дани вызывала очередной военный конфликт между «варварами» и империей. У нас нет прямых свидетельств о включении статьи о дани в русско-византийский договор 60-х годов IX в., но косвенно следы этого условия сохранились в сообщении Константина Багрянородного о том, что Василий Македонянин склонил руссов к переговорам «щедрыми подарками». Это могли быть и обычный подкуп иностранного посольства для того, чтобы добиться наиболее выгодных условий мира, и посольские дары, которые в византийской да и мировой практике средневековья было принято преподносить зарубежным посольствам дружественных государств. Но это могла быть и дань, уплаченная греками руссам за обещание сохранить мир «на вечные времена». Как показал Д. В. Айналов, золото, серебро, шелковые ткани неизменно входили в состав византийской дани «варварам» за мир и союзную помощь¹¹⁹. Вспомним, что в тех случаях, когда Повесть временных лет говорит о сюжетах, связанных со взиманием дани с греков, она неизменно упоминает золото, серебро, дорогие ткани. Так, в 907 г. Олег увозил с собой в Киев дань в виде золота и паволок¹²⁰, в 944 г. греки уплатили Игорю такую же дань (золото и паволоки)¹²¹ и т. д. Поэтому вполне вероятно, что традиционная статья об уплате византийцами дани могла присутствовать и в «мирном устроении» Руси с Византией в 60-е годы IX века.

¹¹⁸ См.: «История Болгарии». Т. I, стр. 73—74; «История Византии». Т. I, стр. 197—198.

¹¹⁹ Д. Айналов. Очерки по истории древнерусского искусства. О дарах русским князьям и послам в Византии. «Известия ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 2, стр. 293—294.

¹²⁰ ПВЛ. Т. I, стр. 25.

¹²¹ Там же, стр. 34.

Следы двух других условий, как верно заметили А. В. Лонгинов, А. А. Васильев, А. Боук и другие историки, прослеживаются в позднейших договорах Руси с греками. В договоре 911 г. есть статья, разрешающая русским службу в византийской армии¹²², восходящая к 902 г., а возможно, и к более раннему времени¹²³. Подобная практика могла возникнуть лишь в ходе определенной дипломатической договоренности, достигнутой в 60-е годы IX в., тем более, что ни в византийских, ни в русских источниках не отложилось сведений об иных мирных договорах Руси с Византией за период с 60-х годов IX в. до 907 г., хотя это обстоятельство не исключает последовавших за «мирным устроением» 60-х годов IX в. других русских посольств в Византию и новых переговоров.

В свое время в дореволюционной историографии существовала ошибочная точка зрения (вызванная неточным переводом проповедей Фотия), согласно которой поход 860 г. был вызван нарушением греческой стороной условий прежнего торгового соглашения, оскорблением (или убийством) русских купцов. В дальнейшем в дореволюционной, советской и послевоенной зарубежной историографии эта ошибка была замечена¹²⁴. Вместе с тем интерес к данной стороне русско-византийских отношений, вызванный ошибочным толкованием Фотия, привел и к позитивным моментам. В частности, историки обратились ко всем известным упоминаниям о русско-византийской торговле — сведениям Ибн-Хордадбе о взимании с русских купцов десятины, известиям Повести временных лет о существовании русско-византийской торговли, отразившихся в легенде об убийстве Олегом Аскольда и Дира, когда Олег и его дружина прикинулись русскими гостями, идущими в Царьград. Все эти факты, конечно, следует учитывать, так как они подтверждают наличие старинных торговых связей Руси с Византией, которые должны были регулироваться новым политическим соглашением. Вполне вероятно, что именно в договоре 60-х годов IX в. нашли отражение условия о местопребывании русских гостей у монастыря св. Мамы и некоторые другие моменты, повторенные впоследствии в договоре Олега с греками в 907 году.

Историки, которые отказались от ошибочной версии о нарушении Византией прежнего торгового договора, тем не менее считали, что договор 60-х годов IX в. восстановил нарушенную нападением 860 г. русско-византийскую торговлю и регламентировал ее¹²⁵. С этими положениями можно согласиться. Однако из поля зрения исследователей ускользнула одна немаловажная деталь договора 911 г., которая прямо ведет к условиям соглашения 60-х годов IX века. Она говорит о наличии между Византией и Русью наряду с «любовью» определенной системы торговых и дипломатических отношений: «егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу»¹²⁶. «Купля» (торговля) и «солба» (посольство) рассматриваются в договоре 911 г. как традиционная практика отношений между двумя государствами, существовавшая задолго до начала X века. Когда же она могла возникнуть? Видимо, в ходе русско-византийских торговых и дипломатических контактов в IX веке. «Купля» и «солба» должны были найти свое отражение и в договоре 60-х годов IX в. как традиционные условия договора о «мире и любви», обычно включающего свободную торговлю между дружественными государствами и посольские обмены. Эта практика, возникшая в русско-византий-

¹²² Там же, стр. 28.

¹²³ См.: Х. М. Лопарев. Греки и Русь. СПб. 1898, стр. 11.

¹²⁴ В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки, стр. 175—176; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 63; А. Васильев. Op. cit., p. 130—131.

¹²⁵ А. В. Лонгинов. Указ. соч., стр. 43—44, 47; А. Васильев. Op. cit., p. 233; А. Вок. Op. cit., p. 312.

¹²⁶ ПВЛ. Т. I, стр. 27.

ских отношениях в IX в. и подтвержденная в договорах X в., прошла через века русской истории (как это бывало и в других схожих случаях), она ярко проявила себя и в годы феодальной раздробленности и в период Русского централизованного государства. В «удельное» время формула «мира и любви» неизменно была связана с практикой «чистого пути» для купцов и дипломатических представителей, а Иван III, отсылая в 1489 г. к императору Священной Римской империи Фридриху посольство Юрия Траханиота (цель которого состояла в установлении дружеских дипломатических отношений с Германской империей), наказывал послу, чтобы тот заявил в Вене: «абы меж нас было приятельство и любовь» и «люди бы наши для приятельства нашего и любви меж нас ездили и здоровье наше ведали»¹²⁷. В дальнейшем, в XV—XVII вв. в отношениях с Австрийской империей, Турцией, другими европейскими государствами классическая формула «мира и любви» или «любви и приятства» неизменно сочеталась с положениями о свободном проходе купцов, послов и гонцов, чтобы те «очи» государей видели и крепили тем самым дружественные контакты между странами. При этом зачастую не было речи о каких-то конкретных союзных или иных обязательствах.

Итак, в результате напряженных переговоров в 60-х годах IX в. состоялось заключение русско-византийского договора, который являлся договором «мира и любви» между двумя странами и открывал новую страницу в отношениях между ними. Локальные перемирия с византийскими властями в первой половине IX в., затем посольство рекогносцировочного характера 838—839 гг., перемирие под стенами Константинополя и, наконец, первый межгосударственный договор — таковы этапы развития дипломатических отношений между Русью и Византией в IX веке. Договор 60-х годов IX в. включал как важное политическое положение «мира и любви», характерное для такого типа соглашений, так и конкретные условия о крещении Руси, возможно, о выплате руссам ежегодной дани, разрешении им вступать в византийскую армию, торговать на территории империи, посылать в Византию дипломатические миссии. Вполне естественно, что из всех возможных перечисленных статей этого договора в византийских источниках отложились лишь две — о «мире и любви» с Русью, то есть превращении ее в союзное государство, и о крещении Руси. Именно эти статьи можно было трактовать с определенной пользой для византийской политики. Данные условия в тогдашней международной жизни действительно занимали видное место, и лишь одни они стояли на уровне крупных международных политических комбинаций своего времени. Другие условия договора являлись для Византии ординарными, она не раз их включала в различного рода соглашения с «варварами» и так же легко нарушала при первом удобном случае, вызывая против себя гнев и новые походы со стороны «варварских» государств. Однако совсем иное значение имели эти статьи для Древнерусского государства. Если заключение договора «мира и любви» с империей и соглашение о крещении, а точнее сказать о допуске на русскую территорию православной миссии, имело для Руси огромное политическое значение, небывало подняло престиж Древнерусского государства и означало своеобразное «дипломатическое признание» Древней Руси (как добились его в свое время болгары, авары, хазары), то конкретные статьи договора представляли собою уже первые реальные плоды этого признания. Русь все более четко формулировала свои внешнеполитические и экономические интересы в отношении империи, вступая на тернистый путь тогдашней причерноморской политики.

¹²⁷ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Т. I. СПб. 1851, стр. 16.

Дополнительный свет на события 60-х годов IX в. и на историю русско-византийских отношений того времени проливают сведения Никоновской летописи. Рассматривая эти сообщения, Б. А. Рыбаков отмечает, что Никоновская летопись¹²⁸ говорит о четырех «походах» руссов: 1) 858—865 гг.— на Царьград; 2) 866—867 гг.— на Царьград; 3) 867—888 гг.— не доведенный до Царьграда; 4) недатированный, о котором упоминает раздел «О пришествии агарян». О последнем Б. А. Рыбаков пишет: «Возможно, что это описание является дубликатом одного из трех упомянутых». По ряду признаков первый, не датированный точно поход Б. А. Рыбаков относит к 18 июня 860 г.; второй, датируемый 866—867 гг.— к 866 году¹²⁹. На основании содержания источника, можно говорить лишь о походе 860 г. и не доведенном до столицы недатированном походе Аскольда. Судя по фактическим упоминаниям, как подчеркивает Б. А. Рыбаков, следует присоединить сюда еще поход 866 г. Аскольда и Диры на Константинополь, хотя весь текст этого документа целиком повторяет версию Симеона Логофета о походе 860 года. Относительно похода 860 г. Б. А. Рыбаков отмечает, что византийские источники сообщают различные сведения о числе русских кораблей, погоде и т. п. Однако, несмотря на эти расхождения, восходящие к двум разным авторам, писавшим первыми о данном походе (продолжатель Феофана и Симеон Логофет), оба они говорят об одном событии — нападении руссов 860 года. Их описания разнятся лишь деталями. Предположение о том, что на протяжении 6 лет было два похода на Царьград, нам представляется невероятным, особенно если учесть, что между греками и русскими было заключено после 860 г. общеполитическое соглашение, включающее и конкретные статьи.

Итак, вместо стройного изложения событий по содержанию (поход 860 г.; мирный договор у стен Константинополя; последующее посольство Руси и мирное соглашение; новые переговоры, возможно, осложненные нападениями руссов на причерноморские владения империи — не доведенный до конца поход Аскольда; крещение части Руси, возможно, в 866—867 гг.) согласно данным Никоновской летописи, мы имеем калейдоскоп событий, многократные походы. Нам кажется, что такой подход неправилен. Во-первых, он не разрешает хронологическую путаницу; во-вторых, заставляет отказываться от ряда явно датирующих признаков, на которые указывает Б. А. Рыбаков, характеризуя упоминания в летописях о походах руссов против Византии; в-третьих, это делает поход 860 г. одним из рядовых событий, хотя против этого восстает вся историческая канва (и в византийских и русских источниках он выделен в качестве экстраординарного явления, определившего «начало Русской земли»); в-четвертых, нарушается уже устоявшаяся, традиционная смена событий, когда после нападения «варваров» греки вступали с ними в мирные соглашения разного ранга и содержания, заключали союзные договоры и т. п. И еще одно замечание: как нам кажется, Б. А. Рыбаков не совсем точно определяет миссию императора Василия на Русь как посольство, отправленное с богатыми дарами. Источники говорят о посольстве руссов в Константинополь, где их склонили к договору богатыми подарками, а на Русь отправилось не византийское посольство, а христианские миссионеры. Подчеркнуть это представляется важным потому, что посылка такого посольства в столицу только что политически возникшего государства была для византийской дипломатии делом противоестественным. Впервые такое посольство появилось в Киеве лишь в 945 г. и то лишь для того, чтобы присутствовать на церемонии ратификации Игорем договора, который был составлен во время переговоров с русскими послами в Константинополе.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. IX, стр. 7—13.

¹²⁹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 166, 167.

Русские летописи не донесли до нас ни единого следа об условиях договора русских князей с греками в 60-х годах IX века. Думается, что это не случайно. Первенство здесь летописцы отдают Олегу, победившему греков в 907 г., а Аскольд и Дир, видимо, совершенно продуманно отодвигаются в тень; не с них, а с Олега, «основателя» единого Древнерусского государства идет счет дипломатическим победам руссов. Эту версию и приняла частично последующая историография¹³⁰. Однако это, видимо, неверно. 860 год — вот дата первого большого успеха Древнерусского государства, первой дипломатической разведки, первого в истории Руси перемирия у стен Константинополя, последующего политического соглашения о «мире и любви» с Византийской империей, содержащего конкретные политические и экономические статьи, в том числе условие о крещении Руси, которое представляло сложный и длительный процесс, начатый при Михаиле III — Фотии и продолженный при Василии I — Игнатии. События 860 г. и заключение после них русско-византийского договора означали признание Византией мужающего Древнерусского государства, говорили о дальнейшем развитии древнерусской дипломатической практики, сделавшей в середине 60-х годов IX в. весьма значительный шаг вперед и поставившей Древнерусское государство в отношениях с Византийской империей на уровень других «варварских» государств причерноморского и балканского мира.

Приведенные выше соображения могут дать дополнительные аргументы в споре с норманистами, утверждавшими, что поход 860 г. был осуществлен варяжскими (или норманскими) находниками, норманским государством на Днепре и т. д. и никакого отношения к Древнерусскому государству не имеет.

В защиту славянского характера государства, осуществившего поход на Константинополь в 860 г., выступали в дореволюционной историографии Г. Эверс, Макарий, Д. И. Иловайский, С. А. Гедеонов, В. С. Иконников, А. А. Шахматов и другие¹³¹. Решающую роль в разгроме анти-норманистских концепций происхождения Древнерусского государства сыграли работы советских историков Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольского, А. Г. Кузьмина и других, а также историков социалистических стран, в частности Г. Ловмянского¹³².

¹³⁰ М. В. Левченко считает, например, что события 60-х годов IX в. лишь подготовили почву для равноправных договоров Руси с греками, состоявшихся уже позднее, в X в., то есть начинает вести счет таким договорам лишь с 907 г. (М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 76).

¹³¹ И. Ф. Г. Эверс. Указ. соч., стр. 227; Макарий. Указ. соч., стр. 218—220; Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 197; его же. О мнимом призвании варягов, стр. 17; В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. I. Киев. 1891, стр. 119; С. Гедеонов. Указ. соч., стр. 470 и другие.

¹³² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1946; его же. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Вып. VI—VII. 1947; Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства» М. 1955; его же. Спорные вопросы образования Киевской Руси. «Вопросы истории», 1960, № 9; его же. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в. «Вопросы истории», 1962, № 4; его же. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М. 1953; М. В. Левченко. Указ. соч.; В. Т. Пашуто. Указ. соч.; его же. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. «Скандинавский сборник». XV. Таллин. 1970; его же. Норманский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжествах. «Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии». Ч. I. М. 1971; его же. Летописная традиция о «племенных княжествах» и варяжский вопрос. «Летописи и хроники». Т. I. М. 1974; его же. Труды польского академика Г. Ловмянского по истории Литвы, Руси и славянства. «Вопросы истории», 1959, № 10, стр. 113; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л. 1965; М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа, стр. 43—45. Особую позицию в этом вопросе занимает А. Г. Кузьмин, считающий, что уже само признание варягов скандинавами, а не прибалтийскими славянами являет собой «уступку

При анализе конкретно-исторических сюжетов 860 г. советские историки использовали как аргументы дореволюционной историографии, так и новые убедительные доказательства в поддержку идеи о славянском происхождении Руси 860 года. Б. Д. Греков отметил, что «Русь или скифы рисуются Фотием большим, всем известным народом, за последнее время усилившимся благодаря завоеванию соседних племен»¹³³. На то же обстоятельство обратил внимание и М. В. Левченко, писавший, что «скифами византийцы в IX в. обычно называли славян»¹³⁴. Вслед за С. Геденовым¹³⁵ М. В. Левченко пишет, что Фотий, говоря о народе, «поставляемом наравне с рабами», то есть находящемся в подчинении другого народа, несомненно, имел в виду зависимость Руси от хазар, которая была ликвидирована в первой половине IX в. в процессе создания Древнерусского государства¹³⁶. Местонахождение руссов, описанное Фотием¹³⁷, также указывает в сторону поднепровских славян. В. Т. Пашуто отметил знание Фотием объединительных тенденций на Руси¹³⁸.

Почти все историки — «антинорманисты» отмечали, что Русь была хорошо известна в Византии благодаря и военным конфликтам первой половины IX в., и посольству 838—839 гг., и торговым контактам, о которых сообщает автор 60—70-х годов IX в. Ибн-Хордадбе, писавший, что «царь Рума» берет с русских купцов — «они же суть племя из славян» — торговую пошлину — десятину¹³⁹. Обращалось внимание и на соответствие описания приема Русью христианского миссионера в 60-е годы IX в., данное в сочинении Константина Багрянородного, «военно-демократическим» порядкам тогдашнего славянского общества. Этот автор рассказал, как представитель византийской церкви предложил руссам креститься и как они отнеслись к этому. «Князь этого народа, созвав собрание подданных и председательствуя окружавшими его старцами»¹⁴⁰, поставил вопрос на обсуждение. Евангелие для испытания силы новой религии полетело в огонь, выстояло, и руссы согласились принять архиепископа. Эта картина мало чем напоминает норманские дружинные порядки, зато от нее веет славянскими «военно-демократическими» обычаями. Убедительную критику норманистских построений А. А. Васильева дал М. В. Левченко. В буржуазной литературе за славянскую принадлежность похода 860 г. выступили Г. Вернадский и Ф. Дворник¹⁴¹.

Мы полностью поддерживаем все эти ценные наблюдения «антинорманистской» историографией относительно похода 860 года. Однако некоторые весьма важные обстоятельства не нашли в ней своего места при решении проблемы. Прежде всего нам хочется обратить внимание на то, что описание разгрома, учиненного руссами в окрестностях Константинополя и отраженного у Фотия, Никиты Пафлагонского, продолжателя Феофана, Симеона Логофета, в письме папы Николая I, в «Сло-

---

норманизму» (А. Г. Кузьмин. Об этнической природе варягов. (К постановке проблемы). «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 55); H. L o w m i a ń s k i. Zagadnienie roli pogranów w genezie państw słowiańskich. Warszawa. 1957, str. 116.

¹³³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 443. У Фотия: «Этот скифский и грубый варварский народ» (см.: «Две беседы Фотия...», стр. 425).

¹³⁴ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 43.

¹³⁵ См. С. Геденов. Указ. соч., стр. 470.

¹³⁶ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 43.

¹³⁷ Фотий говорил о нападавших, которые отделены от Византии многими странами и народами, судоходными реками и «безпристанищными морями». Это далеко от описания Крыма или Северного Причерноморья, но зато прямо ведет в поднепровско-новгородскую Русь (см.: «Две беседы Фотия...», стр. 424).

¹³⁸ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 59.

¹³⁹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С первой половины VII в. до конца X в. по р. х.). СПб. 1870, стр. 49.

¹⁴⁰ См.: Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 32.

¹⁴¹ G. V e r n a d s k y. Ancient Russia. New Haven. 1943, pp. 342—344; F. D v o r n i k. Op. cit., p. 195.

ве на положении ризы богородицы во Влахернах», соответствует обычной практике русских дружин во время завоевательных походов. Стремительность, ярость, разгром православных святынь, захват имущества и церковных ценностей — вот что характерно для нападения руссов на Суруж и Амастриду, на Константинополь в 907 г., похода Игоря 941 г., действий дружин Святослава во Фракии. Этими же чертами характеризуется и поход руссов на Константинополь в 860 году. Особенно дружно источники говорят об ограблении руссами церкви и их сожжении. В том же ключе и русские летописцы описывают походы Аскольда и Дира, Олега, Игоря против Византии. Следует напомнить, что Фотий считает это нашествие «непохожим на другие нападения варваров». Почему же? И неожиданность нападения, и жестокость расправы с греками, и разгром, учиненный руссами на занятой территории, Фотий считает типичными именно для данного нашествия, не имевшего подобных аналогий в прошлом. «Илиадой бедствий» назвал патриарх нападение руссов. Он говорит, что оно было «странным», «ужасным и неожиданным»¹⁴². Принимая во внимание риторичность проповедей, все же нельзя пройти мимо этих специфических черт, характеризующих нашествие, которые не раз в дальнейшем почти текстуально были повторены византийскими хрониками и русской летописью относительно позднейших русских нападений на Византию.

Ускользнула из поля зрения исследователей и характеристика, данная Фотием осадившему в 860 г. Константинополь войску, которая также ведет нас к русскому племенному ополчению и мало чем напоминает военную организацию норманнов. Войско руссов, говорит Фотий, «необученное военному искусству и составленное из рабов»¹⁴³. Нам неизвестно, что понимал Фотий в данном случае под рабами (возможно, участие в войске руссов покоренных ими соседних племен), но необученность русской рати, ее необузданная стихия, простодушно-детское выражение ею восторга перед стенами трепещущего Константинополя свидетельствуют о том, что перед нами не воины-профессионалы, а народное ополчение, организующим ядром которого могла быть дружина, состоявшая частично из пришлых элементов.

Но наиболее важным обстоятельством нам представляется дипломатическая практика Руси IX в., которая ярко говорит о том, что под Суружем и Амастридой, и в 838 г. в Константинополе, и в 860 г. под его стенами, и во время последующих мирных переговоров русского посольства в византийской столице греки имели дело не с норманско-готскими находниками, не с варяжским государством, а с растущей восточнославянской державой, вырабатывающей свои внешнеполитические стереотипы. В течение всего IX в. будто по ступеням развития государства руссов ведут нас византийские источники, рассказывающие о дипломатической практике своих опасных северных соседей. Сначала перемирие с обменом пленными, затем первое посольство, цель которого завязать контакты с великой империей, потом дерзкий удар по Константинополю, перемирие у его стен, посольство в византийскую столицу, переговоры, наконец, заключение договора о «мире и любви». И с каждым годом мы видим, пусть медленное и порой малозаметное, но усложнение этой практики, появление в процессе дипломатических контактов Руси с Византией все новых и новых признаков того, что Русь постигала сложный арсенал дипломатической традиции окружающих государств и прежде всего Византийской империи. 860 год принес признание Древнерусского государства Византией.

¹⁴² «Две беседы Фотия...», стр. 430, 431.

¹⁴³ Там же, стр. 426.

1905—1907 ГОДЫ В РОССИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ

В. Н. Виноградов, Ю. А. Писарев

Влияние революции 1905—1907 гг. в России на развитие революционных процессов на Балканах было исключительно широким, многоплановым и разносторонним, что объяснялось прежде всего сходными или общими чертами экономического и социального развития России и балканских стран и общностью многих исторических задач, стоявших перед ними. «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — писал В. И. Ленин в 1912 г., — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹.

Одной из самых злободневных проблем на Балканах была аграрная, сыгравшая громадную роль и в ходе русской революции. «Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции — *аграрный* (земельный) вопрос»², — писал В. И. Ленин. Этот вывод полностью относился к любой из тогдашних балканских стран. Чифликчийство в Македонии и кметчина в Боснии и Герцеговине, колонат в Далмации — эти пережитки старых форм производственных отношений в деревне восходили к средневековью. В Черногории, Албании, Ново-Пазарском санджаке и Косово сохранились многие элементы феодальных и даже родоплеменных отношений, в Румынии широко практиковалась отработочная система. Более половины сельскохозяйственных угодий (4 млн. из 7,8 млн. га) принадлежали в Румынии помещикам, крестьянство задыхалось от малоземелья (300 тыс. безземельных, 290 тыс. с наделами до 2 гектаров)³. В Сербии и Болгарии крестьяне освободились от феодальных пут еще в XIX в., но и здесь аграрный вопрос стоял очень остро. В обеих странах преобладало мелкокрестьянское хозяйство и ощущался сильнейший земельный голод. Так, в Болгарии почти треть крестьянских хозяйств составляли карликовые с пахотной площадью до 2 гектаров. Это был тип крестьянина, который В. И. Ленин называл классом «*наемных рабочих с наделом*»⁴. Бедняцко-батрацкая часть болгарской деревни, составлявшая 57% всех крестьянских хозяйств, владела всего 22% пахотной земли, в то время как зажиточная — 17,6% всех хозяйств — располагала 51% обрабатываемой земли⁵. Аналогичная картина наблюдалась в сербской деревне, где трудовое крестьянство также страдало от безземелья⁶.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 155.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 14, стр. 178.

³ Цит. по D. Hurezeanu. Problema agrară și lupta țărănimii din România (1904—1906). București. 1961, p. 59.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 170.

⁵ «История Болгарии». Т. I. М. 1954, стр. 386.

⁶ «Статистички годишњак Краљевине Србије». Књ. IV. Београд. 1898—1899, стр. 79—80.

Сельское хозяйство на Балканах, несмотря на проникновение в деревню капитализма, развивалось медленно. «Капиталистическая Болгария,— констатировал Т. Живков,— была крайне отсталой страной... с примитивным сельским хозяйством, страной деревянной сохи...»⁷. И это определение можно с полным правом распространить на соседние с Болгарией государства.

Промышленность на Балканах, хотя и достигла известных успехов в конце XIX — начале XX в., не шла ни в какое сравнение с индустрией передовых стран Европы. В Болгарии количество крупных промышленных предприятий выросло к 1911 г. до 345 против 103 в 1900 г., а численность занятых на них рабочих за тот же период увеличилась с 4716 до 15 886 человек⁸. В Сербии в 1905 г. насчитывалось 94 промышленных предприятия с 4730 рабочими⁹, к 1910 г. в стране было уже 428 предприятий с 16 095 рабочими¹⁰. Однако в Болгарии и Сербии по-прежнему преобладало мелкое производство и ремесло, которые давали в 1910—1911 гг. до 75% всей промышленной продукции этих стран. В этих странах в большой степени проявились глубокие противоречия между развивающимся капитализмом и еще достаточно сильными остатками феодализма. В Сербии, например, только в 1910 г. был принят закон об отмене цехового строя в промышленном производстве и ремесле¹¹. Румынская промышленность была развита больше, чем сербская и болгарская, но и здесь преобладали легкая и добывающая отрасли, машиностроение же отсутствовало полностью¹².

На Балканах был чрезвычайно высок уровень эксплуатации рабочего класса, выше, чем в остальных странах Европы¹³. В конкурентной борьбе с более сильными соперниками на внутреннем и частично мировом рынке предприниматели балканских стран стремились получить прибыль прежде всего за счет безудержной эксплуатации дешевой рабочей силы. В Южной Сербии и Ново-Пазарском санджаке в промышленности и ремесле сохранились крепостнические способы эксплуатации в виде так называемого «айлучарства». Рабочие и ремесленники — «айлучары» прикреплялись на время работы к данному производству, без права свободного перехода на другое предприятие. Им было запрещено требовать повышения заработной платы¹⁴. Г. М. Димитров, характеризуя способы эксплуатации рабочих Болгарии, называл владельцев предприятий «алчными разбойниками». Он писал в 1913 г.: «Разбойники и убийцы сейчас находятся не в горах, как это было в турецкие времена. Ныне они на фабриках, шахтах и других предприятиях страны, среди управляющих государством и в разных государственных учреждениях»¹⁵. Лидер сербской социал-демократической партии Р. Драгович называл рабочих и ремесленников «величайшими мучениками»¹⁶, а другой руково-

⁷ Т. Живков. Избранные статьи и речи. Т. II. М. 1965, стр. 641.

⁸ «Материали по история на Българската комунистическа партия». София. 1954, стр. 70.

⁹ «Статистички годишњак Краљевине Србије». Књ. X. Београд. 1910, стр. 369

¹⁰ «История Югославии». Т. I. М. 1963, стр. 474.

¹¹ Н. Вућо. Привредна историја ФНРЈ. Београд. 1949, стр. 231—232.

¹² По промышленной переписи 1901—1902 гг., в обрабатывающей промышленности Румынии насчитывалось 625 предприятий, считавшихся крупными (численность рабочих — более 37 тыс. чел.). В быстро росшей нефтедобывающей промышленности было занято в 1904—1905 гг. — около 6 тыс. человек, на транспорте — свыше 2 тысяч. Общая численность рабочих определялась тогда в 125—150 тыс. человек. Эти цифры показывают значительное преобладание мелкопромышленного пролетариата (см. А. Э. Новак. Первая русская буржуазно-демократическая революция и революционное движение в Румынии. Кишинев. 1966, стр. 31, 33, 34).

¹³ «Синдикални покрет у Србији (1903—1919)». Београд. 1958; «Работническогo движения в Болгарии. Материали». Т. I. София, 1953, стр. 100—102, 235, 262—263.

¹⁴ Н. Вућо. Указ. соч., стр. 231—232.

¹⁵ Г. Димитров. Сочинения. Т. I. София. 1951, стр. 295—296.

¹⁶ Р. Драгович. Избор чланака. Београд. 1954, стр. 177.

дитель этой партии, Д. Туцович, констатировал, что «наемный труд забирает больше жертв, чем самая кровавая война»¹⁷.

Острейшей проблемой на Балканах и в сопредельных с ними землях Австро-Венгрии была национальная. Обширные районы Юго-Восточной Европы еще не освободились от турецкой зависимости и гнета монархии Габсбургов. Не завершился здесь и процесс строительства национальных государств. Ленинский термин «национальная революция южного славянства»¹⁸ исполнен глубокого социального содержания. Вождь пролетариата подчеркивал, что во всей Восточной Европе, в том числе и на Балканах, а также в Азии «либо не закончено либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимородственным национальным составом»¹⁹. О крайней остроте национального вопроса свидетельствовало вспыхнувшее в июле 1903 г. в Битольском вилайете европейской части Турции восстание крестьянства, известное под названием «Илинденского». В ходе его в Крушеве была создана республика. На борьбу против турецкого ига поднялось население Салоникского и Скопльского округов. Турецкие власти подавили движение с жестокостью, вызвавшей резкую реакцию европейской общественности.

Перед балканскими народами, подобно народам царской России, стоял большой объем общедемократических задач. В Черногории до 1905 г. не было конституции, и всевластный князь Никола Негош-Петрович управлял страной, как собственной вотчиной. Князь болгарский Фердинанд Кобургский не считался с парламентом. В Румынии провозглашенные конституцией «свободы» попирались на каждом шагу. К юбилею короля Кароля I социалисты выпустили манифест под красноречивым заголовком «Сорок лет нищеты, рабства и позора»²⁰. В Сербии у власти находился король Петр I Карагеоргиевич, который, ссылаясь на либерала, сохранил в неприкосновенности реакционную цензурную избирательную систему, лишавшую 55% населения избирательных прав²¹.

Балканские страны по уровню культурного развития намного уступали «просвещенной Европе». Сербский писатель Б. Нушич, рассказывая о Балканах конца XIX в., писал: «Я жил в эпоху салных свечей, в эпоху, когда писали гусиными перьями, а грамота считалась «божьим даром», когда выходила одна-единственная газета, да и та один раз в неделю»²². Начало XX в. не привело в этом отношении к значительным переменам. В Сербии и Болгарии в ту пору было по одному университету — в Белграде и Софии, в Румынии — два — в Яссах и Бухаресте, в Черногории не было ни одного высшего учебного заведения, и молодые люди должны были отправляться за границу, чтобы получить образование. Почти 90% населения Балканского полуострова было неграмотным.

Существовало множество других точек соприкосновения в важнейших социальных и национальных задачах, стоявших перед народами России и Балкан. Надо учитывать давние и прочные симпатии в Юго-Восточной Европе и в особенности в славянских землях, в России как к освободительнице от османского ига. Теперь эти старые крепкие узы наполнялись новым социальным содержанием, становились узами дружбы, солидарности и взаимной поддержки с революционной Россией. «Ес-

¹⁷ Д. Туцович. Законски осигуране радника. Београд. 1901. стр. 28.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 16.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 314.

²⁰ «Patruzeci de ani de sărăcie, de zăbrie și rușine». București. 1906.

²¹ «Први конгрес Српске социјал-демократске партије и Главног радничког савеза» Београд. 1953. стр. 11.

²² Б. Нушич. Сабрана дела. Књ. 20. Београд. Бл, стр. 231—232.

ли Россия... преобразуется в великое свободное государство, она приобретает огромную притягательную силу для славян», — заявил в своей речи в венгерском парламенте хорватский депутат²³.

Русская революция произвела огромное впечатление в балканских странах, оказав влияние на все слои населения, прежде всего на пролетариат, который, несмотря на свою малочисленность, был боевым отрядом трудящихся и имел славные революционные традиции. Еще в 1891 г. в Болгарии была основана первая на Балканах партия рабочего класса — Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП), она восприняла опыт социалистического движения не только революционного Запада, но и революционной России, где получил свое боевое крещение ее основатель Д. Благоев. Здесь он начал овладевать марксизмом, перенеся его затем в Болгарию²⁴. В 1893 г., перейдя через этап кружков и рабочих клубов, социалистическое движение Румынии также создало свою партию.

В этот период в балканских странах усилилось распространение марксизма, на местные языки был переведен ряд произведений К. Маркса и Ф. Энгельса²⁵, окрепли связи балканских социалистов с социалистическим движением Германии, Франции, Австрии и со II Интернационалом. «Мы на Западе, — писал Ф. Энгельс в 1893 г. в редакцию болгарского журнала «Социал-демократ» по поводу успехов марксизма в Болгарии и Румынии, — от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата...»²⁶.

Неоценимое значение для формирования классового сознания пролетариата балканских стран имело распространение среди передовой части рабочего класса ленинских идей. Имя В. И. Ленина («государственный служащий Ульянов») впервые было упомянуто в румынской газете «*Mișcarea socială*» («Социальное движение») в апреле 1897 г. в сообщении об аресте руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — и этот факт сам по себе свидетельствует о большом внимании, с которым следили на Балканах за развертыванием революционных событий в России. В начале XX в. через Болгарию, Сербию и Румынию пролегли маршруты ленинской «Искры», издававшейся в Мюнхене, а затем в Лондоне²⁷. В распространении газеты, которая была провозвестницей и пропагандистом революции, приняли участие один из наиболее известных деятелей сербского социалистического движения, активный участник революционной борьбы в России Ф. Филипович, болгарские тесняки Г. Кирков и Г. Бакалов. Установлено, что «по пути» с «Искрой» познакомились болгарские, сербские и румынские социалисты²⁸. Ее материалы воспроизводились румынской газетой

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г, д. 140, лл. 180—181.

²⁴ См. подробнее: И. А. Ялов, И. Н. Нотов. Влияние первой русской революции на революционное движение в Болгарии. «Вестник» МГУ, серия общественных наук, № 1, 1956, стр. 194.

²⁵ См. М. Бирман. Ленинизм и преобразование Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в БКП. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М. 1973; Г. М. Славин, М. М. Сумарокова, В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.). Там же; Хр. Кабакчиев. В. И. Ленин и болгарские тесняки. «Историк-марксист», 1934, № 1; П. Цанев. Издаването на социалистическата книга пред легалния период на БКП. София. 1962; А. Деак, И. Илинчю. Ленин и Румыния. Бухарест. 1971.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 424.

²⁷ См. Ю. Писарев, С. Бочкарева. Распространение ленинской «Искры» на Балканах. «*Počeci socijalističke štampe na Balkanu*». Beograd. 1974.

²⁸ А. Деак, И. Илинчю. Указ. соч., стр. 22—33, 35—41; А. И. Александров. Ленинская «Искра» в Румынии. «Вестник» МГУ, серия филология, журналистика, 1960, № 6; Ю. Я. Баскин, Е. И. Спиваковский. Ленинская «Искра» в Румынии. «По ленинскому пути». «Ученые записки» Ленинградской ВПШ, 1970, вып. 2.

«România muncitoare» («Рабочая Румыния») и болгарской газетой «Работнически вестник». В Сербии «Искра» и революционная литература распространялись издательством Г. Кона. Чиновник особых поручений В. Тржеляка писал 10 апреля 1903 г. русскому послу в Белграде Н. В. Чарыкову: «Главнейшей заботой моей ныне в Белграде является все усиливающееся распространение в этом городе русской нелегальной литературы революционного содержания, склад коей находится у местного книготорговца Геца Кона»²⁹.

В балканских странах был переведен на местные языки ряд работ В. И. Ленина: «Что делать?», «К деревенской бедноте», «С чего начать?» и другие³⁰. «Влияние литературы, созданной организацией «Искры» в тот период, когда последний руководил тов. Ленин,— констатировал один из деятелей БРСДП (тесных социалистов) Г. Бакалов,— наложило на рабочее движение Болгарии неизгладимый отпечаток. Оно помогло этому движению справиться с соглашательством и, отбросив его, заложить прочные основы единственной партии революционного пролетариата Болгарии»³¹. Аналогичные выводы сделал и видный современный югославский историк рабочего движения С. Димитриевич: «Появление ленинских идей в нашей социалистической печати оказало теоретическую помощь в борьбе за организационное развитие и сохранение уже созданной политической партии пролетариата»³².

В 1903 г. была основана Социал-демократическая партия Сербии. В том же году произошло организационное размежевание между реформистской и революционной частью социал-демократов Болгарии и создана БРСДП (тесных социалистов), которых В. И. Ленин называл революционными социал-демократами³³. Обе партии и левые силы в социалистическом движении других балканских государств горячо приветствовали революционную борьбу российского пролетариата, сознавая общность социальных задач рабочего класса России и балканских стран. Сербская социалистическая газета «Радничке новине», например, писала: «Победа русского пролетариата является одновременно победой сербского рабочего класса»³⁴. Приветствуя события в России, III съезд СДП Хорватии, состоявшийся в 1905 г. в Загребе, принял резолюцию солидарности с российским пролетариатом. Она заканчивалась словами: «Да здравствует международная социал-демократия!»³⁵.

Волна солидарности с российским пролетариатом охватила Румынию. Собрания и митинги рабочих прошли в Бухаресте, Яссах, Крайове, Бакэу, Констанце. Вести из России ожидались с жадным нетерпением, поступавшие оттуда газеты раскупались нарасхват. «Румынский рабочий класс,— говорилось в манифесте социалистического кружка,— в единении с международным пролетариатом выражает солидарность борцам»³⁶. 27 января в Бухаресте вышел единственный номер газеты «Jos despotizmul» («Долой деспотизм!»), посвященный событиям в России. Помещенная в нем статья «Начало конца», как установил А. Э. Новак, являлась переводом листовки Одесского комитета РСДРП «Пора кончать!»³⁷. Страницы газеты украшала горьковская «Песня о Буревестнике». Вскоре румынское рабочее движение обрело свой по-

²⁹ АВПР, ф. Российская миссия в Белграде, оп. 508/1, д. 95, л. 62.

³⁰ Г. М. Славин, М. М. Сумарокова. Указ. соч.

³¹ Г. Бакалов. Старая «Искра» среди болгар. «Пролетарская революция», 1929, № 8—9 (91—92), стр. 73.

³² С. С. Дмитријевич. Радован Драгович. Београд. 1951, стр. 111.

³³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 242.

³⁴ «Радничке новине» (Београд), 19.X.1906.

³⁵ «Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije». Т. IV. Београд. 1950. стр. 82.

³⁶ «Jos despotizmul!», 27.I.1905.

³⁷ А. Э. Новак. Революционные связи трудящихся России и Румынии в 1907 г. «Вековая дружба». Кишинев. 1961, стр. 334.

стоянный печатный орган: с 5 марта стала выходить газета «România tuncitoage», регулярно информировавшая своих читателей о событиях в России. 1905 год — год перелома в румынском рабочем движении. Об этом говорит быстрый рост забастовочного движения. «Бухарест, — с тревогой писала в апреле 1906 г. консервативная газета «Ероса», — может конкурировать с самыми значительными центрами (Европы. — Авт.) по числу стачек». В 1906 г. только в румынской столице произошло 56 трудовых конфликтов, в крупном портовом центре Галаце — 13³⁸.

События 1905—1907 гг. в России послужили мощным толчком для развития рабочего движения в Болгарии, Сербии и югославянских землях Австро-Венгрии — как вширь, так и вглубь. В Болгарии, например, в 1905 г. произошло вдвое больше стачек, чем за все три предыдущих года³⁹. В июне 1906 г. в стране была проведена первая всеобщая забастовка шахтеров в Пернике, продолжавшаяся 35 дней⁴⁰. Г. М. Димитров, один из ее организаторов, называл стачку «превосходной школой классового воспитания и самосознания рабочих», настолько дружно и решительно шахтеры вели борьбу⁴¹.

Особенностью стачечного движения периода революционного подъема на Балканах был рост наступательных стачек и выдвижение рабочими наряду с экономическими политическими требований⁴². В Сербии в 1905 г. состоялось 37 крупных забастовок, вдвое больше, чем в 1904 году. В них участвовало 2,5 тыс. рабочих. Более половины стачек закончилось победой рабочих⁴³. Конечно, по западноевропейским масштабам это скромные цифры. Но надо учитывать, что в балканских странах рабочий класс был еще малочислен, а само рабочее движение только-только зарождалось. В Болгарии, например, в 1905 г. из 4 млн. населения было всего 36 тыс. рабочих и 70 тыс. ремесленников⁴⁴. Однако даже этот немногочисленный рабочий класс сыграл большую роль в революционной борьбе. В. И. Ленин, характеризуя особенности буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг., отмечал, что «рабочее движение наложило свой отпечаток на всю русскую революцию»⁴⁵. Эта ленинская оценка может быть в известной степени перенесена и на деятельность передовой части балканского пролетариата в период революционного подъема.

Ярким проявлением солидарности рабочих Румынии и Сербии с трудящимися России было пребывание в этих странах команды восставшего броненосца «Потемкин». Многие десятилетия матросы не могли забыть теплоту оказанной им встречи, силу пролетарского интернационализма, смягчившую и тяжесть разлуки с родиной, и горькие мысли после неудачи революции 1905—1907 гг., и тяготы эмиграции. Вот что писал о приеме, оказанном трудящимися Констанцы команде потемкинцев, один из их руководителей — И. А. Лычев: «Берег встретил нас бурей рукоплесканий. Они гремели и перекатывались по всей набережной. Огромная толпа трудящихся Констанцы встречала команду русского революционного броненосца»⁴⁶. Такие же мысли высказал другой потемкинец на митинге в Белграде 23 июля 1906 г.: «Мне до-

³⁸ «Первая русская революция и международное революционное движение». Т. 1. М. 1955, стр. 497; «Ероса», 23.IV.1906.

³⁹ Д. Благоев. Приноста към история на социализма в България. София. 1949, стр. 533.

⁴⁰ Г. Димитров. Синдикалното движение в България. София. 1910, стр. 48.

⁴¹ Г. Димитров. Съчинения. Т. 1, стр. 95.

⁴² См. подробнее: О. В. Панцуктилова. Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М. 1956, стр. 44—46.

⁴³ «Синдикални покрет у Србији, Хрватској Славонији и Босне и Херцеговини». Београд. 1950, стр. 22.

⁴⁴ «Материали по история на Българската комунистическа партия», стр. 70.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 346.

⁴⁶ И. Лычев. Потемкинцы М 1954, стр. 88.

рого то, что и сербские социал-демократы с нами»⁴⁷. Матросы с «Потемкина» внесли свою лепту в рабочее движение приютивших их стран и проявили себя как стойкие борцы. В Румынии они были в числе инициаторов создания профсоюза металлистов в крупном нефтедобывающем центре Кымпине. Похороны своего товарища Лысака они превратили в революционную демонстрацию, проходившую под красным знаменем с пением песни «Вы жертвою пали». А когда через 40 лет стали известны архивные документы о крестьянском восстании 1907 г. в Румынии, то оказалось, что среди его участников были и потемкинцы.

Несомненны связи иного рода между первой русской революцией и этим крупнейшим на Балканах выступлением крестьян. Прибывший в Румынию в марте 1907 г. корреспондент «Одесских новостей» был поражен тем, что неграмотные румынские крестьяне хорошо знали о революционных событиях в соседнем государстве: «Я спрашивал (через своего переводчика) крестьян, имеют ли здесь они представление о России и знают ли, что у нас происходит? Ответы превзошли мои ожидания. Те, с которыми я беседовал, оказываются великолепно осведомленными о нашей «револте», хотя интересуются они и разрешением одного аграрного вопроса»⁴⁸. Восстание охватило всю Румынию. Крестьяне десятков уездов поднялись на борьбу за землю и волю. Расправа над ними по своей чудовишной жестокости напоминала самые мрачные янычарские времена и нравы. Баррикады, воздвигнутые на улицах степных сел, войска брали штурмом. Десятки деревень были сметены с лица земли артиллерийским огнем. 11 тыс. расстрелянных, зарубленных шашками, запоротых насмерть, замученных в темницах заплатило румынское крестьянство за то, что посягнуло на помещичьи земли. Только пролетариат выразил готовность встать с ним плечом к плечу в кровавой борьбе с помещиками. В Пашкане, Бухуши и Галаце, в долине р. Прахова рабочие открыто выступили в поддержку повстанцев. Идея союза пролетариата и крестьянства пробивала себе дорогу снизу.

Революция в России оказала сильное влияние на балканское социалистическое движение. В годы революционного подъема на Балканах резко увеличилась численность социал-демократических партий. Так, БРСДП (тесных социалистов) выросла за три года — с 1904 по 1907 г. — с 1400 до 1795 человек, Сербская СДП — с 300 в 1905 г. до 1905 человек в 1909 году⁴⁹. «Идеи социалистов находят в Сербии много последователей», — сообщал в Петербург российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. Он извещал в 1909 г. министерство иностранных дел России, что социалистические идеи пользуются в Сербии популярностью не только среди рабочих, но и среди радикального студенчества. «В Белградском университете, — доносил посланник, — весьма сильны республиканские настроения»⁵⁰. В Греции зародившееся в 1904 г.⁵¹ социалистическое движение заметно окрепло в годы революционного подъема, хотя и не достигло уровня Болгарии и Сербии. В условиях подъема рабочего движения в Румынии стали остро ощущаться его организационная разрозненность, отсутствие в нем единого

⁴⁷ М. Тодоровић. Интернационализам синдикалног покрета у Србији до првог светског рата. Београд. 1953, стр. 51.

⁴⁸ «Одесские новости», 29.III.1907.

⁴⁹ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Т. III. Београд, 1950. стр. 71.

⁵⁰ Н. Г. Гартвиг — С. Д. Сазонозу. Белград. 18.XII. 1909. АВПР, ф. Канцелярия, 1909, д. 520, л. 340.

⁵¹ См. Г. Д. Кирьякидис. Из истории образования Коммунистической партии Греции. «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 432—434.

партийного и профсоюзного центра: возникшая в 1893 г. социал-демократическая партия через 6 лет распалась под ударами властей и в результате подрывной деятельности оппортунистов либерально-буржуазного толка. В августе 1906 г. на конференции в Бухаресте 94 уполномоченных, представлявших 4,5 тыс. организованных рабочих, создали Генеральную комиссию профсоюзов. Через год возник Социалистический союз, своего рода переходная ступень к воссозданию социал-демократической партии, происшедшему только в 1910 году.

Социал-демократические партии балканских стран проявили чувство пролетарской солидарности по отношению к рабочему классу России. В 1905 г. в Болгарии и Сербии среди рабочих был проведен сбор средств в помощь русским братьям⁵². Нередко суммы пожертвований превышали дневную заработную плату. К июню 1905 г. в Болгарии было собрано 1174 лева⁵³. В 1906 г. после обращения Международного социалистического бюро к рабочим всего мира кампания возобновилась. Один из лидеров тесных социалистов, Г. Георгиев, писал в те дни: «Дело русского пролетариата есть дело рабочих всех стран»⁵⁴. 24 июля 1906 г. Сербская СДП обратилась к социалистам Франции с предложением «предпринять обеими партиями энергичные меры в случае, если появится опасность австрийской или германской интервенции в Россию»⁵⁵.

Есть все основания связать с воздействием первой русской революции и усилением боевитости социал-демократов Юго-Восточной Европы идею создания Балканской федеративной республики. Таков был ответ социалистов Румынии, Болгарии, Греции и Сербии, собравшихся в Белграде в апреле 1909 г., на неумную жадность национальной буржуазии и взрывоопасные интриги великих держав. В сложившихся условиях только подобное объединение «могло бы обеспечить мир на Балканах, предоставить свободу угнетенным национальностям, противодействовать нажиму империалистов», — писал Г. Димитров⁵⁶. Оно открывало путь решения тройной задачи — предотвращения войны, национального урегулирования, социальных преобразований. В. И. Ленин высоко оценил инициативу балканских социалистов, ибо «действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерацией вполне и до конца демократических государств»⁵⁷. В 1914 г., когда началась первая мировая война, болгарские тесняки и сербские социалисты — вслед за большевиками — осудили ее, заняв интернационалистические позиции. Их поддержали румынские социал-демократы.

«Русский опыт» не только толкал к действию, но и будил мысль, побуждал преломлять задачи собственного социального развития сквозь призму уроков русской революции. Речь шла не просто о росте вширь рабочего, крестьянского и общедемократического движения, а о качественном сдвиге в нем. Поэтому вопрос об опыте русской революции вызвал упорную и ожесточенную борьбу в первую очередь в недрах социалистического движения. Стремление связать русскую революцию с революционными процессами в своей стране отличало левые течения балканской социал-демократии. «Нашей обязанностью, — говорил видный руководитель румынских социалистов И. К. Фримиу, — является извле-

⁵² «Радничке новине», 19.X.1906.

⁵³ «Работнически вестник. Избрани статии и материали». Т. 2. София. 1955, стр. 454.

⁵⁴ Г. Георгиев. Избрани произведения. София. 1953, стр. 258.

⁵⁵ М. Тодоровић. Указ. соч., стр. 53.

⁵⁶ Цит. по: Е. И. Спиваковский. В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах. Воронеж. 1971, стр. 6.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 151—152.

чение уроков из того, что происходит в России, и организация рабочих»⁵⁸. Секретарь СДП Сербии Д. Тузович подчеркивал, что с превращением России в центр мирового революционного движения в Европе возникла новая расстановка политических сил: по одну сторону стоит международная реакция, объединяющая воедино царизм и буржуазию Запада, по другую — революционный рабочий класс Европы. «Россия более не та, что была,— говорил он в 1911 г.— В настоящее время можно сказать: у дверей Европы не стоит более казачья Россия; напротив, у дверей революционной России стоит милитаристская и империалистическая Европа и своими миллиардами спасает русский абсолютизм от конечного банкротства»⁵⁹. Д. Тузович призывал к укреплению интернационалистских связей с рабочим классом России, предупреждал об опасности объединения международных сил реакции.

Однако далеко не все руководители социалистического движения Юго-Восточной Европы разделяли эти взгляды. Правые реформисты продолжали цепляться за отжившие догмы II Интернационала. Об этом в 1905 г. писал один из лидеров левых социалистов Венгрии, Э. Сабо, выступивший с острой критикой социал-реформизма. Он обвинял руководителей партии в том, что они слепо придерживаются программы II Интернационала, хотя она стала уже не той, что была при К. Марксе и Ф. Энгельсе. Центр международного революционного движения, указывал Сабо, переместился из Германии в Россию, а лидеры СДП все еще оглядываются на Германию. Немало правых социалистов пыталось намеренно увести рабочий класс от политической борьбы по «русскому образцу». Так, венгерский социал-реформист Э. Гарамы, признав, что революция в России выдвигает перед рабочим классом те же задачи, что и перед пролетариатом Венгрии, призвал тем не менее отказаться от «русских методов» борьбы. «Положение у нас во многом похоже на российское,— заявил он на XII съезде СДП Венгрии 23 апреля 1905 г.,— но все-таки мы должны вести движение по немецкому пути»⁶⁰.

Революция в России с ее баррикадными боями, могучими стачками, восстаниями в армии и на флоте явилась для многих социалистов настоящим откровением. «У нас всех, кто серьезно занимался вопросом завоевания власти, вдруг как бы спала завеса с глаз»,— признавался венгерский левый социалист, позже видный коммунист Д. Алпари⁶¹. Россия, которую публицисты разных оттенков, от умеренно-либеральных до социал-демократических, рисовали как безраздельную вотчину оголтело-реакционного царизма, предстала в 1905 г. перед балканской общественностью в совершенно ином виде.

Лидеры реформизма забили тревогу и попытались дать бой растущим революционным силам. Выражая на словах сочувствие российской революции, соболезнуя жертвам расправ, они на разные голоса перепевали пресловутый плехановский тезис: «Не нужно было братья за оружие». Реформисты принялись обосновывать неприменимость «русского опыта» к странам Юго-Восточной Европы. В наиболее развернутом виде эти взгляды выражены в сочиненной К. Доброджану-Геря «теории социализма в отсталых странах». Революцию 1905 г. он характеризовал как «ужасную бойню» и «сильное ожесточение умов»⁶². Вся система его рас-

⁵⁸ «Jos despotizmul!». 27.I.1905.

⁵⁹ Д. Тузович. Избрани списи. Књ. 1. Београд. 1949, стр. 28.

⁶⁰ «Первая русская революция и международное революционное движение». Т. 1, стр. 103.

⁶¹ «Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmány oszásához». Т. I. Budapest. 1954, 104. old.

⁶² Е. И. Спиваковский. В. И. Ленин и румынское революционное движение. М. 1966, стр. 12.

суждений преследовала одну цель — отместить «русский опыт», с тем чтобы черпать материал для выработки стратегии и тактики балканских социал-демократий на Западе, а не на Востоке. Отсталые государства, по словам Геря, должны копировать передовые, причем начинать с надстройки, воспринимая политические, юридические и государственные формы, а затем уже «подтягивать» к ним экономический базис. «У нас, — писал он, — в противоположность тому, что говорит Маркс, базис следует за надстройкой»⁶³. «Поправив» таким образом марксизм, Геря утверждал, что открытый им «закон развития отсталых обществ, действующий при их трансформации в капиталистические, проявляется и при их превращении в социалистические страны»⁶⁴ и что эти отсталые общества воспримут социализм с передового Запада. Таковы были пути, которые Геря обрисовывал перед балканскими социал-демократами, безоговорочно осуждая «революционно-путчистскую тактику»⁶⁵ и восхваляя «знаменитый и классический легальный путь»⁶⁶. Его взгляды самым пагубным образом сказывались на определении задач румынского пролетариата.

Балканские социалисты, даже тесняки, не смогли подняться до ленинского понимания революционного союза рабочего класса и крестьянства. Они не сумели диалектически оценить значение крестьянских требований, им казалось, что «черный передел» означает только возврат к мелкому производству, а стало быть, не просто утопичен, а прямо реакционен. Другую сторону процесса — то, что передел создает почву для быстрого развития капитализма, для обострения классовых столкновений на селе, что он выражает революционный демократизм крестьянства, — они проглядели. Ленинское положение о тесной связи буржуазно-демократического и пролетарского этапов революционного процесса и перерастании первого во второй тоже не сразу стало достоянием балканской социал-демократии. Даже такие последовательные революционеры, как болгарские тесняки, пишет известный болгарский ученый Д. Косев, «не смогли понять и усвоить учение Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую в эпоху империализма»⁶⁷. Г. М. Димитров в докладе на V съезде БКП в 1948 г., говоря о различии между теснячеством и большевизмом, отмечал, что в 1905—1907 гг. тесняки не выдвигали еще положения о диктатуре пролетариата как основном вопросе социалистической революции и не ставили вопрос о вооруженном восстании. Они недооценивали значение союза рабочего класса с трудовым крестьянством. В этом смысле, констатировал Г. М. Димитров, можно говорить о том, что тесняки не сумели «извлечь для себя уроки из первой русской революции»⁶⁸. Тесняки поставили вопрос о свержении капитализма в конце империалистической войны 1914—1918 годов. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции партия тесняков превратилась в партию нового типа — Болгарскую коммунистическую партию⁶⁹.

Говоря о Балканах в эпоху революции 1905—1907 гг., надо иметь в виду следующее. Царизм был ненавистен народным массам юго-востока Европы. Но он был одиозен и в глазах широких общественных слоев, отнюдь не отличавшихся революционностью. Даже либералы чуть розового оттенка, выставляя напоказ свой демократизм и «конституци-

⁶³ С. Dobrogeanu-Gherea. Scrieri social-politice. București. 1968, p. 212.

⁶⁴ Ibid., p. 259.

⁶⁵ Ibid., p. 226.

⁶⁶ Ibid., p. 225.

⁶⁷ «Краткие сообщения» Института славяноведения АН СССР. Т. 20. М. 1956. стр. 32.

⁶⁸ Г. Димитров. Съчинения. Т. 14. София, 1968, стр. 228—231.

⁶⁹ См. М. А. Бирман. Указ. соч., стр. 328—350.

онализм», считали своим долгом приветствовать «русских борцов». Но при этом они имели в виду робкую буржуазную оппозицию царизму.

В революции 1905—1907 гг. проявились принципиально новые черты, отличавшие ее от традиционных европейских буржуазных движений XIX в., сделавшие ее первой народной революцией эпохи империализма. Однако ее принципиальная новизна не была немедленно уловлена и оценена на Балканах различными буржуазно-демократическими и либеральными течениями⁷⁰. На первых порах буржуазные демократы и многие либералы восприняли социальные потрясения в России как сколок типичной буржуазной европейской революции XIX века. Они стремились использовать общественный подъем на Балканах в своих интересах. В Словении, Истрии и Далмации, входивших тогда в состав австрийской части монархии Габсбургов, в 1907 г. после успешной борьбы народных масс было введено всеобщее избирательное право. Население Хорватии и Воеводины, являвшихся частью Венгерского королевства, добилось расширения конституционных свобод. Болгария в 1908 г. стала суверенным государством. В Османской империи вспыхнула младотурецкая революция, воспользовавшись которой население о. Крит объявило о присоединении к Греции. Перемены затронули все уголки Балкан. Даже в затерявшейся в горах Черногории в декабре 1905 г. была введена конституция и создан парламент — Народная скупщина. Можно привести множество примеров проявления солидарности с русской революцией широкой общественности балканских стран. Назовем лишь некоторые из них: выступление в Народной скупщине Сербии не только социалистов, но и радикалов против ареста рабочих депутатов II Государственной думы; протест студенчества и интеллигенции Румынии, Болгарии, Сербии против заточения М. Горького в Петропавловскую крепость; антимонархические демонстрации в Ясском театре во время представления пьесы «На дне»; усиление республиканских тенденций среди интеллигенции.

Однако по мере того, как российская революция 1905—1907 гг. проявляла все новые и новые черты, в корне отличавшие ее от типичной буржуазной революции XIX в., восторги довольно разнообразных общественных течений, включая реформистскую социал-демократию, уступили место сдержанности, которая сменилась тревогой, переросшей в дальнейшем в откровенные опасения и прямой страх. Дело в том, что российская революция, первая народная революция эпохи империализма, произошла при совершенно иной, принципиально новой расстановке классовых сил. Гегемоном ее являлся пролетариат под руководством партии марксистов-ленинцев при союзе с крестьянством и изоляции либеральной буржуазии. И если российская либеральная печать, по словам В. И. Ленина, «не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революцией, заботится об избегании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ как основы реформаторского пути»⁷¹, то нет ничего удивительного в том, что и балканские либералы отшатнулись от русской революции.

Правящие и консервативные круги балканских стран встретили революцию в России в штыки. Болгарская газета «Работнически вестник» писала: «Чем больше международный пролетариат радуется и торжествует по поводу каждого успеха своих русских братьев, тем больше черносотенные друзья абсолютизма из всех стран радуются пролитию рабочей крови в Петербурге и поощряют царизм в его чудовищных преступлениях»⁷².

⁷⁰ И. С. Яжборовская. Революция 1905—1907 годов и международное рабочее движение. «История СССР», 1975, № 1, стр. 29.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 39.

⁷² «Работнически вестник», 15.1.1905.

Чтобы предотвратить развитие революционных событий в собственных странах, балканские монархии предприняли ряд мер предохранительного свойства и в то же время пошли на некоторые реформы. «То, что происходит в России, подготавливается и у нас», — со страхом писала софийская буржуазная газета «Вечерна поща»⁷³. В Болгарии и Сербии были изданы распоряжения об усилении цензуры над рабочей печатью, отпущены дополнительные ассигнования на тайную полицию⁷⁴. Была предпринята попытка создания на Балканах организаций «полицейского социализма» типа зубатовских. Румынское правительство, хотя и вынуждено было под давлением общественности предоставить убежище экипажу «Потемкина», установило за матросами слежку. Румынская сигуранца сотрудничала в этом деле с царской охранкой. На границу с Россией были посланы значительные войсковые подразделения. В Албании в борьбу против революции включились иезуиты. В 1907 г. они создали особые «кассы бедных», стремясь при помощи подачек увлечь за собой люмпен-пролетарские слои населения. Примечательно, что и российский Священный синод перевел на местные языки балканских стран ряд брошюр, направленных против революции. В Болгарии и других балканских государствах распространялись такие отпечатанные в Петербурге брошюры, как «Опасность социализма», «Свободное христианство и демократия» и другие⁷⁵. Перед лицом революционной опасности объединились воедино российская и балканская реакция.

Таковы некоторые стороны сложных социально-политических процессов на Балканах, усилившихся под непосредственным воздействием событий 1905—1907 гг. в России. Недостаточная еще поляризация в этом районе классовых сил, заинтересованных в буржуазно-демократической революции, привела к тому, что насущные социальные и национальные вопросы решались в начале XX в. не с помощью народной революции, а путем войны балканских монархий против Османской империи, решались половинчато, ограниченно, урезанно. В краткой и чрезвычайно емкой формуле В. И. Ленин указывал: «Главная историческая причина этого — слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих»⁷⁶. Но даже в итоге войны был сделан «громкий шаг вперед» к решению национального вопроса на Балканах, «к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»⁷⁷.

Итак, несмотря на все трудности борьбы, период 1905—1907 гг. явился исключительно важным в развитии социальных процессов на Балканах. Он воочию показал, что эпоха относительно мирного развития рабочего движения, его роста вширь завершена, что наступило время социальных бурь. Он положил начало нелегкому пути балканских левых социалистов к ленинизму, который революционные силы Юго-Восточной Европы выстрадали в испытаниях классовых битв, в огне первой мировой войны, опираясь на опыт трех русских революций.

⁷³ «Вечерна поща», 2.XII.1905.

⁷⁴ О. В. Панцуктилова. Указ. соч., стр. 51—52.

⁷⁵ Г. Димитров. Сочинения. Т. 1, стр. 15.

⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 187.

⁷⁷ Там же, стр. 156.

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ю. С. Хромов

Для капитализма в эпоху его общего кризиса характерно возрастание экономической роли государства как отражение глубоких изменений в экономическом базисе буржуазного общества на основе монополистической концентрации производства и капитала.

Проблемы государственно-монополистического капитализма в целом и по отдельным странам широко освещены в советской литературе. Что касается сельского хозяйства, то в этой отрасли экономики, как отмечал В. И. Ленин, «преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется... с наибольшей медленностью и постепенностью»¹. Государственно-монополистические формы капитализма в сельском хозяйстве сложились позднее, чем в промышленности, и изучены еще недостаточно. Это относится и к анализу данных процессов, происходящих в Великобритании.

Некоторые вопросы государственного вмешательства в сельское хозяйство Великобритании рассмотрены в работах советских авторов². Однако до сих пор нет специального исследования роли буржуазного государства в английском сельском хозяйстве. В вышедшей недавно монографии ученых социалистических стран³ подробно изложены аграрные проблемы капиталистической Европы, а государственно-монополистическое регулирование английского сельского хозяйства рассматривается лишь через призму его будущего, применительно к тому времени, когда закончится переходный период (к концу 1977 г.) для окончательного принятия Великобританией аграрной политики «Общего рынка».

Между тем и для историков и для экономистов, занимающихся проблемами Великобритании, развитие процесса государственного вмешательства в сельское хозяйство представляет несомненный интерес. В последнее время в развитых капиталистических странах экономическое значение сельского хозяйства увеличивается. Это связано не только с крушением системы колониализма, обострением продовольственной проблемы и сырьевым кризисом, но и с формированием в каждой стране так называемого агропромышленного комплекса (АПК), в который наряду

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 165.

² В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М. 1958; «Экономика и политика Англии после второй мировой войны». М. 1958; Е. В. Миринова. Аграрные отношения в Великобритании и их влияние на развитие и размещение сельского хозяйства. Саратов. 1966; «Развитые капиталистические страны: проблемы сельского хозяйства». М. 1969; Г. Л. Фактор. Сельское хозяйство Великобритании. М. 1969; В. П. Глушков. Корпорации, государство, экономика. М. 1972.

³ «Последствия индустриализации сельского хозяйства в странах Западной Европы». М. 1975.

с сельским хозяйством входят все отрасли экономики, так или иначе связанные с ним. Через эти отрасли, производящие средства производства, осуществляются материально-техническое снабжение фермеров, кредитование их, скупка фермерской продукции, переработка ее, реализация продукции. В таком комплексе сельское хозяйство выполняет связующую роль. Поэтому экономическое значение сельского хозяйства в каждой из развитых капиталистических стран тесно связано с ролью всего АПК в экономике. Так, если доля занятых в сельском хозяйстве Великобритании составляла в 1970 г. 2,8% от всех занятых в народном хозяйстве, то доля занятых в АПК в том же году была равна 12%⁴. Что касается показателя конечной продукции, то и здесь доля АПК в английской экономике значительна — 13% в 1969 году⁵. Таким образом, сельское хозяйство экономически связано со сравнительно широким сектором экономики Великобритании, поэтому аграрное регулирование воздействует не на одну, а на несколько отраслей народного хозяйства.

Государственное регулирование развития сельского хозяйства Великобритании, помимо экономического, имеет еще и политический аспект. В своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Трудовое крестьянство остается главным союзником рабочего класса, несмотря на то, что численность его в развитых капиталистических странах значительно сократилась»⁶. Не случайно поэтому английская буржуазия пытается привлечь трудящихся фермеров на свою сторону, старается с этой целью через государственные институты усилить роль регулирования в развитии аграрных отношений. Между тем классовая сущность государственного регулирования сельского хозяйства, которую английская буржуазия тщетно прикрывает благотворительными вывесками, проявляется в конечном итоге в каждом шаге правительства, что усиливает борьбу сельских тружеников за свои права.

В истории государственного регулирования сельского хозяйства Великобритании послевоенный период является наиболее характерным и заслуживает поэтому особого внимания со стороны исследователя. В настоящей статье рассмотрение данного процесса ограничивается периодом до вступления Великобритании в ЕЭС в 1973 г., поскольку последствия этого шага для страны проявились еще не полностью. Вместе с тем для лучшего понимания послевоенной аграрной политики английских правящих кругов в статье кратко освещены истоки этой политики.

При всем многообразии средств аграрного регулирования они в конечном итоге всегда служили достижению главной экономической и основной политической целей, составляющих суть стратегии аграрной политики правящих кругов Великобритании. Главной экономической целью государственного регулирования сельского хозяйства является обеспечение благоприятных условий в аграрном секторе экономики для функционирования крупного аграрного и монополистического капитала и роста монопольной сверхприбыли. С главной экономической целью аграрного регулирования тесно связана не менее важная для монополистической буржуазии политическая цель по стабилизации и упрочению капиталистического строя.

В различные периоды развития капиталистической экономики государственно-монополистическое регулирование английского сельского хо-

⁴ «Последствия индустриализации сельского хозяйства в странах Западной Европы», стр. 142; «Production Yearbook», FAO. R. 1972, p. 19.

⁵ «Последствия индустриализации сельского хозяйства в странах Западной Европы», стр. 143.

⁶ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г. Документы и материалы» М. 1969, стр. 58.

зяйства при неизменном стратегическом курсе осуществлялось на основе различных тактических установок, отражавших как реальные экономические, социальные и политические условия в самой Великобритании, так и экономико-политическую ситуацию в мире. Первые шаги в этом направлении были предприняты в начале 20-х годов. В то время государство еще не имело опыта в разработке аграрной политики, и предлагавшиеся английским правительством способы аграрного регулирования носили первоначально экспериментальный характер. Многие сельскохозяйственные законопроекты так и не увидели света, многие законы функционировали весьма недолго.

Так, согласно сельскохозяйственному закону 1920 г., государство должно было на длительный срок гарантировать фермерам цены на пшеницу и овес, регулировать уровень зарплаты и условия труда, проводить контроль за правильным использованием земли. Но английские фермеры лишь единожды получили от государства платежи по гарантиям на цены зерновых. Ведь в условиях глубокого кризиса английской экономики в первые послевоенные годы и в условиях краха общего уровня цен в 1920 г. политика поддержки сельскохозяйственных цен была обречена на провал. Другие статьи закона так и не были осуществлены. В 1923 г. был принят закон о кредитовании сельского хозяйства, который практически не нашел применения. По закону 1928 г. английское государство выделило 13 млн. ф. ст. для предоставления краткосрочных ссуд фермерам. Однако эти средства не были использованы до конца⁷.

Правительство Великобритании в 20-х годах неизменно отвергало постоянные требования фермеров о введении протекционистских тарифов на ввозимую сельскохозяйственную продукцию и субсидировании сельского хозяйства⁸. Коалиционное правительство Д. Ллойд Джорджа предложило, правда, выплачивать фермерам 1 ф. ст. за каждый пахотный акр земли, однако это правительство ушло в отставку до того, как решение о субсидировании приняло форму закона⁹. В 1926 г. правительство консерваторов выпустило «Белую книгу об аграрной политике», в которой по-прежнему отвергались принципы субсидирования и протекционизма.

Несмотря на ряд крупных неудач, в аграрной политике правящих кругов Великобритании уже до 30-х годов были сделаны некоторые важные шаги. В частности, государство установило официальный минимальный уровень зарплаты сельскохозяйственных рабочих в соответствии с законом 1917 года. Для осуществления этой меры было создано Управление по заработной плате в сельском хозяйстве, которое ежегодно повышало минимальный уровень зарплаты (за исключением кризисных периодов). На первый взгляд могло показаться, что такая политика отражала интересы сельских труженников и подрывала позиции аграриев. В действительности рост цены рабочей силы заставил фермеров реорганизовать методы хозяйствования в направлении их интенсификации, большей экономии и эффективности. Но не всем фермерам это оказалось под силу, и многие из них были вынуждены оставить сельское хозяйство. С 1915 по 1925 г. количество земельных владений в Англии сократилось на 28 тысяч¹⁰. Таким образом, регулирование минимума зарплаты сельских рабочих, по сути дела, было направлено на вытеснение рабочей силы из сельского хозяйства, разорение мелких хозяйств и укрепление крупных ферм.

В 20-е годы английское государство стимулировало переход собственности на землю из рук лендлордов в руки фермеров. Фермеры, по-

⁷ «Agriculture in the Twentieth Century». Oxford. 1939, p. 67.

⁸ Единственным исключением было субсидирование производства сахарной свеклы с 1925 года.

⁹ «Journal of Agricultural Economics», February 1957, p. 129.

¹⁰ «A Century of Agricultural Statistics 1866—1966». L. 1968, p. 19.

купавшие землю, получали государственные кредиты, причем продажа ферм в основном осуществлялась в принудительном порядке. Но эти попытки ликвидировать феодальные пережитки в аграрных отношениях страны в лице паразитического класса лендлордов были половинчаты и непоследовательны. Фактически правительство действовало в интересах крупных землевладельцев, которые стремились вложить полученные от продажи земли деньги в более прибыльные отрасли экономики. Фермеры же, покупавшие землю в долг, ежегодно выплачивали проценты по ссуде, заменявшие арендную плату в статьях фермерских расходов.

В 30-х годах в аграрной политике правительства Великобритании произошел перелом. Во-первых, государство стало проводить политику торгового протекционизма. Во-вторых, было введено субсидирование производителей некоторых видов сельскохозяйственной продукции. В-третьих, в области сельскохозяйственной торговли государство осуществляло принудительное кооперирование. Одним словом, роль государства в развитии сельского хозяйства значительно возросла и государственное регулирование охватило как сферу сельскохозяйственного производства, так и сферу торговли продуктами сельского хозяйства.

К этому времени политика свободной торговли, это, по словам Ф. Энгельса, «экономическое евангелие» Великобритании¹¹, окончательно себя изжила и уже стала отрицательно сказываться на всей британской экономике и особенно на сельском хозяйстве. Большинство английских фермеров было не в состоянии успешно конкурировать с импортерами дешевых продуктов питания и сырья. Самообеспеченность страны продуктами питания была слишком мала, что особенно тяжело проявилось в годы первой мировой войны. В среднем за период 1924—1928 гг. английское сельское хозяйство полностью обеспечивало потребности страны только в жидком молоке (что являлось следствием трудностей его транспортировки), в то время как самообеспеченность в сгущенном молоке составляла 21%, сахаре — 6%, масле — 13%, беконе — 14%, пшеничной муке — 18%, сыре — 22%, баранине — 43%, говядине и телятине — 46%, яйцах — 50% и т. д.¹²

В 1931 г. был принят закон, внесший первые ограничения в отношении импорта продовольствия. Законы 1932 и 1933 гг. расширили область применения протекционистских мер практически на все виды сельскохозяйственной продукции, производимой в Великобритании. В 1932 г. на конференции стран Британской империи в Оттаве Великобритания провозгласила свой протекционистский курс. Если странам империи предоставлялись преференции в торговле со своей метрополией, то в отношении ко всем другим странам вводились значительные импортные пошлины и количественные ограничения импорта. С этих позиций Великобритания пересмотрела в следующем году свои торговые соглашения почти со всеми странами.

Единственным плюсом аграрного протекционизма мог быть лишь рост самообеспеченности страны на случай войны, но к началу второй мировой войны самообеспеченность в продуктах питания существенно не возросла. Что касается английских покупателей, то на их жизненный уровень отрицательно повлиял рост цен, вызванный введением импортных ограничений. Особенно пострадали беднейшие слои населения как основные потребители более дешевых импортных продуктов питания. В отличие от состоятельных групп населения они уже физически были не в состоянии сократить объем потребления продовольствия, не ставя под угрозу свое существование. К тому же состоятельные англичане ориентировались главным образом на более дорогие продукты питания английского производства, цены на которые возросли в меньшей степени,

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 33.

¹² R. L. Cohen. The Economics of Agriculture. L. 1942, pp. 44—45.

чем на импортные товары. Например, за 1932—1936 гг. импорт бекона в Великобританию сократился в результате импортных ограничений на 42% и розничная цена на датский бекон возросла с 9,5 пенса до 1 шилл. 4 пенсов за фунт (на 68%), а на английский бекон только с 1 шилл. 3 пенсов до 1 шилл. 5,5 пенса (на 17%), причем оптовая цена на английский бекон первого сорта возросла лишь на 5%¹³. Таким образом, за политику аграрного протекционизма расплачивались прежде всего «низшие» группы населения Англии. Основная масса фермерства также вряд ли выиграла от протекционизма, поскольку сокращение реальных доходов населения за счет роста дороговизны импортного продовольствия уменьшало спрос на более дорогие продукты национального производства, а рост оптовых цен на фермерскую продукцию был незначительным. Тем не менее эта политика была выгодна крупным и конкурентоспособным фермерам, у которых издержки производства были меньше, чем у зарубежных производителей сельскохозяйственных продуктов. Для крупных аграрных предпринимателей протекционизм был дополнительным козырем в борьбе за рынки.

Наряду с проведением новой внешнеторговой политики английское правительство оказывало прямую финансовую помощь фермерам в виде субсидий. Причем механизм субсидирования тесно смыкался с аграрным протекционизмом: средства, получаемые государством от дополнительного налогообложения импорта, перераспределялись затем фермерам как субсидии. За 1936/37 г. налоги на импорт продовольствия принесли английской казне более 16 млн. ф. ст., и такой же была средняя ежегодная сумма всех субсидий сельскому хозяйству в середине 30-х годов¹⁴.

В политике субсидирования в тот период можно отметить два момента. С одной стороны, субсидии были рассчитаны на увеличение производства. Например, пшеничные субсидии, предоставляемые с 1932 г., способствовали росту площадей под пшеницей на 40% за 3 года¹⁵, что привело к увеличению самообеспеченности до $\frac{1}{4}$ в 1936 году¹⁶. Причем такой значительный рост площадей под пшеницей вызвал уменьшение запашки под другими зерновыми — ячменем и овсом, субсидирование производства которых началось позднее, с 1937 года. С другой стороны, предоставление ряда субсидий английским фермерам обуславливалось ограничением производства с целью избежать затоваривания на аграрном рынке, поднять сельскохозяйственные цены и тем самым увеличить фермерские доходы. По этому новому принципу с 1936 г. выплачивались субсидии производителям сахарной свеклы. Количественные квоты устанавливались также и по некоторым другим продуктам и, как правило, на основе прошлогоднего урожая каждого фермера. Подобная система субсидирования тормозила развитие новых ферм, которые смогли бы хозяйствовать более эффективными способами, и, кроме того, ограничение производства не давало стимула для интенсификации производства в функционирующих хозяйствах. Вторым недостатком ограничения производства был рост розничных цен на продукты питания.

Субсидирование в 30-х годах охватило далеко не все виды сельскохозяйственной продукции. Что касается хмеля, картофеля, бекона и молока, то государство поддерживало их производство посредством принудительного сбытового кооперирования фермеров (законы о сельскохозяйственной торговле 1931 г. и 1933 г.). Основной целью фермерских объединений было уменьшение рыночных колебаний оптовых сельскохозяйственных цен и усиление роли фермеров в установлении цен в противовес крупным скупщикам фермерской продукции, которые занижали

¹³ Ibid., p. 188.

¹⁴ «Agriculture in the Twentieth Century», pp. 75, 77—78.

¹⁵ R. L. Co hen. Op. cit., p. 185.

¹⁶ «Journal of Farm Economics». Vol. 19, 1937, № 1, p. 264.

оптовые цены. Созданные в сельском хозяйстве отраслевые управления, помимо выравнивания цен, выполняли и другие функции, во многом специфичные для каждой отдельной отрасли. Например, производителям хмеля запрещалось расширять площади, занимаемые этой культурой. Фермеры получали задания относительно посевных площадей, а также сортов картофеля, которые нужно было производить. Против нарушителей этих постановлений действовала система штрафов. Причем количественное ограничение импорта хмеля и лицензирование импорта картофеля наряду со стабилизацией аграрных цен создавали для английских фермеров благоприятные условия хозяйствования.

Специфичной была также политика государства в отношении свиноводческих хозяйств. В то время английские фермеры полностью обеспечивали потребность страны в свежей свинине и были ограждены от внешней конкуренции санитарным эмбарго на импорт. Но потребности в свинине в целом (свежей и консервированной) не удовлетворялись. Поэтому быстро рос импорт свиных консервов по низким ценам, что понижало цены внутреннего рынка на свинину в целом. Государственное регулирование производства свинины (1933 г.) было направлено на стабилизирование цен, увеличение собственного производства главным образом для нужд консервной промышленности. Наряду с ограничением импорта свиных консервов английское правительство пыталось ввести систему контрактов между фермерами и консервными предприятиями. С точки зрения увеличения поголовья свиней эта политика была эффективной. Однако контракты не получили широкого развития и с 1937 г. были аннулированы. Низкие контрактные цены оказались невыгодными для фермеров, и производство свежей свинины оставалось по-прежнему более прибыльным.

Государство осуществляло также попытки реорганизации производства молока. Импорт дешевого масла и сыра снижал доходы английских фермеров, ориентировавшихся на местную молочную промышленность, в то время как производство жидкого молока непосредственно на потребительский рынок было высокорентабельным, так как цены на нем были выше. Задача состояла в выравнивании доходов этих двух типов молочных ферм с тем, чтобы добиться большей самообеспеченности молочными продуктами. С этой целью отраслевое молочное управление, не повышая цен на молоко, изымало часть более высоких доходов одних фермеров и перераспределяло их другим фермерам с низкими доходами, соответственно объему проданной продукции. Причем правительство не вводило количественных ограничений ни в импорте молочных продуктов, ни в национальном производстве. Наряду со стимуляцией молочного производства по линии торговой кооперации правительство также субсидировало эту отрасль сельского хозяйства.

В 30-е годы государство поощряло также закупку фермерами разнообразных технических средств, в частности тракторов. Еще в 1919—1920 гг. английские фермеры закупили в США несколько тысяч тракторов, однако их применение не дало сразу ощутимых результатов¹⁷. Но вскоре в Великобритании вслед за США и Канадой начинается тракторизация сельского хозяйства. В 1925 г. на полях этой страны работало уже 20,3 тыс. тракторов — 28% от использовавшейся в сельском хозяйстве тягловой силы¹⁸. К 1939 г. число тракторов достигло 56,2 тыс., то есть 62% от всей тягловой силы¹⁹. Механизация английского сельского хозяйства приняла еще более широкие масштабы в годы второй мировой войны и в послевоенный период.

¹⁷ «Agriculture in the Twentieth Century», p. 57.

¹⁸ «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 278.

¹⁹ Г. Л. Ф а к т о р. Технический переворот и структурные сдвиги в сельском хозяйстве Западной Европы. М. 1971, стр. 16.

Таким образом, за период до второй мировой войны в результате специального законодательства в области сельского хозяйства аграрная политика Великобритании приобрела определенную эффективность, которая выражалась в росте интенсивности этой отрасли экономики. Если до второй мировой войны главной целью государственно-монополистического регулирования в отношении всей экономики страны была антикризисная политика, то в сельском хозяйстве государственные мероприятия имели уже более разнообразную целевую установку (непосредственное регулирование производства, влияние на его структуру и т. п.). До второй мировой войны в Великобритании не было другой отрасли хозяйства, для которой существовал бы такой разносторонний инструментарий государственных мероприятий по регулированию, как в области сельскохозяйственного производства.

В то же время во многом благодаря государственному вмешательству быстрыми темпами шло разорение английских фермеров: за 20 лет (1915—1935 гг.) их число сократилось на 54 тысячи²⁰.

В годы второй мировой войны государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства Великобритании получило дальнейшее развитие. Это был второй период в развитии аграрного регулирования с присущими только ему методами и средствами.

В военное время Великобритания должна была опираться на свои собственные ресурсы в решении продовольственной проблемы. До поставок сельскохозяйственной продукции по ленд-лизу с 1943 г. страна не могла рассчитывать на импорт. Существовавшие средства государственного вмешательства не были настолько эффективными, чтобы заметно поднять уровень сельскохозяйственного производства. Эта отрасль британской экономики в годы войны приобрела стратегический характер. Поэтому правительство мобилизовало в нее значительные материальные и трудовые ресурсы, что не было характерным для мирного времени. Из прежних методов аграрного регулирования сохранилась лишь регламентация производства, которая получила всеобщее развитие.

Вся фермерская продукция закупалась министерством продовольствия и затем продавалась по розничным ценам, как правило, более низким, чем закупочные. Разница в ценах погашалась государством за счет специальных субсидий. Часть продукции фермеры продавали частным торговым предприятиям по ценам, устанавливаемым государством.

Во время второй мировой войны государство непосредственно регулировало также сам производственный процесс в английском сельском хозяйстве. Государственные органы определяли как размеры сельскохозяйственного производства, так и его структуру. Каждый фермер получал конкретные задачи по производству: обработать определенную площадь под пшеницу, картофель, сахарную свеклу и другие культуры. Устанавливались производственные задания и по продуктам животноводства. Благодаря такому непосредственному регулированию английское сельское хозяйство добилось значительного увеличения обрабатываемых площадей и соответственно увеличения валового сбора пищевых продуктов первой необходимости.

Военные исполнительные сельскохозяйственные комитеты графств Великобритании, занимавшиеся распределением этих заданий по производству сельскохозяйственной продукции, имели право забирать землю фермеров и хозяйствовать на ней в случае отказа последних подчиниться распоряжениям этих комитетов. Это один из уникальнейших примеров прямого огосударствления в сельском хозяйстве, вызванного требованиями военного времени. За военный период до августа 1945 г. в Англии и Уэльсе было выселено 2714 фермеров, уклонявшихся от выполнения рас-

²⁰ «A Century of Agricultural Statistics», p. 19.

поряжений комитетов²¹. Военные методы аграрного регулирования способствовали увеличению обеспеченности собственным продовольствием Великобритании с $\frac{1}{3}$ до почти половины²².

Рост самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией за годы войны был достигнут благодаря применению как интенсивных, так и экстенсивных методов хозяйствования. В этот период наблюдалось нехарактерное для капиталистического сельского хозяйства явление — рост занятости в этой отрасли экономики. Так, численность сельскохозяйственных рабочих в Великобритании возросла с 697 тыс. в 1938 г. до 887 тыс. в 1945 году²³. Расширились обрабатываемые площади. Вместе с тем период войны характеризовался быстрыми темпами механизации: тракторный парк увеличился в 3,2 раза, достигнув в 1946 г. 180 тыс. машин²⁴. Английское правительство изыскивало любую возможность для роста сельскохозяйственного производства, который был одним из важных стратегических факторов, но одновременно и источником роста прибылей монополий.

Английские фермеры в годы войны получили большие выгоды от всесторонней государственной помощи. Во-первых, продавая свою продукцию государству, фермерство было ограждено от неустойчивого капиталистического рынка. Хотя их хозяйственная самостоятельность и была подорвана, они получали гарантированный доход, который не зависел от изменения аграрных цен. Во-вторых, государство поощряло и финансировало покупку сельхозтехники, главным образом тракторов, то есть оно стимулировало техническое переоснащение английского сельского хозяйства. В свою очередь, техническая реконструкция сельского хозяйства привлекла к нему монополии, ибо она позволяла выгодно помещать капиталы. Именно эти три силы — научно-технический прогресс, монополии и государство — определяют все послевоенное развитие сельского хозяйства Великобритании.

После войны наступает новый этап в государственно-монополистическом регулировании английского сельского хозяйства. Торговые и промышленные монополии, финансовый капитал все шире проникают в аграрный сектор британской экономики, закрепляя свое господство над ним, и выдвигают новые требования о государственном регулировании. Объективной основой возрастания роли государства в послевоенном сельском хозяйстве служили изменения в производительных силах, прежде всего уже развернувшийся процесс механизации, а также другие направления научно-технического прогресса в этой сфере экономики.

В первые послевоенные годы в области аграрной политики правящие круги продолжали курс на увеличение собственного производства сельскохозяйственной продукции. Государство стимулировало внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство, поскольку лишь высокоинтенсивное сельское хозяйство могло дать необходимый рост производства продуктов питания и сырья. Переход к индустриальным методам сельскохозяйственного производства требовал огромных финансовых средств, которыми английские фермеры не располагали. Поэтому помощь государства фермерам стала еще более необходимой, чем до войны.

В послевоенный период довоенные методы аграрного регулирования получили свое дальнейшее развитие, они стали все шире и глубже охватывать сельское хозяйство Великобритании. Продолжали сохраняться государственные меры военного времени. Так, вплоть до 1954 г. английское правительство осуществляло прямой контроль за сельскохозяйст-

²¹ «Journal of Farm Economics», Vol. 28, 1946, № 4, p. 1009.

²² Ibid., p. 1010.

²³ «A Century of Agricultural Statistics», p. 62.

²⁴ Ibid., p. 71.

венным производством: закупало продукцию фермеров и устанавливало для них производственные задания.

Процесс технического переоснащения английского сельского хозяйства и заинтересованность в этом монополий определили основное направление вмешательства государства в эту отрасль экономики — оно выступает как государственно-монополистическое регулирование научно-технического прогресса. Вместе с тем оно оказывает влияние на накопление капитала в фермерских хозяйствах, являющееся предпосылкой и основой научно-технического прогресса.

Однако политика монополий, перераспределяющих часть прибавочной стоимости из сельского хозяйства в промышленность и торговлю посредством «ножниц цен», привела к падению возможностей накопления капитала в фермерских хозяйствах. Так, в 1956—1957 гг. из каждого фунта стерлингов, расходуемого в Англии на продовольствие, в личный доход сельскохозяйственных рабочих и фермеров шло около 3 шилл. (то есть 15%)²⁵. Остальная часть попадала в карман монополий и скупщиков фермерской продукции. Возможности накопления в сельском хозяйстве были уменьшены также стремительным ростом цен на землю и соответственно арендной платы: в 1939 г. 1 акр средней фермы стоил 30—35 ф. ст., а в 1967 г. — 250—300 ф. ст.; с 1938 по 1956 г. средняя арендная плата за акр земли выросла с 25 шилл. 6 пенсов до 38 шиллингов²⁶.

Технический прогресс в сельском хозяйстве ускоряет концентрацию производства и капитала, что находит отражение в росте оптимального размера фермы и увеличении минимума авансированного капитала, необходимого для ведения рентабельного хозяйства. В то же время преобладание недвижимости в основном капитале и сезонность работ в сельском хозяйстве замедляют оборачиваемость аграрного капитала. Поэтому рентабельность капиталовложений в сельское хозяйство Англии низка. Так, оборачиваемость пассивной части основного капитала в сельском хозяйстве не превышает 2%, в то время как любая средняя акция обеспечивает 4,5% годовых²⁷. Таким образом, английские фермеры испытывают значительные трудности в осуществлении необходимых капиталовложений как из-за недостатка средств, так и из-за их малой эффективности.

Государство стимулировало накопление капитала в сельском хозяйстве как по линии создания общих условий накопления, так и путем прямого или косвенного субсидирования. В первом случае эта деятельность сводилась к финансированию капиталовложений, связанных с созданием экономической и социальной инфраструктуры, к развитию системы образования и различных консультаций для фермеров.

В 1950 г. министерство сельского хозяйства создало различные бесплатные консультации для фермеров. Консультативные учреждения предоставляют самые разнообразные научно-технические консультации по вопросам ведения фермерского хозяйства. Научную работу в области сельского хозяйства координирует Совет сельскохозяйственных исследований. В его ведении находятся 24 института и опытные станции. По желанию фермеров были созданы также национальная служба финансирования исследований по изучению рынков сбыта продукции сельского хозяйства, национальная служба землепользования, государственная ветеринарная служба и другие. Функционирование этих учреждений способствовало в некоторой степени росту капиталовложений в сельское хозяйство и более эффективному их использованию. Государство увеличило также помощь сельскохозяйственным факультетам университетов (всего 12), сельскохозяйственным колледжам (10), институтам (36) и

²⁵ «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 305.

²⁶ Там же, стр. 302; «Journal of Agricultural Economics», January 1968, p. 6.

²⁷ «Journal of Agricultural Economics», January 1968, p. 8.

училищам (9). Научно-исследовательские и опытные сельскохозяйственные организации также получали дотации из казны.

Политика, направленная на внедрение достижений науки и техники в сельское хозяйство, выражалась в финансовой поддержке фермеров. Первоначально это проявлялось в поддержке цен на фермерскую продукцию, что обеспечивало твердые фермерские доходы. Законом 1947 г. была установлена система гарантированных цен на 12 основных сельскохозяйственных продуктов, составлявших 80% всей товарной продукции сельского хозяйства страны. В соответствии с этим законом правительство ежегодно устанавливало на предстоящий сельскохозяйственный год минимальные гарантированные цены. Уровень цен утверждался после консультации с фермерскими союзами с учетом прогноза на спрос и предложение на внутреннем и мировом рынках, объема субсидий, рентабельности сельского хозяйства и состояния экономики страны в целом. Уровень гарантированных цен должен был обеспечить фермерам доходы, необходимые для расширенного воспроизводства. Фермеры получали дотации только тогда, когда гарантированная цена превышала реальную рыночную цену какого-либо товара, и разница между ними погашалась за счет государственного бюджета.

Эта политика была направлена на увеличение сельскохозяйственно-го производства, а также должна была стимулировать главным образом рентабельные производства. Повышая гарантированный минимум цен на одни продукты и понижая на другие, английское правительство в некоторой степени воздействовало на развитие отдельных отраслей сельского хозяйства в сторону их расширения или сокращения. Так, в 1955/56 г. выплаты по гарантированным ценам составили (в млн. ф. ст.): зерновые — 36,7, откорм скота — 53,0, яйца — 23,5, молоко — 37,5²⁸.

Очевидно, что большая часть суммы компенсационных платежей приходилась на продукцию животноводства в результате завышенного на нее минимума гарантированных цен. В этом выражалось стремление английского правительства поощрять развитие животноводства как наиболее эффективную отрасль сельского хозяйства. Основную часть платежей по гарантированным ценам получали крупные фермеры, так как, во-первых, они поставляли основную массу всей фермерской продукции, а, во-вторых, участие в системе гарантированных цен было оговорено необходимым минимальным уровнем поставок товарной продукции, а также его качеством, что исключало часть мелких фермеров из этой системы и ускоряло их разорение.

В итоге за пять лет, прошедших после принятия закона 1947 г., ожидавшийся 50% -й рост валовой продукции сельского хозяйства был достигнут. За период 1946/47—1952/53 гг. производство молока возросло в год на 4%, яиц — на 9%, свинины — на 18%²⁹. Производство мяса увеличивалось медленнее.

Система гарантированных цен плохо стимулировала фермеров к снижению издержек производства. Поэтому вскоре стали выдвигаться предостережения от дальнейшего расширения производства молока, яиц и свинины, пока их себестоимость не будет снижена. Но манипуляции гарантированными ценами имели свои пределы и часто вызывали последние, противоположные замыслам. Понижение цены, осуществляемое государством с целью сокращения производства какого-нибудь товара, порой порождало стремление фермеров расширить производство того же вида продукции, чтобы увеличением количества продаваемых продуктов возместить снижение их прибыльности. Особенно это характерно для мелких и средних фермеров, которые не в состоянии гибко реагировать на изменение рыночной конъюнктуры.

²⁸ «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 298.

²⁹ «Journal of Agricultural Economics», February 1957, p. 131.

Однако эта мера все же не гарантировала уменьшение стихии сельскохозяйственного рынка. Издержки производства быстро увеличивались, рыночные цены на зерно и мясо падали. Уже в середине 50-х годов появились первые признаки перепроизводства в сельском хозяйстве Великобритании.

Система гарантированных цен была эффективной лишь в течение небольшого периода времени. Правительство Великобритании полагало, что в условиях послевоенной нехватки продовольствия аграрные цены на мировых рынках будут высокими в течение долгого периода, поэтому стимулирование сельскохозяйственного производства выступало как экономически оправданная мера. Между тем начиная с 50-х годов в некоторых капиталистических странах появились элементы перепроизводства аграрной продукции, и сельскохозяйственные цены стали падать.

В середине 50-х годов в аграрной политике Великобритании произошли перемены в сторону повышения в первую очередь эффективности сельского хозяйства. Для этой цели государство ввело целевое субсидирование сельского хозяйства, которое, как предполагалось, должно было принести большой эффект. Система гарантированных цен осталась, но с начала 60-х годов сумма компенсационных платежей падает и некоторые продукты исключаются из этой системы.

Таким образом, в аграрном регулировании британского государства произошел поворот от стимулирования производства и косвенных мер регулирования накопления капитала к прямому регулированию накопления, причем главный упор делался на повышение эффективности сельскохозяйственного производства, а не его рост, хотя по-прежнему страна лишь наполовину обеспечивала себя продовольствием. Дело в том, что основная масса фермерской продукции была неконкурентоспособной по отношению к более дешевой продукции других стран (США, Австралии, Новой Зеландии), поэтому дальнейший рост малорентабельного производства английской сельскохозяйственной продукции привел бы к затовариванию внутреннего рынка, так как отечественная продукция реализовалась бы с большими трудностями.

Субсидирование английского сельского хозяйства проводилось и в довоенный период, но в рассматриваемое время программа целевой помощи фермерам значительно расширилась, имела другие цели и строилась на других принципах. Закон 1957 г. ввел целевое субсидирование английских фермеров. В 1963 г. программа субсидирования была расширена. Государство выплачивало фермерам всего около 20 субсидий: на оплату электроэнергии, на сенокос, на покупку кормов в зимнее время, на выращивание телят, на покупку минеральных удобрений (с 1952 г.), на известкование почв (с 1937 г.), специальная субсидия для горных животноводческих хозяйств, а также субсидии на коренные улучшения основного капитала, как-то расширение и модернизация построек и оборудования (до 25% стоимости), дренаж (до 60%), водоснабжение (до 40% расходов) и т. д. Не подлежит сомнению, что львиная доля субсидий приходилась на крупные хозяйства. Так, за первые пять лет после введения субсидий (1958—1962 гг.) на фермы с земельной площадью более 60 га приходилось 68,5 тыс. коренных улучшений хозяйства, причем средняя стоимость одного улучшения составляла 1005 ф. ст., а на фермы с площадью менее 40 га приходилось 80,5 тыс. более дешевых улучшений (в среднем 482 ф. ст.)³⁰, то есть первая группа фермеров за пять лет получила субсидий почти в два раза больше, чем вторая группа, численно превосходящая первую.

Основная цель субсидирования заключалась в стимулировании капиталовложений в сельское хозяйство, которые за послевоенное десяти-

³⁰ Н. Frankel. *Economic Changes in British Agriculture 1959—1964*. Oxford, 1964, p. 196.

летие не только не росли, но и имели тенденцию к уменьшению. Годовые валовые капиталовложения уменьшились со 117 млн. ф. ст. в среднем за 1948—1950 гг. до 106 млн. ф. ст. в 1955—1957 гг. (в ценах 1954 г.)³¹.

Законом 1957 г. была модифицирована система гарантированных цен. Изменение заключалось в запрещении резкого снижения минимума гарантированных цен и установлении границы снижения цен. Так, в целом гарантированные цены не должны были сокращаться более чем на 2,5% по сравнению с прошлогодним уровнем. А на каждый отдельный вид сельскохозяйственной продукции минимальная цена могла быть снижена не более чем на 4% за один год.

Введение субсидирования, таким образом, не означало, что государство отказалось от прежней системы гарантирования сельскохозяйственных цен. Ведь гарантирование цен в целом сдерживало быстрый рост розничных цен на продовольствие, что стимулировало потребительский спрос. Гарантии государства страховали фермеров от резких погодных и рыночных колебаний. Гарантирование сельскохозяйственных цен выступало как средство поддержки прежде всего крупного фермерства, что было выгодно монополистическому капиталу. Фермеры получали компенсационные платежи по гарантиям, исходя из средней продажной цены по стране, а не цены в индивидуальных сделках. Следовательно, при продаже продукции по цене выше средней или даже выше гарантированной фермеры все равно получали компенсацию в зависимости от объема проданной продукции. Это удавалось лишь крупным фермерам, тогда как мелкие фермеры продают продукцию по ценам ниже средних. Даже с учетом компенсационных платежей фермеры в последнем случае сбывали продукцию по ценам ниже гарантированных. Если же учесть, что издержки производства на единицу продукции у мелких фермеров значительно больше, чем у крупных, то неизбежность разорения мелких хозяйств становится очевидной. Таким образом, гарантирование цен способствовало дифференциации фермерства Великобритании. Буржуазное государство даже такое на первый взгляд безобидное для фермеров средство, как гарантирование аграрных цен, использовало в своих классовых интересах таким образом, чтобы укрепить положение крупных фермеров и избавиться от экономически нерентабельных и политически «ненадежных» мелких хозяйств.

В результате и субсидирование и гарантирование цен усиливали процесс вытеснения мелких фермеров, что привело к движению протеста против подобной политики государства. Поэтому английское правительство, исходя из политических соображений, приняло в 1959 г. закон, согласно которому мелким и части средних хозяйств оказывалась финансовая поддержка. В рамках специальной программы помощи мелким фермерам правительство каждые три года предоставляло им субсидии в ежегодном размере от 6 до 360 ф. ст., причем сумма за три года не должна превышать 1 тыс. ф. стерлингов. Этой программой охватывались лишь фермы с площадью сельскохозяйственных угодий от 8 до 50 га и годовыми трудовыми затратами в 250—600 условных человеко-дней³², то есть опять-таки поддерживались относительно интенсивные хозяйства. В 1961 г. 43% всех хозяйств страны имели площадь до 8 га каждое³³ и, следовательно, не имели права на получение дотаций от государства. По второму ограничительному условию для получения помощи более половины всех фермеров не могли на нее рассчитывать: фермы с трудовыми затратами менее, чем 275 условных человеко-дней, состав-

³¹ «National Income and Expenditure». L. 1958, p. 57.

³² За один условный человеко-день принят 8-часовой рабочий день взрослого мужчины со средней производительностью труда.

³³ Подсчитано по: «The State of British Agriculture 1971—1972». Oxford. 1972 p. 2. 7.

ляли в 1963 г. 52,3% от общего числа, а в 1966 г.— 53,1%³⁴. Пропагандистская шумиха вокруг этой пресловутой программы помощи мелким фермерам нисколько не мешала правящим кругам использовать эту программу для ускорения разорения фермеров, исключив из нее основную массу мелких хозяйств.

В целом же финансовая помощь государства английским фермерам в послевоенный период увеличилась: среднегодовой объем этой помощи составил 258,6 млн. ф. ст. за 1956/57—1958/59 гг. и 270,5 млн. ф. ст. за 1968/69—1970/71 гг., причем уровень 1961/62 г. (342,6 млн. ф. ст.) был превышен лишь в 1972/73 г. (389 млн. ф. ст.)³⁵, однако девальвация фунта и инфляционные явления в 70-х годах делают эти цифры малосопоставимыми. Что касается выплат по гарантированным ценам, то их сумма сокращается с начала 60-х годов. Государственная помощь сельскому хозяйству увеличилась в дальнейшем лишь за счет безвозмездного субсидирования. Доля субсидий во всей государственной помощи фермерам возросла с 25% в 1954/55 г. до 43% в 1967/68 г. и до 59% в 1970/71 г., тогда как удельный вес расходов по гарантированию цен сократился с 71% до 52% и 35% за те же годы³⁶.

Несмотря на рост финансовой помощи английскому сельскому хозяйству, она становилась все менее эффективной. В результате усиливавшегося господства монополий над сельским хозяйством английские фермеры, и не только мелкие, высказывали все больше недовольства относительно официальной аграрной политики. В то же время рост дотаций фермерам из госбюджета обострял проблему платежного баланса Великобритании.

Английские правящие круги стали искать новые, более эффективные методы аграрного регулирования, которые не требовали бы больших бюджетных ассигнований. По-прежнему одной из главных проблем оставалась стабилизация сельскохозяйственного рынка. В условиях падения мировых цен на некоторые сельскохозяйственные продукты английское правительство, согласно закону 1964 г., получило право устанавливать минимальные импортные цены и вводить налоги на импортируемую сельскохозяйственную продукцию. Минимальные импортные цены устанавливались на уровне гарантированных цен. Таким образом, английское правительство стало применять меры аграрного регулирования, которые особенно распространились в странах «Общего рынка», где большие тарифные барьеры искусственно повышают конкурентоспособность национальных производителей сельскохозяйственной продукции. В отношении свинины опять были введены количественные ограничения импорта.

Государство регулировало сельскохозяйственные рынки в 60-х годах также посредством создания специальных служб, занимавшихся конъюнктурными исследованиями, градацией по качеству и стандартизацией фермерской продукции, на что в 1962 г. было выделено 1,5 млн. ф. ст. в расчете на трехлетний период. Государство оплачивало 50% расходов этих исследовательских организаций, остальную часть оплачивали фермеры³⁷.

Лейбористское правительство, пришедшее к власти в 1964 г., продолжало уже начатый пересмотр аграрной политики. Если раньше государственно-монополистическое регулирование осуществлялось на основе ежегодных обзоров и опыта предшествовавшего года, то с этого времени регулирование становится долгосрочным. В отношении сельского хозяйства составляются прогнозы развития, рассчитанные на 5—10 лет.

³⁴ Подсчитано по: «A Century of Agricultural Statistics», p. 32.

³⁵ В. П. Глушков. Указ. соч., стр. 252; «The State of British Agriculture 1971—1972», pp. 2.25—2.26; «Britain. An Official Handbook». L. 1973, p. 321.

³⁶ Ibid.

³⁷ H. Frankel. Op cit., p. 11.

В 1965 г. правительство объявило селективную программу развития сельского хозяйства, в которой предпочтение отдавалось производству наиболее эффективных для страны продуктов — пшеницы, ячменя, говядины и свинины. Лейбористы считали, что сельское хозяйство должно внести вклад в ускорение общего экономического роста, во-первых, увеличивая масштабы производства с целью экономии средств, расходуемых на импорт, и, во-вторых, высвобождая рабочие руки для других секторов экономики благодаря росту производительности труда в сельском хозяйстве.

Одним из факторов, сдерживавших развитие английского сельского хозяйства, являлась мелкохозяйственная структура. Преобладание мелких ферм понижало общий уровень эффективности этой отрасли экономики. Для 100 тыс. нерентабельных мелких хозяйств, стоящих на грани разорения, правительство утвердило в 1967 г. закон, по которому выплачивались субсидии в помощь слиянию ферм, их кооперации и вознаграждения за ликвидацию мелких хозяйств. Государство оплачивало 50% расходов на слияние ферм, а за уход из сельского хозяйства фермерам выплачивалась единовременная сумма до 2 тыс. ф. ст. или пожизненное пособие до 275 ф. ст. в год. Это означало введение структурной политики в области сельского хозяйства, которая характерна для стран «Общего рынка».

Пришедшее к власти в 1970 г. правительство консерваторов, подготавливая страну к вступлению в ЕЭС, приняло ряд новых мер аграрного регулирования. До конца 60-х годов британское государство противодействовало росту цен с помощью прямого субсидирования. Однако издержки производства росли быстрее, чем объем государственной помощи, поэтому часто тормозилось развитие в принципе эффективных производств. Минимальные импортные цены, по закону 1964 г., устанавливались лишь в отношении зерновых культур и яиц. С 1970 г. систему гарантированных цен и субсидий начали все шире заменять системой налогов, регулирующих импортные и экспортные цены. Перемены в аграрном регулировании были вызваны малой эффективностью прежней аграрной политики и требованиями английского монополистического капитала, рвавшегося в «Общий рынок».

Переходя к новой аграрной политике, английское правительство выполняло волю монополий и добивалось следующих целей. Во-первых, переход к системе импортных пошлин должен был вызвать сокращение расходов на поддержание сельского хозяйства, выплачиваемых из казны, и перенести их тяжесть непосредственно на массового потребителя. Во-вторых, новая аграрная политика, уже не ограничивавшая рост цен на продукты сельского хозяйства, должна была побудить фермеров вкладывать крупные капиталы в развитие ряда отраслей сельского хозяйства, как-то производство мяса и зерновых культур, продукция которых до этого продавалась по слишком низким ценам. В-третьих, новая политика давала выгоды только крупным аграрным предпринимателям. Лишая мелких фермеров последней финансовой помощи, английское государство тем самым ускоряло ликвидацию мелких хозяйств и создание более оптимальной для монополий структуры сельскохозяйственных производителей.

Первой мерой новой аграрной политики было введение в июле 1971 г. импортных пошлин на говядину, телятину, молочные продукты. В то же время были введены пошлины на ввоз баранины, а ранее существовавшая система обложения импорта зерновых была модифицирована и расширена. Параллельно с этим нововведением была продолжена постепенная ликвидация системы гарантийных выплат фермерам из госбюджета по некоторым видам сельскохозяйственной продукции. Компен-

сационные платежи по гарантированным ценам составили (в млн. ф. ст.) ³⁸:

	1969/70	1970/71
Всего выплат	127,9	93,6
Пшеница	17,4	13,9
Ячмень	35,5	7,8
Овес и зерносмеси	9,6	2,1
Всего зерновых	62,5	23,8
Всё животноводство	46,7	48,2
Птицеводство	12,1	9,3

Несмотря на рост целевых субсидий, сумма всей помощи государства сельскому хозяйству за этот сельскохозяйственный год (1969/70—1970/71 гг.) упала на 8,1 млн. ф. стерлингов ³⁹. Рост инфляции затормозил тенденцию к дальнейшему сокращению дотаций.

К началу 70-х годов аграрная политика правящих кругов Великобритании натолкнулась на значительные трудности. Каждое средство аграрного регулирования имело негативные последствия. Несмотря на некоторый рост оптовых цен, достигнутый в результате гарантирования цен на фермерскую продукцию, «ножницы цен» увеличивались: при средне-годовом уровне 1964/65—1966/67 гг. = 100 индекс цен на продукцию, продаваемую фермерами в 1969/70 г., равнялся 116,1, а на покупаемые фермерами удобрения и известь — 129,4, на корма — 128,2, на топливо — 125,6 ⁴⁰. Субсидирование, как и гарантирование цен, в конечном итоге ускоряло разорение нерентабельных хозяйств. Особенно этому способствовала политика в отношении структуры сельского хозяйства. Такие меры государства вызывали недовольство мелких фермеров, которое часто выливалось в демонстрации протеста и накаляло политическую обстановку в стране. Введение минимальных импортных цен и ограничение сельскохозяйственного импорта привели к росту розничных цен на продовольствие в стране. Увеличение расходов на продукты питания, а также рост налогового бремени вызывали протесты всех трудящихся Великобритании.

Попыткой решения аграрных проблем в стране был переход к методам государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства, принятым в государствах «Общего рынка». Вступление Великобритании в ЕЭС в 1973 г. положило начало новому этапу в развитии аграрного регулирования.

Государственно-монополистическое регулирование английского сельского хозяйства, несмотря на разнообразие его средств, так и не решило насущных аграрных проблем. «Диалектика государственно-монополистического капитализма такова, — отмечает в Программе КПСС, — что вместо укрепления капиталистической системы, на что рассчитывает буржуазия, он еще больше обостряет противоречия капитализма, расшатывает его до основания» ⁴¹. Это свидетельствует об исторической бесперспективности капитализма, об усилении его загнивания. Вместе с тем, как справедливо указывается в Программе КПСС, загнивание капитализма «не означает полного застоя, закупорки производительных сил и не исключает роста капиталистической экономики в отдельные периоды в отдельных странах» ⁴². Это относится и к сельскому хозяйству Великобритании.

³⁸ «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.25.

³⁹ Ibid., p. 2.26.

⁴⁰ «Production Yearbook», 1972, p. 377.

⁴¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза» М 1961, стр. 27.

⁴² Там же.

Государственно-монополистическое регулирование оказало значительное воздействие на развитие сельского хозяйства Великобритании. Между тем в полной мере эффективность аграрного регулирования ощутили лишь крупные фермеры и главным образом монополии. Ведь подавляющую часть государственной помощи сельскому хозяйству получили именно крупные фермеры, что позволило им осуществить техническую реконструкцию своих хозяйств.

Количество тракторов в Великобритании (включая садово-огородные) увеличилось за 1942—1972 гг. с 101,5 тыс. до 511,7 тыс., то есть более чем в пять раз⁴³. В 1972 г. у английских фермеров было 60,2 тыс. зерновых комбайнов, 536,6 тыс. культиваторов, 324,2 тыс. электромоторов, 101,1 тыс. грузовых машин и десятки других машин и механизмов⁴⁴. За период 1948—1971 гг. потребление азотных удобрений возросло в пять раз, а калийных и сложных удобрений — в два раза⁴⁵. Финансовой основой технического переоснащения английского сельского хозяйства был рост фермерских доходов с 350 млн. ф. ст. в 1953 г. до 681 млн. ф. ст. в 1973 г. (в текущих ценах)⁴⁶, что позволило увеличить инвестиции с 90 до 329 млн. ф. ст. за тот же период⁴⁷.

Несмотря на достигнутый прогресс в развитии производительных сил, английское сельское хозяйство по-прежнему отставало от средненационального роста экономики — соответственно 22,0% и 23,9% за 1963—1971 годы⁴⁸. В то же время сельское хозяйство обгоняло все отрасли промышленности по росту производительности труда: за 1964—1973 гг. она увеличилась на 69%, тогда как в обрабатывающей промышленности — на 49%, в добывающей — на 33% и в целом по отраслям экономики — на 49%⁴⁹.

Рост сельскохозяйственного производства позволил поднять уровень самообеспеченности Великобритании продуктами питания по сравнению с отмеченными выше показателями довоенного периода. По важнейшим видам продукции сельского хозяйства самообеспеченность в 1972 г. составляла: по молоку, овсу, яйцам — 100%, мясу птицы — 99%, свинине — 98%, пищевому картофелю — 95%, говядине и телятине — 82%, сыру — 55%, пшеничной муке и зерну — 54%, бекону и ветчине — 44%, баранине — 40%, сахару — 33%, маслу — 21%⁵⁰.

Однако научно-технические достижения использовались в основном крупными хозяйствами, а рост производительности труда был достигнут благодаря усилению эксплуатации сельскохозяйственных рабочих и трудящихся фермеров. Научно-технический прогресс содействовал дальнейшему вытеснению мелких хозяйств и усилил концентрацию производства и капитала на крупных фермах. Как сообщала 7 февраля 1974 г. «The Times», в 1969—1970 гг. только 6% английских фермеров имели основной капитал (активная часть) более 100 тыс. ф. ст., тогда как более 50% фермеров обладали капиталом менее чем 5 тыс. ф. ст. на ферму.

Рост концентрации капитала в сельском хозяйстве подтверждают также данные о распределении сельскохозяйственных площадей среди различных групп фермеров. В 1971 г. в Англии и Уэльсе крупные хозяйства — площадью 120 га и более — составляли 7,6% всех хозяйств и занимали 40,3% всей сельскохозяйственной площади (в 1961 г. —

⁴³ «A Century of Agricultural Statistics», p. 71; «Annual Abstract of Statistics». L. 1959, 1973.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ «Annual Abstract of Statistics», 1959, 1973.

⁴⁶ «Capital Adjustment in Agriculture». Newcastle. 1968, p. 13; «Agriculture and Food», 12.V.1974, № 8.

⁴⁷ «National Income and Expenditure», 1958, p. 58; 1973, p. 70.

⁴⁸ «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.89.

⁴⁹ «The Times», 15.XI.1974.

⁵⁰ «Modern British Farming Systems». L. 1972, p. 14; «Britain 1974». L. 1974, p. 321.

29,1%), тогда как 48,2% хозяйств были мелкими (до 20 га) и занимали лишь 8,2% совокупной площади (в 1961 г. — 12,1%)⁵¹. Но, как отмечал В. И. Ленин, «размер площади далеко не всегда и далеко не непосредственно указывает на действительно крупный размер хозяйства», а данные «о наемном труде несравненно доказательнее и показательнее в этом отношении»⁵². Так, если в конце XIX в. 40,8% английских фермерских хозяйств не имело наемных рабочих, у 68,1% фермерских хозяйств было не более двух рабочих и у 82% — не более четырех, то в 1962 г. первая категория хозяйств составляла 53,8%, вторая — 93,1% и третья — 96,4%, причем в крупных хозяйствах (3,6% от общего числа), имевших от пяти и более рабочих, была занята 1/3 всего сельскохозяйственного пролетариата Великобритании⁵³.

В условиях развернувшегося научно-технического прогресса мелкие фермеры имеют все меньше шансов выжить. Число мелких по площади хозяйств сократилось за десятилетие (1961—1971 гг.) почти вдвое, а число мельчайших хозяйств (до 8 га) — в 2,2 раза⁵⁴. Разорение британских фермеров было значительно ускорено вмешательством государства в аграрный сектор экономики. Причем процесс разорения более глубоко охватил хозяйства с площадью до 8 га, которые были лишены так называемой помощи мелким фермерам. Вместе с тем значительная финансовая поддержка государства крупным фермерам содействовала росту их числа: за период 1961—1971 гг. количество крупных хозяйств с площадью более 120 га увеличилось на 21,2%, а крупнейших хозяйств (более 280 га) — на 63,7%⁵⁵.

Возросшая механизация привела к сокращению наемного труда в сельском хозяйстве. Численность сельскохозяйственных рабочих составляла 996 тыс. в 1921 г., 751 тыс. — в 1936 г. и 406 тыс. — в 1972 году⁵⁶. Остающиеся в сельском хозяйстве рабочие подвергаются возрастающей эксплуатации. В. И. Ленин писал: «Ни одного улучшения в крестьянском хозяйстве не может быть, которое бы не усиливало эксплуатацию наемного труда улучшающимися хозяйствами»⁵⁷. Это характерно и для современной Великобритании. Сельскохозяйственные рабочие являются наиболее угнетаемым отрядом английского пролетариата. Они работают больше, а зарабатывают меньше, чем другие группы рабочих. Например, в 1966 г. средненедельная зарплата сельских рабочих мужчин равнялась 14 ф. ст. 9 шилл. 4 пенсам при средней рабочей неделе 50,1 час., то есть почасовая плата составляла 5 шилл. 9 пенсов. В том же году недельная зарплата для мужчин в среднем по всем отраслям экономики равнялась 20 ф. ст. 5 шилл. при 46,6 часовой неделе, что эквивалентно почасовой ставке 8 шилл. 9 пенсов⁵⁸.

В английском сельском хозяйстве широко распространена дискриминация в оплате труда женщин и молодежи. Так, в 1970/71 г. средняя недельная зарплата женщин составляла 64,7%, а молодых рабочих (до 20 лет) — 60,9% от зарплаты взрослых мужчин⁵⁹.

На эксплуатации сельских рабочих и трудящихся фермеров наживаются монополии. Для несельскохозяйственных отраслей аграрно-промышленного комплекса Великобритании характерна высокая степень монополизации. Так, только две крупнейшие международные компании со-

⁵¹ «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.7.

⁵² В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 149, 150.

⁵³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 68 (примечание); Н. Frankel. Op. cit. p. 181.

⁵⁴ «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.7.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ «A Century of Agricultural Statistics», p. 62; «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.2.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 329.

⁵⁸ «Journal of Agricultural Economics», January 1968, p. 61.

⁵⁹ «The State of British Agriculture 1971—1972», p. 2.4.

средолочивают 70% производства тракторов в стране, и три химические компании монополизировали 80% производства сложных удобрений⁶⁰. Сильны позиции монополий и в других отраслях АПК — комбикормовой, пищевой и т. д.

Между сельским хозяйством и другими секторами АПК существуют тесные экономические связи — как чисто рыночные, так и в виде контрактов между торгово-промышленным капиталом и фермерами. Система контрактов получила название вертикальной интеграции в сельском хозяйстве. Суть ее заключается в том, что монополии — поставщики средств производства сельскому хозяйству и монополии — потребители фермерской продукции в целях уменьшения резких колебаний рыночной конъюнктуры навязывают фермерам систему договоров, в которых диктат монополий еще более усиливается как по линии ценообразования, так и путем регламентирования сельскохозяйственного производства. Подобная система позволяет монополиям обходить многочисленных перекупщиков продукции фермеров и средств производства для них. Для фермеров вертикальная интеграция означает подрыв хозяйственной самостоятельности. Монополистический капитал благодаря системе контрактов устанавливает свое господство над всем АПК, который выступает как гигантский конвейер, где большинство фермеров, подобно промышленным рабочим, выполняет лишь часть производственных операций; да и те строго регламентируются монополиями.

Концентрация аграрного капитала и монополизация АПК усиливают процесс обобществления производства в сельском хозяйстве Великобритании. Это свидетельствует об углублении несоответствия высокого уровня производительных сил давно устаревшим аграрным отношениям.

Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Великобритании привел не только к увеличению его продуктивности, но и к обострению социальных конфликтов в английской деревне, вызванных массовым разорением фермерства. Несмотря на рост производительных сил, развитие английского сельского хозяйства ограничено рамками капиталистических производственных отношений. В силу этого далеко не все достижения науки и техники применяются в сельском хозяйстве страны. По подсчетам буржуазных экономистов, полное использование научно-технических новшеств в английском сельском хозяйстве позволило бы получить дополнительной продукции стоимостью от 200 до 500 млн. ф. стерлингов⁶¹.

Прогресс в развитии производительных сил в британском сельском хозяйстве и рост их обобществления являются материальной подготовкой нового общественного строя. Как отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду, «только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление»⁶².

Трудности сельского хозяйства Великобритании не были решены и после вступления страны в «Общий рынок» в 1973 году. Для окончательного принятия принципов единой аграрной политики ЕЭС для Великобритании установлен переходный период, срок которого истекает 31 декабря 1977 года.

Основное отличие единой аграрной политики стран «Общего рынка» от прежней аграрной политики Великобритании заключается в том, что в рамках ЕЭС функции регулирования и контроля над национальным сельским хозяйством каждой страны в основном осуществляются наднациональными органами, такими, как Совет министров ЕЭС, Комиссия ев-

⁶⁰ «Последствия индустриализации сельского хозяйства в странах Западной Европы», стр. 154, 155.

⁶¹ «New Scientist», № 924, 21.XI. 1974, p. 547.

⁶² «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 47.

ропейских сообществ, Комиссия по вопросам сельского хозяйства ЕЭС. Эти наднациональные органы регулирования определяют такие аспекты аграрной политики, как установление закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, размеры субсидий, таможенные тарифы, политика в отношении к третьим странам, а также регулируют валютно-финансовые отношения стран — участниц ЕЭС.

Финансирование сельского хозяйства каждой из стран — членов ЕЭС осуществляет также наднациональный Европейский фонд выравнивания и гарантии сельскому хозяйству. По замыслам создателей Сообщества, в нем должна царить полная гармония интересов всех стран. Однако факты свидетельствуют о противоположном. Еще до вступления Великобритании в «Общий рынок» единая аграрная политика Сообщества дала глубокие трещины. Расширение границ ЕЭС привело к обострению межнациональных противоречий в области аграрной политики. Основой аграрной политики ЕЭС должен был стать общий сельскохозяйственный рынок, на котором все фермеры Сообщества имели бы одинаковые условия для конкуренции на базе единых аграрных цен. Единая система цен и унификация импортных пошлин на сельскохозяйственную продукцию были введены еще в 1968 году. Между тем кризис валютно-финансовой системы капитализма, изменение валютных паритетов и резкие колебания валютных курсов стран — членов ЕЭС предопределили невозможность существования единых аграрных цен. В настоящее время «общие» сельскохозяйственные цены в бывшей «шестерке» различаются больше, чем в начале 60-х годов, когда еще не было провозглашено создание единой системы аграрных цен⁶³.

В сельском хозяйстве Великобритании после ее присоединения к ЕЭС к внутренним проблемам прибавились и общие трудности, переживаемые всеми странами Сообщества. Самым пагубным последствием вступления Великобритании в «Общий рынок» стал стремительный рост цен и прежде всего розничных цен на продукты питания. Так, в первом полугодии 1974 г. по сравнению с тем же периодом 1973 г. цены на продовольствие возросли в стране на 18,3%, а стоимость жизни увеличилась на 14,4%⁶⁴. Это было вызвано уже начавшимся переводом сельскохозяйственных цен на более высокий уровень цен «Общего рынка», который на 20% превышает мировые аграрные цены. Однако английские фермеры нисколько не выиграли от роста аграрных цен, так как он оказался значительно превзойденным более стремительным увеличением цен на промышленные товары, покупаемые фермерами, что было проявлением разразившегося энергетического и сырьевого кризиса. За два года (1973—1974) производственные расходы английских фермеров возросли на 61%⁶⁵.

Рост цен на средства производства и сокращение потребления некоторых продуктов питания, вызванное увеличением розничных цен, привели к спаду производства в ряде отраслей английского сельского хозяйства. В результате ускорился процесс разорения фермеров и вытеснения рабочей силы из сельского хозяйства. Так, в Англии и Уэльсе число полностью занятых сельскохозяйственных рабочих сократилось в 1974 г. по сравнению с 1973 г. на 6%, полностью занятых фермеров — на 5%, а количество всех занятых в сельском хозяйстве уменьшилось на 23 тыс. человек, или на 4%⁶⁶.

Годы пребывания Великобритании в «Общем рынке» ознаменовались массовыми выступлениями английских фермеров и сельскохозяйственных рабочих против единой аграрной политики. Несмотря на то, что

⁶³ «New Society», 3.X.1974, p. 23.

⁶⁴ «Agra Europe», 27.IX.1974.

⁶⁵ «Известия», 25.I.1975.

⁶⁶ «Agra Europe», 30.VIII.1974.

английское правительство постоянно заявляет о необходимости реформы аграрной политики ЕЭС, оно продолжает переводить страну на рельсы этой политики. К июлю 1974 г. из системы гарантированных цен уже были исключены производители говядины, ржи, яиц и сахарной свеклы⁶⁷.

После окончательного принятия принципов единой сельскохозяйственной политики английские фермеры будут полностью лишены национальной финансовой помощи. Если существующий механизм аграрной политики не будет изменен, то на Англию как на крупнейшего импортера сельскохозяйственной продукции будет приходиться наибольший взнос в Европейский фонд выравнивания и гарантии сельского хозяйства. При этом только часть внесенных средств получают из фонда английские фермеры. Таким образом, Великобритания будет фактически финансировать развитие сельского хозяйства других стран ЕЭС. Причем, согласно принципам аграрной политики ЕЭС, финансовая помощь предоставляется исключительно крупным хозяйствам. Лишая мелкие хозяйства какой бы то ни было поддержки, единая аграрная политика «Общего рынка» ускоряет их разорение.

На протяжении всей истории аграрного регулирования в Англии никакие мероприятия буржуазного государства не были в состоянии примирить антагонистические противоречия в капиталистическом сельском хозяйстве. Современное состояние английского сельского хозяйства наглядно подтверждает высказывание Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Капитализм всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики. Это позволяло стимулировать экономический рост, но, как и предвидели коммунисты, не смогло устранить противоречий капитализма»⁶⁸. Английское правительство продолжает выискивать все новые и новые средства регулирования сельского хозяйства в интересах монополистического капитала. Тщетность этих поисков predetermined классовой ограниченностью государственного регулирования и стихийным характером капиталистической экономики. Оценку аграрной политики правящих кругов Великобритании дают сами фермеры и английский пролетариат, расширяющие борьбу против этой политики.

⁶⁷ «Britain 1974», p. 325.

⁶⁸ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 28.

У ИСТОКОВ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»

Как известно, в 1926 г. начал издаваться журнал «Историк-марксист». В 1941 г. он слился с «Историческим журналом», а с 1945 г. выходит под названием «Вопросы истории».

Создание научного исторического журнала «Историк-марксист» связано с деятельностью Общества историков-марксистов. Это Общество возникло вследствие необходимости разработки в нашей стране проблем исторической науки на основе марксистско-ленинского учения, потребности в росте кадров историков-марксистов, в углублении и расширении учебных программ вузов и разработке методики преподавания в них исторических дисциплин. Организация научного центра советской исторической науки обуславливалась также задачей объединения исследовательской работы специалистов и коллективного обсуждения актуальных исторических проблем. 5 февраля 1925 г. по инициативе и под руководством М. Н. Покровского в Государственном ученом совете с привлечением представителей Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, Коммунистического университета трудящихся Востока, Коммунистического университета национальных меньшинств Запада и Института Красной профессуры было создано совещание, положившее начало организации Общества историков-марксистов. 7 февраля Президиум Комкадемии рассмотрел вопрос об этом Обществе и постановил: «Признать желательным, чтобы Общество существовало при Коммунистической академии»*. Организация Общества преследовала цель объединения всех коммунистов, занимавшихся разработкой важнейших проблем отечественной и зарубежной истории, марксистской методологии истории, борьбой с буржуазной историографией и с извращениями марксистско-ленинской методологии, а также ведших пропаганду идей марксизма-ленинизма в области истории и знакомивших широкие массы с марксистскими достижениями в этой сфере. По замыслу М. Н. Покровского, первоначально было «необходимо создать кадр так называемых учредителей, включив в него историков-коммунистов, имеющих свои печатные труды, и только затем уже приступить к приему как действительных членов, так и членов-соревнователей»**. Общество имело, помимо того, цель содействовать своим членам в получении ими специальной литературы, научных командировок и доступа в архивы.

Для созыва собрания учредителей Общества, выработки его Устава и проведения мероприятий по созданию Общества была избрана организационная комиссия во главе с заместителем наркома просвещения РСФСР, председателем Государственного ученого совета и руководителем Коммунистической академии М. Н. Покровским. В нее вошли также А. В. Шестаков, П. О. Горин, Г. С. Фридлянд. 10 февраля состоялось совещание членов комиссии, подготовившее организационное заседание членов-учредителей, которое 2 марта 1925 г. положило начало Обществу историков-марксистов (док. № 1). На этом заседании и возник вопрос об издании Обществом своего журнала. Временный совет Общества состоял тогда из председателя (М. Н. Покровский) и ученых секретарей П. О. Горина, А. М. Панкратовой и А. В. Шестакова. При данном совете была образована комиссия в составе В. П. Полонского, Г. С. Фридлянда и А. В. Шестакова для решения вопросов, связанных с изданием журнала.

* Архив АН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 10, л. 28.

** Там же, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 13.

Начав работу весной 1925 г., комиссия наметила основные тематические направления материалов журнала. Однако осуществление издания откладывалось по техническим причинам. 9 октября 1925 г. комиссия выделила временную редакционную коллегию журнала в составе М. Н. Покровского, В. П. Полонского, П. О. Горина, Г. С. Фридлянда и А. В. Шестакова и приняла решение о начале работы над его первым номером. На этом же заседании был определен тип журнала и предложена его организационная структура (док. №№ 2, 11).

В конце 1925 г.—январе 1926 г. шла подготовка первого номера «Историка-марксиста». 19 февраля на собрании членов Общества историков-марксистов обсуждались программа деятельности журнала и содержание первого номера. Было признано необходимым поскорее выпустить его в свет (док. № 5). В середине февраля 1926 г. номер был сдан в набор. Для выпуска журнала требовалась полиграфическая база. Редколлегия еще 17 октября 1925 г. обратилась в издательство Коммунистической академии с просьбой взять на себя печатание журнала (док. № 3). Такое согласие было получено (док. № 4). 30 января 1926 г. Общество историков-марксистов заключило с издательством Комакадемии договор, определявший условия издания журнала.

«Историк-марксист» начал выходить как трехмесячный (до 1930 г.) научный исторический журнал — орган Общества историков-марксистов. Он ставил целью научную разработку вопросов исторической науки и ее методологии, а также методики преподавания исторических дисциплин. В задачи журнала входило освещение актуальных проблем исторического процесса, критика буржуазной исторической мысли, борьба с искажениями и вульгаризацией марксистско-ленинской методологии. Журнал освещал на своих страницах преимущественно проблемы отечественной истории, а также новой истории стран Запада и Востока. Наряду со статьями в нем помещались читавшиеся в Обществе историков-марксистов доклады, публиковались неизвестные ранее документы, печатались обзоры и рецензии, освещалось развитие исторической науки в нашей стране и за рубежом.

Выход первого номера журнала «Историк-марксист» был одобрен советской научной общественностью (док. № 8) и печатью, которая отмечала большую потребность в таком издании. Высокую оценку журналу дала газета «Правда» (док. № 9). Общество историков-марксистов 1 октября 1926 г. признало необходимым дальнейшее издание журнала «Историк-марксист» как единственного исторического журнала, занятого разработкой вопросов методологии истории и научной разработкой отдельных проблем истории (док. № 10). Журнал стал боевым органом историко-марксистов, разоблачавшим антимарксистские взгляды в области исторической науки и способствовавшим объединению сил советских историков-марксистов.

Ниже публикуются 11 документов, хранящихся в Архиве АН СССР, о возникновении этого журнала.

Б. В. Левшин

№ 1

ПРОТОКОЛ СОБРАНИЯ УЧРЕДИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

2 марта 1925 г.

1. Слушали: Об организации Общества историков-марксистов.

Тов. Покровский. Следует отметить, что мысль о создании Общества почти одновременно поднимается как в Москве, так и в Ленинграде. Коммунистам-историкам это настроение необходимо учесть и позаботиться, чтобы обеспечить свое руководство.

Тов. Шестаков¹. В создании Общества чувствуется большая потребность. В настоящий момент выявления чуждой марксизму идеологии, сплочение марксистских исторических сил крайне необходимо. Нужно также учесть, что тяга и потребность в объединении чувствуется не только в Москве, но и в провинции. Поэтому Обществу необходимо будет стать организацией, распространяющей свое влияние и за пределами Москвы.

Тов. Покровский отмечает, что объединение во всесоюзном масштабе имеет еще огромное значение с точки зрения преподавательской, в смысле координирования программ и помощи марксистам-историкам, работающим в провинции. Остатываясь на вопросе о названии Общества и его составе, т. Покровский отмечает, что Общество следует назвать «Обществом историков-марксистов», так как Общество не должно замыкаться в узких рамках объединения только историков-коммунистов, не должно отталкивать от себя беспартийную марксистскую профессуру, а, кроме того, должно ставить своей задачей также и распространение марксистского влияния на всю профессуру.

В прениях по вопросу об организации Общества выступали гг. Волгин, Полонский², Мартынов³ и др., отмечавшие необходимость такого объединения.

П о с т а н о в и л и: Признать своевременным и необходимым организацию Общества историков-марксистов. Настоящее собрание считать первым, учредительным собранием. Просить т. Покровского на ближайшем заседании Коммунистической академии⁴ выяснить вопрос о местопребывании Общества при Комакадемии.

2. С л у ш а л и: О названии Общества.

Организационная комиссия предлагает Общество именовать «Обществом историков-марксистов».

П о с т а н о в и л и: Предложение Оргкомиссии принимается.

3. С л у ш а л и: Рассмотрение Устава.

Собрание подробно, разбирая по пунктам, рассматривает проект Устава Общества, предложенный Оргкомиссией. В прениях принимают участие: гг. Покровский, Волгин, Шестаков, Полонский, Панкратова, Максаков⁵, Горин⁶, Черномордик⁷, Мартынов и др.

П о с т а н о в и л и: Окончательное редактирование Устава поручить комиссии, избранной в составе: гг. Полонского, Викторова⁸ и Фридлянда⁹.

4. С л у ш а л и: Об издании журнала.

Тов. Горин кратко информирует, что при Университете Свердлова¹⁰ предполагалось издание исторического журнала «Историк-коммунист». С организацией Общества журнал целесообразнее передать Обществу марксистов.

П о с т а н о в и л и: Издание журнала и материалы «Историка-коммуниста» передать обществу, поручить Совету общества разобрать вопрос о журнале и выделить редакционную комиссию.

Председатель — Покровский. Секретарь — Горин.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 1, лл. 7—7 об.

№ 2

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

9 октября 1925 г.

2. С л у ш а л и: О журнале.

Тов. Полонский отмечает необходимость иметь журнал Общества и отмечает его характер. Приблизительные шесть отделов журнала должны носить следующий характер: 1 отд.— исследования, 2 — марксистская критика буржуазной истории, 3 отд.— материалы, 4 отд.— статьи и исследования по истории литературы, 5 отд.— статьи по методологии истории, 6 отд.— обзор журналов русских и иностранных. Журнал выходит раз в три месяца.

Тов. Максаков. Соглашаясь в необходимости журнала как твердой базе для дальнейшей деятельности Общества, отмечает необходимость третьего отдела — материалов, т. к. публикацией материалов заняты наши многие журналы — «Пролетарская революция»¹¹ и др. Журнал Общества поэтому главное внимание должен уделять исследованиям и вопросам методологии истории.

Тов. Павлович¹² отмечает, что потребность в историческом журнале такого рода, как предложил т. Полонский, огромна и журнал необходимо издавать.

Тов. Шестаков обращает внимание, чтобы журнал не замыкался в рамки академизма, а необходимо позаботиться, чтобы он был доступен широким массам.

Постановили: Признать издание журнала Общества целесообразным и заняться подготовкой к печати первого номера журнала, выпуск которого произвести к январю 1926 г. Комиссию по подготовке первого номера журнала составить из гг. Полонского, Фридлянда, Горина и Шестакова.

Председатель — *Покровский*. Секретарь — *Горин*.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 1, л. 11 об.

№ 3

КОПИЯ ПИСЬМА УПОЛНОМОЧЕННОГО КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ
ЖУРНАЛА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР

17 октября 1925 г.

По поручению Совета Общества историков-марксистов обращаюсь с предложением принять на себя выпуск журнала Об-ва историков-марксистов. Журнал будет выходить 4 книжки в год по 25 листов каждая. Издательство должно взять на себя все расходы по печатанию журнала и оплате редакторского и писательского гонорара, а также оплачивать в ежемесячной сумме до 100 руб. секретаря редакции журнала.

Издательство, кроме того, предоставляет для редакции все технические средства и возможность ведения канцелярской работы в одной из комнат издательства и помещение для редакторских собраний по мере надобности. Издательство получает от Об-ва историков-марксистов юридическое право на всю продукцию журнала, причем установление тиража должно быть согласовано с президиумом Совета Об-ва или его уполномоченным. В редакционную часть журнала издательство не вмешивается и ответственности за нее не несет. Нормы оплаты литературных работников устанавливаются не ниже тех, которые приняты в Госиздате РСФСР.

Настоящее отношение служит актом предварительного договора между Советом Об-ва историков-марксистов и издательством. В случае согласия на изложенные условия просим о сем уведомить письменно.

Секретарь Об-ва историков-марксистов и уполномоченный Комиссии по изданию журнала.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 7, л. 1.

№ 4

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЬСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР
В КОМИССИЮ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА ОБЩЕСТВА
ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

19 октября 1925 г.

Издательство Коммунистической академии при ЦИК СССР, ознакомившись с Вашим отношением от 17-го с/м., настоящим выражает свое согласие принять на себя издание журнала историков-марксистов с оплатой всех расходов по печатанию этого журнала, редакторскому и писательскому гонорару по норме, практикуемой в Госиздате РСФСР, и содержанию квалифицированного секретаря редакции, каковой будет направлен к Вам для переговоров. Что касается соответствующей площади для занятия под редакцию журнала, то таковая будет предоставлена по переезде издательства в новое помещение.

Зам. зав. издательством Комакадемии — *Грановский*.
За секретаря — *Гильбург*.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1 № 7, л. 2.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 1 ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

19 февраля 1926 г.

3. Слушали: Доклад т. Шестакова о журнале «Историк-марксист». Тов. Шестаков полагает, что вопрос о необходимости журнала не вызовет споров. Основные исторические журналы: «Пролетарская революция», «Красный архив»¹³, «Красная летопись»¹⁴, «Каторга и ссылка»¹⁵, «Новый Восток»¹⁶, производят чрезвычайно ценную работу по собиранию документов и материалов для истории, главным образом партии и революционного движения, но не могут уделять достаточно места научной разработке и методологии истории. Историки-марксисты принуждены печатать статьи общего характера в «Красной нови»¹⁷, «Вестнике Коммунистической академии»¹⁸ и др. перечисленных журналах вне всякого плана, и их статьи теряются в общей массе помещенного там материала. Попытка создать исторический журнал более общего типа, приближающийся к тому типу, который наметило Общество, была произведена в Ленинграде, но журнал «Борьба классов»¹⁹ окончил свое существование на 1-м номере.

Необходим журнал, который бы являлся местом, где собираются отдельные факты и материалы и где научно разрабатывались бы вопросы истории, который бы объединял все научные силы марксистов и где разбирались бы критически работы буржуазных историков.

Пока намечено издание журнала типа трехмесячника, и существует полная уверенность, что 4 номера журнала удастся выпустить в 1926 г. Тов. Шестаков знакомит присутствующих с теми трудностями, которые пришлось преодолеть при выпуске первого номера журнала, и приглашает членов Общества более активно принять участие в расширении программы и улучшении качества статей журнала. Отмечает, что сравнительно слабо поставлены отделы: педагогический, по истории общественных форм, методологии истории и библиографический, особенно по западной истории, а также хроника исторических работ. Просит членов Общества указать на замеченные ими недостатки, чтобы их избежать в следующих номерах журнала.

Тов. Фридлянд указывает, что необходимость намеченного типа исторического журнала становится особенно ясной при чтении иностранных журналов. На Западе почти совершенно не знакомы с новой русской исторической работой. Так, Матьез²⁰ указывает как на «журнал русской исторической мысли» только на «Анналы»²¹. В журнале «Kampf»²² в полемике с Рязановым²³ Каутский отмечает скудость исторических работ в России. Матьез в качестве новых русских работ по истории Французской революции указывает на старые книжки Кареева²⁴ и Тарле, причем отмечает, что Кареев использовал в своей работе фальсифицированные данные и т. д.

Создание специального исторического марксистского журнала абсолютно необходимо, причем одной из основных задач его является максимальная информация о работах русских историков. Тов. Фридлянд предлагает обратиться к западноевропейским историческим обществам и отдельным историкам с товарищеским письмом для установления постоянной связи с ними. Считает необходимым поместить в «Историке-марксисте» переводы наиболее ценных работ иностранных исследователей, в частности статьи Буржена²⁵ о вновь найденных протоколах Коммуны. Указывает, что по инициативе Матьеза во Франции объявлена частная подписка на памятник Робеспьеру, и предлагает от имени Общества сделать небольшой взнос на это предприятие, считая, что такой демонстративный шаг имеет значение. Напоминая о помещенных в № 1 Бюллетеня Института Маркса и Энгельса чрезвычайно ценных документах: договоре между бланкистами и Марксом и о воззвании Бланки, считает необходимой перепечатку таких документов в «Историке-марксисте», чтобы обеспечить за ними широкую гласность. Русские марксисты должны завоевать себе место среди историков.

Тов. Полонский указывает, что у нас очень мало журналов, но и эти журналы не блестящи. Применение исторического метода очень хромает. Человек, полагающий себя марксистом, часто только на этом основании считает свои статьи марксист-

скими. Центральным стержнем журнала являются поэтому вопросы методологии истории. Необходимо дать бой буржуазным историкам, дав критический разбор их метода и метода Маркса. Можно даже отсрочить выход первого номера журнала, чтобы дать статьи по методологии.

Тов. Павлович соглашается, что первый номер журнала страдает недостатками и пробелами, но полагает, что отсрочивать его выпуск нецелесообразно. Никакие призывы к авторам не помогут, пока не будет знакомства с журналом; только после выхода номера произойдет приток сил. Отмечает богатство русской литературы по истории Востока, которой принуждены пользоваться западноевропейские литераторы. Считает необходимым выпустить первый номер журнала как можно скорее.

Тов. Авдеев²⁶ указывает на начавшуюся работу по подготовке к юбилею Октябрьской революции. Необходимо наметить пути к разработке материалов по истории Октябрьской революции, устроить ряд докладов в Обществе и открыв для обсуждения вопроса страницы «Историка-марксиста». Это окажет большую помощь тем товарищам, которые специально занимаются историей Октябрьской революции и примут участие в проведении юбилея.

Тов. Фридлянд напоминает, что в Ленинграде найдены новые ценные материалы по истории Французской революции. Надб добиться, чтобы эти материалы попали для разработки в Общество историков-марксистов. Предлагает обратиться с просьбой о передаче этих материалов Обществу в Центрархив²⁷.

Тов. Кунисский²⁸ считает, что журнал несколько бессистемен, но если прибавить к нему статью об историческом методе Жюзефа²⁹, то бессистемность только увеличится. К тому же статья должна носить отечкаенный характер, этого можно достигнуть только ко второму номеру журнала.

Тов. Шестаков указывает, что выступавшие товарищи дали ценные указания редакции журнала, которые будут ею приняты во внимание. Технически возможно пополнить еще в первом номере отдел библиографии.

П о с т а н о в и л и: Признать необходимым скорейший выпуск первого номера журнала.

Председатель -- М. П. Павлович.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 2, лл. 206, 207, 208.

№ 6

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ М. Н. ПОКРОВСКОГО ПО ОТЧЕТУ ВРЕМЕННОГО СОВЕТА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ НА ОБЩЕМ СОВРАНИИ ОБЩЕСТВА

5 марта 1926 г.

...Что касается издания журнала, то надо помнить, что первая его книжка в известной степени определяет нашу судьбу. Поэтому необходимо рекомендовать максимальную осторожность при подборе статей, но книжку все же выпустить. Нужно в журнале ставить крупные темы и только марксистского характера...

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 2, л. 203.

№ 7

ПИСЬМО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В ПРЕЗИДИУМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР О ВЫДАЧЕ СУБСИДИИ НА ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»

10 марта 1926 г.

Основной задачей Общества историков-марксистов является «объединение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории» и «борьба с извращением истории буржуазной наукой», как это зафиксировано в Уставе Общества. До сих пор Общество сознательно ставило перед собой ограниченную задачу привлечь в свои ряды только основной кадр выдержанных историков-марксистов г. Москвы, со-

здав особый актив в помощь работе партии. Но, несмотря на отсутствие со стороны Общества шагов к тому, чтобы широко оповестить научных работников о своей деятельности, интерес к его работе растет не только в Москве, но и в провинции. Этот интерес вполне понятен. Марксисты-историки, как в столице, так особенно в провинции, остро переживают оторванность от работы научной мысли и ее достижений как в Союзе, так и, главным образом, в Западной Европе, благодаря чему оставляет желать лучшего их работа как в области исследовательской, так и педагогической, что ведет к той политической безграмотности, которая констатируется среди поступающих в вузы всеми преподавателями.

С другой стороны, на заседаниях Общества историки-западники констатировали полное незнание ученых Западной Европы с достижениями русской исторической мысли... В то же время историки-марксисты произвели уже громадную работу. Достаточно указать на достижения при изучении «Пугачевщины». Такая же работа производится в национальных республиках, но о результатах ее не дает возможности судить оторванность от них центра. Объединить все эти достижения русской исторической мысли, сделать их популярными как в Союзе, так и в буржуазных странах, становится очередным вопросом, выходящим за пределы узких рамок научной разработки истории. Такую задачу и преследует Общество историков-марксистов. Но выполнить ее оно может только при создании выдержанного марксистского исторического журнала.

Как ни велики оказались трудности, которые пришлось встретить при попытке создать такой журнал, их удалось преодолеть. На днях выходит первый номер журнала Общества «Историк-марксист», правда, очень далекий от идеала. Но имеется материал для второго номера, который показывает, что качество журнала можно улучшить. Намеченный план издания в 1926 г. четырех книжек журнала можно считать вполне реальным. Но встает вопрос о его широком распространении. Для выполнения тех задач, которые стоят перед Обществом, журнал его должен быть и солидным и в то же время доступным по цене для скудного бюджета научного работника.

Из расчета, представленного издательством Коммунистической академии, который прилагается, видно, что оно исчисляет продажную стоимость отдельного номера журнала в 6 р. 20 к., при тираже 3 000 экземпляров, который отвечает потребности на первое время. Конечно, это «цена с запросом». Так, авторский гонорар надо исчислять, при конкретном объеме журнала, из расчета 25 листов, что понижает стоимость одного тиража журнала на 750 рублей. Тогда стоимость его будет 6 691 р. 33 к., а себестоимость одного номера 2 р. 23 к. Так же слишком щедро рассчитаны организационные расходы в 50% и торговая скидка в 100% к себестоимости, причем, очевидно, совершенно не принято во внимание распространение журнала по подписке, и т. д. Но и принимая, со всеми скидками, продажную цену журнала в 400 страниц около 4 рублей, что является для современных изданий ценой высокой, следует признать и такую его стоимость малодоступной для читателя, на которого он рассчитан. Цена его не должна превышать 2 р. 50 к. за номер, или 10 рублей в год, чтобы обеспечить ему распространение. Считая, что расходы по изданию журнала должны составить в год около 40 000 рублей, а выручка от продажи 10 000 экземпляров — 25 000 рублей, Общество историков-марксистов просило бы выдать ему на издание журнала 15 000 рублей.

Общество просит иметь в виду, что в смету Коммунистической академии на 1925/26 год оно не включено и никакими другими расходами на бюджет Коммунистической академии не ложится.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 15, лл. 1—3.

№ 8

ПИСЬМО Е. ЯРОСЛАВСКОГО В ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

25 марта 1926 г.

Приветствую выход журнала «Историк-марксист» и очень охотно буду сотрудничать в нем.

С коммунистическим приветом Ярославский Я.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 17, л. 317.

РЕЦЕНЗИЯ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» НА ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»

7 июля 1926 г.

«Историк-марксист», журнал. Выходит при ближайшем участии М. Н. Покровского, В. П. Полонского, М. П. Павловича, А. В. Шестакова, П. О. Горина, Ц. Фридлянда и С. М. Моносова³⁰. Т. 1. 1926 г.

С появлением первого номера журнала «Историк-марксист» заполнилась известная брешь на нашем научном фронте. Среди имеющихся у нас журналов не было журнала, посвященного проблемам истории.

«Под знаменем марксизма»³¹ — журнал по преимуществу философский. Вышедшие недавно издаваемые институтом Маркса и Энгельса «Летописи марксизма»³², судя по первому номеру этого журнала, ставят своей задачей по преимуществу задачу печатания неопубликованного сырого материала, рукописей Маркса и Энгельса и других источников марксоеведения.

Таким образом, у нас не было до сих пор специального журнала, который занимался бы разработкой проблем конкретной истории, ставил бы вопросы исторической методологии и методики преподавания истории и в то же время был бы органом воинствующей марксистско-ленинской исторической мысли. Именно эти задачи ставит себе Общество историков-марксистов и его орган «Историк-марксист».

Выполнены ли эти задачи? Понятно, по первому номеру журнала судить трудно, и надо ждать появления следующих, чтобы выяснить, насколько выполнение будет соответствовать обещанию. Но уже в первом номере можно найти разработку целого ряда специальных исторических проблем, до сих пор мало разработанных в исторической литературе. Имеются 2 статьи из истории Великой Французской революции. Из них вторая статья т. Добролюбова касается общественных настроений в Париже в эпоху термидорианской реакции. Обращает на себя внимание статья т. Вайнштейна о Французском банке во время Парижской Коммуны.

Юбилейный 1905 г. нашел себе достаточное отражение в журнале: даны 3 доклада, прочитанных в Обществе историков-марксистов: т. Горина — о Советах в 1905 г., т. Черномордика — о Декабрьском восстании и т. Дубровского — о крестьянстве в 1905 г. Большой интерес представляют собой прения по этим докладам.

100-летие декабрьского движения не оставлено без внимания: в журнале имеется статья т. Нечкиной по специальному вопросу об Обществе соединенных славян. Кроме того, впервые опубликована Н. К. Никсановым наиболее ценная часть писем декабриста В. Л. Давыдова.

Наконец, нельзя не упомянуть о двух статьях, касающихся вопроса о революционном движении на Востоке: т. Павловича — о революции 1905 г. на Востоке и т. Файзуллы Ходжаева — о младобухарцах.

Содержание номера завершается двумя ценными обзорами научной литературы: о Великой Французской революции (т. Моносова) и о Парижской Коммуне (т. Вайнштейна).

Некоторым недостатком первого номера является то, что в нем мало уделено внимания общим проблемам методологии истории, если не считать воспроизведения речи т. Покровского, произнесенной им при открытии Общества историков-марксистов, в которой последний ставит со свойственным ему своеобразием и блеском вопрос об исторических судьбах исторического материализма в России.

Вторым недостатком является некоторая бессистемность в подборе материала для первого номера, недостаток, объясняемый чисто объективными условиями: несомненно, что теперь, когда в портфеле журнала уже собрался материал, этот недостаток окажется легко устранимым.

Наконец, необходимо отметить желательность разработки исторических тем относящихся к периоду Октябрьской революции и т. д., т. е. ко времени, более близкому.

В общем, следует признать, что журнал является полезным и нужным изданием, и пожелать ему широкого успеха в дальнейшем.

С. К.

№ 10

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 4 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ОБЩЕСТВА
ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ОТ 1 ОКТЯБРЯ 1926 г.

2. Слушали: О журнале «Историк-марксист». Докл. т. Шестакова.

3. Постановили: Признать необходимым дальнейшее издание журнала «Историк-марксист» как единственного исторического журнала, занятого вопросами разработки вопросов методологии истории и научной разработки отдельных проблем истории. Принимая во внимание, что Общество историков-марксистов широко развернуло работу и является организацией, объединяющей широкие кадры историков-марксистов, просить руководящие организации об оказании всемерной поддержки в дальнейшем издании журнала, закрытие которого оказало бы весьма пагубные последствия и на работу Общества.

В готовящемся к печати третьем томе журнала «Историк-марксист» обратить внимание на необходимость помещения статей, имеющих руководящее значение в изучении Октябрьской революции.

Председатель — М. Н. Покровский.

Секретарь — П. О. Горин.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 2, лл. 167—167 об.

№ 11

ИЗ ОТЧЕТА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ЗА ПЕРВЫЙ ГОД ЕГО
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

14 октября 1926 г.

...Кроме публичных выступлений за этот период, Общество проделало большую работу по организации журнала Общества — «Историк-марксист». Избранная еще в марте 1925 г. организационная комиссия наметила общие вехи журнала, решив, однако, реальное осуществление издания журнала отложить до осени. Это вызывалось рядом трудностей. Осенью же мысль о журнале вновь встает перед Обществом, и к изданию его принимаются все меры. Уже на заседании Совета 9 октября выделяется временная редакционная комиссия журнала в составе гг. Покровского, Полонского, Горина, Фридлянда и Шестакова. На этом же заседании намечается и тип журнала. Изданием журнала Общество поставило своей задачей заполнить пробел в нашей исторической журнальной литературе и дать журнал русской исторической мысли. Многие исторические журналы хотя и проделывают большую работу по собиранию материалов, однако не уделяют и не могут уделять достаточного внимания вопросам научной разработки и методологии истории. Научно-исследовательские статьи многих историков-марксистов часто разбросаны в различных журналах, что, конечно, в значительной мере объясняется отсутствием исторического журнала, занимающегося, кроме собирания документов и материалов, еще вопросами исследования и методологии истории. Этот пробел и должен был заполнить журнал «Историк-марксист» — печатный орган Общества, выходящий 1 раз в три месяца...

Подводя итог годовой работы 1925—1926 гг. Общества, следует отметить сравнительно большие достижения в его деятельности, тем более, что работать подчас приходилось в очень неблагоприятных условиях. Особенно тяжела была организация журнала «Историк-марксист», выход которого совпал с общим тяжелым кризисом издательского дела. При таких условиях издание научного журнала нередко встречало скептическое отношение и среди членов Общества, опасавшихся, что журнал явится несвоевременным и утопическим предприятием, кроме тяжелого издательского кризиса, еще и вследствие общей слабости исторической мысли в СССР. Издание первого номера, весьма горячо встреченного печатью, единодушно отметившей большую потребность в подобном журнале, рассеяло этот пессимизм. Выход же второго и под-

готовка к печати третьего номера журнала «Историк-марксист», безусловно, являются иллюстрацией развития исторической мысли в СССР. Многочисленные статьи, поступающие в редакцию, правда, больше исследовательского, чем общеметодологического характера по вопросам истории, лучше всего говорят, что марксистская историческая наука в СССР быстро развивается. При этом условии и редакция сможет действительно сделать журнал «Историк-марксист» руководящим журналом каждого историка-марксиста. Это условие — развитие исторической мысли в СССР — пожалуй, может послужить основанием к преодолению трудностей и со стороны издательской и материальной.

Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, № 14, лл. 24—26.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Шестаков Андрей Васильевич (1877—1941 гг.) — видный советский историк, член-корреспондент АН СССР. После окончания в 1924 г. Института Красной профессуры занимался научной работой, главным образом по истории русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции. Автор ряда значительных трудов и публикаций.

² Полонский Вячеслав Павлович (1886—1932 гг.) — историк, искусствовед и литератор, автор ряда работ, редактор и член редколлегий различных исторических и литературных периодических изданий.

³ Мартынов Александр Самойлович (1865—1935 гг.) — в 20-е годы работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, с 1924 г. — в редакции журнала «Коммунистический Интернационал».

⁴ Коммунистическая академия — научно-исследовательское учреждение в области общественных наук, основанное в июне 1918 г. (до конца 1923 г. называлась Социалистической академией). Имела подразделения, занимавшиеся разработкой истории, философии, экономики, права, литературы и языка. К 1930 г. они были преобразованы в институты. В феврале 1936 г. по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР ввиду нецелесообразности параллельного существования Академии наук СССР и Коммунистической академии учреждения последней были переданы в состав первой.

⁵ Максаков Владимир Васильевич (1886—1964 гг.) — историк и архивист, один из организаторов и руководителей советского архивного дела. В 1920—1934 гг. — зам. заведующего Архивным управлением РСФСР и СССР. Участвовал в основании Истпарта и ИМЛ при ЦК КПСС. Один из основателей и редакторов ряда исторических и архивоведческих журналов.

⁶ Горин Павел Осипович (1900—1939 гг.), ученый секретарь Общества историков-марксистов, заместитель директора Института истории Коммунистической академии.

⁷ Черномордик Соломон Исаевич (1880—1940 гг.) В 1921—1926 гг. — заведующий Истпартом МК ВКП(б) и член коллегии Истпарта ЦК ВКП(б), один из основателей Государственного музея Революции СССР, с 1926 г. занимался литературной и научной работой.

⁸ Виктор Павлович Владимир Павлович (1889 г.) — зав. Московским историко-революционным архивом, преподаватель Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, Коммунистического университета трудящихся Востока.

⁹ Фридлянд Григорий (Ц.) Самуилович (1896—1941 гг.) — член Президиума Общества историков-марксистов, старший научный сотрудник Института истории Коммунистической академии.

¹⁰ Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова — первая в нашей стране Высшая партийная школа, готовившая кадры партийных и советских работников. Основана на базе курсов и школ агитаторов партийных и советских работников в 1919 году. В 1932 г. реорганизована в Высший коммунистический сельскохозяйственный университет имени Я. М. Свердлова.

¹¹ «Пролетарская революция» — журнал, издававшийся в Москве Комиссией для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б), а с 1921 по 1941 г. — Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. Публиковал документы и материалы по истории Коммунистической партии и рабочего движения, документы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, статьи по истории Коммунистической партии и Великой Октябрьской социалистической революции.

¹² Павлович Михаил Павлович (1871—1927 гг.). С 1921 г. — председатель Всероссийской научной ассоциации востоковедения, первый ректор Московского института востоковедения. Автор работ по новой истории стран Востока.

¹³ «Красный архив» — научный исторический журнал, издававшийся в Москве Центральным архивом РСФСР, а затем Главным архивным управлением с 1922 по 1941 год. Печатали документы, хранящиеся в государственных архивах СССР, по истории

Коммунистической партии, рабочего и крестьянского движения, международным отношениям, истории гражданской войны и др.

¹⁴ «Красная летопись» — научный исторический журнал. Издавался Ленинградским (Петроградским) Институтом истории партии при обком ВКП(б) в 1922—1934 гг. и 1936—1937 годах. Публиковал статьи по истории ВКП(б) и Великой Октябрьской социалистической революции, главным образом касавшиеся ленинградской тематики.

¹⁵ «Каторга и ссылка» — историко-революционный журнал, издававшийся в Москве Всесоюзным обществом бывших политкаторжан в 1921—1935 годах. Печатал материалы по истории революционного движения, политической каторги и ссылки в царской России.

¹⁶ «Новый Восток» — журнал, издававшийся в Москве Научной ассоциацией во стоковедения при ЦИК СССР в 1922—1930 годах.

¹⁷ «Красная новь» — журнал художественной литературы, критики и научной публицистики. Издавался в Москве в 1921—1942 годах.

¹⁸ «Вестник Коммунистической академии» — научный журнал, издававшийся в 1922—1935 годах. Помещал статьи по общественным наукам, а также по отдельным проблемам точных наук и приложению диалектического метода к вопросам естествознания.

¹⁹ «Борьба классов» — исторический научно-популярный журнал, издававшийся в Москве в 1931—1936 годах. С 1937 г. переименован в «Исторический журнал». До 1932 г. являлся органом Общества историков-марксистов. В нем печатались статьи по истории международного революционного движения и рабочего движения в России, истории ВКП(б) и Коммунистического Интернационала.

²⁰ Матьез Альбер (1874—1932 гг.) — французский историк, исследователь классовой борьбы в эпоху Французской буржуазной революции конца XVIII века. После победы Великой Октябрьской социалистической революции испытал некоторое влияние марксизма.

²¹ «Анналы» — исторический журнал, издававшийся в Петрограде в 1922—1924 годах. В нем печатались материалы по вопросам всеобщей истории. Всего вышло 4 выпуска.

²² «Каторга» — журнал, издававшийся за границей социал-демократами.

²³ Рязанов Давид Борисович (1870—1938 гг.), В 1921—1931 гг. — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

²⁴ Кареев Николай Иванович (1850—1931 гг.) — русский историк либерально-буржуазного направления. С 1929 г. — почетный член Академии наук СССР. Автор работ по истории нового времени и др.

²⁵ Буржен Жорж (1879—1958 гг.) — французский историк мелкобуржуазного направления. Автор работ по новой истории.

²⁶ Авдеев Николай Николаевич (1879—1926 гг.) — один из организаторов Общества историков-марксистов. Работал в Истнарте ЦК ВКП(б), являлся членом коллегии Центрархива.

²⁷ Центрархив РСФСР — орган управления архивным делом. Организован в 1922 г. с подчинением Президиуму ВЦИК.

²⁸ Кунисский Соломон Давидович — сотрудник Института истории Комкадемии.

²⁹ Жорес Жан (1859—1914 гг.) — руководитель реформистского крыла Французской социалистической партии, борец против империалистических войн, автор работ по новой истории.

³⁰ Моносов Сергей Михайлович — сотрудник Института истории Комкадемии.

³¹ «Под знаменем марксизма» — философский и общественно-экономический журнал, издававшийся в Москве с 1922 по 1944 год. Публиковал материалы по проблемам философии, истории, науки и культуры, научному атеизму.

³² «Летописи марксизма» — журнал, издававшийся в Москве с 1926 по 1930 год. Являлся органом Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В нем публиковались нецелые рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса, статьи по международному рабочему движению и о распространении марксизма в России.

ВОСПОМИНАНИЯ

КАПИТУЛЯЦИЯ «КОРИЧНЕВОЙ ИМПЕРИИ»

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков

Май 1945 года... Прошло четверо суток после окончания боев в поверженной столице врага Берлине, но в штабе нашей 5-й ударной армии, разместившейся в восточной части города, в здании бывшего военно-инженерного училища в Карлсхорсте, напряженность не спадала. По-прежнему круглые сутки у операторов трезвонили полевые телефоны, к которым прибавились теперь и городские. Из всех районных комендатур передавали сводки и срочные сообщения. Штаб армии, продолжая выполнять обычные функции, переключился на решение «задач со многими неизвестными» в той мере, в какой они касались жизни населения Берлина. Разноцветными карандашами на карту города наносилась обстановка: о разминировании объектов, пуске отдельных предприятий и обеспечении их топливом и сырьем, взятии под охрану имущества, сборе трофейного оружия. Много внимания уделялось и проведению восстановительных работ, снабжению немецких жителей продуктами. Да разве мало было забот у нашего гарнизона, который отвечал за жизнь города?

Рано утром 7 мая я, в то время член Военного совета нашей армии, и ее командующий генерал-полковник Н. Э. Берзарин, который был назначен военным комендантом Берлина, выехали в разные районы города: Николай Эрастович — в соединение генерал-лейтенанта Д. С. Жеребина, решив по дороге лично ознакомиться с двумя районными комендатурами, а я — в 295-ю дивизию. Перед отъездом мы с командармом условились, что в 13 часов встретимся в здании Военного совета армии. Однако наши планы нарушились. Для этого была серьезная причина. Не успел я приехать в дивизию, как начальник ее штаба полковник В. П. Литвинов доложил:

— Уже несколько раз звонили из штаба армии. Срочно разыскивают командарма и вас. Просили, когда появитесь, позвонить.

Я связался с начальником штаба армии генерал-майором А. М. Кущевым. Он сообщил, что звонил командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков, дважды — его адъютант, а затем — член Военного совета фронта.

— Предложено командарму и вам немедленно позвонить командующему.

— А в чем дело, не знаете?

— Точно не знаю, какое-то сверхсрочное задание. Берзарина пока не разыскали. Приезжайте.

Вернувшись в здание Военного совета армии, позвонил Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Он сообщил, что в ночь на 7 мая союзники подписали с представителем нового германского рейхсканцлера К. Дёница А. Йодлем протокол о капитуляции фашистских войск. Москва настояла на том, чтобы протокол считался предварительным, а подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии произвести в Берлине.

— Завтра утром, — сказал маршал, — представители союзного командования прибудут на Темпельгофский аэродром. Встретить их уполномочены мой заместитель Соколовский, Берзарин и вы. Сюда же, в Темпельгоф, англичане доставят немецкую делегацию. Понятно?

— Ясно, товарищ маршал!

— Ясно, да не все. Принято решение провести процедуру подписания акта в штабе вашей армии. Отсюда задача: во-первых, подготовьте все к церемонии подписания документа и приему участников; во-вторых, приведите в порядок летное поле.

организуйте охрану маршрута движения от аэродрома. В хозяйственных вопросах вам поможет мой заместитель по тылу Антипенко. Когда прибудет Николай Эрастович, пусть мне позвонит. Действуйте, остались одни сутки!

Вскоре приехал Н. Э. Берзарин. Он тотчас позвонил Г. К. Жукову и получил от него дополнительные указания. От члена Военного совета фронта я узнал, что представителем Верховного Главнокомандования советских войск для подписания акта назначен Г. К. Жуков. Отныне он стал Главной начальствующим в Советской зоне оккупации и Главным командующим советскими оккупационными войсками в Германии. Утром 8 мая из Москвы прибудет заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, который останется в Берлине в качестве политического советника Главной начальствующего.

Выполняя указания Военного совета 1-го Белорусского фронта, войска нашей армии немедленно приступили к подготовке этого исторического события в жизни народов мира. Предстояла большая работа, перед которой все другие задачи отступали на задний план. Под руководством А. М. Куцева была намечена дислокация частей для оцепления Карлсхорста и улиц, по которым предстояло проехать представителям наших союзников по антигитлеровской коалиции. На помощь частям аэродромного обслуживания, которые ремонтировали Темпельгофский аэродром, были направлены и другие войска. Саперные части взрывали на дорогах от Темпельгофа до Карлсхорста остатки вражеских укреплений и баррикад, железобетонные колпаки. Бульдозеры и танки расчищали завалы и дороги. Эти работы велись и ночью, при свете автомобильных фар. На пути кортежа воздвигалась арка Победы с надписью: «Красной Армии слава!» В состав почетного караула отобрали наиболее отличившихся красноармейцев и сержантов, с ними проводились строевые занятия. На территории офицерской школы сводный духовой оркестр разучивал гимны наших союзников.

Утро 8 мая было по-весеннему прекрасным. Солнце ярко светило. На уцелевших деревьях распустились клейкие листочки, во многих местах уже зазеленела трава, а весь Карлсхорст наполнился запахом распускающейся сирени. И небо, прозрачное и голубое, было без единого облачка. Казалось, сама природа радуется нашей победе. Несмотря на ранний час, на улице царил оживление. Натужно гудели тракторы и бульдозеры. Выстроившись цепочкой, местные жители, участвовавшие в уборке магистралей, передавали друг другу ведра с битым кирпичом, аккуратно укладывали его в стороне и подметали улицы. Мы ехали на аэродром, окутанные сплошной пеленой пыли, но на душе было радостно.

С разных концов в город ручейками вливались разноцветные людские таборы с повозками, колясками, велосипедами. Непрерывным потоком двигались колонны людей разных национальностей, освобожденные из неволи. На ветру развевались флажки — советские, французские, польские, норвежские и другие. Они были укреплены на палках, рукавах, пришиты к платьям. Люди в полосатых костюмах бурно и на всех языках приветствовали советских воинов. Лица бывших узников концлагерей были бледны, измождены, но их глаза светились радостью, и они восторженно пели песни.

Вырвавшись на шумную дорогу, одна за другой мчатся автомашины к Темпельгофу. У входа на аэродром собрались легковые машины всех марок Европы. До прилета союзных самолетов еще немало времени, но на аэродроме уже людно. Как всегда, одними из первых прибыли военные корреспонденты центральных газет. Мелькают знакомые лица писателей и журналистов — Бориса Горбатова, Всеволода Иванова, Константина Симонова, Евгения Долматовского, Мартына Мержанова, Леонида Кудреватых, Цезаря Солодаря и других. Толпится много фотокорреспондентов и кинооператоров.

Вместе с командармом и его заместителем генерал-майором А. Б. Барининым рассматриваем аэродром. Его опоясывали кирпичные пакгаузы с аляповатыми рельефными изображениями орлов. Ближе, на квадратах аэродромного поля, распластались остовы нескольких обгоревших «юнкерсов» и «мессершмиттов» с черными крестами, поодаль стоял неповрежденный «Ю-52». На взлетном поле виднелись многочисленные «заплатки»: воронки от бомб и снарядов, засыпанные и забетонированные подразделениями аэродромной службы и армейскими саперами. Взлетно-посадочные

полосы уже приведены в порядок. Неподдалеку от въезда высилось здание аэропорта, на флагштоке которого реял красный флаг. В глубине летного поля виднелись 18 истребителей-«яков», рядом стояли и сидели военные летчики. Заметив подошедшего к нам Героя Советского Союза генерал-полковника авиации С. И. Руденко, командир группы истребителей Герой Советского Союза майор М. Н. Тюлькин подбежал к нему и четко отработал о готовности экипажей к вылету для сопровождения самолетов союзников.

Вскоре нас «взяла в круг» группа корреспондентов. Они интересовались всем: в котором часу начнется процедура подписания Акта о капитуляции, кто прибедет от командования союзников, ждем ли мы кого-нибудь из Москвы, и пр. На одни вопросы Н. Э. Берзарин ответил, на другие — нет. Многие было и нам неясно, а представители союзников запаздывали. Но вот следует очередной вопрос Берзарину:

— Как получилось, что наши союзники подписали с гитлеровцами акт о капитуляции в Реймсе?

— Не акт, а всего лишь протокол. Эта мера считается предварительной. Акт будет подписан сегодня в штабе 5-й ударной армии.

Военный корреспондент «Правды» М. И. Мержанов продолжал «наступать»:

— Да, но ведь это окончание такой войны, как вторая мировая. Как-никак, а длится она уже 1418 суток. Из истории войн известно, что обычно такие важные акты скрепляют своими подписями видные военачальники стран-победителей. Что, у нас для этого маршалов не хватает?

— Хватает. И весьма талантливых маршалов, которые обогатили военное искусство.

— И кто из них сегодня будет при подписании акта?

— Не торопитесь, увидите.

— Да скажите же еще что-нибудь!

Берзарин переглядывается с другими генералами. Все улыбаются. Потом Николай Эрастович говорит:

— Осталось ждать не так уж долго.

Отходим. Командарм добавляет: «Ну, и любознательны же вездесущие газетчики! Надо полагать, основное они знают или догадываются. А нам подбрасывают «наживку»: авось, клюнем и сообщим что-нибудь, неизвестное им».

Подходим к центру аэродрома. Полковник М. П. Лебедев, начальник офицерских курсов нашей армии, уже в который раз «школит» почетный караул. То и дело слышатся зычные команды: «К ноге! Правое плечо вперед, шагом марш!» Двигаясь слитным прямоугольником, красноармейцы и сержанты равняются друг на друга, стараются, чтобы не западал ни один штык. А полковник опять останавливает строй, делает замечания, и все начинается сызнова. Потом отрабатываются движения под звуки духового оркестра. Довольно оглядев строй, Берзарин говорит:

— Не будем отвлекать внимание воинов, пошли. Лебедев, как всегда, на высоте. Строевик из строевиков. С задачей справится.

Подходим к рослым знаменосцам. Это офицеры штаба армии В. А. Власов, А. М. Пашенин и С. И. Дорота. Николай Эрастович бережно прикасается губами к шелковому полотнищу знамени... Подходит заведующий 3-м Европейским отделом Наркомата иностранных дел А. А. Смирнов. Окончательно уточняем с ним детали встречи союзнических делегаций на аэродроме. И вот в воздухе слышится рокот моторов. Смотрю на часы: 11.19. На горизонте показывается точка, она все время увеличивается, и вскоре самолет пронесется над аэропортом. Разворот, другой, снижение, и металлическая птица мягко касается взлетной полосы. Сделав пробег и плавный поворот, самолет останавливается. Открывается дверца, по металлической стремянке спускаются А. Я. Вышинский и группа сопровождающих его сотрудников. Обмениваемся приветствиями. Вышинский сообщает нам о составе делегации наших союзников и тут же уезжает в Карлсхорст. Он привез из Москвы документацию на русском и английском языках к подписанию Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Документы нужно согласовать с уполномоченными Верховного Главнокомандования союзников по антигитлеровской коалиции и ознакомить делегацию Главного командования вооруженных сил фашистской Германии.

В ожидании проходит еще час. Но вот в воздухе показывается серебристый самолет. Нет, это не полномочные представители союзников, а лишь сотрудники аккредитованных в Москве иностранных посольств. Стрелка часов приблизилась к полудню. Из здания аэропорта, где находились радисты, поддерживавшие связь с аэродромом Стендаль, дали сигнал истребителям на вылет. Летчики бросились к самолетам, взрели моторы, и вскоре истребители один за другим стали выруливать на взлетную полосу. Они попарно взмыли в воздух и, построившись, ушли на запад. На аэродроме все оживилось, раздавались возгласы: «Эскорт вылетел! Скоро придут союзники».

Духовой оркестр вдруг заиграл «Москву майскую». И хотя все мы были не в столице нашей Родины, а в поверженном Берлине, каждый почувствовал, что больше всего оснований торжествовать в этот светлый весенний день у нас, представитель Советского Союза, вынесшего на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны. Н. Э. Берзарин подождал старшего офицера оперативного отдела штаба армии подполковника В. А. Власова и приказал проехать по всему маршруту от Темпельгофа до Карлсхорста и привести в готовность части, патрулировавшие улицы. Тотчас же Власов с мотоциклистами умчался вперед. На аэродром въехала машина с заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом генералом армии В. Д. Соколовским. Командарм докладывает о готовности к встрече с делегацией. К Василию Даниловичу подходят журналисты и засыпают вопросами. Он отделяется общим ответом: «Каждому овощу свое время. Всё узнаете, не торопитесь».

Отходим в сторону по нагревшемуся от солнца бетону аэродрома. Соколовский сообщает нам, когда придёт командующий французской армией. Проходит некоторое время, в небо влетают две красные ракеты, и вскоре слышится нарастающий гул авиационных моторов. Ровно в 14 часов в сопровождении «яковлевых» и «спит-файров» над Темпельгофом появляются три «дугласа» — один с английскими опознавательными знаками, два — с американскими. Поле аэродрома стало похоже на встревоженный муравейник. Все задвигались, зашумели. Застрекотали кинокамеры. С разных точек операторы и фотокорреспонденты снимали снижающиеся самолеты. Журналисты вооружились блокнотами. Началось!

Из самолета первым вышел представитель Верховного командования экспедиционных сил в Европе Главный маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер. В светло-синей пилотке и кителе, высокий и не по возрасту стройный, он, улыбаясь, махал рукой. Вслед за ним появился в темно-зеленой военной форме худощавый командующий стратегическими воздушными силами США генерал Чарлз Спаатс. Затем на землю энергично сходит, тоже подняв в приветствии руку, полный и широкоплечий командующий военно-морскими силами союзников адмирал сэр Гарольд Барроу. А потом из чрева «дугласов» высыпала многочисленная свита. Зарубежные кинооператоры и фотокорреспонденты рассыпались по полю и тоже защелкали аппаратами.

В. Д. Соколовский, Н. Э. Берзарин, С. И. Руденко и автор этих строк приветствовали союзников. Чеканя шаг, с развевающимися на ветру государственными флагами подошли офицеры-знаменосцы. В руках у Власова — алое знамя Советского Союза, Пашенин держит знамя Соединенных Штатов Америки, у английского знамени стоит Дорота. Сюда, к центру аэродрома, четким четырехшеренговым строем подошел и застыл по команде «мирно» почетный караул. Затем А. Теддер выступил с короткой речью: «Я являюсь представителем Верховного Главнокомандующего Дуайта Эйзенхауэра. Он уполномочил меня провести всю работу на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад тому, что приветствую вас в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь — передать самые теплые приветствия нашему русскому союзнику».

С ответной речью выступил В. Д. Соколовский. Затем главным действующим лицом стал полковник Лебедев. Его громовой голос заставлял не раз вздрагивать не только караул, но и тех, кто шагала вдоль строя. При приближении зарубежных гостей раздалась команда:

— Караул, равняйся! Смирно! Для встречи справа, слушай, на кра-ул!

После того, как оркестр исполнил «Встречный марш», полковник стремительно взмахнул шашкой «ввысь» и четко отрапортовал А. Теддеру. Торжественно и величаво зазвучали государственные гимны — американский, английский и советский. Теддер обходит почетный караул. На его лице заметно восхищение. В парадном строю стояли один к одному рослые и мужественные молодые воины, мундиры которых укрывали ордена и медали. Знал бы английский военачальник, какие «трудности» мы испытали при комплектовании почетного караула. А было так: после приказа командирам частей о выделении в караул лучших бойцов на сборный пункт прислали людей значительно больше, чем нужно.

— Да тут не то что на батальон, а на усиленный полк хватит, — взялся за голову полковник Лебедев. — На одну только подгонку нового обмундирования уйдет поддня. — Поступили по оправдавшему себя методу: выстроили прибывших по ранжиру, приказали расписаться по порядку, а затем «отсекли» правый фланг, то есть самых высоких, и отправили их переобмундировываться. А когда вновь построили воинов, то диву дались: почти все чуть ли не двухметрового роста. Хоть и я не обижен ростом, а пришлось голову задирать, когда глядел на правофлангового. Плечи — косая сажень. Просто чудо-богатыри! И вот теперь мимо почетного богатырского караула, тоже поглядывая на красноармейцев и сержантов снизу вверх, шли представители Верховного Главнокомандования наших союзников.

— Крупнокалиберные, вроде гренадеров петровских времен, радостно смотреть, — проговорил шедший рядом Н. Э. Берзарин. — Пожалуй, решат, что специальный караул из Москвы прибыл. Впрочем, это их дело, пусть думают. Главное, что наши воины — подлинный героизм.

Обход окончен. Под звуки оркестра почетный караул широким шагом с винтовками наперевес, демонстрируя отличную строевую выучку, движется по аэродрому. Церемония встречи союзников завершена. Тем временем приземлился еще один транспортный самолет. Из него под английским конвоем вышли фашистские генералы с адъютантами. Они намеревались направиться в сторону лиц, обходящих караул, но их остановили и направили в противоположную сторону. Впереди, стараясь сохранить горделивую осанку, вышагивал начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии, худой, как жердь, сумрачный генерал-фельдмаршал В. Кейтель в длинном двубортном плаще. Из-под фуражки с высокой тульей виднелись хищные глаза, крючковатый ястребиный нос и коротко подстриженные усики. По манере Кейтеля держаться чувствовалось, что каждое его движение заранее отрепетировано. Смешно было видеть, как он, старательно подчеркивая сановитость, торжественно держал в руке фельдмаршальский жезл. За ним, запыхавшись, шел толстый с одутловатым, иссиня-багровым лицом, заместитель имперского министра авиации Г. Геринга генерал-полковник авиации Г.-И. Штумпф. Он все время озирался по сторонам. Мрачно, не в состоянии скрыть подавленность, шагал главнокомандующий имперских военно-морских сил адмирал флота Г. Фридебург. Его узкий лоб, под которым быстро бегали маленькие глазки, был испещрен старческими морщинами. Далее шествовали адъютанты с толстыми портфелями.

Пока союзники и журналисты занимали места в машинах, вперед выехал духовой оркестр, за ним потянулись машины с кинооператорами. В голову колонны выдвинули машину с режиссерами и группу мотоциклистов. Далее двигались автомобили советских генералов, союзников и журналистов, позади — фашистская делегация, грузовик с нашими автоматчиками и мотоциклисты. Ко мне подошел В. Д. Соколовский.

— Нехорошо получается, — сказал он. — Главнокомандующий французской армией Делатр де Тассиньи еще не приехал. Как быть? Прошу вас, Федор Ефимович, задержитесь и встретите французов от имени нашего Главнокомандования со всеми почестями.

— Хорошо, дождусь и привезу. Почетный караул еще на месте, но духовой оркестр уже уехал. Уже увезли и государственные флаги, нет переводчика. Как быть?

— Сейчас все организуем.

Весь кортеж машин двинулся в путь, а я с некоторыми офицерами нашего штаба задержался. Естественно, немного нервничал. По какой причине задерживается

главнокомандующий французской армией? Не случилось ли чего-нибудь в воздухе? Сколько времени нужно его дожидаться? Когда возвратят духовой оркестр и переводчика? По-человечески можно было понять и меня: уж очень не хотелось приезжать на церемонию подписания акта в последнюю минуту. Событие-то историческое... В школе и в военной академии я изучал французский язык и на всякий случай начал сейчас мысленно восстанавливать словарный запас, подбирая нужные фразы для приветствия. Однако вскоре офицер штаба догнал на мотоцикле машину с духовым оркестром и вернул ее с дороги. Приехал и переводчик — заместитель начальника разведотдела нашей армии подполковник Г. Н. Калинин. Доставили знамена. Прибыли из резерва легкие автомашины. Настроение улучшилось...

Прошло более часа томительного ожидания. Прибелал радист и доложил: «Французский самолет приближается, через 5 минут посадка». Все приводится в готовность. Летчик уверенно приземлил машину у посадочного знака. Пробежав по бетонке, она остановилась. В открытой дверце появился невысокого роста моложавый, стройный генерал. Размахивая фуражкой с четырьмя звездами, он восклицает:

— От имени вооруженных сил французов и от имени прекрасных французенок приветствую и горячо поздравляю замечательный советский народ — нашего великого союзника по борьбе и победе. Виват!

Вслед за ним из «дугласа» выходят офицеры и корреспонденты. В лице генерала Ж. Делатра де Тассиньи мы приветствовали Верховное командование, армию и движение Сопротивления Франции. Знаменосцы несут государственные флаги СССР и Франции. Величаво звучат гимны двух держав-победительниц. Полковник Лебедев рапортует главному французской армии, торжественно проходит почетный караул. И вот в сопровождении эскорта мотоциклистов мы мчимся по улицам Берлина. Де Тассиньи внимательно смотрит на руины, на наших воинов и немецкое население, расчищающее завалы, то и дело просит остановить машину у проходящих колонн освобожденных французов, которых узнает по национальным флажкам, и обнимает исхудалых соотечественников. Мы проезжаем под аркой Победы, возведенной нашими воинами, и вскоре сворачиваем напрямую в Карлсхорст. Пересекаем кордон оцепления, миновав несколько кварталов, и останавливаемся у двухэтажного здания под черепичной крышей. Здесь разместился штаб 5-й ударной армии. У входа толпится много военных. В воротах по стойке «смирно» застыли красноармейцы в скатках с автоматами. Едем дальше, в особняк, отведенный главнокомандующему французской армией и сопровождающей его свите. Выходя из машины, он, косясь на прибывших с ним лиц, вдруг, лукаво улыбаясь, спрашивает:

— Вы не знаете, кто они? Я их впервые увидел перед посадкой в самолет. Наверное, шпионы! — Видя наше недоумение, заливается веселым смехом: — Я, конечно, пошутил, все они — офицеры и журналисты.

Поздоровавшись с Г. К. Жуковым, де Тассиньи передал маршалу привет и поздравления с долгожданной победой от главы Временного правительства Французской Республики генерала де Голля, после чего одобрил согласованный с остальными делегатами текст Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Акт тут же отнесли на армейский радиопункт для передачи текста в Москву. Вскоре в кабинет пришли и остальные представители союзного командования. Прорвавшиеся вместе с ними журналисты западных газет и телеграфных агентств засыпали Г. К. Жукова вопросами, а затем преподнесли ему красный флажок — «вымпел дружбы» и передали приветствие советским воинам от войск союзников. Затем представители четырех держав-победительниц остались одни для уточнения процедуры подписания акта.

Тем временем на втором этаже небольшого особняка в саду, окруженного советскими и английскими часовыми, где находилась делегация Верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии, происходило следующее. Разместившись, гитлеровские военачальники заговорили о том, какое страшное зрелище представляет Берлин. Такой свою столицу они еще не видели. Вскоре к ним пришли советские дипломатические работники с текстом Акта о безоговорочной капитуляции. За круглым столом побежденные внимательно изучили текст, и Кейтель заявил, что немецкая делегация готова подписать предложенный документ. А ведь когда-то их фюрер, приступая к осуществлению разбойничьих планов завоевания мирового гос-

подства, во всеуслышание заявил: «Даже если мы не сможем это завоевание осуществить, мы вместе с собой разрушим полмира... 1918-й год не повторится. Мы не капитулируем»¹. «Лучше умереть, чем капитулировать!» — заклинал немцев и имперский министр пропаганды Й. Геббельс на страницах газеты «Angriff»².

Как известно, фашистские историки делили свою национальную историю на «три главных периода», соответствовавшие трем рейхам. С приходом А. Гитлера к власти 30 января 1933 г. нацисты начали новое летосчисление — третий, «тысячелетний» рейх. Но ему суждено было просуществовать чуть более 12 лет. По сути дела, прибывшая в Берлин от поверженных делегация трех видов вооруженных сил была как бы ликвидационной комиссией третьего рейха. Когда дипломаты и переводчики ушли, члены фашистской делегации стали ждать. Прошел час, два, а их все не звали в зал заседаний.

Настала ночь. В 23 часа 20 минут под охраной советских и английских воинов фашистская делегация покинула помещение. Впереди шли Кейтель с Фридебургом и Штумпфом, за ними — адъютанты. Они прошли мимо советских генералов и корреспондентов в отведенную им комнату в здании военно-инженерного училища, издавна знакомого Кейтелю. 23 часа 45 минут. Кабинет, в котором находились полномочные представители Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил союзников по антигитлеровской коалиции, уже полон. Уточнялись последние детали предстоящего заседания, было подтверждено, что руководить им будет Г. К. Жуков. Это справедливо, ведь основную тяжесть войны вынесли советские люди! Ведь именно на наших полях сражений нашло свой конец большинство боеспособных гитлеровских войск!

...8 мая 1945 г., 24 часа. В этот момент широко распахнулась боковая дверь огромного помещения офицерской столовой, превращенной в актовъй зал. Стены украшают государственные флаги СССР, США, Англии и Франции. Входят полномочные представители Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил союзников по антигитлеровской коалиции. В центре стола усаживается Г. К. Жуков, по обе стороны от него — А. В. Теддер и Ч. Спаатс, Ж. Делатр де Тассиньи и далее справа А. Я. Вышинский. В зале установлены прожекторы, доставленные из имперской канцелярии. Такова ирония жизни: когда-то ими подсвечивались съемки торжественных выходов Гитлера для приема генералитета, марионеток из других фашистских стран и различных нацистских руководителей, а сейчас с помощью той же осветительной аппаратуры Р. Л. Кармен, Н. А. Вихирев и другие наши и зарубежные кинооператоры снимают последний «выход» представителей третьего рейха.

С председательского места поднимается Г. К. Жуков и говорит:

— Здесь собрался по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии — заместитель Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршал Советского Союза Жуков, по уполномочию Верховного Главного Командования экспедиционных сил союзников — заместитель Верховного Главнокомандующего экспедиционных сил союзников Главный маршал авиации Теддер. Присутствуют: генерал американской армии Спаатс, главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи. Для принятия условий безоговорочной капитуляции от Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии прибыли уполномоченные Верховного главнокомандования германской армии. Я предлагаю приступить к работе и пригласить сюда уполномоченных от германского главнокомандования, прибывших для принятия условий безоговорочной капитуляции.

Выступление Г. К. Жукова переводится на английский язык. Неумолчно жужжат прожекторы, трещат кинокамеры. Напряжение доходит до предела. Глаза устремлены на центральную дверь, где должны появиться те, кто олицетворял собой самые черные силы реакции. Всем интересно, как поведут себя представители поверженного врага. Советский солдат настаеж открывает дверь, и в ней появляются члены фашистской военной делегации. Они входят один за другим, с точным соблюдением субординации. Вперед, стараясь держаться как можно прямее, вышагивал весь бледный, как бы припудренный мелом, в парадном кителе, расшитом золотом, с двумя рядами орденских нашивок и с двумя крестами (офицерским — на шее и железным — под

¹ «Германский империализм и вторая мировая война». М. 1961, стр. 221.

² «Angriff», 1.III.1945.

орденом с фашистской свастикой), генерал-фельдмаршал Кейтель. Он поклонился, сел за небольшой стол у двери, отведенный для гитлеровской делегации, и, сняв коричневые перчатки, не оглядываясь, передал их через плечо своему адъютанту. На стол перед собой положил фельдмаршалский жезл.

Сидевший рядом с нами начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. С. Малинин тихо проговорил: «Много амбиции, мало амуниции...».

Семена ногами, за Кейтелем двинулся Штумпф. Он явился без украшений на генеральском мундире и без единой орденской планки. Шагнул к столу, грузно опустился на стул. Третьим в зал поспешно вошел, озираясь по сторонам, весь в черном, Фридебург. Почать уныния и крайней подавленности лежала на всем облике адмирала. Он оглядел зал опустошенным взглядом и медленно уселся. Одновременно с членами делегации появились три рослых адъютанта. Став с какими-то пухлыми папками за спинами своих шефов, они так и простояли все 45 минут, пока длилось это столь радостное для прогрессивного человечества заседание.

На минуту в зале установилась тишина. Лишь представители стран-победительниц переговаривались между собой. Сложные чувства охватили меня при виде вражеских представителей. Там, на аэродроме, преобладало любопытство: какие они внешне, как будут держаться? Но к исходу дня острота первого впечатления прошла и снова вспыхнула жгучая ненависть, которую не притупила даже радость победы. Перед глазами, как стремительные кинокадры, мелькали невероятно трудные годы войны, виновниками которой были и эти трое нацистов. Рядом сидел Берзарин. Он смотрел на представителей Германии с презрительной усмешкой. Я наклонился к Берзарину и спросил шепотом:

— Неужели не заметили?

— Узнают. Осмотрятся и узнают, может, только вида не подадут...

Дело в том, что при подготовке здания к процедуре возник вопрос: какой мебелью обставить зал? Учитывая международный характер предстоящего события и из соображений престижа, хотелось сделать все получше и не ударить лицом в грязь. Но где раздобыть однотипные стулья для всех гостей (а их оказалось до 200)? Не из Москвы же везти! В ходе обсуждения этого вопроса кто-то бросил реплику, непосредственно не относившуюся к мебелировке:

— Не здесь бы надо было проводить подписание акта.

— Это почему же?

— Приятно, конечно, что выбрали здание штаба 5-й ударной армии для такого исторического события; это льстит нашему с вами самолюбию. Но лучше бы провести все это в имперской канцелярии. Именно там, где замышлялась и планировалась заправилами третьего рейха вторая мировая война. Вот это было бы настоящее место для подписания акта. Однако канцелярия сильно разрушена. Эх, жаль!

Эта беседа проходила в моем кабинете, в здании Военного совета армии. И вдруг начальник политотдела армии генерал-майор Е. Е. Кошечев предложил:

— Чего же думаем? Хоть мы и разгромили ставку Гитлера, но многое в ее комнатах и подземельях осталось целехоньким. Там и ковры, и кресла, и стулья, и столы. Можно все это вмиг доставить сюда. Пусть гитлеровские делегаты идут капитулировать по тому же коврику, по которому когда-то ходили докладывать Фюреру о военных планах. В этом есть и политическое звучание...

Мы с Н. Э. Берзариним поддержали эту мысль. Старший офицер штаба нашей армии комендант имперской канцелярии Ф. Г. Платонов подобрал в нужном количестве соответствующую мебель. В тот же день она была доставлена в штаб. Скатанный, с необычайно высоким ворсом 120-метровый темно-коричневый ковер из кабинета Гитлера с трудом подняли 15 солдат. Его погрузили на автомашину с прицепом. Захватили и длинную дорожку, лежавшую на маршах лестницы глубинного подземелья гитлеровского бункера. Все это было размещено в офицерской столовой, где теперь проходила церемония подписания акта. И нас интересовало: узнали или нет знакомую мебель гитлеровские генералы? Или же они настолько взволнованы, что ничего не видят? Вдруг мы заметили, что Кейтель, бросив быстрый взгляд на ковер, помрачнел и что-то шепнул Фридебургу. Тот внимательно посмотрел вниз, весь передернулся и, повернувшись к своему адъютанту, что-то сказал. Они стали тихо перего-

вариваться. Лицо у стоявшего за Кейтелем адъютанта с аксельбантами искажилось, затем он беззвучно заплакал.

— Узнали, еще бы не узнать, — проговорил Н. Э. Берзарин. — Знакомая мелишка. Еще недавно они считали честью восседать на ней, а сегодня, пожалуй, чувствуют себя, как на шипах.

С председательского места поднялся Георгий Константинович Жуков и сказал: — Сейчас предстоит подписание представителями Верховного главнокомандования германской армии Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии.

Эти, как и все последующие, слова маршала переводил на английский язык понимавший русскую речь А. Теддер, а на немецкий — один из советских переводчиков. В центре внимания — то стол представителей держав-победительниц, то столик, за которым сидела немецкая делегация. Мы давно обратили внимание на то, что Г. К. Жуков ни разу не посмотрел в ее сторону, и удивлялись его выдержке: неужели ему неинтересно взглянуть на представителей рейха, хотя бы из чувства любопытства? Наступают кульминационные минуты. Георгий Константинович, впервые повернувшись лицом к делегации поверженного врага, говорит:

— Я обращаюсь к представителям германского Верховного главнокомандования с вопросом: имеют ли они на руках Акт о безоговорочной капитуляции, ознакомились ли они с ним и готовы ли как представители Верховного главнокомандования немецких вооруженных сил подписать его?

В глазах Кейтеля промелькнули растерянность, волнение, бессилие... Приподнявшись, он выдавливает из себя: «Конечно!» — и передает на стол представителей союзного командования письменные полномочия от гросс-адмирала Дёница.

«Конечно» — не вполне буквальный перевод немецкого «Jawohl» (дословно «да», «так точно») — обычного ответа военнослужащего своему начальнику. «Яволь!» — четко отпортовал фашистский генерал-фельдмаршал из прусско-юнкерской помещичьей семьи Вильгельм Кейтель Маршалу Советского Союза, крестьянскому сыну Георгию Жукову. О, если бы в этот момент раздвинулись стены военно-инженерного училища, и это слово, произнесенное от имени поставленной на колени фашистской Германии, могли бы услышать те, кто вел еще в те минуты последние ожесточенные бои с остатками недобитого врага; все вдовы, матери и сироты; и те наши славные пограничники, кто до последнего дыхания сражался на заставах в июне 1941 г.; и те советские воины, кто, отходя в 1941 г. с боями на восток, гибли сами; но изматывали врага, нанося ему невосполнимый урон. Если бы раздвинулась земля под памятниками и обелисками, если бы из бесчисленных, рассеянных по всей Европе одиночных и братских могил поднялись миллионы жертв кровавого гитлеризма, а из рвов концлагерей, возродившись из пепла, встали бы бесчисленные когорты фашистских узников, то десятки миллионов погибших имели бы полное право принять эту капитуляцию германского фашизма, ввергнувшего народы в пучину самой ожесточенной в истории войны... Но законы бытия неумолимы, ушедшие из жизни не возвращаются, а их борьбу продолжают друзья и наследники.

Г. К. Жуков, просмотрев переданные ему письменные полномочия делегации германских вооруженных сил, передает их представителям американского, английского и французского Главного Командования союзных войск. В ту же ночь я с группой других генералов прочитал этот документ. Вот его текст: «Я уполномочиваю генерал-фельдмаршала Кейтеля, шефа верховного командования и одновременно главнокомандующего армией, генерал-адмирала Фридебурга как главнокомандующего военно-морскими силами и генерал-полковника Штумфа как представителя военно-воздушных сил подписать безусловную капитуляцию германских вооруженных сил перед главнокомандующим Советского Верховного Главнокомандования и Командованием экспедиционных сил союзников». Ниже стояла подпись имперского канцлера Дёница. Его «правительство» существовало около 7 суток. Оно не только не смогло заняться «управлением» Германией, но и не успело наладить собственную канцелярию, даже бланков не заказало. Полномочия подписать Акт о безоговорочной капитуляции были напечатаны на старом бланке. А под его типографским заголовком кто-то, забив слово «Берлин», бегло дописал: «Главная ставка». В распоряжении этой новообразованной «ставки» практически не имелось сколько-нибудь значительных

вооруженных сил, хотя ей почему-то (а почему, мы узнали позже, из печально известной антисоветской речи У. Черчилля в Фултоне, опубликованной во всей мировой буржуазной печати под крикливым лозунгом «Объединяйтесь, чтобы остановить Россию!») разрешалось командовать находившимися в английской зоне оккупации нерасформированными германскими соединениями и частями, сдавшимися нашим союзникам. Были (например, в Чехословакии, во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Шёрнером) гитлеровские войска, еще воевавшие. Но о каком действительном руководстве ими со стороны «главной ставки» Дёница могла идти речь, если изо дня в день эти силы таили под сокрушительными ударами Красной Армии?

...Полномочия германской делегации проверены. Они переводятся и оглашаются на русском, английском и французском языках. Затем предъявляются и оглашаются полномочия представителей держав-победительниц. Поднявшись с места, Г. К. Жуков произносит:

— Предлагаю представителям германского Верховного главнокомандования подписать Акт о безоговорочной капитуляции.

Внимание вновь перемещается на стол, за которым сидят Кейтель, Штумпф и Фридебург. Кейтель приподнимается, произносит: «Яволь, яволь»,— и тут же опускается на стул. Не поворачиваясь, протягивает назад руку, в которую адъютант вкладывает авторучку, а другой рукой Кейтель вставляет в глаз старомодный монокль, после чего шевелит пальцами на столе: «Мол, здесь удобно, подайте акт, и я его подпишу». В зале творится нечто невообразимое. Многие присутствующие, чтобы лучше видеть, встали со своих мест. Нарушив установленный порядок, кинооператоры и фотокорреспонденты, опережая друг друга, бросаются к столу гитлеровской делегации, образовав вокруг нее стену из живых тел.

К Г. К. Жукову подошел и, наклонившись, что-то сказал А. Я. Вышинский. Они пербросились несколькими фразами, а потом Георгий Константинович громко проговорил:

— Не там, а здесь. Я предлагаю уполномоченным германского главнокомандования подойти сюда и тут подписать Акт о безоговорочной капитуляции.— И указывает на один из столиков. Эти слова переводятся на немецкий язык. Уполномоченные фашистской Германии поднимаются и медленно идут к маленькому столику, приставленному к главному столу, за которым сидят принимающие капитуляцию полномочные представители союзного командования. Кейтель идет с каменным лицом. На его лице видна испарина. Присев на край стула и положив на стол жезл с выгравированной надписью «Вильгельм Кейтель, генерал-фельдмаршал», он медленно ставит подпись. Много подписей поставил он за годы войны под приказами и распоряжениями фашистского генерального штаба. Иные из них (например, с формулировкой — «учитывать, что... на указанных (оккупированных гитлеровцами.— Ф. Б.) территориях человеческая жизнь ничего не стоит... смертная казнь... устрашающее воздействие») унесли из жизни миллионы ни в чем не повинных людей. Но и новая подпись Кейтеля, на этот раз под Актом о безоговорочной капитуляции, не принесет ему чести. Однако позерство в его натуре. И он, пока перед ним раскладывают очередные экземпляры акта, продолжает рисоваться, по-петушиному вытягивая голову и старательно демонстрируя «непокорность» во взоре.

Вторым подписывает акт Фридебург. На его лице уныние. Еще недавно он давал указания командирам подводных лодок выходить в засады и топить военные, транспортные, пассажирские и госпитальные суда. А докладывая об успешных действиях фашистских подлодок Кейтелю, он даже приплясывал, как свидетельствуют очевидцы.

За тем же столиком, опустив плечи, сидит Штумпф, единственный из фашистских представителей, кто оживленно шарит колючими глазами по залу заседания, искоса рассматривает Жукова, Теддера, Спаатса, Тассиньи, Вышинского. Почти не глядя, размашисто подписывает все 9 экземпляров, один за другим.

Уполномоченные фашистского Верховного главнокомандования вернулись на свои места. Теперь все внимание сосредоточено на представителях держав-победительниц. Первым ставит подпись Г. К. Жуков, затем — остальные. Напряжение спало. В зале царит веселое оживление. Непрерывно жужжат «юпитеры», снуют кинооператоры, щелкают затворы фотоаппаратов. Церемония подписания акта заканчива-

ется. Лицо Жукова опять становится сосредоточенным. Подозвав к себе одного из генералов, он вполголоса говорит:

— Акт подписан и вступает в действие сегодня. Представителям германского Верховного главнокомандования нужно немедленно отдать распоряжение своим войскам о прекращении огня и об организованной капитуляции.

Фашистской делегации переводят слова маршала. Вскочив с места, Кейтель громко произносит: «Яволь!» — и тут же отдает приказание адъютанту. Тот кивает головой и стремительно исчезает в двери. Спустя минуту Г. К. Жуков объявляет: «Немецкая делегация может быть свободна».

Больше ничего от них на требуется. Делом построения новой, демократической Германии займутся другие лица, подлинны патриоты немецкого народа — коммунисты и антифашисты, люди с незапятнанной совестью, чистыми руками и благородными сердцами. Напрасно каркал в своем установочном выступлении 7 ноября 1943 г. перед райхслейтерами и гаулейтерами Германии Йодль, что «капитуляция — это конец нации, конец Германии»³. Крах «коричневого рейха» вовсе не был концом страны, а стал, в восточной ее части, началом ее возрождения на демократических основах.

Переводчики на разных языках повторяют фразу Жукова. Как и все другие, я внимательно гляжу на представителей фашистской делегации. Кейтель, встав лицом к залу, снова поднимает свой жезл и картинно тычет им два раза перед собой в пространство. Таким и запомнился мне он, уходивший с политической и военной арены. Когда через минуту в дверях исчезли Штумпф, Фридебург и их адъютанты, Г. К. Жуков провозгласил: «На этом позвольте заседание объявить закрытым!»

Я смотрю сейчас на пожелтевшую от времени стенограмму, и в памяти оживают незабываемые картины. Все встали. Ликование. Слышится громовое «ура!» На разных языках раздаются возгласы: «Да здравствует наша победа!» «Пусть вечно живет дружба союзных стран, народов и армий!» «Фашистская Германия капитулировала!» Слышатся слова приветствия в адрес нашей партии, руководителей держав-победительниц и главнокомандующих их вооруженными силами, снова и снова гремит могучее «ура!». С балкона грянул духовой оркестр. Он играет государственные гимны СССР, США, Великобритании и Франции. И снова бурная овация.

Г. К. Жуков поднимает руку. Обращаясь к представителям союзного главнокомандования, советским генералам, дипломатам и представителям прессы, произносит: «Через час прошу по русскому обычаю закусить, что тыл прислал...» Все встают и направляются к выходу. Зал постепенно пустеет. Заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом по тылу генерал-лейтенант Н. А. Антипенко приказывает открыть окна и проветрить помещение: «Чтобы и духу фашистского не осталось! Сейчас здесь наше торжество!» А вскоре от штаба отошла машина. Офицер, находившийся в ней, держал как драгоценный груз пакет, в котором был запечатан подписанный акт. Рано утром пакет самолетом отправится в Москву.

«Закусить, что тыл прислал». Эти слова были точны. Г. К. Жуков заранее приказал, чтобы ни один грамм продуктов и ни одна бутылка вина из трофейных запасов не были поданы на праздничный стол, а все было наше, советское, отечественное. Хозяйственники 1-го Белорусского фронта отобрали на базах нужный ассортимент продуктов, многое было доставлено для банкета из Москвы на самолетах. Как только зал опустел, его заполнила команда красноармейцев. За один час нужно было убрать помещение, заменить столы, накрыть их и сервировать на 200 человек. Уже через 20 минут зал нельзя было узнать. Еще во время заседания на большой закрытой веранде, примыкающей к тыльной стороны к залу, готовились столы. Теперь их вносили, а через окна убирали лишнюю мебель. Вскоре сервировка была закончена.

Мы вышли в коридор, где находились лица, приглашенные на банкет. Услышали, что по Всесоюзному радио передают сообщение о капитуляции врага. Доносился знакомый голос Ю. Б. Левитана, торжественно и чеканно зачитывавшего Акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии. В тот же момент раздался треск автоматов, в небо взлетели красные ракеты. Воины салютовали Победе!

³ «Совершенно секретно. Только для командования!» М. 1967, стр. 530.

Я подошел к Н. Э. Берзарину. В это время начальник административно-хозяйственного отдела штаба нашей армии Б. Р. Райхельд докладывал ему, что к банкету все готово, а потом спросил:

— А чем кормить немецкую делегацию, не красной же икрой?

— А в самом деле, чем? — пожав плечами и повернувшись ко мне, сказал Николай Эрастович. И затем добавил: — Подумать только, какие вопросы возникают при подписании Акта о безоговорочной капитуляции! — В таком деле я тоже был плохим советчиком. До этого дня мне никогда не приходилось присутствовать при подписании Актов о капитуляции вооруженных сил врага в масштабе государства, и я ничего не знал о принятых в таком случае нормах международного этикета. К тому же фашистская делегация по своему составу представляла собой не только сановитых военачальников, но и группу гитлеровских преступников, которые не только планировали войну, а и участвовали в ней, лично будучи повинными в преступлениях. Мы решили посоветоваться с Г. К. Жукковым и А. Я. Вышинским. Последний ответил:

— Они сегодня по горло сыты Актом о безоговорочной капитуляции. А чем их кормить — вопрос не дипломатический. Решайте сами...

Тут маршал, с минуту помолчав, сказал:

— Когда-то Гитлер с Кейтелем настолько верили в успех запланированного ими захвата Ленинграда, что заранее отпечатали билеты на банкет в ресторане «Астория». Не пришлось им праздновать в ленинградском ресторане. А теперь они побиты. Не будем мелочиться, кормите их всем, что подготовлено для банкета. И обязательно подавайте на тарелках с вензелями имперской канцелярии. Давайте без ограничения и нашу «горькую». Пусть запирают свое поражение во второй мировой войне. Только я думаю, что это им впрямь не пойдет!

Коротко бросив «Слушаюсь!», майор Райхельд отправился выполнять распоряжение.

Слова маршала оказались вещими. Прошло некоторое время, и мы узнали, что вскоре после возвращения под английским конвоем в западные оккупационные зоны Фридебург покончил жизнь самоубийством, бросившись в пролет лестницы. Кейтель предстал перед судом Международного трибунала в Нюрнберге. В захваченных во Фленсбурге архивах немецкого генерального штаба обнаружили сотни его письменных директив и указаний беспощадно истреблять военнопленных, партизан и мирное население. И суд народов единогласно приговорил его к смертной казни через повешение. В ночь на 16 октября 1946 г. приговор был приведен в исполнение...

К условленному часу в холле стало многолюднее. Появились и представители прессы. Как только объявили о перерыве, наши и зарубежные корреспонденты газет, радио и телеграфных агентств первыми покинули зал. Им было не до «обеда в два часа ночи», как назвал этот торжественный прием один из журналистов. В те минуты их притягивал к себе другой «магнит» — наш армейский узел связи. Он находился неподалеку, в подуподвальном помещении одного из соседних домов. Там непрерывно стучали аппараты Морзе, работал телетайп. В то время связаться из Карлсхорста с другими странами можно было только через Москву. Начальнику связи армии полковнику В. В. Фалину и командиру 8-го отдельного армейского полка связи полковнику А. Л. Файнштейну пришлось выдержать не одну баталью с атаковавшими их журналистами, каждый из которых стремился первым передать корреспонденцию о подписании исторического акта.

На нашем узле связи работали лучшие связисты. Здесь неотлучно находились командир батальона майор П. К. Сверкачев, лейтенант А. И. Григорьев и другие. Связь с Москвой была бесперебойной. Непосредственно обеспечивали устойчивость линии механики сержанты О. С. Кривошеина (ныне — директор Центрального музея В. И. Ленина) и Т. Ф. Коротева (ныне — главный специалист в институте «Метрогипротранс»). Как правило, особо важные, передаваемые вне очереди шифровки и телеграммы шли с грифом «Воздух», что означало — доставить срочно. В присутствии дежурного по узлу лейтенанта Н. К. Насильникова удостоилась высокой чести лично передать по телеграфному аппарату «Бодо» текст акта наша замечательная связистка Надежда Черепанова. На правой стороне ее гимнастерки, рядом с воинским знаком «Отличный связист», серебрился орден Отечественной войны II степени, а

на левой — две медали. Телеграфный экземпляр (контрольную ленту) исторической телеграммы в Москву в течение 27 послевоенных лет хранил, как бесценную реликвию, механик нашего армейского «Бодо» старший сержант А. И. Истомин (впоследствии преподаватель). Затем он передал его в Центральный музей В. И. Ленина, где тот хранится и поныне.

Бывший комсорг нашего армейского 8-го отдельного полка связи О. С. Кривошеина вспоминает, какой восторг охватил всех дежурных по залу связистов, когда они узнали, что уже подготовлен и согласован текст Акта о капитуляции гитлеровской Германии. Девушки пустились в пляс, а некоторые связисты, выбежав на улицу, стали стрелять в воздух... Начальство, выяснив, в чем дело, наложило взыскание на командира части, но затем, по-человечески поняв, какие высокие чувства обуревали подчиненных, отменило его. Ведь все в те минуты были несказанно счастливы по случаю великой Победы!

Из узла связи, где мы побывали с А. Б. Баринным, вернулись в штаб. Перед зданием было многолюдно. Командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов сказал, что у него в тылах, да и в частях осталось большое количество «орудийных выстрелов», так и не пущенных в дело. Стоявший рядом А. Я. Вышинский бросил короткую реплику: «Ничего, они еще потребуются...»: Лишь позже, когда параллельно с массовой демобилизацией военнослужащих из Советских Вооруженных Сил началась секретная переброска наших войск на Дальний Восток, мы поняли скрытый смысл этой реплики.

А утром в направлении аэродрома вновь мчались в сопровождении мотоциклов машины с генералами, корреспондентами, кинооператорами. Как и прежде, на последних машинах ехала делегация Верховного главнокомандования германских вооруженных сил. Замыкал колонну грузовик с советскими автоматчиками. И опять Темпельгофский аэродром. Гремит духовой оркестр. Слышатся громкие звуки команды полковника Лебедева, следует обход почетного караула. Советские воины перестраиваются и, чеканя шаг, торжественным маршем проходят мимо иностранных гостей. Звучат гимны стран-победительниц. Гости и сопровождающие их лица направляются к самолетам. В это время подоспели наши хозяйственники и вручили зарубежным журналистам, кинооператорам и летному составу, к явному их удовольствию, наши подарочные сувенирные пакеты.

Моторы заведены. Один за другим бегут по взлетной полосе самолеты, отрываются от земли и набирают высоту. Сделав приветственный круг, берут курс на запад. Вслед за ними поднимаются в воздух и наши истребители сопровождения. Под английским конвоем увозят на самолете фашистскую делегацию...

9 мая ликовал весь советский народ. Люди нарасхват покупали газеты, толпами стояли у радиопрепродукторов. Каждому еще раз хотелось услышать, что война в Европе закончилась. В тот день все наши газеты опубликовали Обращение к народу, в котором, в частности, говорилось: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией! Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. ...Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой Победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития»⁴.

9 мая 1945 г. стало первым послевоенным днем в Европе. Днем всенародного торжества, днем нашей всемирно-исторической Победы. И таким этот день запомнился мне на всю жизнь!

⁴ «Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне». Документы и материалы. М. 1970, стр. 225—227.

ОТ АНГИ ДО УНАЛАШКИ: УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА ИВАНА ПОПОВА

Академик А. П. Окладников

Более 100 лет прошло с тех пор, как Аляска, а вместе с ней и Алеутские острова были уступлены США царским правительством. Но до сих пор на Аляске и Алеутских островах живет память о русских пионерах освоения этих областей, о «Русской Америке». Свидетельством тому служит живой интерес американских и канадских ученых к истории освоения русскими американского континента — Аляски, Калифорнии, к путешествиям русских мореходов и исследователей в арктических пространствах. Обо всем этом можно прочесть в тщательно выполненной на основе богатых литературных и архивных источников монографии С. Г. Федоровой¹. Такой же живой интерес и искреннюю симпатию ко всему русскому современному мы наблюдали при частых наших встречах с учеными, студентами, бизнесменами, с простыми «средними» американцами. Подобная настроенность царила в самолете, в великолепном салоне «Боинга», на пути из Нью-Йорка в Анкоридж, на приемах и во время наших выступлений в университетах: в Коннектикуте, Анкоридже, Фэрбенксе, в Алеутской корпорации (Aleut Corporation) в Анкоридже, на ферме, где разводят удивительных «пришельцев из ледникового периода» — мускусных быков, точнее овцебыков, с их мягкой пушистой шерстью, которая соперничает с лучшей овечьей, словом, всюду — и на Аляске, и южнее. Но нам хочется в этой связи сказать несколько слов об алеутах и «бишопе (епископе. — А. О.) Вениаминове» — Иннокентии, иначе Иване Попове-Ангинском.

Понятно, что нас, историков, среди всего прочего не могли не интересовать на островах Умнаке и Уналашке, что из группы Алеутских островов, старые русские церкви с их иконами и архивами, где могли обнаружиться сведения о «Русской Америке», о деятельности русских на Аляске и близлежащих островах. Правда, последствия второй мировой войны оставили свой отпечаток и здесь. Из-за угрозы вторжения японцев на Алеутские острова после их вероломного, варварского нападения на Пёрл-Харбор, местное население — алеуты — было выселено на материк. Пострадали и местные архивы: в Уналашке в 1974 г. продавались бумаги, подписанные последним правителем Российско-Американской компании князем Д. Максутовым.

Но все же в церквях Умнака и Уналашки сохранилось еще немало интересного. В иконостасе Никольской церкви на Умнаке имеются иконы конца XVIII или начала XIX столетия, писанные маслом на холсте в духе русской академической классики. И тут нам вспомнилось, что во время кораблекрушения судна «Нева» у входа в Ново-Архангельский порт в январе 1813 г. море выбросило на берег писанные на холсте иконы, в том числе образ Михаила Архангела. А на Уналашке проф. У. Лафлин попросил нас прочесть мемориальную надпись, выгравированную под одеждой в серебряную ризу иконой Пантелеймона Целителя. Оказалось, к нашему удивлению и восторгу Лафлина, что эта икона была установлена в 1824 г. в память организации на Алеутских островах общества трезвости. «Это то самое, что нам теперь

¹ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века — 1867 г.). М. 1971. Канадское издание: S. G. Fedorova. The Russian Population in Alaska and California Late XVIII Century — 1867. Kingston (Ontario). 1973; А. И. Алексеев. Судьба Русской Америки. Магадан. 1975; Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. 1968. Канадское издание: R. V. Makarova. Russians on the Pacific, 1743—1799. Kingston (Ontario). 1975.

нужно», — смеясь, пошутил американский учёный. Особый интерес вызвала также старая икона Николая-чудотворца, престольная икона этого храма, облаченная в серебряную ризу, — превосходный образец стиля барокко. Что особенно важно, икона и риза были датированы 1794 г. — временем расцвета деятельности Американской Северо-Восточной компании, главное место в которой занимали иркутские купцы, в том числе Григорий Шелихов. Точь-в-точь такие ризы чеканили в Иркутске искусные мастера серебряного дела. Их ювелирные работы расходились далеко за пределы города. Судя по описанию, они украшали и древнюю Зашиверскую церковь (на реке Индигирке), что лежала на пути, который вел на север и восток Сибири, вплоть до Америки. Что же удивительного в том, что риза иркутской работы оказалась на Умнаке, в алеутском селе Никольском? Это свидетельство конкретных связей жителей Алеутских островов с населением Сибири, алеутов — с русскими.

Зайдя в Никольскую церковь на Умнаке, мы увидели государственный флаг Соединенных Штатов: Аляска с 1959 г. стала 49-м штатом Америки. Раскрыв же молитвенник, изданный в 1943 г., по которому ведется служба в православной церкви, прочитали: «Еще Господу помолимся о стране Российской и о стране сей (американской. — А. О.) и президенте ея». Значит, сначала о стране Российской! Каждый раз, когда речь шла о церкви, наши заокеанские собеседники вспоминали Иоанна Вениаминова (Иннокентия). Они с удивлением узнавали, что один из «русских», Окладников, — земляк Вениаминова, что он в юношеские годы учился в том же старинном русском селе на реке Лене — Ангинском.

Да, именно в Анге родился человек, прославивший себя как один из пионеров Алеутских островов и автор капитальных трудов об этих островах, об Аляске, о жизни алеутского народа. Старая Анга, некогда основанная выходцами-вкладчиками из якутского Спасского монастыря, была родиной двух замечательных русских людей, сибиряков, оставивших после себя, каждый по-своему, глубокий след в истории русской культуры, науки и общественной жизни. Один из них, сын русского сельского дьячка и бурятки-крестьянки Афанасий Прокофьевич Шапов, вошел в русскую историографию как первый крестьянский историк России, убежденный демократ, страстный борец против крепостничества. Это он, казанский профессор Шапов, выдвигал идею, что подлинным творцом истории и главной ее творческой силой был крестьянин, а не цари и воеводы. И он же выступил с пламенной обличительной речью на панихиде по расстрелянным крестьянам села Бездна. За это он был лишен профессорской кафедры и сослан в Иркутск, где и умер.

Судьба второго знаменитого уроженца Анги, Ивана Попова, сложилась иначе, но тоже необычно. Родился он 27 августа 1797 г. в семье сельского пономаря Ильинской церкви Всеяя Попова, такого же нищего, как и другие крестьяне-бедняки. Отец Ивана умер, едва достигнув 40 лет, а мать с четырьмя детьми, как пишет бибграф Вениаминова И. П. Барсуков, осталась «в беспомощном положении»². В Анге до сих пор чудом сохранились на месте, где когда-то стояла Ильинская церковь, два дома. Один — священнический. Второй — причетника, рубленный, может быть, еще в первой половине XVIII в., топором, с потолком из круглых брёвен (тогда здесь не умели еще пилить доски!). В нем, должно быть, и родился Иван Попов, в будущем Вениаминов. Толковый мальчик уже 7-ми лет читал в церкви на Рождество Апостола, но и в праздники носил все тот же домотканый крестьянский зипун, обут был в самодельные «чирки». Вспоминая свою юность, дни, проведенные в Иркутской семинарии, он писал потом: «Учился я хорошо, но чистого, без мякины хлеба до выхода из семинарии не пробовал»³. В семинарии, где учился Иван Попов, изучали богословие по учебнику Сильвестра (ректора Казанской духовной академии), в основе которого лежала система, разработанная еще Феоданом Прокоповичем при Петре I. Философию преподавали по учебнику Баумейстера, последователя философии Х. Вольфа. Риторика велась по Бургию, с некоторыми статьями из Лежая и русскими примерами по Ломоносову. Классы, где проходили эти предметы, помещались в тех же комнатах, где жили, спали и ели воспитанники-бурсаки. Большим событием для них были эк-

² И. П. Барсуков. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М. 1883, стр. 1.

³ Там же, стр. 4.

замены, называвшиеся тогда «собраниями». Как пишет И. П. Барсуков, на такие собрания являлось начальство, приходили ученики всех классов: «фары, информатории, грамматики, синтаксиса, поэзии, риторики и богословия. Собирались и дрожали от страха, потому что у порога с пучком лоз стоял лярва (харя, личина) — так ученики павывали одного жестокого и вместе безобразного экзекутора с кухни»⁴.

«Предметом испытаний,— продолжает Барсуков,— были и успехи, и поведение. Строже всего выскивали за опоздание к праздничным богослужениям, даже к утрням в 4 часа пополудни, от хождения к которым в кафедральный собор не избавлялись ученики и в 40 градусов мороза, хотя бы кто из них жил и у Иерусалимской горы. Иногда за малоуспешность прощали, в надежде исправления, но никогда — за неблагочинное стояние в церкви». Впрочем, в остальное время «тогдашние семинаристы не прочь были выпить и табачку понюхать: только о табакокурении не было еще и помину»⁵. Этим, по понятиям того времени, скрашивалась жизнь бурсы.

Однако у Попова были другие увлечения: под влиянием своего дяди он пристрастился к механике. Когда епископ Михаил 2-й задумал устроить на соборной колокольне городские часы, для этой цели был приглашен часовая мастер из ссыльных поселенцев Клим. К нему и зачастил семинарист Иван. Слух об этом дошел до архиерея, и бурсака заподозрили в том, что он лентяй, уклоняется от учебных вангтий. Но затем выяснилось, что это самый способный и старательный ученик. Мастер Клим, получив усердного помощника, который помогал ему строить городские часы, позволяя Ивану выпиливать шестерни колеса. Прочитав в семинарской библиотеке сочинение о «Тайнах древних мафиков и чародеев», переведенное с немецкого В. Левшиным, Попов еще более увлекся механикой и различными опытами, вроде фокусов Пинетти, способа узнавать время посредством опущенного в стакан кольца. В результате за печкой в комнате, где жил юный механик, появились водяные часы, сделанные при помощи ножа и шила, выброшенных из кухни. Циферблат часов сделан был из четвертушки бумаги, стрелки — из лучины, вода налита в берестяной тубсок. Она капала на привешенную под тубеском жестянку, и каждый час колокольчик ударял по одному разу. Изготовленные таким способом часы приводили в изумление семинаристов, так как «многим в то время в Иркутске не доводилось видеть никаких часов, по редкости их»⁶. Вторым изобретением юного мастера были солнечные часы, такие же затем появились и у других семинаристов.

Окончив семинарию, Иван Попов, по семинарской традиции, получил новую, «благозвучную» фамилию — Вениаминов, в память о епископе Вениамине. Так началась деятельность Ивана Вениаминова в Иркутске, сначала как дьякона, а затем священника Благовещенской церкви, построенной в 1785 г. Иваном Баушевым и другими иркутскими купцами. Облеченный духовным саном, Вениаминов продолжал заниматься механикой, в том числе делал для продажи не только часы, но и механические музыкальные органчики. Перелом в спокойной жизни настоятеля Благовещенской церкви произошел внезапно. В начале 1823 г. пришел в Иркутск указ Синода о том, что нужно послать из Иркутска священника на Алеутские острова, а именно на о. Уналашку. Когда об этом узнали в городе, то, по словам того же Барсукова, «никто и помыслить не мог о поездке туда, потому что в те времена Америка и Камчатка страшно пугали деспотизмом правителей. Поэтому из всех призываемых преосвященным к отправлению на Уналашку охотника не нашлось». Тогда призвали четырех дьяконов, чтобы в торжественной обстановке бросить жребий. На кого он падет, тот и должен был ехать на Уналашку. По жребию должен был ехать соборный дьякон Малинин. Но тот заявил: «Лучше пойду в солдаты, чем поеду в Америку»⁷ (Малинин в самом деле до конца своей жизни служил солдатом в Красноярске).

Когда же архиерей потерял всякую надежду найти добровольца, желавшего отправиться в Америку, к нему явился Иван Вениаминов и заявил о своей готовности на это, несмотря на то, что у него была большая семья: мать, жена, сын, брат, которые должны были совершить вместе с ним такое далекое и трудное путешествие. Как он писал впоследствии, в Иркутск прибыл «один выходец с Алеутских островов»

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Там же, стр. 10.

Иван Брюков. Он жил с алеутами около 40 лет и теперь, узнав, что нужен миссионер-священник на Уналашку, стал убеждать П. Вениаминова поехать туда. Однако угловоры Брюкова не сразу действовали. «И точно, чего-чего не рассказывал он мне и об Америке вообще, и об алеутах в особенности, и чем-чем он не убеждал меня ехать на Уналашку,— но я был глух ко всем его рассказам, и никакие убеждения его меня не трогали. Да и в самом деле, мог ли я, или был мне какой расчет, судя по-человечески, ехать бог знает куда,— когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже в любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный свой дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался в Уналашке?»⁸.

Не удивительно поэтому, что, когда были опрошены все дьяконы и священники относительно предложения ехать в Америку, Вениаминов тоже, как и другие, ответил отказом. И вдруг, неожиданно для всех и для самого себя, «весь загорелся желанием ехать к таким людям» (то есть к алеутам, о которых рассказывал Иван Брюков), а также, добавляет иркутский историк церкви П. Громов, чтобы «посмотреть новую часть света»⁹. «Как будто что-то поворотилось в груди моей, и я тут же объявляю своим домашним: я еду! Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих меня — ничто не доходило до моего сердца; как будто огонь горел в моей душе»¹⁰, — так писал Вениаминов о своем решении отправиться в далекую Америку, «в новую часть Света», к неведомым ему алеутам.

От Иркутска на лошадях доехали до родного села Ангинского. Оттуда по реке Лене — сплавом до Якутска. От Якутска путь лежал тайгой, болотами, непролазными дорогами, горами и речными переправами до самого Тихого океана, до Охотска. Там, в просторной бухте, высились мачты парусных судов, казенных и принадлежавших Российско-Американской компании. На них и должен был плыть наш путешественник к алеутам, эскимосам и индейцам Уналашки и Ситхе. Остров Уналашка, как писал впоследствии Вениаминов, «по величине своей есть второй из островов Алеутского архипелага, длина Уналашки простирается до 150, ширина более 50 верст... Над ним высится Макушинская сопка: жители не помнят, чтобы она когда-нибудь выбрасывала пламень», но на ней видна была чаша, из которой «шел вечный дым». Иногда же «она производила подземный шум», как это было в августе 1818 года. «Она тогда так сильно гремела, что от гула чувствуемо было легкое трясение земли и живущим в Уналашке казалось, что обваливается ближайший остров Амахнак». Климат Уналашки охарактеризован следующими словами: «Климат в Уналашке отличается частыми и быстрыми переходами температуры: здесь царствует вечная осень, с ветрами и туманами»¹¹. Эту вечную осень мы сами почувствовали на Алеутских островах, особенно на Анангуле и Умнаке в 1974 году.

Вениаминов застал население Уналашки, как и всей цепи Алеутских островов, в критическое время истории острова. «До прибытия русских,— писал он,— на Уналашке было 24 селения; очень многолюдных; но с прибытием русских число островитян стало уменьшаться. Причины уменьшения, по мнению алеутов, были следующие: междоусобия, русские и поветрия. Бывшие междоусобия до прибытия русских под конец так были жестоки, что за жизнь одного истребляли целое селение». Насилия и притеснения в промыслах, особенно таких «промышленников», как Соловьев (1763 г.), когда «он и его клеверты в течение двух лет многих лишали жизни, а многие разбежались со страху, наконец, голод, поветрия и любострастная болезнь также очень много уменьшили народонаселение»¹². Так сказывалась в стране, далекой от всех властей, от России, на краю света, хищническая деятельность предпринимателей типа Ивана Соловьева, которую не сдерживала из-за отдаленности, в отличие от Сибири, правительственная администрация, озабоченная сохранением на материке местного населения, обязанного платить ясак и нести разные другие повинности, в том числе едва ли не самую тяжкую — дорожную, ямскую.

⁸ Там же, стр. 12.

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 11—12.

¹¹ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб. 1840, стр. 158, 160, 84.

¹² Там же. Ч. 2. СПб. 1840, стр. 180, 182, 188—190.

Ко времени прибытия Вениаминова на Уналашке существовало 10 селений, а в них алеутов, креолов (рожденных от браков между русскими и коренным населением) и русских — 470 человек. И необычный миссионер — крестьянский сын, коренной чадон, потомственный сибиряк, мастер на все руки принимается за энергичную деятельность. Он, конечно, должен был крестить порученных ему алеутов и обратить их в христианскую веру, в православие. Для этого и послали его на Алеутские острова. И делал он все это со свойственным ему усердием. До него этим делом попутно, между прочими делами, торговлей и наживой, по собственной инициативе уже занимались казак Андреян Толстых, открывший около 1743 г. острова, названные его именем, а также мещанин Степан Глотов, обнаруживший вместе с С. Пономаревым в 1759 г. острова, названные Лисьими. Глотов первый крестил малолетнего сына одного из алеутских тоенов и вывез его на Камчатку. Вернувшись с Камчатки, этот алеут стал впоследствии главным тоеном. С наибольшим энтузиазмом в этом направлении действовал затем Г. И. Шелихов, а также А. А. Баранов, руководитель Российско-Американской компании.

Основной причиной усердия купцов и промышленников в деле крещения местного населения, как справедливо писал Барсуков, было стремление закабалить побольше алеутов, необходимых при морском промысле, «сibo окрещенные алеуты, уважая восприемников своих, как отцов, служили им исключительно и усердно, и никто другой из русских не мог приманить к себе чужих крестников... Итак, — заключает тот же автор, — желание русских приобрести себе большие выгоды послужило средством к распространению начала христианства между алеутами и облегчило дело для последующих миссионеров»¹³. Вряд ли стоит подробно останавливаться на деятельности Вениаминова-миссионера. Успех ее в конечном счете свидетельствовал о живом интересе алеутов к европейской культуре, потеснившей традиционную духовную культуру предков с ее ритуальными танцами, обрядами и шаманами. Элементом этой новой культуры в глазах алеутов и было православие, усиленно к тому же насаждавшееся начальством.

О реальном положении дел говорит такой факт. Раскрывая причины успеха пропаганды христианства среди алеутов, кроме упоминания об их добросердечности и доверчивости, Вениаминов приводит любопытный пример, когда само шаманство сослужило православию добрую службу. Речь идет о старике шамане и тоене Иване Смиренникове, который будто бы предсказал своим сородичам в 1828 г. прибытие Вениаминова на остров Акун и тем самым подготовил ему торжественную встречу. Чтобы предупредить об этом приезде, старику Смиренникову будто бы явились «белые люди» типа православных ангелов. Так обнаружился своеобразный алеутский христианско-шаманский синкретизм. Сказалась удивительная смесь древних шаманских воззрений с обрывками новой, православной мифологии. Главное, впрочем, не в этом, а в реальном вкладе Вениаминова как носителя более передовой культуры в создание новых форм быта и хозяйства, внедрившихся его примером в жизнь алеутского племени.

Первое, что предпринял Вениаминов на Уналашке; используя свой опыт мастера и механика, — выстроил силами алеутов вместо старой небольшой часовни, оставшейся от одного из его предшественников, миссионера Макария, настоящую церковь. При этом было сэкономлено, по его словам, до 17 тыс. рублей. Предварительно алеуты были обучены Вениаминовым плотничьему, столярному и отчасти слесарному мастерству, кузнечному делу, а также выделке кирпича и каменной кладке. Сам же миссионер, что было совсем необычно, выполнил наиболее ответственные художественные работы: сделал престол, иконостас, позолоту иконостаса. И поныне жители Уналашки — алеуты знают, что Вениаминов в 1825 г. возвел там церковь Вознесения. Под руководством креола Крюкова алеуты, которых Вениаминов обучил плотничьему мастерству, срубили большую часовню из плавника, выброшенного морем, на острове Умнаке, в нынешнем селе Никольском.

Это был большой шаг вперед по сравнению с древними полуподземными жилищами алеутов — бараборами. Будучи на Уналашке, Вениаминов собственными руками сначала выстроил для своей семьи землянку, а потом и деревянный дом. Сам же он

¹³ И. П. Барсуков. Указ. соч., стр. 22

изготовил необходимую домашнюю утварь, по старой памяти стенные часы, делал органы. Приводится в этой связи и такой случай: однажды иезуиты в Калифорнии сообщили русским о своем горе — «у них нет органа, игра на котором могла бы привлекать дикарей в церковь, да и купить негде». На это русские ответили, что в Ситхе есть такой мастер — Вениаминов. И иезуиты заказали ему орган. Когда Вениаминов доставил свой орган в Калифорнию, он сначала завел на нем вал с духовными песнями. Но иезуиты «особенного удовольствия не изъявили». Тогда был поставлен другой вал — с русскими плясовыми песнями. «Иезуиты пришли в восхищение, жали от радости руку отцу Вениаминову, беспрекословно внесли за орган требуемую сумму и поставили его в церковь». «По всей вероятности, — с юмором вспоминал сам мастер, — иезуиты и доселе продолжают молиться богу под звуки наших веселых плясовых песен»¹⁴.

По вечерам Вениаминов занимался с детьми, как со своими, так и с чужими. Его дочь Е. И. Петелина писала: «Он положительно не мог переносить, если дети его сидели праздными, и как только лишь это заметит, он тотчас придумывал разные занятия. Так, например, когда у них накопилось порядочное количество камушков, собранных с прогулок по горам, он заставлял этими камушками мостить указанную тропинку от своего дома до церкви и для успешности задавал им уроки. И кто выполнял заданное, того непременно поощрял или чем-либо награждал; таким образом, от его дома до церкви была проложена красивая мозаичная тропинка, выложенная из разных камушков его детьми. Когда же он делал орган, то непременно каждому даст что-либо делать, кто подавал шпильки, кто молоточек, кто стругал палочки, кто склеивал трубочки — одним словом, дети его всегда были заняты»¹⁵.

Наблюдая за жизнью на Алеутских островах, Вениаминов не ограничивался ее описанием. Практический склад ума и деятельный характер этого человека проявились и в заботах о сохранении природных ресурсов, о рациональном их использовании, или, говоря современным языком, об охране природной среды. Это, естественно, в первую очередь относится к животному миру, к главному богатству Алеутских островов в то время — морским бобрам и котикам. По словам известного исследователя Аляски креола А. Ф. Кашеварова, «Вениаминов, часто посещая для исправления церковных треб острова Прибылова как принадлежавшие к приходу Уналашкинской церкви, проживал там по несколько дней и, следовательно, мог сам делать наблюдения над котиками; составил интереснейшую таблицу вероятной возможности размножения котиков, если промышленники при ежегодном промысле этого зверя будут ограничиваться показанными в таблице его количествами, постепенно возможного увеличения добычи зверя, от определенного им минимума, в течение данного в той таблице периода времени до размножения зверя»¹⁶. О «блистательном» успехе этих соображений в практике охотничьего промысла Российско-Американской компании еще более ярко писал и адмирал В. С. Завойко, тогдашний начальник Охотской фактории компании, позднее герой обороны Петропавловска от англо-французских интервентов. В его письме от 15 января 1881 г. отмечалось: «И. Вениаминов, как человек с острым разумом и быстрым практическим соображением и как наблюдатель окружающей его природы ясными своими выводами из своих наблюдений над жизнью земноводных животных, морских котиков, доставил компании на несколько сот тысяч пользы; и ныне казна ежегодно получает громадный доход, а ежели будут строго держаться правил, выведенных отцом Вениаминовым, то доход казны должен увеличиться и достигнуть миллиона»¹⁷.

Тот же Вениаминов, по преданию, посадил на Уналашке первую и единственную до сих пор на всем архипелаге рощу. Рощу эту с ее корявыми деревьями, как бы прижавшимися к земле под напором океанских штормов, местные жители показывали нам в 1974 г. с чувством гордости и удивления как самую драгоценную реликвию. «Это роща Вениаминова», — говорили они нам¹⁸.

¹⁴ Там же, стр. 101.

¹⁵ Там же, стр. 48.

¹⁶ Там же, стр. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Впрочем, может быть, речь идет о роще, посаженной в 1805 г. (см. И. Вениаминов. Указ. соч. Ч. 1, стр. 54—55). Но и в этом случае интересно отношение алеутов к Вениаминову как к человеку, который так много сделал для их предков.

Но больше всего известен Вениаминов своими трудами по этнографии и языку алеутов и кадьякских эскимосов. Эти лингвистические исследования, в том числе грамматика алеутского языка, нашли сочувственную и даже восторженную оценку многих рецензентов того времени. По словам Воейкова, он «первый познакомил науку с новыми, дотоле совершенно неизвестными в лингвистике языками, первый грамматически осмотрел и изучил их». «Заслуга неизмеримая» Вениаминова, по словам Воейкова, «в том и состоит, что он первый обратил внимание на изобилие языков в наших американских владениях». «Основательный, беспристрастный и лишенный всякого гипотетического увлечения труд» этот показал, «что алеутский язык есть нечто совершенно отдельное от всех американских языков и стоит каким-то оазисом в родственной американской фамилии». При этом Вениаминов, говорит Воейков, не только явился описателем фактов, но и «единственным ученым, занявшимся теорией этих языков»¹⁹.

О теоретической важности алеутской грамматики Вениаминова еще более определенно утверждал востоковед и лингвист К. Габеленц. Она, писал Габеленц, «замечательна в... литературе как в первый раз являющийся образчик полисинтетического устройства языков. Надобно заметить, что знакомству с подобными языками языкознание немало обязано своими успехами. Оно содействовало к освобождению науки от пристрастной ограниченности в круге понятий греко-латинской грамматики и мало-помалу приучало вникать в факты языка без предубеждений. Этот опыт в истории целой науки может и должен повториться на каждом исследователе языка, и алеутский язык — один из самых способных для сего опыта. Здесь всякая наперед придуманная теория языка окажется неприложимою, и исследователь найдет себя принужденным держаться одних фактов языка; через это он изощрит себя в аналитической методе и в строгости выводов, свободных от предубеждений»²⁰. Значение труда Вениаминова заключалось не только в том, что он помогал ученым выйти за круг привычных представлений, основанных на изучении норм и законов европейских языков, но и в том, что этот труд открывал дверь в непознанный огромный мир языков американского, и не только американского, континента. Данью уважения к трудам Вениаминова по алеутскому языку уже в наше время явились изданные в США в 1944 г. «Элементы алеутской грамматики». Элементы эти, говорится в книге, основаны на «Опыте грамматики алеутско-лисьевского языка» Ивана Вениаминова²¹. Так классическая грамматика Вениаминова обрела новую жизнь в Америке! Эту редкую книгу, кстати, прислал У. Лафлин в Новосибирск из личной библиотеки с пометой: «14 июня 1973 года, А [Лексею] П [авловичу] с благодарностью за наш визит в Хабаровск и Новосибирск. Вилл». Глубокое и всестороннее исследование лингвистического материала в трудах И. Е. Вениаминова было предпринято сотрудницей Ленинградского филиала Института этнографии АН СССР Е. Э. Бломквист²².

Своим интересом к языкам таких народов Сибири, как якуты, Вениаминов активно способствовал развитию тюркологических исследований, подготовке собственной письменности и литературы у якутов, ранее их не имевших. Труды Вениаминова по этнографии нашли более глубокое освещение в специальной работе ныне покойной ленинградской исследовательницы М. В. Степановой. Статья ее²³ снабжена обширной библиографией, нам остается добавить к этому немного.

Вениаминов в своих «Записках об островах Уналашкинского отдела» создал настоящую энциклопедию природы и жизни алеутов, начиная с материальной культуры. Такова прежде всего картина древних и современных ему жилищ. Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, каждое слово драгоценно и веско. Нам не раз вспо-

¹⁹ См. там же. Ч. 2, стр. 95.

²⁰ И. П. Барсуков. Указ. соч., стр. 137—138.

²¹ «The Aleut Language. The Elements of Aleut Grammar with a Dictionary in Two Parts Containing Basic Vocabularies of Aleut and English». By Richard Henry Geoghegan. Ed. by Fredericka I. Martin. United States. Department of the Interior. 1944.

²² Е. Э. Бломквист. История изучения в России североамериканских языков. «Сборник Музея этнографии и этнографии». Т. XXI. Л. 1975.

²³ М. В. Степанова. И. Вениаминов как этнограф. «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 11. 1947.

минался рассказ Вениаминова о древних жилищах, носивших название «улягамах», когда мы в 1974 г. вели раскопки на Вилледж-Сайт, на «Деревенском поселении» острова Анангула. Это, в полном соответствии с описанием Вениаминова, на самом деле были огромные котлованы, глубокие и просторные. В них могло поместиться несколько семейств. Согласно преданиям, от 10 до 40! Столь же емко и красочно описана им оригинальная старинная одежда алеутов. Камлейки и парки, обувь — прежняя без передка, в виде мешков или цилиндров, подобная той, которую нашел А. А. Попов у нганасанов на севере Сибири. Обувь явно древнейшая, палеолитическая, вероятно, принесенная на острова с материка, когда там еще не было и керамических сосудов. Как известно, со времени анангульской культуры пластин (VIII тыс. до н. э.) вплоть до первой встречи с европейцами алеуты не знали, что такое посуда из глины. Особо описаны Вениаминовым удивительные деревянные шапки, предназначенные для плавания в байдарках. С такой же, если не большей силой и выразительностью, описаны эти байдарки, самая яркая и жизненно важная часть всего материального комплекса культуры морских охотников. Конкретно, с предельной четкостью изложен раздел о пище, где показана ее зависимость от образа жизни населения и природных ресурсов, от моря. Далее говорится о домашнем имуществе, об орудиях и о вооружении, о рудоделии.

И так же, как когда-то Степан Крашенинников с восхищением писал о мастерстве «диких» камчадалов и чукчей, Вениаминов отдает должное трудолюбию и искусству алеутов, их творческим способностям: «Все изделия алеутские, как, например, промысловые орудия и байдарки, так и национальная их одежда, — доведены, можно сказать, до невозможного совершенства в своем роде... Мне кажется, что байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень немного и даже едва ли что может придобавить к усовершенствованию ее морских качеств»²⁴. плотник, столяр и часовых дел мастер, Вениаминов на своем опыте мог убедиться в том, как легко и охотно воспринимают алеуты все лучшее из опыта европейцев, как усердно учатся они у русских мастеров: «Все ремесла и искусства, какие только могли русские перенести с собою в Америку, алеуты перенимают с охотой, так что теперь между алеутами можно найти мастеров, от сапожника до часовника»²⁵. То же самое относится и к способности алеутов усваивать новую письменность. Стремление алеутов к грамоте выразилось даже тогда, когда они не знали русского языка. «Совершенно не зная по-русски ни слова, — писал Вениаминов, — [алеут] сидит и читает Псалтирь славянскую или Четь-Минею. А когда они увидели книжки на своем языке, .. то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по своему (и потому теперь умеющих читать из них более чем шестая часть)»²⁶.

Исключительно ценны его наблюдения над социальным строем алеутов, описания их древних обычаев, раскрывающие картину первобытной общины и начала ее разложения: с элементами патриархального рабства, кровной местию, опустошительными межобщинными войнами. Вениаминов ясно понимал закономерную связь этих явлений с общественным укладом и решительно возражал тем, кто видел в них проявления якобы природной жестокости «дикарей». Изучая в течение 6 лет быт и особенности индейцев-глинчиков на Ситхе, Вениаминов писал: «О колошах говорят или, по крайней мере, говорили, что они народ зверский и кровожадный и это доказывали их мстительностью и тем, что они убивают рабов своих, но едва ли колоши заслуживают названия зверских и кровожадных, потому что мщение за обиды есть общий закон всех диких, не имеющих иного закона другого, кроме внутреннего, врожденного. Колош не ищет крови, но только требует кровь за кровь... Самая мстительность их происходит не столько от раздражительности, сколько от обычая и честлобия»²⁷. Здравая, прогрессивная идея об одинаковости способностей алеутов, колошей, кадьякцев и европейцев насквозь пронизывает все сочинение Вениаминова, в особенности те главы «Записок», где речь идет о национальном характере. Алеуты поразили исследователя мужественностью. Они «терпеливы почти до бесчувствия», способны на самопожертвование. А другая черта их характера — доброта: «Алеуты добры также,

²⁴ И. Вениаминов. Указ. соч. Ч 2, стр. 222.

²⁵ Там же, стр. 323.

²⁶ И. П. Барсуков. Указ. соч., стр. 52.

²⁷ Там же, стр. 91.

можно сказать, до самозабвения»²⁸. Наконец, они способны увлеченно и бесконечно работать, чтобы доставить наслаждение своим трудом кому-то другому. И сравнение с алеутами, как и во всем остальном, в терпении и доброте явно не в пользу людей цивилизованных, европейцев: «Немного найдется из самых трудолюбивых европейцев таких, которые бы простым ножом, в продолжение нескольких месяцев стали выделывать, например, из кости разных животных коробочки или что-нибудь другое для того, чтобы подарить их или променять на папушу табака, или вышивать, или плести какую-нибудь вещь целых полгода для того, чтобы отдать за платок или, много, за рубашку»²⁹.

Когда перелистываешь эти страницы «Записок», проникнутые симпатией и уважением к «диким алеутам», невольно приходят на память слова Ф. Энгельса о психологии и морали людей родового строя. В «Записках» донесена до нас и духовная культура древнего алеутского общества, зачатки положительных знаний — астрономии и исчисления времени, фольклор, народные предания и песни, а также древняя религия с ее мифологией и красочной обрядностью, уже в те времена вытесненная и уничтоженная христианством. Иначе говоря, в «Записках» Вениаминова заключено все то, чего не может дать для понимания истории алеутов и их культуры одна лишь археология. По ее данным могут быть восстановлены предметы утвари, орудия труда и оружие, элементы хозяйственной жизни, в какой-то мере социальный строй первобытной общины. Единственную же возможность понять своеобразие исчезнувшей культуры, мировоззрение и реликты дают «Записки» Вениаминова.

Было бы несправедливо, говоря о Вениаминове, умолчать и о его участии в освоении Амура и Приморья в 50-е годы XIX в., об этом огромном по своему историческому значению мероприятии, в результате которого была восстановлена историческая справедливость. То было время, когда исконно русская земля, приобретенная еще храбрыми землепроходцами XVII столетия, мужественно защищаемая русским народом от маньчжуро-китайских агрессоров-феодалов, окончательно и навечно была возвращена России. Он являлся одним из ближайших сподвижников Н. Н. Муравьева-Амурского и Г. И. Невельского в этом государственно важном деле. Не раз подчеркивал Вениаминов с присущей ему энергией, что необходимы решительные и срочные меры в данном направлении, в том числе и по внешнеполитическим причинам. Вениаминов не только остро чувствовал политическую ситуацию того времени, когда уже шла ожесточенная борьба капиталистических держав на Дальнем Востоке, но и смотрел далеко вперед. «Лишь только мы оставим Амур, — писал он, — то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими: они как раз и самим айгунцам покажут место за горами (лежащими вдали от берегов Амура), а потом, пожалуй, и подалье...»³⁰. Ему принадлежат и планы использования естественных ресурсов Приморья, расселения в нем крестьян, разведения пашен и скота, устройства селений и городов, в том числе Благовещенска.

За судьбой Вениаминова — этнографа, исследователя жизни алеутов, тонкого знатока их культуры и страны — с живым вниманием и в какой-то мере с тревогой следили передовые русские люди. «Духа его не угашайте вашими шапками и камиллавками»³¹, — взволнованно писал А. И. Тургенев. Но правящей верхушке царской России было выгодно использовать талант Вениаминова, его имя и славу ученого в своих целях. Все выше поднимался он по церковной иерархической лестнице: архимандрит, с 1840 г. епископ Алеутский и Камчатский, архиепископ Камчатский и Якутский (1850—1860 гг.). Вместе с этим продвижением угасал в нем дух исследователя, сокращался диапазон творческой деятельности. Наконец, в 1879 г. он заканчивает жизненный путь в сане московского митрополита. Но и под белым клобуком с бриллиантовым крестом у него сверкали живые, пытливые глаза крестьянина, прошедшего необычный путь. И не случайно мы вспоминаем о нем как об одном из замечательных русских людей, внесших свой вклад в историю «Русской Америки» и алеутского народа.

²⁸ И. Вениаминов. Указ. соч. Ч. 2, стр. 319.

²⁹ Там же, стр. 251.

³⁰ И. П. Барсуков. Указ. соч., стр. 322.

³¹ Цит. по: М. В. Степанова. Указ. соч., стр. 312.

ПУГАЧЕВСКИЙ ПОЛКОВНИК ГАВРИЛА ЛИХАЧЕВ

Р. В. Овчинников

О полковнике Лихачеве нет почти никаких данных в литературе, освещающей события Крестьянской войны 1773—1775 годов¹. Чаще это имя встречается в опубликованных документальных источниках. Так, сохранился протокол допроса А. Ф. Поторчинова, посадского человека из г. Слободского Вятской провинции, который служил писарем в отряде Лихачева. В показаниях на допросе в Казанской секретной комиссии он сообщил, что в начале июля 1774 г. Е. И. Пугачев, проходя село Мамадыш, послал есаула Г. Лихачева с сотником И. Чваниным (Ивановым) «для набору в казаки» по селениям Зюрейской дороги Казанского уезда «с наставлениями для обольщения народа, с тем, чтоб по наборе оных доставить х Казане, и, если где противиться станут, то писать о том к нему». С ними был и Поторчинов. В разных деревнях Зюрейской дороги Лихачев набрал до 200 крестьян, с которыми и «поспешали они х Казане» в войско Пугачева. Не доходя 40 верст до города, он получил известие о том, что там действует карательный корпус подполковника И. И. Михельсона. Лихачев повернул обратно и по той же Зюрейской дороге добрался до дер. Панова Гора, где соединился с отрядом пугачевского полковника Б. Канкаева, у которого было «набранных же не татар и из русских, человек до шестисот». Оттуда Канкаев и Лихачев отправились к татарской дер. Зюри. Некоторое время спустя Канкаев послал Лихачева с отрядом из 400 повстанцев в дворцовую Рыбную слободу. Поторчинов из-за болезни остался в дер. Зюри, близ которой отряд Канкаева 27 июля 1774 г. был разгромлен карателями. Вскоре Поторчинов попал в плен².

При разгроме повстанцев в руки карателей попала повозка с архивом походной канцелярии Б. Канкаева. Среди этих бумаг были донесения Канкаева и Лихачева, адресованные Пугачеву и его Военной коллегии, с отчетом о боевых операциях в юго-восточных волостях Казанского уезда, в междуречье Волги, Камы и Вятки в июле 1774 г., а также рапорты Лихачева Канкаеву от того же времени³. В этих рапортах Лихачев выказал себя сторонником активных действий, человеком высокого долга и ответственности. 25 июля 1774 г. он, упрекая Канкаева в нерешительности и промедлении с подготовкой совместного удара по карателям у Рыбной слободы, писал: «По получении сего пришли ко мне две пушки большие с порохом и свинцом, ежели сам не едешь, да дай еще хороших казаков ко мне в команду два ста человек со оружием. А с остальными оставаясь, зане мы не ходим воевать, но, видно, только ходим по деревням пировать, которое наше дело смеху достойно»⁴. Именно это высказывание Лихачева стало для нас побудительным мотивом к розыску биографических сведений для воссоздания его жизненного пути.

Прежде всего надлежало установить происхождение Лихачева. Кем был он по своему социальному положению: казак, посадский человек, крестьянин? В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в материалах военно-походной канцелярии генерал-поручика Ф. Ф. Щербатова, командовавшего в мае — июле 1774 г. карательными войсками царского правительства, был найден адресованный ему рапорт подполковника С. В. Неклюдова от 25 июля 1774 года. Последний доносил, что в тот день он дал бой повстанческому отряду в селе Батеряково (в 15 верстах от Рыбной слободы) и захваченные в плен объявили, что ими командовал «называющейся полковником Лихачев, слуга дворянина сей фамилии»⁵. Эти данные уда-

¹ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. II. Л. 1966, стр. 470; т. III. Л. 1970, стр. 73.

² «Пугачевщина». Т. II. М.-Л. 1929, стр. 324—325.

³ «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.». М. 1975, док. №№ 496, 497, 500, 504, 510, 513—515, 517, 519—522.

⁴ Там же, док. № 522.

⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 475—475 об.

лось существенно пополнить обнаруженными в Центральном государственном архиве древних актов показаниями крестьянина Рыбной слободы Н. И. Чванина, который был сотником в отряде Лихачева. Во время следствия Чванин рассказал, что в начале июля 1774 г. в стане Пугачева, в селе Мамадыш, ему встретился Лихачев, «знакомой Казанского уезду помещика Лихачева из деревни Шиланки крестьянин, называющейся полковником, Гаврила Макаров»⁶.

Показания Чванина открыли путь к поиску других сведений о Лихачеве. В ревизской сказке, поданной 10 июня 1762 г. выборным С. Яковлевым и старостой С. Никитиным, в дер. Шиланке Ногайской дороги Казанского уезда среди крестьян, принадлежавших помещикам лейб-гвардии Семеновского полка фурыеру Николаю и солдатку Александру Лихачевым, вписана семья крестьянина Макара Петрова (55 лет) и жены его Авдотьи Степановой (50 лет). У них было четверо сыновей: Андрей (21 год), Козьма (17 лет), Лукьян (11 лет) и Гаврила (15 лет)⁷ — будущий пугачевский полковник, которому, следовательно, в 1774 г. было всего 27 лет. Не удалось, к сожалению, установить, когда именно Лихачев примкнул к повстанцам. Из показаний Чванина известно, что, будучи в селе Мамадыш, он слышал от самого Лихачева, что тот ходит с Пугачевым «немалое время»⁸. А его действия в ходе Крестьянской войны, начиная от встречи с Пугачевым в Мамадыше и вплоть до финальной схватки с карателями у дер. Мелекес в Удмуртии, воссоздаются уже с достаточной последовательностью по различным источникам.

Посылая Г. М. Лихачева из села Мамадыш на Зюрейскую дорогу для набора крестьян в казаки, Е. И. Пугачев имел целью пополнить свое войско и одновременно прикрыть его зрьергард от наступающих с востока карательных отрядов И. И. Михельсона и генерал-майора П. М. Голицына. Такое же задание Пугачева получил и Б. Канкаев. 7 июля 1774 г. Пугачев выступил из Мамадыша к Казани, три дня спустя отправился в свою экспедицию и Лихачев. В середине июля он пошел на соединение с Пугачевым к Казани. К тому времени город и близкие подступы к нему стали ареной важных событий. 12 июля Пугачев на несколько часов овладел им (кроме Кремля, в котором засел местный гарнизон и укрылись состоятельные жители города). Вечером того же дня на Арском поле под Казанью произошло сражение между войсками Пугачева и корпусом Михельсона. После битвы, не выявившей победителя, Пугачев отвел свои отряды за реку Казанку. 13 июля — новые столкновения Пугачева с Михельсоном. Не одолев неприятеля, Пугачев отошел к селу Сухая Река, где в течение двух дней готовился к штурму Казани, спешно пополняя свою рать крестьянами из местных селений. Сражение развернулось 15 июля. В упорном 4-часовом бою 25-тысячное войско Пугачева было разбито и рассеяно по окрестным лесам, до 5 тыс. повстанцев попало в плен. Потеряв до 2 тыс. убитыми и всю артиллерию, Пугачев с четырьмя сотнями всадников ушел к Кокшайску.

Накануне этой битвы в 40 верстах от Казани, у деревни Шапши (Шатши), Лихачев столкнулся с одной из команд корпуса Михельсона. Отряд Лихачева был разгромлен, а сам он «не более, как в десяти человеках», отступил к селу Комаровскому, где вновь собрал большую группу повстанцев⁹. Не сумев пробиться к Пугачеву, он, однако, не собирался прекращать борьбу. Узнав, что поблизости от него находится отряд Б. Канкаева, Лихачев 15 июля из села Елагина (Елаги) послал к нему донесение, в котором предлагал «поспешать в армию к нам, и совоккупитца обще, и следовать в армию» Пугачева «х городу Казани, как наивозможно»¹⁰. Два дня спустя он получил от Канкаева приказ немедленно выступить для соединения с ним в дер. Савруши. В тот же день Лихачев рапортовал, что «нынешнее число я со своєю армиею в деревню Савруш для сообщения армии и спешил, но токмо за дальностию и за вынешним воздухом теплоты не успел, а и пребуду сию ночь в деревне Верхней

⁶ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 507, ч. IV, лл. 488—488 об. В последующем Чванин всюду называл Лихачева Макаровым. В XVIII в. существовал обычай давать крепостным крестьянам фамилию их владельца. Полковник Гаврила Макарович Лихачев именовал себя в документах фамилией своего помещика Н. Л. Лихачева.

⁷ Там же, ф. 350, оп. 1, III ревизия, кн. 127 по Казанскому уезду, л. 341.

⁸ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 507, ч. IV, лл. 488—488 об.

⁹ Там же, д. 467, ч. IV, л. 200.

¹⁰ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 500.

Метяксе» и что на следующий день «маршировать к вашему высокородию могу поранее»¹¹. Орденом от 18 июля Канкаев предложил Лихачеву ускорить прибытие его отряда в Савруши: «Поспешай, пожалуй, вскорости ко мне, я и поныне нахожусь в деревне Саврушах. Прибуди неотменно ко мне во оную деревню, что у тебя есть команды со всей, и совокупим ю вместе, и так неопасно будет иттить противу сопостат наших, куда принадлежит»¹². Видимо, в тот же день Лихачев привел свой отряд в эту деревню и соединил его с войском Канкаева¹³.

19 июля Канкаев и Лихачев отправили в Военную коллегию Пугачева рапорт, в котором доносили, что у них в соединении находится до 2 тыс. повстанцев при 5 пушках; этими силами они охраняют дороги и переправы через реки, имея почти ежедневные стычки с карателями; недавно соседний отряд из 700 повстанцев разбил неприятельскую команду, но в этом бою один из предводителей восставших, полковой старшина А. Мустаев, понес большой урон — потерял 7 пушек и 9 тыс. руб. полковой казны. Канкаев и Лихачев просили прислать боеприпасы, порох, свинец и сообщить, где находится главное войско восставших¹⁴.

Канкаев и Лихачев еще не знали, что Пугачев, разбитый под Казанью, 16 июля переправился на правый берег Волги и не мог оказать помощь своим арьергардным отрядам, упорно борющимся в междуречье Волги, Камы и Вятки. Канкаев с Лихачевым отправляли рапорты в Военную коллегию, будучи уверены, что Пугачев по-прежнему находится под Казанью, куда и сами они надеялись пробиться, прорвав кольцо карательных войск¹⁵. В рапорте от 21 июля Канкаев писал Военной коллегии: «Мы от армии в Государственную сию военную коллегию уже в четвертый раз репортуем, а напротив наших репортов никакого повеления не видали... А кого пошлем с репортом, те люди к нам назад не приходят». Он доносил также, что команды из его отряда охраняют дороги и переправу через Каму и Вятку¹⁶.

22 июля Канкаев и Лихачев с 2-тысячным отрядом повстанцев обосновались в дер. Карашурма, продолжая охранять разбездными командами и пикетами дороги и переправы через близлежащие реки. Сообщая об этом Военной коллегии в рапорте от 22 июля, они извещали Пугачева о трудностях продовольственного обеспечения отряда, так как, хотя в окрестных селениях и нет помещиков, оставшиеся там «прикащики их чинят великую противность и хлеба не привозят для армий» восставших. В этом же рапорте они писали, что до сих пор «не получивали» указов от него, Пугачева, и просили прислать боеприпасы для артиллерии¹⁷.

Сохранился черновик другого рапорта Канкаева и Лихачева в Военную коллегию от того же 22 июля, где они писали, что получили от татарина А. Максютюва известие относительно появления на левом берегу Камы значительного повстанческого отряда походного старшины К. Муратова, однако он не решается переправиться через Каму без особого указа Пугачева. Тем не менее Канкаев своей властью обратился к Муратову с просьбой, «чтоб чрез Каму переправитца, и совокупить армию вообще, и следовать к Казани»¹⁸. И действительно, среди бумаг архива Канкаева сохранилось письмо, отправленное им 22 июля Муратову, в котором сообщалось, что он с 2-тысячным отрядом находится в дер. Карашурма и просит Муратова, чтобы тот «со своею армиею, как возможно, поспешить для совокупления во едино общество с нашей армией. А батюшко наш [Пугачев], слышно, от Казани марширует к Москве»¹⁹. Однако предлагаемое Канкаевым соединение с закамским повстанческим отрядом Муратова не состоялось из-за начавшихся вскоре действий карателей в Нижнем Прикамье.

Отход Пугачева на правый берег Волги дал возможность царскому командованию принять меры к подавлению отдельных очагов крестьянских волнений в юго-

¹¹ Там же, док. № 504.

¹² Там же, док. № 508.

¹³ «Пугачевщина». Т. II, стр. 325.

¹⁴ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 510.

¹⁵ Там же, док. №№ 510, 513—515.

¹⁶ Там же, док. № 513.

¹⁷ Там же, док. № 514.

¹⁸ Там же, док. № 515.

¹⁹ Там же, док. № 516.

восточных волостях Казанского уезда, сосредоточив основное внимание на операциях против отрядов Канкаева и Лихачева. 20 июля капитан И. Суворов, находившийся с карательной командой в селе Шуран, доносил Щербатову о волнениях в Рыбной слободе, откуда в села Шуран и Бетки приезжали взбунтовавшиеся крестьяне с «злодейскими письмами». Суворов сообщал также о появлении в 30 верстах от Шурана, в деревнях Савруши, Шармуши и Синцовари крупных отрядов повстанцев²⁰, которыми предводительствовали Канкаев и Лихачев, соединившиеся в дер. Савруши. 21 июля секунд-майор Ф. Черносвитов рапортовал Щербатову, что им получено известие о появлении передового отряда повстанцев (до 300 человек) в селе Батеряково, в 15 верстах от Рыбной слободы, которые, видимо, шли на соединение со взбунтовавшимися рыбнослободскими крестьянами²¹.

Щербатов и Казанская секретная комиссия отправили в Рыбную слободу подполковника С. В. Неклюдова с полусотней солдат казанского гарнизона. Прибыв туда, Неклюдов «исполнил экзекуцию» — порку плетью зачинщиков волнений и приказал волостному старосте к 23 июля набрать и вооружить 200 «мужиков... здешней волости» для подкрепления карательной команды. Он писал Щербатову, что, по слухам, 21 июля отряд из 300 повстанцев был в дер. Некрасовой, в 12 верстах от Рыбной слободы, а потом возвратился обратно в свое «гнездо на Зюрейской дороге». Управитель Шумбутского винокурного завода сообщил Неклюдову, что завод этот, находящийся в 40 верстах от Рыбной слободы, захвачен и разгромлен отрядом из 700 повстанцев. Неклюдов извещал Щербатова, что он ведет подготовку к удару по действующим здесь повстанческим отрядам²². 22 июля Неклюдов отправил разведчиков в окрестные селения. Возвратившись в Рыбную слободу, те донесли, что добравшись до дер. Казыли, узнали о нахождении в 10 верстах от нее, в дер. Савруши, отряда повстанцев (до 1 тыс. человек) при 6 пушках. Этими повстанцами командовали Канкаев и Лихачев. Неклюдов не отважился тотчас же пойти против них, объясняя в рапорте Щербатову, что «я, имея так малую команду и не имея ни одной пушки, также и кавалерии, атаковать злодеев нахожу себя слабым»²³.

Что же происходило в это время в лагере повстанцев? Получив известие о волнениях крестьян в Рыбной слободе и окрестных деревнях, Канкаев и Лихачев решили оказать им помощь, направив туда отряд. Как показал на допросе А. Ф. Поторчинов, Канкаев послал Лихачева «в дворцовую Рыбную слободу для такого ж обольщения с злодейским наставлением, с толпою человек до четырехсот»²⁴. Лихачев выступил в поход 22 июля. На следующий день он прибыл в дер. Меретьяки, где нашел своего отца М. П. Лихачева, бежавшего из Рыбной слободы, который и сообщил ему о выступавшей против повстанцев карательной команде. Известив об этом Канкаева в рапорте от 23 июля, Лихачев просил прислать ему подкрепление «казаков ста три или пять со оружием» или же «мне прикажите отбратно к себе ж отступить», добавляя, что «ежели силы не пришлешь сею ж ночью, вскорости пришли ко мне письменную ведомость, как ваше высококордие расзудите к лутчему спастися нам от злодеев». Сам же Лихачев, указывая на слабость неприятеля, склонял Канкаева к немедленному выступлению: «А силы злодейской, сказывают, только два ста. То как соблаговолите: прибутте ко мне со всей командой, не можно ли их, злодеев, разбить, о том сами, ваше высококордие, добро расзудите, но только вскорости мене уведомь сию ж ночь»²⁵.

Вечером 23 июля в дер. Меретьяки к Лихачеву пришел посланный Канкаевым есаул Е. Иванов с сотней казаков. Благодаря Канкаева за это подкрепление, Лихачев просил, чтобы и он со всем его отрядом прибыл в Меретьяки, взяв также с собой старшину А. Мустаева с командою, чтобы всем «совокупитца обще, иттить под злодеев в Рыбную слободу», так как отряд карателей там пока еще слаб и малочислен. «А в Рыбной слободе, — продолжал он, — слышно подлинно, яко злодеев только находитца в собрании из деревень до двухсот человек,.. а настоящей злодейской команды

²⁰ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 431—431 об.

²¹ Там же, лл. 417 об.—418.

²² Там же, лл. 437—437 об.

²³ Там же, л. 449.

²⁴ «Пугачевщина». Т. II, стр. 325.

²⁵ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 517.

гарнизонных солдат до 50 человек»²⁶; в тот же день Лихачев отправил к Канкаеву новый рапорт, в котором вновь благодарил его за присылку сотни Е. Иванова и вместе с тем сетовал на то, что «я по сие число я вашего пришествия не вижу». Что же касается собственных его планов, то Лихачев сообщал, что он на следующий день, «как бог даст свет, со всею своею армиею следовать буду ко истреблению злодейской партии», и извещал Канкаева о том, что «от Сибирской стороны идет на помощь его величеству, батюшке нашему [Пугачеву], армии до 20 тысяч человек»²⁷. Конечно, это были явно фантастические сведения, так как такой армии в действительности не имелось, а существовал лишь отряд К. Муратова, блокированный в Закамье карательными командами.

Слухи о 20-тысячной армии повстанцев, будто бы следовавшей на соединение с Пугачевым «от Сибирской стороны», дезориентировали, видимо, Канкаева, который решил, ожидая подхода этой «армии», придерживаться выжидательной тактики, рекомендуя тот же образ действий и Лихачеву. В приказе Лихачеву от 24 июля Канкаев писал: «Получил я оный рапорт, в котором между прочим написано, что де здесь армии нашего государя до 20 тысяч, а где она состоит,— и вам их уведомлять, чтоб они поспешали ко мне, полковнику Бахтияру, а у меня армии ж состоит 2000 человек. А вы, господин есаул Лихачев, где ныне находитесь, ежели в деревне Меретяк, во оной и быть, а я ныне состою в деревне Джюрии²⁸, и вам в Меретяке быть для осторожности от злодеев. А я с тою [армией] в Казани и со всею армиею имю осторожность»²⁹. Однако Лихачев не был склонен отказаться от решительного удара по неприятелю. Вступив вечером 24 июля в село Батеряково, он отправил к Канкаеву рапорт, в котором призывал его к совместному наступлению на Рыбную слободу, используя слабость карателей: «Есть де команда злодейская в Рыбной слободе, пятьдесят человек, набирали де они к себе казаков бетковских³⁰ и обратно ныне их в дома отпустили с тем,— послали де они, злодеи, по пушки, тогда и оных казаков хотели к себе взять. Того ради покорно весьма прошу и я господина полковника, чтоб вскорости, неотменно по получении сего, ко мне в команду со всею своею командою прибыть, где я буду, чтоб вскорости и пойдем в оную Рыбную слободу по Каме: у них пушек нет. Не можно ль их, злодеев, скоренить? Пожалуй, вскорости прибудь, по получении сего, не мешкая»³¹. Канкаев остался глух к этому призыву Лихачева.

25 июля Лихачев отправил Канкаеву рапорт с обвинениями его в нерешительности и бездействии: «Писал я до вас трижды, чтоб ко мне прибыть со всею командою для искоренения злодеев, понеже их только 50 человек стоит в Рыбной слободе. На что сего июля 25 числа получен от тебя ордер, в коем писано, что ко мне не идешь, в чем на что я на оныя репорты в последние³² уже пишу... Я слышал, что у тебе есть большия медныя две пушки, их с оными дву стами человек, ежели сам не едешь, то [пришли] людей вскорости. А я ныне [в деревне] Батерякове, все благополучно с командою. А минувшего числа сего течения, то есть 24-го, ходил я под Рыбную слободу, смело полонил одиннадцать человек к себе казаков же, собранных з жителей. Того ради, ежели не прибудешь, то на божую волю пойдем на неприятелей. Как мне отступать дале к Каме велишь, то вскорости по получении сего, ко мне дай знать письменно»³³. Канкаев успел получить этот рапорт, но опоздал послать подкрепление Лихачеву, что имело губительные последствия и для отряда Лихачева и для войска самого Канкаева.

Пока предводители повстанцев пререкались, положение изменилось. Подполковник Неклюдов пополнил свою команду солдатами и пушками из Казани. Оттуда же на Зюрейскую дорогу отправились поручик Н. Калалай и прапорщик П. Товеркин с конными отрядами гусар и казаков. Выступив 25 июля из Рыбной слободы и пройдя

²⁶ Там же, док. № 519.

²⁷ Там же, док. № 520.

²⁸ Так в оригинале, правильно: Зюри.

²⁹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 518.

³⁰ Крестьяне из села Бетки на Каме.

³¹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 521.

³² То есть в последний раз.

³³ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 522.

15 верст до села Батеряково, Неклюдов атаковал отряд Лихачева, у которого было 400 повстанцев из русских крестьян и татар и две пушки. Повстанцы потеряли до 70 человек убитыми, каратели отбили пушки и 43 лихачевцев взяли в плен, все они «по нещадном наказании распущены по домам». Разрозненные группы повстанцев «все по лесу разбежались», а их предводитель Лихачев «ушел не более как сам четверт». По свидетельству Неклюдова, в отряде Лихачева преобладали крестьяне «из околных жительство». Когда Неклюдов вступил в село Батеряково, «то из жителей никою не нашел, а все, быв на сражении з злодейской стороны, с ними обще бежали». Разгромив Лихачева, каратели намеревались нанести следующий удар по отряду Канкаева. Этот отряд «с толикою ж толпою и с двумя пушками стейт в Зюрее, куда завтре я и отправлюсь, разстоянием отсюда верст сорок»³⁴, — писал Неклюдов в рапорте от 25 июля генералу Щербатову из села Батеряково. Однако его опередили команды Токверкина и Калалая. 25 июля Токверкин разбил передовую партию (до 150 повстанцев) отряда Канкаева у дер. Большие Зюри, а 27 июля, соединившись с командой Калалая, разгромил и главные силы Канкаева между деревнями Малые Зюри и Черучевой. Сам Канкаев «в лес бежал с малым числом» людей³⁵. К концу июля 1774 г. карателям удалось подавить волнения в Прикамье, оттеснив разрозненные группы повстанцев на север, в леса за Арском, и на восток, к реке Вятке³⁶.

Что же стало с Лихачевым? После поражения в бою 25 июля у села Батеряково он с сотником Н. И. Чваниным и чувашем Е. Петровым ушел к реке Вятке «для набрания казаков» в новый отряд³⁷. Затем он хотел соединиться с пугачевским полковником Волковым, который будто бы собрал у Воткинского завода отряд из 3 тыс. крестьян и мастеровых. Переправившись через Вятку на Бурецком перевозе, Лихачев и его спутники добрались до удмуртской деревни Собакиной, возле которой и встретили Волкова с шестью казаками. Здесь, как вспоминал Чванин, Лихачев и Волков «в разговорах употребляли, чтоб по набрании людей итти обоим на Уржум и на Казань. И постоя малое время на поле, расстались. Волков сказал, что он для набору людей поедет к казенному Воткинскому заводу»³⁸. После этого Лихачев, Чванин и Петров поехали по удмуртским деревням («по вотяцким жительство»), где забирали в свой отряд крестьян-удмуртов («вотяков»).

В начале августа 1774 г. Лихачев действовал в 70 верстах к востоку от р. Вятки, в непосредственной близости от Ижевского завода, затем направился на запад, к Уржуму, вечером 5 августа вступил в село Нылгу и остановился в доме местного священника А. Федорова. Священник показывал впоследствии на допросе, что, когда он узнал о приезде в Нылгу пугачевского полковника, «в самое то время их села новокрещены принесли рыбы... в подарок, которую варил чередовой староста новокрещен Иван Никифоров в моем доме. И так поужинавши, у меня три человека ночевали, протчия ж разделились по новокрещенским домам, а несколько во всю ночь, около моего дому объезжая, были для караулу». Лихачев говорил священнику, что он Пугачевым, «именуя его государем Петром Федоровичем, послан набирать в службу ево в казаки с указом»³⁹.

6 августа повстанцы выехали из Нылги, взяв с собой дьячка У. Анисимова. Лихачев приказал ему «ехать с ним по деревням для записки: сколько ково он, Лихачев, возмет к себе в толпу и для чтення указа» Пугачева. А в том указе «обещано от податей дать льготу»⁴⁰. Упоминание о льготах народу сближает содержание названного указа Пугачева с его же указами от июня 1774 г., которыми он освобождал народ от крепостной неволи, рекрутского набора, платежа подушной подати и объявлял о ликвидации старой администрации⁴¹. На следствии Анисимов показал,

³⁴ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 475—475 об.

³⁵ Там же, лл. 509—510. В течение всего 1774 г. власти предпринимали меры к розыску и аресту Канкаева, но он бесследно исчез, скрывшись, по слухам, в Северо-Восточной Башкирии.

³⁶ Там же, лл. 2—2 об.

³⁷ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 467, ч. IV, л. 200.

³⁸ Там же, д. 507, ч. IV, лл. 490—490 об.

³⁹ Там же, лл. 212—212 об.

⁴⁰ Там же, д. 467, ч. IV, л. 208.

⁴¹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. №№ 34, 36; см. также указы повстанческой Военной коллегии от июня 1774 г. (там же, док. №№ 72, 73).

что Лихачев раздобыл указ Пугачева в селе Вавож-Можги через содействие удмурта Ф. Федорова (по-удмуртски Параткол), который знал, что указ этот хранился у священника того же села Т. Иванова. Лихачев приказал Анисимову снять копию с указа. Последний вспоминал, что, «по-видимому, тот указ рукою писан какого-либо семинаристского школьника или церковника»⁴². Был допрошен по поводу этого указа и сотник Ф. Федоров, который сообщил, что «показанной поп Иванов сказывал ему, что он тот указ получил таким образом: имел де он надобность ехать в Казань и нечаянно на дороге захвачен... разъездом и приведен х Казане, где представлен к самому... Пугачеву, который дал ему указ о разглашении об нем»⁴³.

Из села Вавож-Можги Лихачев повел свой отряд к Уржуму, пополняя его людьми из попутных деревень. 7 августа он побывал в деревнях Водзи-Моньи и Седьмурчиной, 8 августа — в деревнях Большая и Малая Кильмезь и Мелеклес. Отряд к тому времени насчитывал до 50 повстанцев из русских крестьян, удмуртов и марийцев. О характере действий Лихачева в этом районе говорят объявления и сказки, поданные сельскими властями предводителю карательной команды казанского гарнизона плац-майору Г. Еленеву. Сотник дер. Седьмурчиной М. Семенов и писарь П. Лошкин сообщали, что, приехав 7 августа в их деревню, повстанцы, «собравши весь народ, читая нам от ...Пугачева манифест, упоминая ево императором, и притом требовали от пяти душ казаков», захватили у состоятельных сельчан деньги и лошадей, «угрожая, кто не явитца послушен, бить до смерти и вешать. Почему наш устрашенной народ все по воли их исполняли, дав им в казаки пять человек»⁴⁴. В дер. Большой Кильмезь Лихачев, «объявляя манифест» Пугачева и называя его «императором», уговаривал жителей вступить в повстанческий отряд. Он, «обещая и денежное награждение», захватил лошадей и велел «к утрему... припасти молодых 50 человек»⁴⁵. В ночь на 9 августа, войдя в дер. Мелеклес с полусотней повстанцев, Лихачев, «наперво потребовав старосту и весь народ, и читая манифест» Пугачева, приказал «в службу казаков с пяти душ по одному человеку вооруженных» и велел «приготовить всех к утрему»⁴⁶.

Это была ночь накануне последнего боя Лихачева с карателями. По пятам за повстанцами следовала карательная команда Еленева. Узнав о ночевке Лихачева в дер. Мелеклес, Еленев окружил ее и врасплох атаковал повстанцев. В завязавшемся бою Лихачев был убит, 8 главных его сподвижников захвачены в плен, остальные «все разсыпались» по лесу. Трое пленных (Чванин, Петров и Анисимов) были тут же допрошены Еленевым и увезены в секретную комиссию в Казань. Пятерых пленных, новокрещен-удмуртов местных деревень Водзи-Моньи, Каравай-Зюньи, Сиваньи и Ягунь-Можги, велено было заковать в колодки и с «пристойным» конвоем отправить в Казанскую губернскую канцелярию. В приказе сотнику дер. Большая Кильмезь Е. Тимофееву от 9 августа 1774 г. Еленев писал, что убитый Г. Лихачев, «хотя и мертвой, но в страх протчим таковым же злодеям, а в поощрение верноподанным ея императорскаго величества, всемилостивейшей нашей государыне, на дереве в вашей деревне повешен»⁴⁷, о чем велено объявить жителям окрестных деревень.

На одном из допросов Е. И. Пугачев заявил, что «похвальной быть со славою убиту», нежели отречься от дела всей жизни. Именно такую славу заслужил его сподвижник 27-летний полковник из крепостных крестьян Гаврила Макарович Лихачев, боровшийся до конца и попавший в руки врагов только мертвым. Посмертная казнь возвеличила его подвиг. Этот человек несгибаемого мужества и упорства, борец за освобождение народа от крепостной неволи, должен занять свое место в плеяде сподвижников Е. И. Пугачева и в летописи Крестьянской войны 1773—1775 годов.

⁴² ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 467, ч. IV, лл. 201 об., 208 об.

⁴³ Там же, л. 221 об.

⁴⁴ Там же, лл. 204—204 об.

⁴⁵ Там же, лл. 202—202 об.

⁴⁶ Там же, лл. 203—203 об.

⁴⁷ Там же, ч. VII, лл. 304—304 об.

В Отделении истории АН СССР

ОБЩЕЕ ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

16 марта 1976 г. состоялось Общее годовое собрание Отделения истории АН СССР, на котором был заслушан и обсужден доклад академика-секретаря Отделения истории акад. Е. М. Жукова «Итоги исторических исследований в СССР в девятой пятилетке и задачи исторической науки в свете решений XXV съезда КПСС»¹.

Открывший обсуждение доклада академик-секретарь Отделения общественных наук АН АзербССР акад. АН АзербССР А. С. Сумбатзаде в своем выступлении охарактеризовал достижения азербайджанских историков, археологов, этнографов за годы девятой пятилетки, особо отметив коллективную работу «Победа Советской власти в Закавказье», выполненную совместно азербайджанскими, грузинскими, армянскими и московскими историками. Важным направлением в работе ученых республики явилось изучение истории рабочего класса, в первую очередь бакинского пролетариата. За последние годы в Азербайджане опубликованы исследования по истории Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны, в ряде книг рассматривается вопрос о вкладе азербайджанского народа в общее дело победы над фашизмом. В республике были проведены некоторые всесоюзные научные конференции, в том числе по проблемам национально-освободительного движения на современном этапе и по теме «Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС, — в действии», оказавшие благотворное влияние на деятельность азербайджанских историков. В десятой пятилетке им предстоит завершить работу по созданию многотомной истории Азербайджана, а также участвовать в написании региональной истории Закавказья.

Директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий обратил основное внимание на те задачи, которые стоят перед исследователями в области изучения отечественной истории. Это прежде всего обобщение опыта построения развитого социалистического общества и коммунистического строительства в СССР. Сотрудники института опубликовали работы о советском народе как новой исторической общности людей и о социально-экономических проблемах развитого социализма в СССР. Планируется выпуск новых крупных исследований по этой проблематике. К числу важнейших направлений творческой деятельности относится тема «Великая Октябрьская социалистическая революция», по которой предполагается подготовка ряда публикаций и книг в ознаменование 60-летия Великого Октября. Есть необходимость в написании обобщающего труда о перерастании буржуазно-демократической революции в России в социалистическую, а также в подготовке комплекса исследований по истории трех российских революций. Такие труды могут быть осуществлены только на основе широкой кооперации усилий многих научных учреждений. Институт планирует значительно расширить участие в совместной деятельности историков всей страны, сосредоточив свои силы вокруг создания таких крупных коллективных работ, как «История рабочего класса СССР», «История крестьянства СССР»,

¹ Главные положения доклада Е. М. Жукова изложены в его статье «Основные итоги и задачи исторических исследований в свете решений XXV съезда КПСС». «Вопросы истории», 1976, № 4.

комплекс исследований по региональным историям народов Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Прибалтики, Северного Кавказа. В связи с чрезвычайной важностью вопросов теории и методологии исторической науки предусматривается разработка вопросов методологии изучения отечественной истории, расширение математико-статистических исследований. А. Л. Нарочницкий подчеркнул, что материалы XXV съезда КПСС служат важным ориентиром для развертывания творческих дискуссий и анализа теоретико-методологических проблем. Дискуссии, которые должны вестись в рамках марксистско-ленинского мировоззрения, предусматривают необходимость самокритики, а также критического отношения к тем, кто недостаточно основательно решает научные проблемы.

В выступлении директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР чл.-корр. АН СССР А. И. Круша нова были освещены вопросы подготовки кадров, материальной базы и организации исторических исследований на Дальнем Востоке в девятой пятилетке. Отмечена активная координационная деятельность Отделения истории АН СССР и роль многочисленных научных сессий и конференций, проведенных в таких городах, как Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Магадан, Анадры. Сейчас ведется разработка плана научно-исследовательской деятельности учреждений Дальнего Востока на 1976—1985 годы. Ученые этого региона в течение предстоящих пяти лет планируют завершить создание «Истории Дальнего Востока СССР» и ряда монографических работ по истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Намечено организовать во Владивостоке крупный центр отечественного востоковедения, где будут вестись исследования по проблемам социальных процессов, трудовых ресурсов, интернациональных связей.

Директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков остановился на том, как советские археологи намерены в будущей пятилетке решать проблему качества и эффективности научных исследований. Важной частью деятельности археологов является археологическая служба Советского Союза, особенно работа на новостройках, преобразующих нашу Родину, которая хранит множество драгоценных археологических памятников, являющихся народным достоянием и требующих пристального изучения. В десятой пятилетке археологи предполагают подвести итоги длительному процессу накопления источников, суммировав колоссальный материальный фонд, и привести весь археологический материал в единую систему в 16-томной «Археологии СССР». Этот качественно новый труд даст возможность воссоздать историю человечества на его древнейшей стадии развития и осветить ряд сквозных тем, например, этногенез народов Советского Союза, историю их хозяйства, историю идеологических представлений. Археологи и впредь будут активизировать разработку научно-теоретических вопросов, углубляя изучение теории социально-экономических формаций, которая подвергается нападкам со стороны противников марксизма-ленинизма.

Об исследовательской работе историков Молдавии рассказал президент АН Молдавской ССР чл.-корр. АН СССР Я. С. Гросул. Направления исторических исследований в республике охватывают все периоды истории Молдавии, а также проблемы исторического развития балканских стран, вопросы археологии, этнографии, источниковедения и историографии. Одной из характерных особенностей последних лет является поворот в сторону изучения наиболее актуальных проблем коммунистического строительства, теоретического осмысления исторических явлений, создания проблемных обобщающих исследований. Особую значимость приобрели вопросы социалистической революции в Молдавии, дающие ответ тем, кто отрицает закономерности процесса развития молдавского народа и ставит под сомнение правомерность образования его советской национальной государственности. Успехи нашей страны в социалистическом строительстве подтверждают важность исследования темы об укреплении дружбы народов СССР. Молдавские историки возглавляют совместную разработку такой темы, как исторические связи и нерушимая дружба украинского, белорусского и молдавского народов в братской семье народов Советского Союза. Такая форма научной деятельности, помимо эффективного вклада в науку, способствует укреплению нашего многонационального социалистического единства.

Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков отметил особое значение объединения усилий ученых для создания сравнительно-исторических и комплексных исследований, способствующих раскрытию общих закономерностей исторического процесса и разработке фундаментальных проблем науки. Написание таких трудов будет направлены главные усилия коллектива института в десятую пятилетку. Актуальным является вопрос о сотрудничестве с учеными социалистических стран, которое в еще большей мере должно носить многосторонний характер. Хорошим примером тому может служить деятельность Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», возглавляемого акад. И. И. Минцем. Видимо, настало время организации новых форм многостороннего сотрудничества, в том числе проблемной комиссии по истории социалистического строительства. Научным учреждениям Отделения истории АН СССР необходимо также принять активное участие в создаваемой сейчас проблемной комиссии по теории и истории мировой культуры.

Вице-президент АН ЛатССР акад. АН ЛатССР А. А. Дризул охарактеризовал успехи исторической науки в Латвии за годы девятой пятилетки: написаны обобщающие труды по истории латышских стрелков, об участии латышского народа в Великой Отечественной войне, по археологии и этнографии республики. В десятой пятилетке следует усилить координацию и сотрудничество ученых республики с Отделением истории АН СССР и Институтом истории СССР АН СССР, чтобы решить важную задачу по созданию региональной истории народов Прибалтики. Историки республики будут интенсивно работать над историей современного рабочего класса и колхозного крестьянства Латвии.

Акад. И. И. Минц обратил внимание участников собрания на необходимость более всестороннего и глубокого подхода к изучению проблемы пролетарского интернационализма. При написании региональных историй нужно постоянно помнить об интернационализме, который после победы Великой Октябрьской социалистической революции превратился в закономерность нового общества. Разработкой истории пролетарского интернационализма следует заниматься в настоящее время совместно с историками братских социалистических стран. Перед советскими исследователями стоит также задача по изучению истории социалистической революции 1940-х годов в республиках Прибалтики, чтобы дать решительный отпор измышлениям антикоммунистов в этом вопросе.

Директор Института истории АН УССР чл.-корр. АН УССР А. Г. Шевелев сообщил, что за последние годы историки республики подготовили первые шесть томов многотомной истории Украины; получила высокую оценку 25-томная «История городов и сел Украинской ССР». Главное внимание в деятельности института в десятой пятилетке будет обращено на исследование проблемы общности исторических судеб и процессов, происходящих во всем Советском Союзе, в том числе на Украине, а также на вопросы становления и развития исторических связей и дружбы с русским, белорусским и молдавским народами. Одной из центральных тем остается история рабочего класса Украины. Ученые республики готовы включиться в разработку вопроса о роли пограничных областей СССР в развитии взаимосвязей СССР с социалистическими странами Европы. Отбор основных, магистральных направлений исследований является одним из реальных путей повышения эффективности работы историков.

Актуально звучат указания XXV съезда КПСС о необходимости научной разработки проблем современности в связи с практикой коммунистического строительства для советских этнографов, как отметил в своем выступлении директор Института этнографии АН СССР чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей. Опубликовав в 1976 г. итоговую работу «Современные этнические процессы в СССР», институт будет продолжать в десятой пятилетке исследование национальных процессов, изучение взаимосвязи социальных и этнических явлений как в СССР, так и за рубежом. Будет продолжена работа и по рассмотрению современных культурно-бытовых процессов у народов нашей страны. Изучение этнографического материала помогает в разрешении ряда вопросов идеологической борьбы. В этой связи не прекращается деятельность советских этнографов по критике националистических и расистских построений буржуазных исследователей. В то же время всячески расширяются и впредь бу-

дут укрепляться связи с этнографами социалистических стран, о чем свидетельствует уже увидевшая свет коллективная работа об этнографии в странах социализма; намечаются новые формы многостороннего сотрудничества. В десятой пятилетке советские этнографы намерены осуществить ряд исследований, находящихся на стыке разных наук, в том числе географии, геронтологии, этнопсихологии, физиологии, экологии и других. В свете решений XXV съезда КПСС этнографы активизируют изучение современных демографических процессов, проблем народонаселения.

О разработке ряда актуальных научных проблем историками Киргизии сообщил вице-президент АН КиргССР акад. АН КиргССР Б. Дж. Джамгерчинов. Ученые республики успешно изучают закономерности развития киргизского народа на путях строительства социализма и коммунизма, раскрывают торжество ленинской национальной политики, рассматривают вопросы интернационального единения народов Киргизстана в братской семье народов Советского Союза. Расширились и окрепли творческие связи ученых среднеазиатских республик. В десятой пятилетке на первый план выдвигается подготовка коллективных трудов, раскрывающих основные проблемы социалистического строительства, истории становления и упрочения социалистического общества и развитого социализма в СССР на примере Киргизии. Историки республики примут участие в создании 4-томного труда по истории народов Средней Азии и Казахстана. Подобные работы, с одной стороны, послужат делу укрепления дружбы и братства наших народов, делу социалистического интернационализма, с другой — дадут решительный отпор антинаучным, антиисторическим измышлениям зарубежных фальсификаторов истории.

Заместитель директора Института востоковедения АН СССР Г. К. Широков остановился на тех проблемах, на изучении которых будет концентрироваться основное внимание востоковедов. Совместными усилиями специалистов различных отраслей намечается углубленное изучение проблем средневековой истории Востока, особенностей национально-освободительного движения в развивающихся странах, проблем экономического развития крупнейших стран Востока с точки зрения дальнейших перспектив экономического сотрудничества с развивающимися странами.

Председатель президиума Каракалпакского филиала АН УзбССР чл.-корр. АН УзбССР С. К. Камалов отметил как одно из крупных достижений историков Каракалпакии в девятой пятилетке выход 2-томной «Истории Каракалпакской АССР с древнейших времен до наших дней». В десятой пятилетке на повестку дня встает вопрос изучения истории колхозов и совхозов, а также древних археологических памятников в связи с расширением районов рисосеяния.

Акад. М. А. Коростовцев рассказал о работе, ведущейся по созданию обобщающей фундаментальной «Истории Древнего Востока», и о тех теоретических и идеологических проблемах, которые предполагается решить в этом труде. Данный труд даст, в частности, отпор попыткам некоторых буржуазных ученых внести расистские моменты в объяснение истории Древнего Востока, где различными народами и племенами были созданы многообразные высокоразвитые цивилизации.

Об изучении основных закономерностей исторического процесса, осуществляемом Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», сообщила З. В. Удалцова. В ближайшие годы намечается сосредоточить усилия специалистов на углубленной разработке теоретических проблем общеметодологического характера (исторические закономерности и их соотношение с общесоциологическими, критерии периодизации истории и др.).

По итогам обсуждения доклада Е. М. Жукова было принято постановление, направляющее научные учреждения Отделения истории АН СССР на реализацию решений XXV съезда КПСС.

В. А. Тишков

Рецензии

Клыч КУЛИЕВ. *Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран*. Изд-во «Туркменистан». Ашхабад, 1974. 334 стр. Тираж 3000. Цена 1 руб. 4 коп.

Всемирно-историческое значение опыта строительства социализма на бывших национальных окраинах царской России трудно переоценить. Научная разработка этой проблемы представляет особую ценность для ныне освободившихся от колониализма народов стран Азии и Африки, во многих из которых «происходит сложный процесс размежевания классовых сил, нарастает классовая борьба»¹. Именно последнее обстоятельство вызывает интерес к каждой новой книге по этой проблеме, уже неоднократно освещавшейся в работах советских авторов².

Монография чл.-корр. АН Туркменской ССР К. М. Кулиева еще раз показывает, что освобождение всех народов Советского Союза от национального и социального гнета происходило на общих принципах социалистического строительства при руководящей роли рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии. Непреходящее значение опыта строительства социализма в республиках Средней Азии состоит прежде всего в том, что они впервые в истории доказали на практике возможность полного освобождения народов только на пути строительства социализма, при последовательном проведении в жизнь общих для всех стран принципов, конкретные формы и методы осуществления которых зависят от исторических, экономических, политических и национальных условий каждой отдельной страны.

Сложность рассматриваемых проблем потребовала от автора особенно внимательного отношения к источникам и литерату-

ре. Он стремится творчески подойти к рассмотрению некоторых аспектов, общих черт и принципиальных отличий развития окраин царской России после победы Великой Октябрьской социалистической революции и бывших колоний и полуколоний империалистических держав в Азии и Африке, добившихся ныне политической независимости, вопроса о применении последними многогранного опыта строительства социализма в советских республиках Средней Азии.

Центральной проблемой монографии является, несомненно, определение характера пути, пройденного республиками Средней Азии после Октябрьской революции. Показав на обширном фактическом материале дореволюционное прошлое Туркестана, автор приступает к тщательному и всестороннему освещению социально-экономических, политических и культурных преобразований в Советской Средней Азии. Анализ явлений, фактов и событий, поэтапный разбор конкретной героической борьбы народов за светлое будущее приводят К. М. Кулиева к заключению о неправомерности применения понятия «некапиталистический путь развития» к пути, пройденному советскими республиками Средней Азии. Он отмечает, что социальный и национальный прогресс народов Средней Азии, достигнутый за годы Советской власти, происходил в условиях диктатуры пролетариата в Советской России, в рамках единого социалистического государства. Вследствие этого народы Средней Азии с первых дней после победы Октябрьской революции наравне с русским, украинским и другими советскими народами оказались в условиях, когда развитие страны шло «на базе социалистических производственных отношений, на базе ликвидации капиталистической собственности и установления общественной собственности на основные средства производства» (стр. 309). «Основные закономерности социалистической революции и строительства социализма,— пишет автор,— в полной мере распространялись и на молодую Туркестанскую республику, возникшую в результате победы Октябрьской революции. На-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 12.

² См., например: «От средневековья к вершинам современного прогресса». М. 1965; А. Ахмедова. Опыт перехода республик Советского Востока на путь социализма и его особенности. Ташкент. 1967; «Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии». М. 1968; «К социализму, минуя капитализм (Исторический опыт КПСС по социалистическому строительству в Средней Азии и Казахстане в 1917—1937 гг.)». М. 1974, и др.

роды ее, наряду с народами других советских социалистических республик, с первых дней революции находились в орбите единого государства — диктатуры пролетариата, развивались по единому пути социального прогресса — по пути строительства социализма» (стр. 239).

Сделав вывод о социалистическом характере эволюции республик Средней Азии, К. М. Кулиев вступает в полемику с теми, кто, по его мнению, подменяет «советский путь развития народов Средней Азии и в целом Советского Востока некапиталистическим путем развития» (стр. 248). Автор считает, что подобная «подмена» не только не соответствует действительности, но и в известном смысле умаляет значение опыта строительства социализма в советских республиках Средней Азии, его роль для развивающихся стран. Некоторые авторы, рассматривающие некапиталистический путь в качестве чуть ли не единственно возможного, например, для решения задач культурной революции в странах, не прошедших капиталистическую стадию, «реальные плоды социалистического развития народов Средней Азии в области духовных отношений преподносят как итог некапиталистического пути развития» (стр. 248). По мнению К. М. Кулиева, это происходит потому, что в таких работах отождествляются социалистический и некапиталистический пути.

В этой связи автор ставит вопрос об общих чертах и различии социалистического и некапиталистического путей развития, уделяя особое внимание последнему. Хотя проблеме некапиталистического пути посвящено сравнительно много работ советских авторов, однако до сих пор, по его мнению, «многие принципиальные вопросы этой проблемы остаются дискуссионными», а частности, вопрос о том, «что такое некапиталистический путь развития» (стр. 235). Приведя примеры противоречивости оценок в этой области, К. М. Кулиев солидаризируется с мнением тех авторов, которые полагают, что «термин «некапиталистический путь развития» порождает определенную путаницу» (стр. 236), и считает необходимым размежевать два понятия — «минование капитализма» и «некапиталистическое развитие». Он обращает внимание на то, что В. И. Ленин не употреблял термин «некапиталистическое развитие» (или «некапиталистический путь развития»), хотя и говорил о «некапиталистических странах» как о государствах, не достигших стадии раз-

витого капитализма³, а также о возможности их перехода к «советскому строю и через определенные степени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития», с помощью пролетариата передовых стран⁴. Такая постановка вопроса К. М. Кулиевым вполне правомерна. В самом деле, термин «некапиталистический путь развития» не равнозначен ленинскому положению о возможности миновать развитую стадию капитализма, открывшейся ныне перед странами и народами, которые вследствие длительного господства империализма отстали в своем развитии. Другой вопрос: каким образом возможно миновать капитализм? Книга К. М. Кулиева дает ответ на этот вопрос. Лишь социалистический путь преобразований позволяет наиболее быстро и, главное, безболезненно для трудящихся масс ликвидировать многовековую отсталость. В монографии приводится обширный и весьма интересный материал, свидетельствующий о том, как с помощью других народов Советского Союза, и прежде всего русского народа, республики Средней Азии достигли успехов и расцвета.

Отстаивая тезис о социалистическом характере развития республик Средней Азии, автор монографии присоединяется к мнению противников смешения двух понятий — «социалистический» и «некапиталистический» пути развития, пишет о нечеткости некоторых решений VI конгресса Коминтерна, приводит слова О. В. Куусинена, указывавшего, что теоретическое обоснование тезиса о возможности некапиталистического развития отсталых колониальных стран «еще отсутствует» (стр. 242—243).

Вызывает также интерес проблема характера развития Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, образованных в 1920 г. в результате победы при поддержке Красной Армии антифеодальных, антиимпериалистических народных революций во главе с Бухарской и Хорезмской коммунистическими партиями. В БНСР и ХНСР была установлена диктатура пролетариата и крестьянства. К. М. Кулиев считает, что развитие этих республик «небольшой по времени период» шло по народно-демократическому (некапиталистическому) пути (стр. 140—145, 163—164, 243—246, 266,

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 595; т. 41, стр. 234.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 246.

309 и др.). Однако этот тезис не получил в книге достаточного обоснования.

Материалы книги, несомненно, говорят о том, что проблема «некапиталистического пути развития» освободившихся стран требует дальнейшего изучения и теоретического обоснования. Главное — выявить характер взаимодействия и возможности решения общедемократических и социалистических задач революции, найти общие моменты (если это «этап») или принципиальное отличие (если это особый «путь») между «некапиталистическим», «социалистическим» и «буржуазно-демократическим» развитием. Такой анализ можно провести, опираясь на ленинскую теорию многоукладности. В этой связи было бы интересно больше сказать о специфике многоукладности республик Средней Азии, привести конкретные данные о роли, месте и значении государственного капитализма в социалистических преобразованиях, о социалистических формах управления предприятиями и т. д. Думается также, что для рассмотрения поднятых проблем можно было бы шире при-

влекать имеющуюся научную литературу⁵, а также работу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», выступления некоторых представителей коммунистических и рабочих партий на Совещании 1969 года.

Таким образом, поставленные и в ряде случаев оригинально освещенные К. М. Кулиевым вопросы являются новой ступенью исследования социально-экономического, политического и культурного развития республик Советской Средней Азии и применения их опыта афро-азиатскими народами, которые все решительнее борются против эксплуататорских отношений и переходят на путь строительства в перспективе социалистического общества.

Ю. Н. Розалиев

⁵ «Ленин и Восток». М. 1960; «Коминтерн и Восток (Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении)». М. 1969; «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока». М. 1970, и др.

И. М. ПУШКАРЕВА. *Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях*. М. «Наука». 1975. Тираж 1400. 390 стр. Цена 1 руб. 58 коп.

Место пролетариата в современном общественном развитии определяет политическое и научно-теоретическое значение изучения его прошлого, то есть «борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества»¹. В последние десятилетия еще более «возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся»². Поэтому закономерно то внимание, которое уделяется его революционному прошлому, истории его отдельных отрядов, в том числе железнодорожного пролетариата. В исследованиях последних лет рассматриваются специфика развития, сложность и неоднозначность состава, особенности борьбы пролетариата и демократических сил на транспорте, формирование пролетарских кадров национальных окраин. Однако эти исследования, обобщая огром-

ный материал, не дают полной картины. В частности, слабо представлены периоды спада революции, реакции, первой мировой войны, а также социально-экономическое положение и место железнодорожников в период складывания социально-политических предпосылок социалистической революции. Монография кандидата исторических наук, научного сотрудника Института истории СССР АН СССР И. М. Пушкаревой в значительной мере восполняет этот пробел. Перед автором стояла сложная задача — на основе обобщения предшествующих исследований и изучения большого числа документов дать комплексный обзор исторического пути железнодорожников России на этапе двух революций. Эту задачу автору решить удалось: перед нами обстоятельное исследование, основанное на многочисленных источниках (опубликованных и неопубликованных), литературе и прессе тех лет, отражающих становление, формирование и революционную борьбу

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 134.

² «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 29.

российских железнодорожников в 1905—1917 годы. Работа снабжена солидным научно-справочным аппаратом.

Автор поставил цель — «показать на примере революционного движения железнодорожников, как в ходе буржуазно-демократической революции в России под руководством пролетариата и его авангарда — большевистской партии складывался единый фронт борьбы пролетарских и революционно-демократических сил» (стр. 4). Эта основная линия прослеживается на широком историческом фоне. Сквозь призму революционной борьбы железнодорожников автор анализирует многогранный процесс формирования политической армии революции. Единство железнодорожников с другими отрядами рабочих и трудящимися автор рассматривает в двух аспектах: внутри собственно железнодорожников, поскольку пролетариат увлекал за собой революционные слои демократии на транспорте; во взаимодействии с другими отрядами рабочего класса и средними слоями города и деревни (стр. 172—174, 185—193 и др.). Это особенно наглядно продемонстрировали осенние забастовки и Декабрьское вооруженное восстание 1905 г., обстоятельно освещенные в монографии (стр. 182—186, 195—201 и др.). В. И. Ленин эту взаимосвязь железнодорожной забастовки со всеобщим революционным подъемом выразил так: «Все указывают на крайнюю важность железных дорог во всеобщей стачке. Остановятся железные дороги — забастовка имеет все шансы стать всеобщей. Не удастся добиться полной остановки жел. дорог — и забастовка, почти наверное, не будет всеобщей»³.

В книге затронута тема союза рабочего класса и крестьянства и роль железнодорожников в формировании этого союза (стр. 165, 247 и др.). Крестьяне помогали бастующим продовольствием, а те посылали в деревню агитаторов, разъяснявших на крестьянских сходках⁴ смысл событий и т. д. Важным резервом и союзником пролетариата явились трудящиеся национальных окраин России. В книге эта мысль получила косвенное подтверждение, не будучи достаточно развитая и проиллюстрирована. Между тем факты свидетельствуют, что борьба на железных дорогах оказывала революционизирующее влияние на трудящееся население отдаленных окраин, заселенных «инородческим» населением. Общая

обстановка, накаляемая выступлениями железнодорожных и других отрядов рабочих, благотворно влияла на развитие социального и национального протеста местной городской и сельской бедноты. Идеи революционизирующее влияние передовой демократической России на окраины осуществлялось через русских рабочих, значительную часть которых составляли железнодорожники. Так складывался единый фронт революционно-демократических сил, который оказал решающее влияние на победоносный исход буржуазно-демократической революции.

Материалы, приведенные в этой связи в книге, опровергают позицию буржуазных авторов, искажающих истинную роль железнодорожников России в классовой борьбе и стремящихся представить их политическое движение как сугубо профессиональное, изолированное, замкнутое. Железнодорожные рабочие, руководимые большевиками, уже с 1905 г. связали свою судьбу с общероссийским пролетариатом не по профессиональной, а по классовой принадлежности. Другой стороной этой общей проблемы явилось участие железнодорожников и рабочих других производств в стачках и Советах — факт очень важный, что и объясняет то внимание, с которым автор отнесся к нему, вводя в научный оборот и обобщив ряд новых неопубликованных документов.

На историческом опыте железнодорожников в книге прослеживается деятельное участие стачкомов и их взаимосвязь с местными большевистскими организациями. Их действия, хотя и не носили характера вооруженной борьбы, явились, по словам автора, составной частью вооруженного восстания (стр. 195—230, 234—235). Из этого обстоятельства вытекает взаимодействие Советов и стачкомов с революционными солдатами, чему в работе уделено недостаточное внимание. Советы и стачкомы на местах пользовались поддержкой воинских, преимущественно специализированных (железнодорожных, саперных) частей. По составу и роду службы они были близки транспортным рабочим и охотно солидаризировались с ними. На Средне-Азиатской дороге, например, в октябре — ноябре 1905 г. солдаты Закаспийских батальонов активно поддерживали рабочих; в их казармах в Ашхабаде размещался штаб Совета солдатских депутатов и т. д. Прямым следствием этих фактов было расформирование батальонов в 1910 г. (а не в 1917 г., как утверждает автор, стр. 42). Подобная ситуация, очевидно,

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 316.

возникла и на других дорогах, где дислоцировались воинские части специального или общевойскового назначения.

Страницы о развитии профессионального движения на транспорте являются наибольшей удачей автора. Впервые в литературе столь широко и обстоятельно исследуется этот вопрос. Вся противоречивая и сложная обстановка Всероссийского железнодорожного союза (ВЖС) представлена в динамике и взаимодействии с другими политическими силами. Интересны анализируемые автором документы, свидетельствующие о борьбе между сторонниками пролетарского профессионального союза и соглашательским эсеровским крылом управленческого персонала. На стороне рабочих выступали большевики, развернувшие широкую пропаганду за создание «классово-пролетарского профсоюза железнодорожников» (стр. 191). Оформление пролетарских профсоюзов происходило в острой борьбе с меньшевиками, отстаивавшими «нейтральность» профсоюзов и, по существу, скатившихся к тред-юнионизму. Это опровергает позиции буржуазных фальсификаторов, выдающих за единственных организаторов революционного движения железнодорожников управленческих служащих из ВЖС.

Через все исследование И. М. Пушкарева последовательно проводится тема — железнодорожники и революционная социал-демократия. На конкретных документах исследуется влияние большевиков на железнодорожные массы, борьба за выполнение главной тактической задачи, разработанной III съездом РСДРП, — подготовки вооруженного восстания. И одновременно выясняется сложный вопрос восприятия массами большевистских лозунгов. Столь же трудоемка и многообразна организаторская работа большевиков: первичные ячейки в мастерских, группы в профсоюзах, большевистские фракции в ВЖС и др. В годы реакции под руководством большевиков был создан новый тип парторганизаций — узловые бюро РСДРП. Интересны используемые в книге источники, отражающие большую и сложную работу большевиков в массах весной 1917 года. Не поддавшись соглашателям-меньшевикам и эсерам, железнодорожники в своей пролетарской части остались верны

делу революции и неуклонно следовали за большевиками.

Осуществление этой центральной задачи тормозила социальная неоднородность железнодорожников. Подсчитано, что к 1905 г. примерно 34,3% личного состава всех железных дорог составляли рабочие⁴, 21,8% от этого числа падает на долю мастерских и депо (стр. 50—52), остальные — низшие и средние служащие, административно-управленческий аппарат. Из этой важной предпосылки автор не сделал вывода о том, что социальная рыхлость чувствовалась все годы, но наиболее наглядно проявилась в период реакции. Менялась тактика, и пролетарская борьба с улиц переместилась на страницы печати, в Думу, в профессиональные союзы. Социальная неоднородность железнодорожников приводила к разнобою в политической линии. Эсеровская тактика террора, например, получила большое распространение среди непролетарской прослойки железнодорожников, что следовало обговорить особо, как и показать борьбу в их среде с ликвидаторами, отзовистами и прочими оппортунистами и соглашателями.

Рецензируемая книга по истории железнодорожников — первая, написанная в столь широком историческом плане. Она имеет ряд достоинств, главное из которых — постановка новых сложных вопросов, которые решены на новом материале. В работе имеются шероховатости, отдельные упущения, неточно подсчитан национальный состав лиц, занятых на среднеазиатских дорогах (стр. 43); возражения вызывает характеристика мелкобуржуазной (стр. 50) и полупролетарских прослоек железнодорожников, в число которых включены лица рабочих специальностей (стр. 52). В целом же монография И. М. Пушкаревой — серьезное исследование борьбы одного из крупных отрядов российского пролетариата на этапе буржуазно-демократической революции.

Г. С. Кунавина

⁴ Автор подробно перечисляет рабочие специальности, но его список нуждается в некотором уточнении. Так, паровозные машинисты не включены в категорию рабочих, а между тем они принимали деятельное участие в революции (стр. 229—230) и были в числе первых, поддержавших революционную социал-демократию и вступавших в ее ряды (стр. 351).

А. И. КЛИБАНОВ. *Религиозное сектантство в прошлом и настоящем*. М. Изд-во «Наука». 1973. 256 стр. Тираж 30 000. Цена 85 коп.; его же. *Из мира религиозного сектантства. Встречи, беседы, наблюдения*. М. Политиздат. 1974. 254 стр. Тираж 100 000. Цена 53 коп.

К середине XX столетия на нашей планете насчитывалось не менее 50 млн. последователей всевозможных религиозно-сектантских течений. Уже одно это обстоятельство свидетельствует об актуальности исследования религиозного сектантства как своеобразного социального явления.

В Советском Союзе в результате социальных преобразований и победы культурной революции число приверженцев религиозных сект по сравнению с общей их численностью накануне Великой Октябрьской социалистической революции сократилось не менее чем вдвое. Религиозные секты до сих пор сохраняют некоторое влияние лишь среди части населения, как правило, наименее развитой и сознательной (преимущественно пожилого и среднего возраста).

Отечественная историческая наука имеет давние традиции в изучении религиозного сектантства. За годы Советской власти создано большое количество исследований и научно-популярных работ по истории сектантских верований в России, об их современном состоянии, методике их изучения в условиях советской действительности¹. Рецензируемые книги доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР А. И. Клибанова являются продолжением его исследований по истории сектантства². В них эта проблема рассматривается во многих аспектах, в теснейшей связи с общим развитием страны, ее социально-экономической, политической, культурной историей.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом» — этими словами Екклесиаста А. И. Клибанов в начале первой из рассматриваемых книг оттеняет важную и внешне парадоксальную мысль: несмотря на относительно большую распространенность сектантства в современном мире, мы присут-

вуем при эпилоге его истории. «Звездным часом» сектантства, как показывает автор, было средневековье — самая религиозная из всех исторических эпох. Строгая научность, умение автора поделиться с читателями своими раздумьями придают книге А. И. Клибанова характер произведения историка-мыслителя, а манера изложения (рассказ) делает ее живой и доходчивой.

Не ограничиваясь дословным переводом термина «секта» (от латинского *secta* — общество, учение, направление), А. И. Клибанов дает следующее определение религиозному сектантству в периоды докпиталистических формаций: «Это совокупность социальных общностей, порожденных борьбой с религиозными институтами (организациями, идеологией, культом) господствующего класса, борьбой, облакаемой в религиозные формы». Членами сектантских «обществ» выступают верующие — «представители народных низов, сплоченные на началах равенства, взаимопомощи, единства чувств, убеждений и действий в борьбе». В этом плане сектантские общины противоположны официальной церкви с ее иерархией, клиром, догматической обрядностью и дисциплиной, той церкви, которая защищала интересы господствующего класса. Как церкви (христианская, магометанская и т. д.), так и секты — продукт классового общества; несмотря на взаимную враждебность, и те и другие представляют собой «парное общественно-историческое явление», поскольку их развитие происходит в непрерывной борьбе и взаимосвязи друг с другом (стр. 5—6).

В существующем море литературы (более 5 тыс. названий!), о котором пишет автор (стр. 12 и сл.), верным компасом, методологической основой для ориентировки служит теоретическое наследие В. И. Ленина, который уделял большое внимание русскому сектантству. Еще в 1899 г. он писал: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России». Здесь же, отмечая «политическую неразвитость и темноту крестьян», В. И. Ленин подчеркивает «наличность в русском крестьянстве революцион-

¹ См. «Конкретные исследования современных религиозных верований». М. 1967; «Критика религиозного сектантства». М. 1974.

² См.: А. И. Клибанов. История религиозного сектантства в России. М. 1965; его же. Религиозное сектантство и современность. М. 1969; его же. Проблемы изучения и критики религиозного сектантства. М. 1971; А. И. Клибанов и Л. Н. Митрохин. Кризисные явления в современном баптизме. М. 1967, и др.

ных элементов», которые, «вероятно, не станет отрицать никто»³. На основании этого А. И. Клибанов заключает, что В. И. Ленин считал сектантство демократическим общественным течением, социальным протестом крестьянства, имевшим буржуазно-демократическое содержание (стр. 27—30). Тем самым, пишет автор, В. И. Ленин «ставил русское религиозное сектантство в ряд исторических движений, которые называются религиозно-реформационными» и которые «выражали потребности и тенденции буржуазного развития в обществе, где еще господствовал феодальный общественно-экономический строй. Религиозная форма лежит на этих потребностях как печать их теоретической «невнятности» (стр. 41).

Россия, не зная реформации в полном смысле (как в некоторых странах Западной Европы), тем не менее видела движения антицерковного протеста, то есть реформационного типа⁴. Они возникают в конце XIII — начале XIV в. в условиях установившегося за полстолетия до этого монголо-татарского ига и связанных с ним народных страданий. Уже тогда появляются обличители церковных пороков — корыстолюбия, тунеядства, аморальности, прислужничества властям; эти обличители выдвигают требования демократизации веры — предоставления мирянам, то есть основной массе верующих, и рябовым клирошанам права быть учителями веры. Организационной единицей реформаторов выступала община верующих с ее равенством, братской солидарностью, единством убеждений и взаимопомощью.

Реформационно-гуманистические движения А. И. Клибанов справедливо относит к «религиозной по форме оппозиции феодализму, противостоящей ему с позиций прогрессивного общественного развития» в противовес патриархальным ересям; отстаивавшим идеалы дофеодального прошлого (стр. 46). Причинами разгрома этих движений автор считает узость социальной базы, изолированность от крестьянских масс, запоздалую социальную дифференциацию (в среде реформаторов были разнородные со-

циальные элементы). Последствием этого разгрома явились упадок и застой в развитии русской литературы и публицистики. Все это автор объясняет спецификой хозяйственного, политического и культурного развития России по сравнению с передовыми странами Западной Европы. Тем не менее «русские реформационные движения составляют принадлежность не только русской, но и общеевропейской культурной истории на ее критическом перевале от эпохи Средних веков к эпохе Нового времени» (стр. 48). Если в Западной Европе движения социального протеста под религиозной оболочкой в целом исчерпали себя к началу XVIII в., то в России в силу особенностей ее исторического развития картина была иной. Длительное господство феодально-крепостнической системы, значительные пережитки которой сохранились вплоть до 1917 г., привело к тому, что после «первого акта» реформационных движений в России XIV — середины XVI в. и «ниточки реформационных выступлений» второй половины XVI — первой половины XVII в. начинается (со второй половины XVII в.) их «второе издание».

Автор показывает, что наряду со старообрядчеством, возникшим и развивавшимся под флагом патриархальных идеалов и в то же время являвшимся одной из форм классовой борьбы в религиозной форме, со второй половины XVII в. довольно широкое развитие (хотя старообрядчество было более массовым движением) получили сектантские религиозно-реформационные движения, в которые активно включаются крестьяне (в то время как движения XIV — середины XVI в. были городскими по преимуществу). Для второй половины XVII в. и первой половины следующего столетия характерно развитие христововерия (хлыстовщины), скопчества, субботничества. Следующие примерно сто лет, до середины XIX в., — время возникновения духоборчества, молоканства и других форм «духовного христианства»; затем, во второй половине того же столетия, заметное распространение получает штундизм, а на рубеже XIX и XX вв. — баптизм, адвентизм, евангелизм, которые автор называет «третьим изданием» реформационных движений.

А. И. Клибанов, внимательно проследивший судьбы этих течений, устанавливает, что наряду с более поздними их формами продолжал существовать и более ранние. Он отмечает изменения, происходившие внутри сектантских направлений, нап-

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 228—229.

⁴ По поводу наличия реформационных движений в России в период феодализма среди советских историков существует две точки зрения: одни считают возможным говорить об этом, другие отрицают, что явления социального протеста в религиозной оболочке носили в России реформационный характер.

пример, эволюцию христоверия и скопчества от плебейского аскетизма к бережливости и накоплению, то есть от народных движений к организациям буржуазного накопления и эксплуатации. В период империализма, когда религиозная форма социального протеста исторически себя изжила, требования сектантов (баптистов и других представителей религиозного реформаторства «третьего издания») не шли дальше конституционно-монархических пожеланий русской буржуазии, жалкой и трусливой.

Большой интерес представляют наблюдения А. И. Клибанова над ролью религиозных сект как своего рода «обводного канала» по отношению к крепостничеству и его пережиткам: они «действовали исподволь, прорывали подземные лазы и ходы для новых социально-экономических явлений», то есть для развития капиталистических отношений (стр. 75). В XIX в. в результате развития буржуазных противоречий в самой сектантской среде происходил процесс «раз демократизации» сектантских общин, очерковливания их культа и всего внутреннего строя. В конечном счете сектантство в социальном плане перерождается: начав с отрицания института церкви, оно приходит к созданию своей иерархии, господствующей над массой рядовых верующих.

Победа социалистической революции явилась началом кризиса религии, в том числе сектантства. Большинство верующих в годы Советской власти переходят на позиции материализма и социализма. Сектантские течения неуклонно идут к своему закату. Экспедиции 1950—1960 гг., изучавшие сектантские общины в ряде областей страны (в некоторых из них принимал участие в качестве руководителя и А. И. Клибанов, посвятивший их деятельности две последние главы книги), выявили, что в сравнении с предшествующими десятилетиями резко уменьшилось число сектантов и обнажилась глубокая ущербность всей социально-демографической структуры сектантства.

Если первая из рассматриваемых здесь книг А. И. Клибанова посвящена преимущественно истории сектантства в нашей стране со времени его зарождения в конце XIII — начале XIV в. до наших дней, то вторая содержит более развернутую и углубленную характеристику состояния сектантских верований в годы Советской власти. Она оригинальна по форме и содержанию, соединяя в себе научные характеристики различных течений сектантов (адвентисты и скопцы, трезвенники и меннониты, тол-

стовцы и «хлысты»-христоверы, духоборцы и молокане, субботники и другие) и авторские воспоминания о многочисленных встречах с сектантами на протяжении 40 лет, разговорах с ними по вопросам их вероучения, отношения к окружающей действительности, а также описания работы экспедиций, в которых участвовал А. И. Клибанов.

Книга, как отмечает автор, написана в социально-психологическом и этнографическом аспектах, а не в историческом или социологическом. Ее источники — записи, полевые дневники автора, отчасти газеты, журналы и архивный материал. «Мир» религиозного сектантства раскрывается в ней как бы изнутри, во всей сложности его противоречий. А. И. Клибанов показывает, как на отдельных ступенях развития советского общества рядовые верующие мучительно искали пути соединения своих религиозных представлений с глубоким сочувствием к делу строительства новой жизни и активным участием в ней; как, прежде чем перейти на позиции научного миропонимания, они, отрываясь от теологии, блуждали на путях религиозного рационализма, пантеизма, деизма. Автор прослеживает судьбы многих верующих, которым приходилось не только преодолевать собственные религиозные убеждения, но и волю руководителей религиозных сект, всячески подавлявших социальные чувства рядовых единоверцев, стремившихся замкнуть их в своей микро-среде, культивировавшей идейные установки прошлого. Огромное большинство сектантов уже с первых лет установления Советской власти увидели в ней ту общественную силу, которая выражает их коренные классовые интересы, и деятельно включились в строительство новой жизни.

Заслуживает внимания опыт общения автора с верующими, основанный на уважении к их религиозным чувствам, такте, знании вероучений религиозных сект, их обычаев, истории, умении учитывать особенности психологии собеседника. Книга убеждает правдивой, неприкрашенной характеристикой людей. Через судьбы отдельных представителей разных течений религиозного сектантства (а книга густо «населена» верующими — собеседниками автора) раскрываются общие закономерности кризиса религиозного сознания и духовного освобождения верующих в обществе, строящем коммунизм. Закрывая книгу, А. И. Клибанов задает вопрос: «В чем убедил меня личный многолетний опыт общения с веру-

ющими?» и с полным основанием отвечает: «В том, что неверующие и большинство верующих — это не «мы» и «они», а только «мы», люди, строящие совместно новую жизнь, новое общество. Нас соединяют общие дела, общий труд. Мы равно делим наши успехи, наши радости и заботы. И хотя у нас есть люди, которые еще находятся в плену отсталых представлений, мы вправе говорить о единстве нашего общества» (стр. 253).

Поскольку сущность религии как фантастической, превратной формы сознания людей осталась неизменной и в силу того, что некоторые члены нашего общества еще продолжают ее придерживаться, задача идейной борьбы с религией по-прежнему актуальна. «Партия, — говорится в ее Программе, — использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрасудков, не допуская оскорбления чувств верующих»⁵.

Ряд вопросов религиозного сектантства в России (размежевание форм социального протеста под религиозной оболочкой, например, между старообрядчеством и сектантством; явления взаимопереходимости этих форм на разных этапах исторического развития и другие) автором только намечен, но не решен. Скорее в иллюстративном, не-

жели в спонтанном плане показана роль религиозного сектантства на восточных и южных окраинах страны. Большого внимания заслуживает и сравнительно-историческое исследование форм социального протеста под религиозной оболочкой в странах Западной Европы и России, что способствовало бы более четкому выяснению специфики религиозного сектантства как социального явления в условиях крепостнической России. В недостаточной степени А. И. Клибанов разработал и важнейшие вопросы источниковедения, о дореволюционной и советской историографии русского религиозного сектантства. При рассмотрении истории религиозного сектантства в послеоктябрьский период он преимущественно остановился на судьбах его старых форм (христоверие, духоборчество, молоканство, скопчество, субботничество), между тем как наибольшую активность проявляют в настоящее время такие формы, как баптизм, адвентизм, пятидесятничество.

В целом же А. И. Клибанову удалось дать (если учесть и ранее опубликованные его исследования) полный очерк возникновения и развития массовых сектантских течений в России и показать их связь с антифеодальными и демократическими движениями в XVII—XIX веках. Его книги являются прочным научным фундаментом для последующих исследований разнообразных аспектов истории религиозного сектантства в России.

В. И. Викторов

⁵ «Программа КПСС». М. 1974, стр. 121—122.

Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ. Русско-американские отношения 1815—1832. М. Изд-во «Наука», 1975, 626 стр. Тираж 2250. Цена 2 руб. 52 коп.

Новый труд старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР доктора исторических наук Н. Н. Болховитинова является продолжением начатой им несколько лет назад работы по изучению раннего периода русско-американских отношений¹. Рецензируемая монография доводит их исследование до 1832 г., когда был подписан первый в истории взаимоотношений между Россией и США торговый

договор, создавший «основу для всего последующего развития русско-американских торговых связей в XIX—начале XX в.» (стр. 2).

Как и опубликованная ранее работа, рассматриваемая книга отличается тщательным анализом обширного круга источников — архивных документов из русских и американских архивов, а также различных публикаций. Монография насыщена материалом, впервые вводимым автором в научный оборот. Хотя русские документы продолжают оставаться главным источником исследования, материалы американского

¹ Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений. М. 1966.

происхождения использованы в работе так широко, как это еще не было сделано ни в одной из книг на данную тему, опубликованных в самих Соединенных Штатах Америки.

Монография состоит из трех частей, каждая из которых заключает в себе несколько глав-очерков. Специальный интерес представляют разделы о деятельности Российско-американской компании, проблемах иностранной торговли в русских владениях в Америке в 1820—1830-е годы, истории конвенции 1824 г. о торговле, мореплавании и территориальном разграничении на Северо-Западе. Тема Русской Америки не нова в советской историографии. Первое капитальное исследование деятельности Российско-американской компании — книга С. Б. Окуня, опубликованная без малого четыре десятилетия назад², по сей день не утратила своей актуальности, хотя Н. Н. Болховитинов оспаривает многие ее положения и существенно дополняет собранный в свое время С. Б. Окунем материал. Необходимо отметить, что в данном разделе, и это присуще всей книге, позитивное изложение проблемы, основанное на анализе источников, выступает в надлежащем историографическом обрамлении. Историографические наброски и характеристики — органическая и ценная часть работы Н. Н. Болховитинова. Однако не во всех главах историографии уделяется одинаковое внимание. В одних (гл. 2, 4, 6 и 10) она представлена более широко, в других — менее значительно. Как правило, такое положение объясняется степенью изученности той или иной проблемы.

Наряду с деятельностью Российско-американской компании важной стороной взаимоотношений США и России в рассматриваемый период была торговля. Н. Н. Болховитинов решительно пересматривает традиционные представления о незначительном объеме американского экспорта в Россию. Он приводит данные, согласно которым лишь на имя американского купца в Петербурге Дж. Д. Льюса в 1832 г. было доставлено товаров более чем на 10 млн. рублей. Это во много раз превышает официальные статистические данные США об экспорте в Россию. По подсчетам автора, общий объем американского экспорта в Россию в начале 30-х годов составлял 20—25 млн. руб. (или примерно 4—5 млн.

долл.) (стр. 572). С этими подсчетами можно согласиться, если принять во внимание тезис Н. Н. Болховитинова о том, что в американский экспорт следует включать товары, доставлявшиеся в Россию американскими купцами не только из США, но и из Латинской Америки. По аналогии с торговлей североамериканских колоний до завоевания ими независимости Н. Н. Болховитинов называет торговлю США с Россией угольной. Здесь имеется в виду, что Латинская Америка являлась органической составной частью в системе русско-американской торговли того периода, ибо на американских кораблях в Петербург доставлялось значительное количество колониальных товаров, в первую очередь кубинский сахар, бразильский кофе и т. д. «Именно латиноамериканский уголь в торговле с Россией,— пишет автор,— позволял Соединенным Штатам привозить в С.-Петербург товары, пользовавшиеся большим спросом на русском рынке, а взамен получать столь необходимые для их флота железо, пеньку, канаты и парусное полотно» (стр. 373). Обоснованием этой точки зрения служат специальная глава и статистические таблицы, составленные автором.

Н. Н. Болховитинов справедливо считает, что противоречия на Северо-Западе Америки, связанные с действиями Российско-американской компании, и урегулирование различных торговых конфликтов представляли собой важные факторы двусторонних отношений США и России. Разрешение указанных противоречий и конфликтов являлось неременным условием благоприятного развития русско-американских отношений. Вместе с тем в работе подчеркивается, что отношения эти складывались не изолированно, а в органической связи с общим ходом мировой политики. В частности, как верно отмечает автор, «важнейшим фактором русско-американского сближения оставались взаимные противоречия с Великобританией» (стр. 374).

Действительно, все важнейшие события, влиявшие на установление русско-американских отношений, могут рассматриваться сквозь призму противоречий США и России с Англией. В этом свете они и изучены применительно к основным международным проблемам того времени. Вполне естественно, что для периода, исследуемого в монографии, такой центральной проблемой были последствия создания Священного союза и провозглашения доктрины Монро. Н. Н. Болховитинов уже высказался по этому поводу

² С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М.-Л. 1939.

в специальной монографии³. Тем не менее в его новой книге данная тема занимает важнейшее место. Н. Н. Болховитинов существенно пополнил документальную базу исследования данной проблемы, по-новому осветив многие ее аспекты. Можно согласиться с его выводом, что, хотя формально доктрина Монро и провозглашенный ею «принцип неколонизации» во многом были связаны с русско-американскими отношениями, «фактически и главным образом этот принцип... был направлен не столько против России, сколько против Великобритании, обладавшей наиболее крупными колониальными владениями в Америке и являвшейся основным соперником США в борьбе за влияние в западном полушарии» (стр. 243). Автор неоднократно подчеркивает в последующем изложении, что главное для США противоречие в Англией стимулировало российско-американские отношения.

Достоинство монографии заключается в том, что автор рассматривает отношения между двумя странами не только в плоскости дипломатии, касающейся вопросов экономических, политических или военных. Он исследует русско-американские отношения не только в их межгосударственном аспекте. Он касается такой проблемы, как «США и русское общество», которой отведена третья, заключительная часть книги. В ней анализируются научные, общественно-политические и литературные связи США и России. Отдельные разделы посвящены таким темам, как американская проблематика на страницах русских журналов или «Америка и декабристы». Специальная глава отведена американским публикациям «Духа журналов», печатного органа, помещавшего на своих страницах материалы о жизни других стран, в том числе и США. В 1820 г. впервые на русском языке журнал опубликовал конституцию США и некоторые другие материалы, касающиеся преимуществ республиканского строя, что привело к закрытию журнала царскими властями осенью 1820 года. На основе анализа публикаций «Духа журналов», его полемики с другими русскими периодическими изданиями, Н. Н. Болховитинов приходит к заключению, что на страницах этого журнала впервые в русской печати был поставлен ряд острых политических проблем (свобода книгопечатания, конституционный строй, гражданские свободы и т. п.).

Советская историография накопила уже богатый материал о движении декабристов. Н. Н. Болховитинов добавляет еще один важный штрих к откликам на восстание 1825 года. На примере американской печати автор показывает, что на Западе непонимание характера и целей движения декабристов сказалось, в частности, в том, что многие усматривали в нем лишь соперничество дворцовых клик. В монографии впервые привлечены архивные материалы, характеризующие отношение официальных американских представителей к этому событию. Правительство США «получило все основные официальные документы, относящиеся к восстанию декабристов,— пишет Н. Н. Болховитинов,— но, судя по всему, не придало им серьезного значения» (стр. 520). На донесении дипломатического агента Э. Вейера о восстании декабристов государственный секретарь США Г. Клей начертал резолюцию: «Мелкая новость». Более того, посланник США Г. Миддлтон находил удовлетворение в том, что казнь декабристов была «бескровной», в чем он видел «существенный прогресс цивилизации» (стр. 521). Эти цитаты говорят сами за себя.

Наряду с бесспорными положениями монография содержит дискуссионный материал по некоторым из затронутых проблем. Возьмем для примера один из таких вопросов, имеющих более или менее существенное значение. Это общая оценка русско-американских отношений и их удельного веса в мировой политике того времени. Книга содержит в этом плане некоторый элемент преувеличения. Это проявляется как при анализе специальных сюжетов, так и в итоговых замечаниях о характере русско-американских отношений. Выше уже отмечалось, сколь плодотворны оказались усилия автора по обобщению материалов, относящихся к научно-культурным и общественным связям России и США. Но как бы успешны ни были его разыскания, они едва ли выводят нас за рамки представлений о том, что в этой области делались пока самые первые шаги, и существующие отношения находились все еще на уровне первых контактов. Научные и культурные связи только устанавливались. Незначительные масштабы и зачаточный характер этих связей нетрудно представить, сопоставив их с аналогичными связями между США, Англией и Францией или Россией и европейскими странами. Подобного рода элемент преувеличения характерен также для разделов, посвященных

³ Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро. М. 1969.

русско-американским политическим и экономическим отношениям. Думается, что даже термины «сближение» и «сотрудничество» не вполне точно отражают суть русско-американских отношений того времени. Правильнее сказать, что эти отношения были хорошими, что стороны избегали конфликтов, преодолевали противоречия и находили точки соприкосновения интересов. Нельзя забывать и о том, что хорошие отношения нередко определялись отсутствием общих интересов и столкновений по этим

вопросам. Убедительное свидетельство тому — данное самим автором объяснение, почему русско-американский конфликт по поводу доктрины Монро не был столь острым: не Россия, а Англия оказалась главным препятствием на пути американской политики в западном полушарии.

Эти замечания, однако, не умаляют достоинств монографии, являющейся серьезным достижением советской американистики.

А. А. Фурсенко

В. Н. НИКИФОРОВ. *Восток и всемирная история*. М. Изд-во «Наука». 1975. 350 стр. Тираж 5500. Цена 1 руб. 62 коп.

Марксистская историография остро нуждается в монографических исследованиях, в которых были бы прослежены общие закономерности всемирной истории на материале не только истории народов Запада, но и Востока. Особая актуальность этой задачи сегодня обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, с выходом в результате крушения колониальной системы на арену всемирной истории в качестве ее активных творцов народов Азии и Африки резко возросло число научных публикаций по различным периодам их истории и культуры. Иными словами, ныне уже накоплен богатейший конкретно-исторический материал, требующий теоретического обобщения. Во-вторых, в процессе научного познания все рельефнее вырисовывается диалектически взаимосвязанное явление: наряду с общими закономерностями истории всего человечества, открытыми еще основоположниками марксизма-ленинизма, ярче проступают многие специфические черты общественного развития Востока. Конкретно-исторический материал о странах Востока настолько велик, что возникла реальная опасность увлечения им и, стало быть, одностороннего его осмысления, вне связи с законами общечеловеческой, всемирной истории. Если в прошлом главным «порочком» был европоцентризм, то в настоящее время известное увлечение особенностями Востока может привести к своего рода «востокоцентризму», за что, например, ратуют пекинские идеологи. Мы не говорим уже об индийской борьбе вокруг афро-азиатских стран, их путей развития.

Определенным кругам как на Западе, так и на Востоке выгодно оживить стародавние идеи Ф. Лоренца или Р. Киплинга «о неисторичности» Востока, об особом его пути развития. Истинная подоплека этих попыток очевидна — внушить афро-азиатским народам, что опыт социального прогресса, уже накопленный человечеством, и прежде всего опыт мирового социализма для них непригоден, ибо они якобы идут по особому пути. Вряд ли стоит всерьез опровергать подобные измышления, служебная цель которых — ослабить союз мировых антиимпериалистических сил. Нельзя считать случайностью тот факт, что сейчас наиболее яростным атакам с разных позиций подвергается марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Противники марксизма, стремясь опрокинуть учение о формациях, определяющей роли экономического фактора, законов классовой борьбы, нередко обращаются к материалам докапиталистической истории афро-азиатских стран. Именно в изучении ранних периодов их истории мы до сих пор сталкиваемся с трудностями, связанными с недостаточностью или неясностью источников.

Эти проблемы определяют научную значимость книги доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока АН СССР В. Н. Никифорова, в которой автор, широко прибегая к историко-сравнительному методу (для сопоставления взяты факты из истории Азии, Африки, Европы и доколумбовой Америки), рассматривает вопрос об общественно-эко-

номических формациях в странах Азии и Африки.

Большое место в книге занимают размышления автора о рабовладельческом обществе на Востоке. И это надо приветствовать, ибо особенно усиленным нападкам со стороны наших идеологических противников подвергается марксистское понятие рабовладельческого общества. Поскольку из всех классовых формаций оно наиболее удалено от нас, а изучение его хуже обеспечено источниками, понятие рабовладельческого общества представляется буржуазным ученым слабым звеном в цепи учения о формациях. Отрицая существование рабовладельческого строя, они надеются опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории. Тем более отрицается ими рабовладельческий строй в странах Востока, где он имел свои особенности по сравнению с Европой. В то же время, буржуазными социологами ставится под сомнение и факт существования феодализма в Азии и Африке. В этой связи перед марксистами, в первую очередь советскими историками, стоит важная задача обобщения накопленного материала по докапиталистической истории внеевропейских стран, объективного установления общего и особенного в развитии этих стран.

Именно необходимость решения этой задачи вызвала дискуссии о докапиталистических общественных формациях, проходившие среди советских ученых в 20-х — 30-х годах, а затем вновь развернувшиеся в конце 50-х — начале 60-х годов в СССР и других странах¹. История стран Востока стояла при этом в центре внимания. В обстановке свободного творческого обмена мнениями были высказаны гипотезы, по-разному объясняющие основные этапы, пройденные восточными странами в докапиталистический период. Книга как бы подводит итог многому из того, что говорилось на дискуссиях. Первая часть ее посвящена анализу различных концепций, обсуждавшихся на этих дискуссиях, вторая — носит историографический характер, в ней показано, что проблема общественного строя стран Востока ставилась европейскими историками и философами еще с XVII в., но лишь основоположники марксизма смогли по-настоящему

включить страны Востока в единую схему всемирно-исторического прогресса, поставив в этой связи вопрос об этапах собственной истории восточных стран. Выводы основоположников научного социализма по данному вопросу важны в современной идеологической борьбе и, как свидетельствовали материалы прошедших дискуссий, обобщенные в книге, служат ключом к «разгадке» многих тайн докапиталистической истории афро-азиатских народов.

В третьей части книги на примере главным образом Ки-фая В. Н. Никифоров показывает, что факты, известные современной науке, служат подтверждением общности основных этапов докапиталистической истории восточных и западных стран. Специфические черты, встречающиеся в некоторых азиатских странах (касты в Индии, «ученое сословие» шэньши в Китае), не отменяют общих закономерностей, не означают, будто восточные страны не знали рабовладения и феодализма, которые у них заменяла якобы какая-то своя особая формация. Тем более, конечно, неверно говорить об определяющей будто бы роли в странах Востока неэкономических факторов, таких, как государство, религия и т. п.

Исследование В. Н. Никифорова может служить примером плодотворности применения для написания обобщающих трудов критико-историографического метода. В самом деле, сколько-нибудь ответственное извлечение из массы научной литературы общей концепции невозможно без предварительной критической оценки этой литературы. Историографический подход применяется в первой части книги для критического обобщения материалов недавней дискуссии, во второй части — для установления истоков современных концепций, в третьей — для извлечения из новейшей литературы сложившейся к настоящему времени картины развития стран Востока докапиталистического периода (безбрежность темы сделала вполне естественным, что эта картина набросана в третьей части книги только эскизно и требует, конечно, еще многих дополнений).

Наряду с историографическим методом автор прибегает, по мере необходимости, к другим исследовательским приемам. Так, в первой части книги он в ряде случаев от анализа научных трудов переходит к общесоциологическим построениям; во второй, разбирая некоторые места из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, применяет, по существу, источниковедческий подход к их

¹ См. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М. 1966; «Проблемы истории докапиталистических обществ». Т. I. М. 1968; «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока». М. 1971.

текстам; основные же разделы третьей части написаны в форме очерка конкретных социальных отношений; в отдельных ее разделах с картиной традиционного китайского общества бегло сравниваются (вновь в форме критического обзора литературы) известные сегодня науке основные факты об общественном строе разных стран. Автор специально выделяет Китай и некоторые другие государства, развивавшиеся в древности в относительной изоляции: такая выборочность помогает наглядней убедиться, что в странах, отдаленных друг от друга, почти не связанных, проявляются в принципе те же общие закономерности.

Лучшему усвоению трудных теоретических вопросов помогает довольно четкая структура книги, тщательно подобранные эпиграфы к отдельным частям, концовки глав. Хорошо, что автор попытался сформулировать ответ на некоторые вопросы, неясность которых вела нередко к теоретической путанице. Одним из первых в числе их следует назвать подчеркнутую в книге необходимость четко отличать рабовладельческую форму эксплуатации от феодальной (см. стр. 53—54). Трудность в том, что оба типа общественных отношений во многом сходны, особенно в неразвитом виде. И это сходство ведет к тому, что некоторые историки принимают за феодальные те примитивные формы зависимости, которые предшествовали, видимо, во всех странах развитию рабовладения (илотия в Спарте, аналогичные категории зависимости в республиках древней Индии, в государстве инков и т. п.). Автор возражает тем, кто ограничивает формы рабовладельческой эксплуатации трудом раба лишь непосредственно в доме хозяина. В этом пункте В. Н. Никифоров присоединяется к мыслям, высказанным в свое время еще В. В. Струве и С. И. Ковалевым и получившим затем отражение в работах И. М. Дьяконова, Г. Ф. Ильина и других исследователей. Он принимает также и последовательно развивает выдвинутый И. М. Дьяконовым тезис об отсутствии в странах Древнего Востока верховной государственной собственности на землю — тезис, выбивающий почву из-под теорий как особого развития азиатских стран, так и постоянного господства в этих странах (в древности и в средние века) единой якобы феодальной ренты-налога.

Особое внимание В. Н. Никифоров обращает на постоянную взаимозависимость базиса и надстройки, фактическая недооценка которой служит, как правило, причиной

многих неясностей. Сосредоточиваясь всецело на изучении экономического базиса, некоторые историки начинают в результате смешивать внешне сходные, но исторически различные экономические явления, присутствующие в разных формациях (илотия и крепостничество; наемный труд в древнем мире и в период новой истории, и т. д.). Между тем, хотя роль экономики является в конечном счете определяющей, но без участия, например, политической надстройки невозможны ни переход от формации к формации, ни окончательное оформление нового строя (это положение не относится, конечно, к становлению первобытнообщинного строя). Переключая свое внимание с базиса общества исключительно на его надстройку, иные исследователи, напротив, начинают невольно игнорировать определяющую роль экономики, сводят все к роли государственных учреждений или идеологии. Между тем общественно-экономическая формация в действительности характеризуется нерушимым единством и постоянным взаимодействием базиса и надстройки. Каждой из них соответствует конкретный уровень развития производительных сил, хотя воздействие данного фактора на экономику (как хорошо показано в книге) нельзя толковать механически.

Рассматривая определение ведущего уклада, заимствованное автором у советского индолога В. И. Павлова², В. Н. Никифоров приходит к выводу, что это определение, выработанное на материале многоукладного общества с ведущим капиталистическим укладом; применимо и к другим общественно-экономическим формациям. Этим определением подчеркивается динамический характер ведущего уклада, решающая роль воздействия его на надстройку и на общество в целом, независимо от количественного, может быть, иногда внешне незначительного удельного веса данного уклада. По-видимому, такое положение, когда ведущий — рабовладельческий — уклад количественно не преобладает, типично для многих обществ на протяжении всей или большей части их древней истории; иными словами, перед нами требующая научного признания специфическая особенность рабовладельческой общественно-экономической формации. Такое признание позволило бы лучше объяснить реальные факты истории вос-

² См. В. И. Павлов. Об условиях становления капитализма в афро-азиатском обществе «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 10.

точных стран, тогда как огульное отрицание существования рабовладельческого строя на том только основании, что он не отвечает сложившимся у тех или иных ученых представлениям, оставляет конкретный ход истории вообще без объяснения (стр. 49—54).

К достоинствам книги можно отнести и то, что теоретические построения даются в ней, как правило, на базе обильного фактического материала, как историографического, так и конкретно-исторического. Отметим новые историографические моменты: впервые прослеживаемую автором на разных ее этапах оценку восточного общества мировой наукой до К. Маркса и Ф. Энгельса и непосредственно после них; влияние «открытия» общины на представления о взаимосвязи истории Востока и всемирной истории; роль И. В. Киреевского как первого пропагандиста «общинной» теории; ошибочные моменты во взглядах на традиционное восточное общество К. Каутского, Г. В. Плеханова, А. Богданова. Что касается дискуссий 30-х годов и истории создания концепции рабовладельческого общества на Востоке В. В. Струве, то о них автор пишет кратко, поскольку факты эти уже получили в какой-то мере отражение в литературе³.

В конкретно-исторической части книги заслуживает внимания синхронический подход автора к рассмотрению основных этапов отдельно экономической, социальной и идеологической истории. В результате получается общий предположительный вывод о переломных моментах, разделяющих две различные докапиталистические общественные формации в Китае. В общем соответствующим этапам, которые намечались в работах ряда советских историков еще с середины 30-х годов⁴, они впервые обосновываются с такой полнотой теоретически.

Книга еще раз убеждает, что широта взгляда нередко позволяет тому или иному исследователю не только ясней выразить то, к чему его коллеги подходили эмпирически по частям, но и в отдельных случаях помогает скорректировать их точку зрения. Подобные примеры не единичны: например,

³ См. Н. М. Постовская. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959). М. 1961; см. также: «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. IV. М. 1966; В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.

⁴ См. А. Мишулина. Очерк о Китае в античную эпоху. «Борьба классов», 1936, № 1—2; см. также: «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость», М.—Л. 1940.

Г. Ф. Ильин, не будучи формально исследователем Камбоджи, уточнил выводы специалистов о характере древнекамбоджийского общества⁵. Ю. В. Качановский убедительно возражал знатоку средневековья А. Я. Гуревичу по вопросу о структуре феодального общества⁶. Широта общетеоретического подхода и владение методом сравнительного анализа позволяют автору, например, высказывать обоснованные соображения об общественном строе докапиталистических государств Африки, расходящиеся с выводами многих африканистов (см. стр. 255—258); в трактовке основных этапов истории Ирана в связи со всемирной историей автор, в основном принимая концепцию Н. В. Пигулевской, расходится с ней по вопросу о хронологическом рубеже между рабовладельческой и феодальной формациями (он относит его предположительно ко времени арабского завоевания). Все эти соображения автора представляются нам убедительными.

Проблема, трактуемая в книге, неизбежно касается не только многих стран и многих веков их истории, но и областей, находящихся в «ведении» смежных наук: философии, политэкономии, государства и права. Нечего и думать, что В. Н. Никифоров в состоянии был один достаточно глубоко разобраться во всех поставленных вопросах, и в то же время созданное им обобщающее исследование, стоящее на стыке различных общественных наук, отвечает острейшей потребности времени. Возникает противоречие, выход из которого — в кооперации усилий многих специалистов разного профиля. В применении к рецензируемой книге это значит, что желательно как можно более широко ее обсуждение историками, философами, политэкономистами, специалистами в области государства и права. И сам полемический тон книги, по всей вероятности, вызывает широкую дискуссию вокруг поставленных автором важных, но еще не решенных проблем исторического развития стран Азии и Африки. Во всяком случае, выход в свет книги В. Н. Никифорова даст новый импульс изучению узловых проблем всемирной истории и ее основы — формационной теории.

Г. Ф. Ким

⁵ См. Г. Ф. Ильин. Классовый характер древнеиндийского общества. «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока», стр. 164.

⁶ См. Ю. В. Качановский. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М. 1971, стр. 67—71.

И. А. ЛЕБЕДЕВ. *Внешняя политика Австралии (1939—1974)*. М. Изд-во «Наука». 1975. 295 стр. Тираж 2300. Цена 1 руб. 62 коп.

Монография доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР И. А. Лебедева является, по существу, первым в советской историографии крупным исследованием внешней политики Австралии периода второй мировой войны и грех послевоенных десятилетий. Ценность книги состоит и в том, что именно в исследуемый в ней период происходили исторически значительные для страны и сложные процессы отмежевания Австралии от ее бывшей метрополии — Англии во внешнеполитической и военно-стратегической областях, формирование новых, собственно австралийских, внешнеполитических концепций и выработка на их основе своего политического курса на международной арене.

Исследуя внешнюю политику Австралии во время второй мировой войны и в послевоенные годы, автор ставил перед собой задачу проследить, как на протяжении этого периода изменялось международное положение Австралии и формировался ее внешнеполитический курс, какую роль эта страна играет в политической системе империализма, как строились ее связи с США и другими главными империалистическими державами, какие новые тенденции наметились в австралийской политике с конца 60-х годов, в том числе в отношении Советского Союза (стр. 4—5). Кроме того, в книге характеризуется колониальная политика Австралии. Поставленные задачи решаются на основе привлечения большого количества документального и фактического материала, анализа тех факторов, под воздействием которых складывались внешнеполитические воззрения и вырабатывались и осуществлялись дипломатические мероприятия.

Если брать эволюцию внешней политики Австралии за рассматриваемый период — с 1939 по 1974 г. — в целом, то в ней, по нашему мнению, довольно отчетливо прослеживаются две тенденции. Одна из них — это линия на подчинение внешнеполитического курса страны политике ее главных союзников — сначала Англии, а затем во все большей степени США при соответственно уменьшающемся значении Англии. В период второй мировой войны и в послевоенные годы эта тенденция претерпела существенную трансформацию. Австралийская буржуазия значительно усилилась, и соответственно

снизилась степень ее зависимости от Англии, а главное — Англия ослабла, отошла на второй план, и в качестве основного союзника стали рассматриваться США. Но в австралийской внешней политике постоянно существовала и другая тенденция — стремление к внешнеполитической самостоятельности. Эта тенденция отражала сложное сплетение таких разнородных явлений, как, во-первых, нараставшие противоречия между австралийским империализмом и империализмом Англии и США и, во-вторых, усилившиеся общедемократические требования национального суверенитета, которые выдвигались широкими народными массами. Борьба этих противоположных по своей сути тенденций проходит через все этапы развития австралийской внешней политики в рассматриваемый период.

Как убедительно показано в монографии, в период второй мировой войны полностью вскрылась несостоятельность расчетов правящих австралийских кругов на мощь Англии, на помощь с ее стороны в случае угрозы нападения на Австралию. В критической ситуации, создавшейся в первой половине 1942 г., особенно после падения 15 февраля главной военной базы Британской империи в Юго-Восточной Азии — Сингапура, выявилась и неспособность Англии прийти на помощь Австралии, и безразличие британских правящих кругов к тому, что произойдет с далеким доминионом. Английское правительство игнорировало интересы Австралии, используя, например, австралийские войска только в соответствии со своими собственными стратегическими нуждами (стр. 22). У Черчилль допускал даже возможность потери Австралии в ходе войны с Японией (стр. 30). Напряженность в отношениях между Канберрой и Лондоном в этот момент находила свое отражение в полной драматизма дипломатической борьбе австралийского правительства за возвращение в Австралию ее войск, находившихся в составе британских экспедиционных сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Именно в 1941—1942 гг. начался процесс переориентации австралийской внешней политики на нового «опекуна» — США. Американский империализм, со своей стороны, предпринял активные меры политического, дипломатического, военного, экономического, пропагандистского характера с целью втянуть Австралию в орбиту своей политики

и стратегии, закрепиться на пятом континенте и ослабить там позиции Англии. Внедрение американского империализма происходило под пропагандистским прикрытием мифа о том, что якобы в 1942 г. США спасли Австралию от неизбежного японского вторжения. Автор аргументированно развенчивает фальсификации буржуазной проамериканской пропаганды и убедительно, на основе новейших исследований, показывает, что эта угроза не превратилась в реальность в результате того, что Япония не смогла собрать необходимых для проведения этой операции сухопутных войск. В Токио поэтому было принято решение изменить стратегические планы войны и отказаться от вторжения в Австралию (стр. 30—31).

Несмотря на то, что австралийское правительство в годы войны видело в США нового «протектора», австрало-американские отношения складывались отнюдь не гладко. Австралийские правящие круги к явному неудовольствию Вашингтона упорно добивались непосредственного участия в разработке планов политического и территориального переустройства после окончания войны на Тихом океане. За этими претензиями стояли, с одной стороны, возросшая в годы войны сила австралийского империализма, а с другой — недавний горький урок, когда, передоверив Лондону выработку политической и военной стратегии, Австралия оказалась перед угрозой японского вторжения. После того, как определился перелом в войне на Тихом океане, начали вырисовываться противоречия между Австралией и США. Активными дипломатическими маневрами австралийский министр иностранных дел Г. Эватт пытался добиться обеспечения интересов Австралии в том, что касается планов послевоенного урегулирования в районе Тихого океана. В результате этих маневров, в частности, появился на свет вызвавший недовольство американцев Канберрский пакт — соглашение между Австралией и Новой Зеландией, которое было призвано укрепить позиции двух стран перед лицом Англии и США (стр. 48). Это соглашение, кстати, вспоминают и сейчас как своего рода символ внешнеполитической независимости двух стран, и не случайно «пришедшие в начале 70-х годов после длительного перерыва к власти лейбористские правительства Австралии и Новой Зеландии, провозгласив лозунг самостоятельности в области внешней политики, демонстративно подтвердили «свою приверженность принципам Канберрского пакта 1944 года» (стр. 51).

И в послевоенное время, особенно в 40-е годы, когда в Австралии у власти находилось лейбористское правительство, неоднократно имели место вспышки разногласий между Канберрой и Вашингтоном по различным вопросам послевоенного урегулирования, особенно по вопросу об отношениях с Японией. Австралия выступала против милитаризации Японии и была среди западных держав главным критиком американской политики и действий в Японии (стр. 60). Однако в целом в австралийской политике преважировал проамериканский курс, что отражалось во всех важнейших международных событиях того времени, весьма рельефно проявлялось в ООН. После же прихода в самом конце 40-х годов к власти возглавляемой Р. Мензисом коалиции либеральной и аграрной партий доминирующей во внешней политике страны стала линия на максимальное военно-политическое сближение с США. Эта линия привела Австралию на крайний правый фланг империалистического лагеря. Она участвовала в агрессивной войне в Корее, стала членом военных блоков АНЗЮС и СЕАТО. Австралия в эти годы зарекомендовала себя ожесточенным противником национально-освободительного движения в соседних странах Азии и Океании. Хотя политическая зависимость от Англии значительно ослабла, Австралия продолжала оставаться верной союзницей Англии, особенно в Юго-Восточной Азии. Она входила в состав военной организации АНЗАМ, призванной охранять интересы английского империализма в Юго-Восточной Азии. Австралийские войска участвовали в 50-е годы в подавлении национально-освободительного движения в Малайе.

Втягивание страны в агрессивные планы американского империализма в Азии привело к соучастию Австралии в агрессивной войне США во Вьетнаме. С полным основанием автор характеризует эту главу в послевоенной истории внешней политики Австралии как «политику забвения национальных интересов» (стр. 123). Следование в фарватере американского империализма заводило Австралию все дальше и дальше по пути конфронтации с национально-освободительным движением и не только в тот период; возникли условия для враждебных отношений с азиатскими соседями на длительную историческую перспективу, что шло вразрез с национальными интересами Австралии. К концу 60-х годов, как обоснованно показано в книге, политика подчинения ав-

стралийского внешнеполитического курса США оказалась в тупике. Американский империализм терпел военные и политические поражения во Вьетнаме. Он попал в изоляцию на международной арене и даже в лагере западных союзников США находилось все меньше стран, которые бы поддерживали агрессию во Вьетнаме. В этом же положении оказалась и Австралия, правящие круги которой верноподданнически следовали за политикой США и Азии. Беспрецедентный размах приобрело в стране антивоенное движение, которое подрывало позиции коалиционного правительства.

В этих условиях в правящей верхушке началась переоценка политического курса, выразившаяся в постепенном отказе от некоторых сторон мензипсовского наследия жесткой привязанности к США. Предпринимаемые в этом направлении шаги были чрезвычайно осторожны, а главное, они ни в коей мере не означали, что будет затронута стержневая ось этой политики — опора на военно-политический союз с США. Имелось в виду лишь несколько уменьшить автоматизм следования за США и придать австралийской дипломатии большую маневренность, особенно в Юго-Восточной Азии. Эти новые черты во внешней политике Австралии стали проявляться в конце 60-х — начале 70-х годов. К этому времени Австралия стала приобретать все больший вес в американской политике в Азии, и изменение в политике Канберры в том, что касалось поддержки США в Азии, стало чувствительно отражаться на планах США. Показателем в этом отношении эпизод с миссией в Канберру посланца американского президента К. Клиффорда, который был направлен туда в августе 1967 г. с задачей добиться увеличения австралийского «вклада» в войну во Вьетнаме. Австралийское правительство, возглавляемое тогда весьма проамерикански настроенным Г. Холтом, отказалось увеличить контингент своих войск во Вьетнаме. Клиффорд впоследствии признавал, что отказ Австралии, а также других союзников увеличить свои силы во Вьетнаме заставил его рекомендовать президенту Л. Джонсону «сначала постепенно выпутываться из Вьетнама» (стр. 199).

Сильный стимул для дальнейших изменений во внешней политике страны дал приход к власти в декабре 1972 г. лейбористского правительства Г. Уитлема. Лейбористы провозгласили курс на придание внешней политике страны самостоятельности и динамизма, на диверсификацию внешних

связей страны. Они сразу же провели серию внешнеполитических мероприятий для практической реализации нового курса: отозвали военных советников из Южного Вьетнама, прекратили военную помощь сайгонскому и лонноловскому режимам, вывели контингент сухопутных войск из Сингапура и др. Лейбористское правительство стремилось добиться признания Вашингтоном самостоятельности Австралии во внешней политике. И хотя оно неизменно подчеркивало сохранение верности союзу с США, в Вашингтоне довольно косо смотрели на нововведения Г. Уитлема во внешней политике. В конце декабря 1972 г. и январе 1973 г., как стало известно из опубликованных дипломатических документов¹, имело место резкое столкновение между лейбористским правительством Австралии и американской администрацией из-за решения американцев возобновить массированные бомбардировки территории ДРВ. В Канберре все больше и больше стали осознавать бесплодность и опасность политики вражды и конфронтации с азиатскими народами, борющимися за свое социальное и национальное освобождение.

Реалистические тенденции наблюдаются (примерно с 1969 г.) и в политике Австралии в отношении Советского Союза и других социалистических стран. Расширились политические контакты, торговые, научные, культурные и иные связи. Под двусторонние отношения была подведена более широкая договорная база. Важную роль в развитии советско-австралийских отношений сыграл первый официальный визит австралийского премьер-министра в Советский Союз в январе 1975 года.

В ноябре 1975 г. лейбористское правительство пало. Пришедшее вновь к власти коалиционное правительство либеральной и аграрной партий уже с первых шагов своей деятельности встало на путь пересмотра внешнеполитических установок, которыми руководствовались лейбористы. В своей совокупности первые мероприятия коалиционного правительства в области внешней политики были направлены на усиление проамериканской ориентации Австралии. Так, в отличие от правительства Г. Уитлема новое правительство выступило в пользу военного присутствия США в районе Индийского океана, поддержав, в частности, американские планы расширения военно-морской базы на о. Диего-Гарсия.

¹ «Nation Review» (Melbourne), 11—17 January, 1974.

Заключая анализ австралийской внешней политики, автор подчеркивает, что следует ожидать дальнейшего роста значения Австралии в мировой политике, причем основной сферой активности этой страны по-прежнему будет оставаться Юго-Восточная Азия и западная часть Тихого океана (стр. 288).

Монография И. А. Лебедева является ценным научным исследованием. Однако представляется, что большего внимания заслуживали такие вопросы, как роль Австралии

в ООН, развитие австрало-японских отношений.

В целом книга И. А. Лебедева, дающая достаточно полное и верное представление об австралийской внешней политике, позволяет отказаться от встречающихся порой в советских публикациях по данному вопросу упрощенческих, схематических оценок (см. стр. 98, 212), существенно пополняет советскую литературу по истории пятого континента.

Н. Русланов

Ю. И. СЕМЕНОВ. *Происхождение брака и семьи*. М. Изд-во «Мысль». 1974. 308 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 18 коп.

Доктор исторических наук, профессор Ю. И. Семенов — видный специалист в области истории первобытности. Его перу принадлежат монографии и статьи¹, освещающие различные проблемы первобытной социально-экономической формации. В своей новой работе, рассматривая главным образом проблемы происхождения брака и семьи, он затрагивает одновременно широкий круг вопросов, связанных с историей, экономикой, философскими и методологическими аспектами доклассового общества и эпохи его разложения.

Особенно привлекают в книге во многом новый подход к решению сложнейших проблем, полемичность изложения, огромный фактический материал, на котором строится исследование. Некоторые взгляды были сформулированы автором еще в прежних работах, многие высказываются впервые. Читатель, если он даже не разделяет тех или иных концепций Ю. И. Семенова, получает обильную пищу для размышления, возможность сопоставить его мысли с фактическими данными, что, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке проблем истории первобытного общества.

Ю. И. Семенов, будучи последовательным сторонником основных методических и теоретических положений Л. Г. Моргана, высоко оцененных в свое время основоположниками марксизма, уделяет значитель-

ное внимание обоснованию важнейших его мыслей современными этнографическими данными, развивает его идеи, отмечая одновременно, что в его концепции устарело и нуждается в исправлении.

Анализируя отдельные явления, из которых складываются институты семьи и брака, их историческую последовательность, Ю. И. Семенов формулирует свою, едва ли не главную теоретическую установку, согласно которой он рассматривает семью и брак не как вечные институты человеческого общества, а индивидуальный брак не как единственно возможную форму регулирования отношений между полами (стр. 55 и след.). Весьма интересны взгляды автора относительно различного рода половых запретов (половые табу, экзогамия), характеризующихся им как важнейшие факторы в генезисе человека и общества (стр. 63). Касаясь проблемы происхождения человека и социогенеза, он еще раз подчеркивает высказанную уже в прежних работах² мысль о том, что при развитии от стада предлюдей до классового общества шел процесс, в ходе которого производственная деятельность вступала в противоречие с господствовавшим у животных зоологическим индивидуализмом и делала необходимым его обуздание. Следует отметить, что эта точка зрения разделяется далеко не всеми исследователями. Спорной представляется оценка существа «зоологического индивидуализма», его проявления и

¹ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М. 1966; его же. Проблема начального этапа родового общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М. 1968, и др.

² См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество.

воздействия на формирование человека. Совершенно иначе рассматривается проблема антропогенеза в некоторых новейших работах³.

В книге предпринимается попытка реконструировать историю брачных отношений у формирующихся людей на основе сравнительных данных по высшим животным (в частности, приматам), данных этологии, палеоантропологии, археологии. Хотя автор специально не касается проблемы антропогенеза, отсылая читателя к другим своим работам, тем не менее он высказывает ряд интересных мыслей, на которых следует остановиться. Так, по его мнению, австралопитеки — это «ранние предлюди». Между ними и собственно людьми эволюционно стояли «поздние предлюди». При этом, как полагает (и, очевидно, справедливо) автор, первыми существами, производящими орудия, были не люди, а их ближайшие предки, еще животные. Возможно, ими были потомки австралопитека — *Noto habilis*, вплотную подошедшие к «границе, отделяющей их от формирующихся людей» (стр. 83). Человека современного вида Ю. И. Семенов называет «готовым человеком», в отличие от формирующихся людей — археоантропов и палеоантропов. «Вместе с готовым человеком возникло и сформировалось общество. Первобытное человеческое стадо превратилось в род» (стр. 84).

По-новому в сравнении со своими прежними взглядами рассматривает Ю. И. Семенов исходную форму объединений и семейно-брачных отношений у гипотетических предков человека. Как он отмечает, новейшие наблюдения над обезьянами заставляют отказаться от прежнего предположения о «гаремной семье» как основном виде объединения у обезьян. В действительности основной является группа из матери и детей, входящая в более сложное объединение (стр. 85), форма которого в значительной степени зависит от условий окружающей среды (стр. 87). Большое значение в регулировании отношений в стаде предлюдей Ю. И. Семенов усматривает в институте доминирования, связывая с ним и появление устойчивых пар (стр. 90).

Производственную деятельность в ту эпоху Ю. И. Семенов совершенно справедливо понимает как не индивидуалистическую, а коллективную, создающую преимущества в борьбе с природой не для отдель-

ных искусных производителей, а для целых групп (стр. 106). Соглашаясь в этом с автором, нельзя не отметить, что развитие самой производительной деятельности он оценивает несколько упрощенно. «Дело в том, — пишет он, — что производственная деятельность обладала еще одной особенностью — способностью совершенствоваться без направляющего воздействия естественного отбора, способностью к самосовершенствованию, саморазвитию» (стр. 106). Думается, что в данном случае смешиваются весьма различные явления — закономерности, свойственные развитию производства у человека современного вида, и орудийная деятельность на предшествующих этапах антропогенеза. В качестве примера можно сослаться на огромные толщи культурных напластований, оставленных синантропами, орудия которых не обнаруживают большой тенденции к «самосовершенствованию» и «саморазвитию». Нельзя согласиться также с попыткой связать между собой трансформацию орудий труда и морфологический облик формирующихся людей. Автор утверждает, что «производственная деятельность, развиваясь, на определенном этапе должна была прийти в противоречие с морфологическим обликом предлюдей и потребовать его перестройки» (стр. 107). Разрешение этого противоречия Ю. И. Семенов видит в появлении «группового отбора» как средства воздействия на морфологическую организацию, явления, отличного от естественного отбора. Но каков был биологический механизм этого гипотетического группового отбора, как осуществлялось в нем выполнение «заказов» производственной деятельности (стр. 107), автор не объясняет, и, думается, это нельзя объяснить с позиций генетических зако-

Переход к использованию естественных орудий «и тем самым к охоте» вызвал, по мнению Ю. И. Семенова, «острый кризис системы доминирования», которая стала заменяться социальными связями уравнительного распределения пищи («разборными отношениями») (стр. 108—110). Эта мысль, несомненно, интересна; однако не совсем удачно, что, определяя «разборные отношения» как наиболее архаические, автор опирается на сравнительный материал по народам, далеко не самым отсталым из числа известных этнографии (эскимосов и папуасов Новой Гвинеи), уровень развития которых не может быть сопоставлен не только с археоантропами и палеоантропа-

³ См., например, Б. Ф. Поршнева. О начале человеческой истории. М. 1974.

ми, но и с ранними этапами истории человека современного вида (см. гл. 5, сн. 58).

Исключительно важен в теоретическом плане вопрос о семейно-брачных отношениях в результате перехода от биологических объединений к социальным организациям. Ю. И. Семенов прослеживает, как под воздействием производственной необходимости отношения между полами вытеснялись из сферы производственных коллективов, что приводило, по его мнению, к возникновению группового брака. Особое внимание привлекает трактовка характера промискуитетных отношений. Они рассматриваются не просто как беспорядочные связи между полами, а как система существования пар, «которые возникали и распадались в зависимости от желаний как той, так и другой стороны» (стр. 115). Подобная трактовка этой сложной и дискуссионной проблемы соответствует известным биологическим и этнографическим данным и может быть принята. Справедливым представляется также мнение, что хотя пары и существовали на ранних этапах эволюции первобытного стада, но никаких социальных норм, которые регулировали их соединение и распад, не было (стр. 116). Отсутствие последних приводило в первобытном стаде к конфликтам, отрицательно сказывавшимся на ведении хозяйства, тормозило рост производства. Во избежание этого вводились, как полагает Ю. И. Семенов, половые охотничье-производственные табу в периоды интенсивной хозяйственной деятельности (стр. 119). Автор весьма подробно прослеживает гипотетический путь оформления и развития половых табу, что, как он считает, привело к выделению в первобытном стаде «двух более или менее обособленных» мужской и женско-детской групп (стр. 120). Таким образом, во время половых табу пары исчезали. Дальнейшее совершенствование производственной деятельности расширяло сроки действия половых табу и со временем окончательно устранило пары, что имело следствием резкое возрастание единства и сплоченности первобытного стада. Происходившие в ту эпоху процессы привели, по мнению Ю. И. Семенова, как к положительным, так и к отрицательным результатам. В числе последних отмечаются факторы изоляции и инбридинга (скрещивание между родственными особями), повлекшие за собой в пору существования поздних неандертальцев застой в области разви-

тия производства и морфологической организации (стр. 130 и сл.). Выходом из этого положения оказалась дуально-стадная организация, своеобразные «котлы», «в которых быстрыми темпами шла переплавка поздних специализированных неандертальцев в *Homo Sapiens*» (стр. 145).

Освещая все эти процессы, автор рисует живую и интересную картину, высказывает много новых оригинальных предположений. Однако и здесь некоторые его взгляды спорны, так как с биологической точки зрения аргументация их представляется неполной и небезупречной. Прежде всего отсутствует ответ на главный вопрос: каковы же были причины образования новых видов в процессе антропогенеза и каков был генетический механизм «биосоциального отбора»? Трудно согласиться с автором, что в основе возникновения неантропа, человека современного вида, лежали «настоятельная производственная экономическая необходимость» и гибридизация. Едва ли многое дает в этом отношении привлекаемая гипотеза о преждевременном окончании онтогенеза (стр. 146). И в этом случае Ю. И. Семенов строит свои предположения без достаточного учета проявления генетических закономерностей в ходе естественного отбора и убедительного объяснения проявления социального отбора.

Со сложением человека современного вида Ю. И. Семенов вполне справедливо связывает появление универсального института экзогамии и родовой организации (стр. 149). Групповой брак Ю. И. Семенов рассматривает как отношения не между индивидами, а группами. Первоначальный групповой брак определяется при этом как дисэкономический, дисхозяйственный (стр. 155), констатируется отсутствие индивидуального брака и семьи (стр. 159), брак выступал в дислокальной форме: партнеры жили каждый в своем роде и встречались только периодически (стр. 179). Концепция дислокального брака не нова и вызвала многие споры. Этнография не знает ни одного народа, у которого отсутствовал бы индивидуальный парный брак, а существовал дислокальный. Ссылки на разного рода «пережитки» не всегда достаточно убедительны. Трудно согласовать гипотезу дислокального брака с наличными археологическими данными.

Возникновение парного брака и парной семьи, по мнению Ю. И. Семенова, было обусловлено дальнейшим развитием произ-

водительных сил, появлением избыточного продукта, что сделало ненужными ограничения, связанные с «разборными отношениями». Между людьми, жившими в разных родах, но образовывавшими более или менее постоянную пару, начался обмен пищей и другими продуктами труда («дарообмен») (стр. 196). Таким образом, отношения между брачными партнерами перестали сводиться только к половым, перестали быть чисто личными, а стали одновременно экономическими и социальными (стр. 196—197), отношениями «кормления, содержания или иждивения (детей.— Г. М.)» (стр. 199). Но развивались эти явления, как показывает автор, постепенно, по этапам. Возникновению парной семьи («иждивенческой ячейки, состоявшей из мужа, жены и ее детей») предшествовал этап, когда взрослые женщины были связаны, с одной стороны, с мужчинами своего рода отношениями уравнительного распределения, а с другой — с мужчинами союзного рода отношениями дарообмена (стр. 203). Со временем парный брак стал унилокальным, то есть сначала матри-, а позднее патрилокальным.

Ю. И. Семенов выступает как последовательный сторонник первичности и универсальности материнского рода. Начало его

разложения и образование отцовского рода он связывает с возникновением парного брака. Одновременно парный брак привел к замене рода как хозяйственного коллектива производственными объединениями, состоящими из семей (стр. 203). Таким хозяйственным объединением была община (стр. 210 и след.). При этом Ю. И. Семенов рассматривает различные пути формирования общин в связи с образом жизни тех или иных коллективов.

Исследуя возникновение и эволюцию моногамного брака и моногамной семьи, автор предпринимает интересную и, думается, в целом удачную попытку классифицировать развитие моногамной семьи в соответствии с различными историческими этапами.

Новая монография Ю. И. Семенова имеет большое научное значение. Критических замечаний по поводу отдельных ее положений и выводов могло бы быть еще больше. Но многие из них высказаны не в виде упрека автору, а как констатация тех больших и чрезвычайно сложных задач, которые стоят перед историками первобытного общества и в силу ограниченности фактических данных не могут еще быть решены однозначно.

Г. Е. Марков

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Акшинский В. С. *Климент Ефремович Ворошилов*. Биографический очерк. Изд. 2-е. М. Политиздат. 1976. 287 стр. 200 000 экз. 98 коп.

Белов С. В., Толстяков А. П. *Русские издатели конца XIX — начала XX века*. Л. «Наука», Ленинградское отделение, 1976. 170 стр. (История нашей Родины). 25 000 экз. 61 коп.

Бондарь А. Ф. *Большевики в борьбе за единство международного рабочего движения. 1917—1924 гг.* Киев — Донецк. «Вища школа». 1976. 152 стр. 1 000 экз. 74 коп.

Борисенков В. *Они защищали Родину*. М. «Молодая гвардия». 1976. 240 стр. 100 000 экз. 54 коп.— Очерки о героях Великой Отечественной войны.

Воробейчик Е. М. *Пламенная трибуна большевиков Закавказья*. Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1975. 92 стр. 1 000 экз. 17 коп.

Героическое подполье. В тылу денкинской армии. Воспоминания. М. Политиздат.

1976. 416 стр. 100 000 экз. 1 руб. 9 коп.

Голоса из России. Сборник А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжки 1—9. 1856—1860. Лондон. В 3-х вып. Вып. 2. Книжки 4—6. 1857—1859. М. «Наука». 1975. 141 стр. 81 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Гончаров А. Д., Луняков П. И. *В. И. Ленин и крестьянство*. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1976. 191 стр. 40 000 экз. 78 коп.

Есмагамбетов К. Л. *Действительность и фальсификация*. Англо-американская историография о Казахстане. Алма-Ата. «Казахстан». 1976. 184 стр. 5 000 экз. 87 коп.

Земелис С. В. *Хроника пламенных дней*. Несколько дней из истории Латвии. М. Политиздат. 1976. 94 стр. («Страницы истории Советской Родины»). 52 000 экз. 19 коп.

Ивушкин Н. Б. *Место твоё впереди*. М. Воениздат. 1976. 287 стр. (Военные мемуары). 65 000 экз. 71 коп.— Воспоминания о 55-й стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Ильин С. *Дорогу осилит отважный*. М. Политиздат. 1976. 112 стр. («Страницы истории Советской Родины»). 100 000 экз. 19 коп.— О строительстве железной дороги Абакан—Тайшет.

Историческое краеведение. М. «Просвещение». 1975. 175 стр. 40 000 экз. 54 коп.— Учебное пособие для студентов исторических факультетов педагогических институтов.

История Бухары. С древнейших времен до наших дней. Ташкент. «Фан». 1976. 384 стр. 2 000 экз. 2 руб. 82 коп.

История внешней политики СССР. 1917—1975. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. М. «Наука», 1976. 25 000 экз. Т. 1. 1917—1945 гг. 519 стр. 2 руб. 45 коп.; т. 2. 1945—1975 гг. 671 стр. 3 руб. 18 коп.

История Хорезмской Народной Советской Республики. 1920—1924 гг. Сборник документов. Сост. П. А. Агафонов и др. Ташкент. «Фан». 1976. 374 стр. 1 000 экз. 2 руб. 74 коп.

Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М. «Наука». 1976. 376 стр. 2 650 экз. 1 руб. 87 коп.

Каменные бабы. Каталог. Авт.-сост. Л. П. Крылова. Днепрпетровск. «Проминь», 1976. 102 стр. 3 000 экз. 32 коп.

Коваленко И. И. *Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии*. М. «Наука». 1976. 431 стр. 6 000 экз. 2 руб. 11 коп.

Коновалов Д. П. Г. И. *Опловков-Ломов*. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1976. 96 стр. («Солдаты революции»). 4 500 экз. 13 коп.

Лазаров Х. Г. *Братство, рожденное в огне*. Орджоникидзе. «Ир». 1976. 102 стр. 2 000 экз. 12 коп.— Документальные рассказы и очерки о героях Великой Отечественной войны.

Литвинова Л. *Улица Татьяны Макаровой*. М. «Московский рабочий». 1976. 151 стр. (Серия «Богатыри»). 50 000 экз. 20 коп.— Очерк о Герое Советского Союза Т. П. Макаровой.

Лихолат А. В. *Содружество народов СССР в борьбе за построение социализма. 1917—1937*. М. Политиздат. 1976. 368 стр. 17 000 экз. 1 руб. 55 коп.

Марушкин Б. И. *Советология: расчеты и просчеты*. М. Политиздат. 1976. 160 стр. 48 000 экз. 26 коп.

Наша Родина — Советский Союз. Сборник статей. Краснодар. Книжное изд-во. 1976. 238 стр. («Мы дружбой ленинской сильны»). 20 000 экз. 1 руб. 5 коп.

О Ленине. Отв. сост. Л. А. Николаева. М. «Просвещение». 1976. 463 стр. 200 000 экз. 1 руб. 7 коп.

Освободительная миссия на Востоке. Сборник статей. Сост. А. Е. Зорин. М. Воениздат. 1976. 246 стр. 30 000 экз. 53 коп. Пацурия Л. А. В. *Луначарский и интеллигенция Закавказья*. Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1976. 144 стр. 1 000 экз. 67 коп.

Первая русская революция. 1905—1907 гг. Проблемы и современность. Л. Изд-во Ле-

нинградского ун-та. 1976. 247 стр. 4 300 экз. 1 руб. 10 коп.

Плотноиков Ю. П. Я. М. *Свердлов в Туруханской ссылке*. Красноярск. Книжное изд-во. 1976. 112 стр. 3 000 экз. 19 коп.

Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М. «Наука». 1976. 387 стр. 3 400 экз. 2 руб. 48 коп.

Рабочий класс СССР на современном этапе. Сборник статей. Вып. 4. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 174 стр. 2 170 экз. 96 коп.

Рашевский Н. *Брестская область, Белорусская ССР*. Изд. 2-е, доп. и перераб. Минск. «Беларусь». 1975. 238 стр. 40 000 экз. 84 коп.

Розанов М. *Василий Андреевич Шелгунов*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л. Лениздат. 1976. 384 стр. 15 000 экз. 65 коп.— Очерк о ветеране ленинской гвардии.

Ситников В. *Виктор Грязев. 1894—1919*. Киров. Волго-Вятское книжное изд-во, Кировское отделение. 1976. 96 стр. («Революционеры Вятки»). 3 000 экз. 15 коп.— Очерк об одном из создателей большевистской организации в Вятке.

Смирнов А. С. *Большевики и крестьянство в Октябрьской революции*. М. Политиздат. 1976. 232 стр. 20 000 экз. 89 коп.

Социальное развитие села в период строительства коммунизма. Коллектив авторов. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1976. 560 стр. 5 000 экз. 1 руб. 14 коп.

Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. Сборник статей. Отв. ред. М. П. Ким. М. «Наука». 1976. 487 стр. 9 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Суслин В. М. *Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве*. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1976. 158 стр. 1 000 экз. 36 коп.

С чем связаны память и жизнь. О памятниках и памятных местах Калининградской области. Ред.-сост. А. П. Михайлова. Калининград. Книжное изд-во. 1976. 126 стр. 30 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Ушаков А. В. *Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895—1904*. М. «Мысль». 1976. 240 стр. 10 000 экз. 95 коп.

Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Сост. Н. В. Березняков и др. Кишинев. «Штиинца». 1976. 443 стр. 5 615 экз. 3 руб. 21 коп.

Царюк И. О. *В братском союзе*. Социальные преобразования экономики в западных областях БССР (сентябрь 1939—июнь 1941 гг.). Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1976. 104 стр. 1 200 экз. 62 коп.

Всеобщая история

Американский ежегодник. 1976. М. «Наука». 1976. 346 стр. 4 200 экз. 1 руб. 73 коп.

Африка в новое и новейшее время. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 213 стр. 3 300 экз. 89 коп.

Африка: проблемы социалистической ориентации. М. «Наука». 1976. 477 стр. 3 700 экз. 2 руб. 14 коп.

Белашенко Т. К. *США: 200 лет —*

200 войн. Публицистический очерк. М. Воениздат. 1976. 232 стр. 50 000 экз. 51 коп.

Бурлацкий Ф. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер — это война, диктатура...». М. «Международные отношения». 1976. 392 стр. 60 000 экз. 1 руб. 55 коп.

Вейш Я. Я. Религия и церковь в Англии М. «Наука». 1976. 183 стр. («Научно-атеистическая серия»). 16 500 экз. 64 коп.

Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. Развивающиеся страны Азии и Африки. М. «Наука». 1976. 279 стр. 8 000 экз. 1 руб. 8 коп.

Дунаевский А. Жанна Лябурб — знакомая и незнакомая. М. Политиздат. 1976. 167 стр. 200 000 экз. 34 коп.

Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы. Коллектив авторов. М. «Наука». 1976. 302 стр. 6 300 экз. 1 руб. 43 коп.

История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти т. Глав. ред. комиссия: А. А. Гречко (председатель) и др. Т. 6. Коренной перелом в войне. М. Воениздат. 1976. 519 стр. 330 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Коваль В. С. США во второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики. 1939—1941. Киев. «Наукова думка». 1976. 419 стр. 4 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Международное рабочее движение. Справочник. М. Политиздат. 1976. 334 стр. 100 000 экз. 64 коп.

Мирский Г. И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М. «Наука». 1976. 408 стр. 13 000 экз. 1 руб. 48 коп.

Мнацаканян М. О. Колониализм и его исторические формы. М. «Наука». 1976. 240 стр. 4 400 экз. 80 коп.

Основные аспекты китайской проблемы. 1965—1975. М. Политиздат. 1976. 279 стр. 10 000 экз. 1 руб. 19 коп.

Польшиков П. И. Континент в движении. Актуальные проблемы экономического развития Африки. М. «Международные отношения». 1976. 216 стр. 8 000 экз. 85 коп.

Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 295 стр. 4 600 экз. 1 руб. 21 коп.

Севостьянов Г. Н., Уткин А. И., Томас Джефферсон. М. «Мысль». 1976. 392 стр. 45 000 экз. 1 руб. 41 коп.

Семенов Г. К. Пароль — «Испания». Изд. 2-е, испр. Харьков. «Прапор». 1976. 336 стр. 75 000 экз. 68 коп.

Современный Пакистан. Экономика, история, культура. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 231 стр. 4 300 экз. 76 коп.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М. «Наука». 1975. 180 стр.

(Экономика и политика зарубежных стран социализма). 11 500 экз. 58 коп.

Социалистическая экономическая интеграция. Критика буржуазных и ревизионистских теорий, Коллектив авторов. М. «Экономика». 1976. 216 стр. 6 500 экз. 1 руб. 55 коп.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1976. 104 стр. (Из истории мировой культуры). 40 000 экз. 34 коп.

Ульяновский Р. А. Очерки национально-освободительной борьбы. Вопросы теории и практики. М. «Наука». 1976. 478 стр. 6 300 экз. 1 руб. 80 коп.

Хачатуров К. А. Противостояние двух Америк. М. Политиздат. 1976. 272 стр. 85 000 экз. 67 коп.

ЦРУ глазами американцев. Сборник материалов зарубежной прессы. Сост. О. Кедров. М. «Прогресс». 1976. 189 стр. 100 000 экз. 43 коп.

Черный А. И. Болгарская коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1948—1958 гг.). Киев. «Вища школа». 1976. 152 стр. 1 000 экз. 76 коп.

Шпирт А. Ю. Ленинская политика мира и развивающиеся страны. М. «Наука». 1976. 102 стр. 12 400 экз. 32 коп.

Экономические связи Востока — Запад: проблемы и возможности. Коллективная монография. М. «Мысль». 1976. 324 стр. 10 000 экз. 1 руб. 25 коп.

Этингер Я. Я. Межгосударственные организации стран Азии и Африки. Политические и экономические аспекты. М. «Наука». 1976. 191 стр. 3 400 экз. 63 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Георгиев З. Записки начальника штаба зоны. Пер. с болг. М. Воениздат. 1976. 189 стр. 100 000 экз. 70 коп. — Воспоминания одного из руководителей партизанского движения в Болгарии в годы второй мировой войны.

Живков Т. Избранные статьи и речи. 1965—1975. Пер. с болг. Сост. М. Балева. М. Политиздат. 1975. 583 стр. 1 руб. 33 коп.

Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. Пер. с англ. М. «Прогресс». 1976. 455 стр. 50 000 экз. 2 руб. 6 коп.

XIV съезд Итальянской коммунистической партии. Рим, 18—23 марта 1975 г. Сборник. Пер. с итал. Сост. А. А. Крылов. М. Политиздат. 1976. 327 стр. («Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий»). 46 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«История СССР» № 2, 1976. А. Л. Нарочницкий, В. И. Буганов, В. П. Шершобитов. XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории; Л. Л. Лыч. Социально-экономическое развитие Белорусской ССР в годы девятой пятилетки; М. В. Нечкина. Декабристы и проблема трех революций (к постановке вопроса); Л. М. Зак. Изучение культурной революции в СССР на современном этапе; Ю. Ю. Какх, Х. М. Лиги. О связи между антифеодальными выступлениями крестьян и их положением; О. К. Новикова. Программа мира и советско-австралийские отношения; А. Д. Будков, Л. А. Будков. К истории становления и развития Второго Баку; М. Ф. Масленников. В. И. Ленин и Карские экспедиции (1920—1924); Историки советских республик — навстречу XXV съезду КПСС.

«Советская этнография» № 1, 1976. Ю. В. Бромлей, В. Н. Басилов. Советская этнографическая наука в девятой пятилетке; С.-И. Брук. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире. (Динамика и воспроизводство населения); И. С. Гурвич. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР; С. М. Абрамзон. Нормы брака у киргизов в прошлом; В. И. Гуляев. О характере торговли у древних майя; Г. И. Дзенискевич. Сказание о Вороне у атапачков Алтая; В. П. Алексеев, Т. С. Балueva. Материалы по краниологии наукаских эскимосов. (К дифференциации арктической расы); А. А. Сукоколов. Влияние различий в уровне образования и численности контактирующих этнических групп на межэтнические отношения (по материалам переписей населения СССР 1959 и 1970 гг.); Э. Г. Аствацатурян. Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX — начале XX века; Г. Е. Афанасьев. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая балка); Я. С. Смирнова. Свадьба без новобрачных (к вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа).

«Советская этнография» № 2, 1976. Г. Е. Марков. Советский образ жизни и проблемы этнографии; С. И. Брук. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире. (Возрастная и половая структура населения, миграционные процессы, урбанизация); Б. М. Эккель. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР; Ю. В. Иванов. Влияние социально-экономических условий и этнических традиций на одежду сельских жителей (по материалам исследования греческого населения Донецкой области Украинской ССР); И. И. Крупник. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев; Э. В. Померанцева. Специфика устной прозы в свете изучения современных этнических процессов; Б. Н. Путилов. Проблемы изучения песенно-

музыкального фольклора Берега Маклая; А. А. Формозов. О работах А. Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р. Я. Журовым; С. А. Арутюнов. Многоплановость проблемы генезиса искусства; Ю. В. Кнорозов. К вопросу о генезисе палеолитических изображений; И. С. Лисевич. Древние мифы глазами человека космической эры.

«Вестник древней истории» № 1, 1976. Советская наука о древнем мире к XXV съезду КПСС; Л. Б. Алаев. Сельская община как элемент общественного строя древней Индии; Осама Эль-Нур. Культура Кермы и ее истоки; И. С. Свенцицкая. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее»; Г. А. Пугаченкова. К открытию надписей кхароштии на золотых предметах Дальверзинского клада; М. И. Воробьева-Десятовская. Надписи письмом кхароштии на золотых предметах из Дальверзин-тепе; В. П. Толстиков. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана.

«Исторические записки» Института истории СССР Академии наук СССР. Вып. 95. 1975. К 70-летию первой русской революции. М. С. Волин. Большевицкая партия — вождь рабочего класса, вождь революционного народа. (К 70-летию III съезда РСДРП); Г. М. Деренковский, С. В. Тюкавкин. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг.; Т. П. Бондаревская. В. И. Ленин в Петербурге в 1905 г.; В. В. Шелохаев. Провал деятельности кадетов в массах (1906—1907 гг.); М. С. Симснова. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии; Д. А. Колесниченко. Из истории борьбы рабочего класса за крестьянские массы в 1906 г.; Б. И. Гаврилов. К истории восстания на броненосце «Потемкин»; П. Н. Зырянов. Православная церковь в борьбе с первой русской революцией.

«Рабочий класс и современный мир» № 2, 1976. А. И. Соболев. Революционно-преобразующая деятельность рабочего класса; Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Т. А. Петров. К изучению социалистического образа жизни: развитие быта советских рабочих в ретроспективе и перспективе; В. И. Морозов. Материализация международной разрядки и страны — члены СЭВ; Г. Холл. Кризис империализма США и рабочее движение; Г. Петреску. Роль рабочего класса Румынии в построении всесторонне развитого социалистического общества; Л. Б. Москвин. О социальных аспектах европейской разрядки и сотрудничества; В. В. Крутоусов. Некоторые особенности антивоенного движения в ФРГ; А. Б. Кобяков, В. Г. Рупец. «Левые» католики и демократический социализм.

«Преподавание истории в школе» № 2, 1976. Под ленинским знаменем; И. Б. Берхин. Год, завершивший пятилетку; Ю. С. Кукушкин. XIV Международный конгресс исторических наук.

«Советские архивы» № 2, 1976. За высокую эффективность общественного произ-

водства и повышение качества работы (документы 1965—1975 годов). (Публикацию подготовил И. И. Белоносов); Г. С. Акимова, Т. Г. Архипова, Т. М. Смирнова. Реорганизация государственных органов управления промышленностью и вопросы фондирования документальных комплексов; В. С. Мингалев, Э. Л. Оганесян. Вопросы автоматизации контроля исполнения документов; Р. А. Поспелова, Е. В. Предейн. Организация делопроизводства в НИИ и проектно-конструкторских организациях; М. Я. Капран. Международное сотрудничество советских архивных учреждений; О. Ф. Козлов. К вопросу об определении предмета советской археографии; А. А. Кузин. О некоторых вопросах экспертизы ценности и использования кинофото документов; Аэрофлот в годы Великой Отечественной войны. (Публикацию подготовил И. А. Рубин); Волнения в Семеновском полку. (Публикацию подготовил Б. С. Абаляхин); С. П. Стрелкопытов. Документы по истории научно-технического отдела ВСНХ; П. М. Савельев. Документы о строительстве Новгородского химкомбината и развитии химического машиностроения в г. Старая Русса; Н. С. Зелов. К 200-летию Большого театра СССР (по материалам ЦГАОР СССР).

«Украинский исторический журнал» № 3, 1976. Ленинским путем к коммунизму; В. К. Василенко. Возрастание руководящей роли КПСС — важная закономерность развития советского общества; П. П. Панченко, Н. Р. Плющ. Достижения Союза ССР в области экономики в девятой пятилетке; П. М. Калениченко, А. В. Санцевич. Источниковедение на Украине (1971—1975 гг.); П. Д. Овчаренко. Сотрудничество советских республик в укреплении союза науки и производства (1959—1975 гг.); Т. В. Фиников. Студенческие строительные отряды Украинской ССР на сооружении народнохозяйственных объектов страны (1966—1975 гг.); В. П. Колесник. Сотрудничество местных комитетов КПСС и ПОРП пограничных областей Советского Союза и воеводства Польской Народной Республики (1956—1975 гг.); И. И. Коломийченко. Начало массового социалистического соревнования в селах Украинской ССР; А. Г. Мединцев. Совершенствование административно-территориального устройства и структура местных Советов Донбасса в 1926—1932 гг.; Ю. А. Лимонов. «Хроника Польши» Матвея Меховского и ее древнерусские источники; В. М. Кулаковский. Изучение восстания декабристов на уроках истории; В. А. Сидоренко. Памятные места декабристского движения в Киеве.

«Исторический опыт Великого Октября». Сборник статей к 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца. Отделение истории Академии наук СССР. М. 1975. В. Е. Иллерицкий, В. П. Наумов. Творческий путь академика И. И. Минца; П. Н. Поспелов, Г. А. Трукан. Капитальное исследование истории Великого Октября; А. З. Манфред. Мономентальный труд об Октябрьской револю-

ции; А. Я. Манусевич. Вопросы международного значения Октябрьской революции в трудах И. И. Минца; М. А. Молодцыгин. Вопросы защиты завоеваний Октября в трудах академика И. И. Минца; П. В. Агапов, Г. Л. Агапов. Штрихи к портрету комиссара И. И. Минца; Е. Д. Соловьев, А. И. Чугунов. Выдающийся пропагандист исторического опыта Великого Октября. (О творческой связи академика И. И. Минца с войнами пограничных войск СССР); И. Н. Злоказов. В боевых рядах 2-й Украинской повстанческой дивизии. Воспоминания комиссара полка; П. Н. Федосеев. Интернациональное значение исторического опыта Великого Октября; Ю. А. Поляков. Некоторые черты вооруженной борьбы в годы гражданской войны; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской вооруженной революции; Н. И. Супруненко. К вопросу об установлении Советской власти на Украине; Х. Ш. Иноят-ов. Некоторые вопросы истории пролетарской революции в Средней Азии; Л. М. Спирин. О тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям в годы гражданской войны; Е. Г. Гимпельсон. Создание советской системы руководства народным хозяйством; З. Л. Серебрякова. Областные съезды Советов в 1918 году (январь — июнь); А. Д. Малевский. Движение трудового крестьянства за расширение сельскохозяйственного производства в 1917 г.; В. И. Миллер. Фронтной съезд Юго-Западного фронта (май 1917 г.); Т. Ф. Кузьмина. Борьба против корниловщины в Московском военном округе; Л. М. Зак. Из истории французских интернационалистов в 1919 г.; А. С. Сумбатзаде. О социально-экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции и закономерности победы Советской власти на юго-восточных окраинах России; М. Е. Раковский. О военно-политическом союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства на юге Украины (1918—1920 гг.); Ц. П. Агаян. Особенности социально-экономического развития Закавказья накануне победы Советской власти; И. М. Игнатенко. Белоруссия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции; А. Б. Либман, В. А. Маамяги. Участие эстонских трудящихся в Ледовом походе Балтийского флота; В. А. Штейнберг. Коммунист Карл Янсон; Г. В. Васильев, В. А. Куманев. К истории краха кадетско-корниловской контрреволюции (июль — август 1917 г.); Г. З. Иоффе. Российская монархическая контрреволюция и германский империализм в 1918 г. Провал антисоветских заговоров; Н. Ф. Славин. Статья В. И. Ленина «О компромиссах»; Е. А. Луцкий. Воспоминания Г. К. Орджоникидзе о подполье В. И. Ленина в июле 1917 г.; Э. Б. Генкина. О значении протоколов Совнаркома как исторического источника (ноябрь 1917 — март 1918 г.); Е. Н. Городецки. Страницы истории обороны Петрограда в феврале 1918 года; А. В. Игнатьев. Обзор советской литературы о внешней политике

Временного правительства; А. И. Зевелев. Из истории освоения ленинской концепции истории КПСС (20-е — середина 30-х годов); А. Е. Иоффе. Советская историография Генуэзской конференции; Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историография борьбы за власть Советов в Молдавии; О. Ф. Соловьев. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России в годы гражданской войны.

«Известия» Сибирского отделения Академии наук СССР № 1, 1976. Серия общественных наук. Вып. 1. И. И. Комогорцев. Новый исторический этап индустриального развития Сибири; В. С. Иванова. Общеобразовательная и профессиональная подготовка железнодорожников Западной Сибири в годы пятой пятилетки; В. В. Сухих. О местоположении памятников археологии XVII в. в верхнем течении Амура и Зеи; В. Д. Кубарев, Ф. Б. Бакшт. Новые археологические памятники между речья Бар-Бургазы и Юстыда (Восточный Алтай); А. Я. Кряжев. Извращение маюстами ленинской национальной политики; В. Е. Ларичев. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Китая; Т. И. Кошина. Керамика поселения культуры яншао, датированных радиоуглеродом; Ю. М. Бутин. О погребениях Древнего Чосона.

«Известия» Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 1, 1976. Э. А. Забродский. Социалистическое соревнование и научно-технический прогресс в промышленности Белоруссии (1966—1970 гг.); А. А. Трескунов. Международные связи профсоюзов Белоруссии (1966—1970 гг.); Р. Е. Яцкевич. Основные направления партийного руководства обучением и воспитанием школьников в духе ленинских заповедей (из опыта деятельности КПБ в 1961—1971 гг.); Г. Д. Кнатько. История происхождения и формирования фонда рукописных журналов партизан Белоруссии; Н. Л. Рябцевич. Об отграничении крестьянских земель от помещичьих владений в Минской губернии (1869—1913 гг.); Е. Г. Калечиц, П. Ф. Калининский. По следам находок ископаемой антропогенной фауны с целью поисков палеолита.

«Известия» Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук № 1, 1976. Е. А. Аслаилов. Торговые взаимоотношения с Россией в первой половине XIX века; Т. В. Савельева. К истории археологического изучения Казахстана (1917—1975 гг.).

«Известия» Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук № 3, 1975. Л. Е. Репида, Д. С. Табан. Состояние национализированной в 1940 году промышленности правобережных районов Молдавской ССР; А. И. Мамалыга. Некоторые данные по истории аграрных отношений в Балтском Приднестровье в пореформенный период; С. С. Куроголо. Поминальные обряды и обычаи гагаузов в XIX — начале XX в.; М. В. Маруневич. Некоторые обряды и поверья гагаузов, связанные с жилищем.

«Известия» Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 6, 1975. И. Мурадов. Трудовые коллективы стекольных заводов ТССР в борьбе за восстановление и техническое развитие предприятий (1946—1958 гг.); А. Пашиков. Предпосылки земельно-водной реформы в Тедженском районе; Ч. Язлыев. Сельская община и земледельческие объединения у туркмен Иолотанского оазиса в конце XIX — начале XX в.; Е. А. Рослякова. Социальные мотивы религиозной политики Аурангзеба (1658—1707 гг.).

«Общественные науки в Узбекистане» № 1, 1976. Ш. Р. Рашидов. Язык братства и дружбы народов; Вдохновляющие перспективы; Ученые-обществоведы АН УзССР навстречу XXV съезду КПСС; Б. Х. Самарходжаев. К проблеме совершенствования органов государственного управления в условиях научно-технического прогресса; Г. А. Абдурахманов. Некоторые итоги и перспективы подготовки специалистов высшей квалификации в Узбекистане; Н. Тажибаев. Братское сотрудничество тружеников промышленности Узбекистана и Таджикистана на современном этапе; Н. Сатаров. Из истории подготовки промышленных кадров в Узбекистане (1945—1950).

«Вестник» Московского университета № 1, 1976. Серия IX. История. Ю. С. Кукушкин. Историческая наука в МГУ в период между XXIV и XXV съездами КПСС; Т. А. Сивохина. Рабочий класс СССР периода развитого социализма (вопросы историографии); Т. А. Фидрус. Вьетнамская проблема и борьба партий в Швеции 1965—1973 гг.; И. Л. Пейч. К истории восстановления дипломатических отношений между Россией и Болгарией в 90-е годы XIX века; Б. С. Сайпанов. Проблема «серебряного кризиса» денежного обращения на Востоке в нумизматической литературе; Г. И. Матюшкина. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970—1973 гг.; В. И. Авдиев. Взаимоотношения Египта с Передней Азией в период гиксосского завоевания; Н. М. Казакова. Образы «культурных героев» в мифологии эвенков; К. А. Арутюнов. Об использовании документально-иллюстративных материалов в преподавании истории советского общества в высшей школе.

«Вестник» Московского университета № 2, 1976. Серия IX. История. М. Р. Зеина. О некоторых основных тенденциях динамики интеллигенции союзных республик в эпоху развитого социализма; Л. В. Кошман. Фабричные школы в России в первой половине XIX в.; Л. П. Лаптева. К истории русско-славянских отношений 50—70-х годов XIX в. (А. Ф. Гильфердинг и его письма М. Ф. Раевскому); Ю. В. Кунед. Новый этап борьбы английских тред-юнионов за легализацию (1872—1875 гг.); Е. А. Киселев. О приемах исследования некоторых приправочных книг второй половины XVI века; Г. Д. Вардумян. Государственные религиозные культуры армян (VII в. до н. э.—IV в. н. э.); А. А. Молчанов. О социальной структуре Новгорода начала XI в.

«Ивестия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. *Общественные науки* № 1, 1975. С. И. Бернард. Партийные организации Северной Осетии в борьбе за обеспечение промышленности рабочими кадрами в годы Великой Отечественной войны; Т. Х. Кумыков, В. И. Ленин об особенностях социально-экономического развития Кавказа; Д. И. Литовцев. Освобождение Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков; Г. Х. Мамбегов. Адыгское крестьянство в творчестве А. Г. Кешева; Э. Д. Осколкова. Историография разработки и осуществления Коммунистической партией нэпа (1921—1925 гг.); П. Г. Рындзюнский. Мануфактура, и фабрика в экономической истории России XIX века; С. М. Хоролец. Современная историческая литература о некоторых вопросах борьбы Северо-Кавказской партийной организации за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы нэпа; М. П. Юфит. Железнодорожники Северного Кавказа в первый период Великой Отечественной вой-

ны; Ж. А. Калмыков. Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890—1917 гг.); Вал. Вл. Мавродин. Перевооружение казачьих войск стрелковым оружием во второй половине XIX века; В. Н. Ратушняк. Частное землевладение в Кубанской области во второй половине XIX — начале XX века.

«Ивестия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы. *Общественные науки* № 2, 1975. Ю. П. Денисов. Советы колхозов (1969—1973 гг.); Г. П. Гавриленко. Вопросы завершения социалистической реконструкции народного хозяйства в «Очерках истории партийных организаций Северного Кавказа»; М. А. Абдуллаев. Некоторые итоги и задачи критики идеологии ислама на Северном Кавказе; В. П. Крикунов. 100-летие «Южнороссийского союза рабочих» и некоторые вопросы изучения его истории; А. Л. Шаулов. К истории железнодорожной тарифной политики царизма в конце XIX века; А. А. Пушкарёнок. Научный центр и развитие студенческих исследований на Северном Кавказе.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. М. ВОЛИНА

Борис Михайлович Волин принадлежал к плеяде известных государственных и партийных деятелей СССР, организаторов советской печати, пропагандистов и публицистов. Он родился 1 июня 1886 г. в Глубоком, Дисненского уезда, Виленской губернии, в семье мелкого служащего; в возрасте 15 лет окончил Екатеринославское городское училище и с тех пор вплоть до 1917 г. вел жизнь профессионального революционера. В 1903 г. он вступил в Екатеринославскую молодежную организацию РСДРП, а в августе 1904 г. был принят большевистской организацией Екатеринослава в ряды РСДРП и в дальнейшем всю свою жизнь отдал делу ленинской партии. Летом 1905 г. Б. М. Волин введен в состав Екатеринославского большевистского комитета. За активную революционную деятельность, усную агитацию и письменную пропаганду (выпуск листовок) дважды арестовывался полицией и заключался в тюрьму. В декабре 1905 г. он являлся одним из организаторов вооруженного восстания на Екатерининской железной дороге, в 1906 г. руководил большевистской организацией Брянско-Мальцевского промышленного района (с ячейками в Брянске, Бежице, Паровозной Радице, Стеклойной Радице, Дятькове, Ивоти и др.) и участвовал в партконференциях

Центрального промышленного района. После первой русской революции направлялся на революционную партийную работу в ряд фабричных центров, в 1907—1908 гг. входил в Уфимский большевистский комитет, был организатором и редактором нелегальной газеты «Уфимский рабочий», затем вел революционную пропаганду на Урале и вновь на станциях Екатерининской железной дороги. Был схвачен полицией на Катав-Ивановском заводе, сидел в одиночной камере Уфимской тюрьмы и потом вплоть до 1911 г. состоял под полицейским надзором.

Спасаясь от жандармских преследований, Б. М. Волин эмигрировал во Францию, где зарабатывал на жизнь уроками детям эмигрантов. В 1913 г. возвратился в Россию, сдал в Орле экстерном экзамены на гимназический аттестат зрелости, поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его весной 1917 года. Все это время он продолжал участвовать в организационно-пропагандистской большевистской работе, писал прокламации, организовывал нелегальные явки. С...первых дней Февральской революции Б. М. Волин был введен в состав Московского комитета РСДРП(б) и его исполнительный комиссии, являлся соредктором большевистской га-

зеты «Социал-демократ», был избран гласным Московской городской думы и секретарем ее большевистской фракции, затем председателем Замоскворецкой районной управы. В ряде прокламаций и статей он отстаивал ленинские «Апрельские тезисы» и курс VI съезда партии на вооруженное восстание. Тогда же увидела свет его первая крупная работа — брошюра «Интересы пролетариата в городском самоуправлении».

В дни Великого Октября Б. М. Волин принимал активное участие в организации и проведении вооруженного восстания в Москве, будучи председателем Военно-революционного комитета Замоскворечья. После победы Советской власти он был назначен заведующим отделом районных дум в Моссовете и продолжал работать как член исполнительной комиссии МК РСДРП(б). В период борьбы за заключение Брестского мира выступал против «левых коммунистов», активно отстаивая ленинскую позицию по вопросу о мире. Затем был введен в редколлегию газеты «Правда», некоторое время работал в 1918 г. ее ответственным редактором, являясь также членом ВЦИК. Первые успехи Советской власти и перспективы дальнейшей реализации большевистской партийной программы нашли тогда же отражение в его книге «Программные вопросы» (М. 1918).

Когда Советская Россия оказалась в кольце фронтов, Б. М. Волин стал одним из тех, кого партия направила для укрепления власти рабочих и крестьян на местах. В 1918—1919 гг. он был председателем Орловского губисполкома и одновременно членом бюро Орловского губкома РКП(б), а затем редактором газеты «Орловская правда». В 1919 г. стал секретарем Брянского губкома РКП(б), после чего, будучи инструктором ЦК партии, участвовал в рейсе агитационного парохода «Красная Звезда» по маршруту Нижний Новгород — Симбирск — Самара — Саратов — Царицын, предпринятом с пропагандистской целью по району, где бушевала гражданская война. Был делегатом VIII и IX партсъездов. В 1919—1920 гг. работал председателем Костромского губисполкома, являясь одновременно членом бюро Костромского губкома РКП(б), в 1920—1921 гг. — председателем Харьковского губисполкома, членом бюро Харьковского губкома РКП(б) и членом ВУЦИК; наконец, в 1921 г. — заместителем наркома внутренних дел УССР. Все это время Б. М. Волин постоянно про-

должал выступать в печати по вопросам текущей политики, партийного и советского строительства. В 1920 г. увидела свет его книга «Уставные вопросы», в которой он рассмотрел историю развития устава РКП(б) с 1903 г. и остановился на значении повседневной организационной деятельности партии.

В 20-е годы ЦК партии направлял Бориса Михайловича то на один пост, то на другой. Вот краткий их перечень: редактор «Агит-Роста» (1921—1922 гг.), организатор и затем редактор газеты «Рабочая Москва» (1922—1924 гг.), редактор газеты «Вечерняя Москва» (1924 г.) (занимая две последние должности, он был избран депутатом Моссовета и вновь членом МК РКП(б)), первый секретарь советского полпредства в Париже (1924—1925 гг.), заместитель ответственного редактора газеты «Известия ЦИК СССР» (1925—1926 гг.), директор Венского отделения ТАСС (1926—1927 гг.), член коллегии и заведующий отделом печати Наркоминдела СССР (1927—1929 гг.). Борис Михайлович неизменно продолжает в эти годы литературную работу. Увидели свет его первые воспоминания «Октябрь в Москве» (брошюра издана в Орле; также в сборнике статей «Октябрьские дни в Москве и районах». М. 1922) — жанр, которому впоследствии он неоднократно уделял внимание. Находясь в Париже, он использовал архивные документы и опубликовал в 1926 г. любопытное исследование «Русский посол о Парижской Коммуне». Затем были изданы две его книги на русском, немецком, французском и английском языках: «Анти-советские подлоги» (М. 1926) — разоблачение белогвардейских и империалистических антисоветских фальшивок и «Борьба за мир» (М. 1929) — о миролюбивой внешней политике Советской власти. В брошюре «Восставшая Вена» (М. 1927) автор рассказывал читателям о традициях австрийского рабочего движения и об июльском восстании 100 тыс. венских рабочих в 1927 году. Брошюра «Навстречу нуждам московских рабочих» (М. 1929) была посвящена условиям труда и быта столичного отряда рабочих в начале первой пятилетки.

В 1929—1931 гг. Б. М. Волин, являясь членом бюро Нижегородского крайкома ВКП(б), трудился как ответственный редактор газеты «Нижегородская Коммуна» и в качестве делегата принимал участие в работе XVI партсъезда, а в 1931—1935 гг. занимал одновременно два важных поста, будучи директором Института красной про-

фессуры и начальником Главлита РСФСР. В 1935 г., когда в ЦК ВКП (б) был создан отдел школ, Б. М. Волин стал первым его заведующим, а в 1936—1938 гг. был первым заместителем наркома просвещения РСФСР, потом в течение года директором Института обучения партийного актива при ЦК ВКП (б) и вплоть до начала Великой Отечественной войны — заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Московском институте истории, философии и литературы. Важнейшим печатным трудом Б. М. Волина тех лет была «Политграмота». Эта книга огромным тиражом выпускалась в 1932—1936 гг. на языках народов СССР и иностранных, многократно переиздавалась и сыграла свою роль в деле коммунистической агитации и пропаганды. Серьезное значение для воспитания подрастающего поколения в духе советского патриотизма, любви к России, уважения ее исторических и революционных заслуг имели брошюры Б. М. Волина «Великий русский народ» (М. 1938) и «Гражданин СССР» (М. 1939).

С началом Великой Отечественной войны Борис Михайлович активно включился в напряженную агитационную работу по идейной мобилизации советских людей на борьбу с врагом и по разоблачению фашистской пропаганды. Этим целям отвечала его брошюра «О чем свидетельствует история войн» (М. 1941). В октябре 1941 г. он был послан Культпропом ЦК ВКП (б) на Западный фронт как лектор и под Дорогобужем вместе с воинским соединением, которое он сопровождал, оказался в окружении. Установив связь с местными партизанами, старый большевик принял участие в их патристической борьбе, был избран секретарем парторганизации партизанской группы, затем стал одним из организаторов партизанских отрядов в Дорогобужском районе, Смоленской области, и руководил в местных колхозах сетью подпольных лазаретов. Тяжело заболев, он весной 1942 г. был переброшен через линию фронта и использовал временный перерыв во фронтовой лекторской деятельности, чтобы обобщить первый опыт партизанского движения и дать ему историко-теоретическое обоснование в брошюре «Всенародная партизанская война» (М. 1942). Тому же делу борьбы с фашистскими захватчиками и политического воспитания ее славных участников служили его брошюра «Великое 25-летие» (к годовщине Октября. М. 1942) и книга «Великая советская держава» (М. 1943). Борис Михайлович продолжал использовать

свое перо публициста-большевика в этих целях вплоть до конца войны. А всего за ее годы им опубликовано на исторические, политические и военно-патристические темы до 40 книг, брошюр и статей, а также ряд листовок и иных агитизданий. С 1943 г. он снова на фронте: выступает с докладами и лекциями перед офицерами и солдатами на переднем крае, организует работу армейской, корпусных и дивизионных газет, ведет антифашистскую контрпропаганду.

В 1944 г. Б. М. Волин стал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, а еще через год занял ту же должность в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б).

15 предыдущих лет жизни Б. М. Волина были тесно связаны с работой в журналах. Дело в том, что наряду с работой, о которой говорилось выше, в те годы Борис Михайлович одновременно редактировал ведущие печатные органы историков нашей страны. Вот как характеризовалась эта его работа в 1957 г.: «Он был редактором массового научно-популярного журнала «Борьба классов», впоследствии переименованного в «Исторический журнал». Под руководством Б. М. Волина этот журнал превратился в боевой большевистский орган пропаганды марксизма-ленинизма. На основе исторического опыта классовой борьбы журнал вел решительную борьбу с попытками ревизионизма марксизма-ленинизма и различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории. На посту редактора такого журнала были особенно ценны качества Бориса Михайловича как стойкого большевика и высокообразованного опытного пропагандиста. Журнал приобрел огромную популярность среди широких читательских масс, интересующихся историей (партийного и комсомольского актива, преподавателей, пропагандистов, студентов и др.). В яркой и доходчивой форме он знакомил своих читателей с историческими событиями. Борис Михайлович завязал широкие связи с читательскими массами, в журнале была открыта «Трибуна читателя», «Отдел консультаций», проводились читательские конференции, обсуждались планы журнала и т. д. Борис Михайлович сумел привлечь к сотрудничеству в журнале наряду с известными старыми учеными и молодые авторские кадры. Он добивался того, чтобы статьи, обладая серьезным научным содержанием, были написаны ярким и популярным языком. Борис Михайлович хорошо работал с редакционным коллекти-

вом, всегда подхватывал и поощрял ценную инициативу редакционных работников... Б. М. Волин продолжал работать в «Историческом журнале» и после его слияния с журналом «Историк-марксист». Он был заместителем редактора «Исторического журнала» и «Вопросов истории». Борис Михайлович до последних дней своей жизни сотрудничал в нашем журнале. В 1954—1956 гг. в журнале «Вопросы истории» были напечатаны его статьи и воспоминания¹.

Трудясь с 1945 г. в ИМЭЛе, Б. М. Волин являлся членом Ученого совета института, руководил аспирантами и за время деятельности в ИМЭЛе создал ряд значительных работ², в том числе о жизни и деятельности В. И. Ленина. Ленинская тематика прочно овладела творческими интересами Бориса Михайловича, и теперь его давние замыслы в этой сфере начали претворяться в жизнь. Первая его статья по ленинской тематике с начала работы в ИМЭЛе была посвящена В. И. Ленину в годы после первой русской революции³. Большую ценность представляла брошюра «Статистика и политика»⁴. В ней Б. М. Волин показал, как В. И. Ленин пользовался статистикой, сам производил соответствующие выкладки, разрабатывал и составлял таблицы, иллюстрирующие определенные положения или явившиеся отправными пунктами для теоретических и политических выводов. 17 апреля 1947 г., к 30-летию Апрельских тезисов, Б. М. Волин выступил с публичной лекцией на эту тему. Затем лекция была издана отдельной брошюрой. Но еще раньше он опубликовал несколько статей об Апрельских тезисах⁵. В

брошюре охарактеризованы статьи и письма, написанные В. И. Лениным в Швейцарии и непосредственно предшествующие по времени тезисам, потом дан обстоятельный анализ всех десяти тезисов и раскрыты обстоятельства принятия их VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференцией. Специально об этой конференции вышла работа Б. М. Волина в серии Госполитиздата «Съезды и конференции ВКП(б)»⁶. В ней охарактеризованы обстановка в стране после Февральской буржуазно-демократической революции и обстоятельства возвращения В. И. Ленина из эмиграции, рассказано о ходе Апрельской конференции, ее решениях, показано историческое значение этой конференции как знаменательной вехи на пути к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Большое внимание уделял Б. М. Волин изучению раннего теоретического наследия В. И. Ленина, его жизни и деятельности в Поволжье. Б. М. Волин был первым, кто осветил историю создания и значение самой ранней работы В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», написанной весной 1893 г. в Самаре и посвященной книге В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», вышедшей в Москве в 1891 году. Б. М. Волин справедливо подчеркивал, что в этой ленинской статье сформулированы идеи, явившиеся основой дальнейшей борьбы русских марксистов против идеологии народничества⁷. Значительный интерес представляла работа Б. М. Волина о втором, не найденном выпуске книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». На этом примере можно наглядно увидеть, сколь опытным исследователем был Борис Михайлович. Он относился к тем, кто считал, что второй выпуск ленинского труда был издан и что надежда на его разыскание имеет реальные основания (в отличие от тех, кто выражает сомнения в том, что второй выпуск вообще издавался). Б. М. Волин внимательно проанализировал свидетельства В. И. Ленина о втором выпуске и все то, что было известно (ко времени написания статьи) об этом

¹ «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 222.

² Б. М. Волин. Борьба рабочих и крестьян нашей страны за свержение власти помещиков и капиталистов, за построение социализма в СССР. Вып. 1—2. М. 1946 (то же — М. 1947); его же. Как рабочие и крестьяне установили Советскую власть и отстояли ее в гражданской войне. М. 1946; его же. Борьба за победу социализма в СССР. Таллин. 1949, и др.

³ Б. М. Волин. Борьба Ленина против реакционной идеологии в годы столыпинщины. «Пропагандист», 1945, № 12.

⁴ Б. М. Волин. Статистика и политика. М. 1947; М. 1950; М. 1952.

⁵ Б. М. Волин. «Апрельские тезисы» В. И. Ленина. «Московский пропагандист», 1945, № 1; его же. Апрельские тезисы В. И. Ленина. «Молодой большевик», 1947, № 4; его же. В апрельские дни 1917 года. «Советское студенчество», 1947, № 4; его же. Тридцатилетие Апрельских тезисов В. И. Ленина. «Партийная жизнь», 1947, № 6; его же. Апрельские тезисы В. И. Ленина, М. 1947; М. 1951.

⁶ Б. М. Волин. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). М. 1950.

⁷ Б. М. Волин. О первой работе В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». «Вестник» Московского университета, 1949, № 1; его же. О работе В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». М. 1952.

из других источников — воспоминаний современников и полицейских документов, — и пришел к упомянутому выводу, а также попытался решить неимоверно трудную задачу: восстановить хотя бы в общих чертах тематику этого выпуска. Данную задачу он решал на основе скрупулезнейшего изучения послесловия В. И. Ленина (к первому выпуску) «От издателей», текста первого и третьего выпусков, анализа статей С. Н. Южакова, которые В. И. Ленин разбирал во втором выпуске, а также ленинских работ «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» и других материалов⁸.

Б. М. Волин написал ряд статей и книг о жизни и деятельности В. И. Ленина в Поволжье — Симбирске, Казани и Самаре в 1870—1893 гг., с большой полнотой используя документы Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, воспоминания о В. И. Ленине и многие другие материалы⁹. Борис Михайлович оставил нам также ценнейший исторический источник — воспоминания о IX съезде РКП(б) и о В. И. Ленине¹⁰. В них он подробно осветил ход съезда, борьбу с оппозиционной группой «демократического централизма», а также обстоятельства чествования В. И. Ленина делегатами съезда 5 апреля 1920 г. (в связи с приближавшимся 50-летием со дня его рождения) и на специальном вечере, устроенном Московским комитетом партии 23 апреля 1920 г. (в честь той же даты). В воспоминаниях об Ильиче Б. М. Волин показал то внимание, которое уделял В. И. Ленин местным партийным и советским кадрам,

рассказал о ряде своих встреч с В. И. Лениным в конце 1918 г., в мае 1919 г., весной 1920 г. и в конце 1920 г., о выступлениях В. И. Ленина 13 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» и 20 ноября 1922 г. на пленуме Московского Совета со знаменитой речью, в которой говорилось, что социализм уже не является вопросом отдаленного будущего.

Б. М. Волин вел большую работу по рецензированию и редактированию создаваемых филиалами ИМЛ очерков истории местных партийных организаций, а также ряда других готовившихся институтом или поступавших извне историко-партийных рукописей. Кроме того, он вел работу над биографиями Н. Е. Федосеева, Ф. Э. Дзержинского и М. И. Калинина (они были доведены до конца после смерти Бориса Михайловича, последовавшей 15 февраля 1957 г., другими товарищами). Б. М. Волин принимал участие в подготовительной работе по созданию многотомной «Истории КПСС», составлении проспекта и написании первых глав этого издания. Он оказывал большую помощь молодым научным сотрудникам советами и просмотром их материалов, причем был при этом неизменно внимателен, располагая дружелюбной и прост в обращении, а сам постоянно полон новых творческих планов. «Планы на 1957 год, — читаем мы в его отчете о работе в ИМЛ за 1956 г. — 1. Монография «В. И. Ленин в 1917 году». 2. Монография «Ленин в Петербурге (1893—1897. Продолжение книги «Ленин в Поволжье»)».

Пропагандистско-популяризаторская деятельность и научные труды Б. М. Волина оставили заметный след в нашей историко-партийной науке, ибо их автор был человеком высокой партийности, широкой эрудиции, живо и оперативно откликавшимся на насущные задачи социалистического строительства и идеологической работы КПСС. Не случайно его напряженная деятельность была отмечена такими наградами, как ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени (дважды), многие медали (в том числе «Партизану Отечественной войны» I степени). Где бы ни находился Б. М. Волин, на каком бы участке ни работал, всюду и всегда он оставался прежде всего борцом за дело ленинской партии, преданным ее идеалам коммунистом.

Р. М. Савицкая, А. Я. Шевеленко

⁸ Б. М. Волин. К вопросу о втором выпуске работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Вопросы истории», 1954, № 1.

⁹ Б. М. Волин. В. И. Ленин в Поволжье (Кокушкино и Алакаевка). «Исторический журнал», 1945, № 4; его же. Юность Ленина. «Молодой большевик», 1947, № 1; его же. В. И. Ленин в Поволжье. 1870—1893. М. 1955; изд. 2-е, доп. М. 1956; его же. Студент Владимир Ульянов. М. 1958; М. 1959; М. 1964. Подготовка рукописи этой книги к печати была завершена К. И. Семеновым.

¹⁰ Б. М. Волин. [Воспоминания о IX съезде РКП(б)]. «Вопросы истории», 1956, № 2; его же. Отзывчивый и сердечный. «Социальное обеспечение», 1956, № 4; его же. Страницы славной истории. «За власть Советов». Орел. 1957; его же. Из воспоминаний. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 2. М. 1957; его же. Из воспоминаний. М. 1972, и др.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Региональные научные конференции по вопросам археологии, источниковедения и специальных исторических дисциплин, организуемые местными отделениями Археологической комиссии АН СССР при участии других научных учреждений, высших учебных заведений, архивов, библиотек, музеев и общественных организаций, проводятся уже в течение ряда лет. Так, за последние 1,5 года состоялись Уральская археологическая конференция, организованная Уральским отделением Археологической комиссии совместно с Пермским университетом и Пермским областным отделением Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) (Пермь, ноябрь 1974 г.)¹; II Южноуральская археологическая конференция, созванная Южноуральским отделением Археологической комиссии совместно с Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Оренбургским областным отделением ВООПИК (Оренбург, май 1975 г.)²; II Северная региональная научная конференция на тему «Археология и источниковедение истории Европейского Севера СССР в период между XXIV и XXV съездами КПСС», организованная Северным отделением Археологической комиссии совместно с Институтом истории СССР и Коми филиалом АН СССР, Сыктывкарским университетом, Вологодским и Архангельским пединститутами (Вологда, февраль 1976 г.).

В работе последней участвовало свыше 200 сотрудников научно-исследовательских учреждений, преподавателей вузов, работников архивов, краеведов, аспирантов и других представителей из Москвы, Ленинграда, Вологды, Череповца, Сыктывкара, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска, Кирова, Костромы, Перми и Свердловска. На ее пленарных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады об итогах и перспективах развития археологии и методике полевых археологических исследований, о проблемах источниковедения истории советского общества и досоциалистических общественных формаций, об источниковедческих и историографических пробле-

мах истории крестьянства Европейского Севера СССР, об итогах и перспективах научной деятельности Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР и архивных учреждений РСФСР, о задачах исторического краеведения. Работало 6 секций, на которых было заслушано свыше 100 докладов и сообщений по разным проблемам.

Участие в региональных археологических конференциях наряду с историками работников государственных и партийных архивов, библиотек и музеев, занимающихся собиранием, описанием, изучением и публикацией собраний рукописей, архивных фондов и редких книг, а также лингвистов, литературоведов, искусствоведов способствует всестороннему, комплексному подходу к изучению письменных памятников, помогает установлению научных контактов между исследователями различных гуманитарных специальностей.

Вступления ряда учителей, студентов и краеведов свидетельствовали о расширении краеведческой работы на Европейском Севере СССР. В Вологодской области, в частности, осуществляется сбор среди населения фронтовых писем участников Великой Отечественной войны, организованный по инициативе Вологодского пединститута. Собранные письма поступили на хранение в местный областной краеведческий музей. Археологические экспедиции в данный район будут систематически проводиться и в будущем. В связи с этим было признано необходимым усилить координацию полевых археологических исследований Археологической комиссией АН СССР. II Северная региональная научная конференция одобрила опыт Вологодского пединститута по организации преподавания археологии, основ краеведения и специальных исторических дисциплин; предложила проводить пединститутам совместно с краеведческими музеями постоянные краеведческие семинары для координации работ и обмена опытом; отметила необходимость усиления работ по научному описанию рукописных собраний архивов, музеев, библиотек, а также частных коллекций. Было внесено предложение о целесообразности реорганизации Белозерского народного музея в государственный краеведческий музей.

Успех упомянутых конференций в целом и внимание, уделявшееся их работе партийными и советскими органами, печатью,

¹ См. В. Ч. Уральская археологическая конференция «Археологический ежегодник за 1975 год». М. 1976.

² См. Р. Х. Халикова, З. Г. Уракина. Вторая Южноуральская археологическая конференция. Там же.

радио и телевидением, свидетельствуют о наличии общественной потребности в разработке соответствующих проблем, в собирании и изучении письменных памятников истории и культуры, о значительном размахе археографической деятельности на мес-

тах и вовлечении в нее широкого круга научных работников, преподавателей высшей и средней школы, учащихся и любителей-краеведов.

В. А. Черных

Хроникальные заметки

◆ В Томске 27—29 января 1976 г. прошла научная конференция по проблеме «Методология, историография и источниковедение исторической науки». Конференция была организована Западно-Сибирским региональным научно-методическим советом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, Западно-Сибирской секцией Научного совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР и Томским университетом. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Ярославля, Казани и многих городов Сибири. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: В. П. Наумов — «Актуальные проблемы историографии советского общества», М. С. Плотникова — «Проблема общего и особенного в борьбе за власть Советов в Сибири в советской историографии», А. М. Сахаров — «Об итогах XIV Международного конгресса исторических наук», В. А. Дунаевский — «Неопубликованные труды академика Е. В. Тарле». Заключительное слово произнес председатель организационного комитета Б. Г. Могильницкий (Томск). Работали секции «Закономерности и особенности социалистического и коммунистического строительства в Сибири», «Источники и современная литература о специфике феодальных отношений у государственных и приписных крестьян России», «Методология истории и историографии всеобщей истории».

◆ 18 февраля 1976 г. в Ленинграде состоялась научная конференция на тему «Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья». В работе ее приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Риги, Таллина, Новгорода и Смоленска. По проблеме «Становление раннесредневекового города на Северо-Западе Руси» с докладами выступили: Б. Д. Ершевский (Новгород) — «Результаты археологических наблюдений и шурфовок в Новгороде», В. В. Седов — «Исследования в Изборске», О. И. Давидан (Ленинград) — «Проблемы изучения Старо-Ладожского земляного городища», Е. А. Рябинин (Ленинград) — «Новые открытия в Старой Ладоге»; по проблеме «Русско-скандинавские контакты в IX—XI вв.»: Е. А. Мельникова — «Этническая карта Северо-Восточной Европы в древнескандинавских сочинениях и Повести времен-

ных лет», А. Н. Кирпичников (Ленинград) — «Вооружение Киевской державы и русско-скандинавские контакты», В. Я. Петрухин — «Об особенностях русско-скандинавских отношений в IX—XI вв.», Т. А. Пушкина — «Новые находки скандинавских вещей в Гнездове», В. П. Петренко, Ю. К. Кузьменко (Ленинград) — «Подвеска с рунической надписью из Старой Ладоги». Проблеме «Источники о заселении славянами лесной зоны Восточной Европы» были посвящены доклады: Д. А. Мачинский (Ленинград) — «Письменные источники о времени появления славян в лесной зоне Восточной Европы», Р. С. Минасян (Ленинград) — «Археологические источники по проблеме славянского заселения лесной зоны Восточной Европы», Г. С. Лебедев (Ленинград) — «О времени появления славян на Северо-Западе Руси». «Финны, угры, балты и славяне в конце I тыс. н. э.» — проблема следующих докладов: Э. С. Мугуревич (Рига) — «Результаты археологического изучения средневековых селищ и замков на территории Латвии», Е. А. Шмидт (Смоленск) — «Тушемлинская культура на Верхнем Днепре и формирование смоленских кривичей», В. А. Булкин (Ленинград) — «Гнездовская дружина по археологическим данным», К. М. Плоткин (Ленинград) — «Псков и его округа в конце I тыс. н. э.», С. К. Лаул (Таллин) — «Некоторые закономерности распространения древнего населения в свете изучения могильников I тыс. н. э. в Восточной Эстонии». «Финно-угорские племена в лесной зоне Восточной Европы» — проблема, представленная докладами: И. П. Шаскольский (Ленинград) — «Прибалтийско-финские племена в северо-западных владениях Руси», Э. Ю. Тынинсон (Таллин) — «Древнеэстонские городища как источники изучения общественного строя», И. В. Дубов (Ленинград) — «Глиняные лапы и кольца в погребальном обряде курганов Ярославского Поволжья и Аландских островов», В. А. Назаренко (Ленинград) — «Систематическое описание курганных групп Юго-Восточного Приладожья» и др.

◆ 150-летию присоединения Восточной Армении к России был посвящен научный семинар Института истории АН Армянской ССР, состоявшийся в Ереване в феврале 1976 года. С докладами выступили: В. Восканян — «Вопросы формирования русской

ориентации у народов Закавказья; Н. Тавакалян — «Прогрессивное значение присоединения Закавказья к России»; В. Бархударян рассказал о том, как благоприятное экономическое и политическое положение армян, живших в России, оказало влияние на их соотечественников, находившихся под чужеземным игом, и породило у них стремление к освобождению с помощью России.

◆ Л. А. Аполлонов в книге «Верховный орган ленинской партии. Очерки истории партийного строительства» (М. Политиздат, 1976) раскрывает процесс формирования и утверждения в КПСС ленинской концепции съезда как верховного органа партии. На основе произведений В. И. Ленина, его эпистолярного наследия, материалов съездов и других документов партии, архивных источников, мемуаров старых большевиков, периодической печати автор показывает, что ленинские идеи о съездах партии, традиции их подготовки и проведения живут, развиваются и благотворно сказываются в огромной и разносторонней политической и организаторской деятельности КПСС.

◆ Политиздат (М. 1976) выпустил книгу К. А. Хачатурова «Противостояние двух Америк». Автор рассказывает об экспансионистской политике империализма США в Латинской Америке в политической, экономической, идеологической и военной сферах, показывает нарастающую борьбу широких общественных сил Латинской Америки за подлинную независимость и свободу.

◆ В книге А. В. Лихолата «Содружество народов СССР в борьбе за построение социализма. 1917—1937», вышедшей в Политиздате (М. 1976), рассказывается, как Коммунистическая партия сплотилась в едином строю многочисленных наций и народностей и возглавила их борьбу за ликвидацию вековой отсталости. Автор исследует особенности социалистического строительства в республиках СССР, освещает деятельность партии по осуществлению ленинской национальной политики.

◆ Б. А. Томан — автор работы «За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти» (М. Политиздат, 1975). Книга повествует о том, как латышские стрелковые полки, созданные во время первой мировой войны, перешли на сторону социалистической революции и стали одними из первых регулярных частей Красной Армии. Покинув оккупированную германскими войсками родину, они продолжили борьбу с контрреволюцией в России и стойко сражались за Советскую власть.

◆ В Политиздате вышла монография Л. Т. Сенчаковой «Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг.» (М. 1975). В ней характеризуется руководящая и организующая роль ленинской партии в создании вооруженных сил первой русской революции, очерчены деятельность боевых организаций РСДРП и рабочих дружин, их состав, методы вооружения, военного обучения, формы борьбы с самодержавием,

оценены место, роль и значение боевых организаций пролетариата.

◆ В. Ф. Шишкин в книге «Великий Октябрь и пролетарская мораль» (М. «Мысль», 1976) исследует изменения в сознании пролетариата России, обусловленные свержением самодержавия, дальнейшим размежеванием классовых сил и требованиями социалистической революции. Он анализирует становление нового отношения рабочих к труду и народному достоинству, возникновение и укрепление сознательной дисциплины на производстве, зарождение советского патриотизма и пролетарского интернационализма на заре Советского государства.

◆ Работа В. С. Афанасьева «Буржуазная экономическая мысль 30-х — 70-х годов XX века» (М. «Мысль», 1976) посвящена критическому анализу буржуазной экономической мысли эпохи общего кризиса капитализма. Значительное место занимают здесь теоретические вопросы современной политической экономии. Автор разрабатывает критерии классификации течений в буржуазной политике.

◆ Издательство «Мысль» (М. 1976) выпустило книгу И. Д. Иванова «Международные корпорации в мировой экономике». В ней рассматривается деятельность таких корпораций, характеризуются противоречия между корпорациями и суверенными государствами, борьба прогрессивных сил с антинародной политикой международных корпораций.

◆ «Россия и война США за независимость, 1775—1783». Под таким названием вышла книга Н. Н. Болховитнинова в издательстве «Мысль» (М. 1976). В ее основу положены материалы советских и американских архивов и опубликованная документация на русском, английском, французском и немецком языках. Автор раскрывает значение позиции России в трудные для американцев годы их борьбы за национальную независимость, показывает отношение к ней различных кругов и представителей русского общества, в том числе А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и Ф. Н. Каржавина.

◆ В издательстве «Мысль» вышла книга И. Бринке «Окно в каменный век» (М. 1975). Комплексная экспедиция чехословацких ученых, возглавленная автором, дважды пересекала австралийский материк с целью изучения культуры и современного образа жизни аборигенов — племени рембаранка, занимающего обширную резервацию на полуострове Арнемленд в северной части страны. Результаты экспедиции легли в основу книги.

◆ В издательстве «Наука» (М. 1976) увидела свет работа Г. Н. Севостьянова и А. И. Уткина «Томас Джефферсон», посвященная автору Декларации независимости, третьему президенту США. Жизнь и деятельность Джефферсона показаны на фоне таких событий американской истории, как война за независимость, становление и развитие молодой буржуазной республики.

◆ «Развивающиеся страны: научно-техническая революция и проблема независимости» — монография Р. М. Авакова, вышедшая в издательстве «Мысль» (М. 1976).

В ней исследуются проблемы развития стран Азии, Африки, Латинской Америки в условиях научно-технической революции, роль науки как фактора их социально-экономического прогресса, внутренние и международные аспекты политики развивающихся стран в сфере науки.

◆ Вышла из печати книга Н. С. Лебедевой «Подготовка Нюрнбергского процесса» (М. «Наука». 1975). В ней исследуется история подготовки Нюрнбергского процесса главных немецких военных преступников, рассматривается политика стран антигитлеровской коалиции по вопросу о наказании военных преступников и роль мирового общественного мнения в формировании этой политики, восстанавливается ход переговоров союзных держав о создании Международного военного трибунала и его устава, освещаются вопросы, связанные с непосредственной подготовкой судебного процесса.

◆ «В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих (1872—1897 гг.)» — сборник, вышедший в Лениздате (Ленинград. 1975). О времени, когда рабочее движение в России шло навстречу социализму и когда процесс слияния научного социализма с растущей борьбой российского пролетариата отразился в создании В. И. Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ставшего зачатком революционной пролетарской партии в России, рассказывают сами участники событий — представители передовых рабочих 70-х—90-х годов XIX столетия. Значительная часть помещенных в книге воспоминаний публикуется впервые. Эти материалы расширяют и обогащают наши представления о рабочем движении в России. Особенно ценны свидетельства о деятельности В. И. Ленина по воспитанию на идеях марксизма и сплочению передовых петербургских рабочих, по созданию кадров профессиональных пролетарских революционеров, о В. И. Ленине — пламенном пропагандисте и теоретике марксизма, непримиримом борце против оппортунизма в рабочем движении.

◆ Магаданское областное издательство (Магадан. 1975) выпустило в свет работу В. И. Юхименко по истории борьбы за установление Советской власти на Северо-Востоке страны — «Пароль «Москва» — Совет». Автор знакомит читателя с биографиями ряда советских и партийных работников того времени: председателя Камчатского губревкома М. И. Савченко, командующего отрядом 5-й армии на Камчатке М. П. Вольского и других.

◆ В издательстве «Туркменистан» (Ашхабад. 1975) вышел в свет 2 т. монографии Ш. Ташлиева «Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане». Используя документы, почерпнутые из архивов, партийной печати и статистических сборников, автор показывает руководящую роль рабочего класса и большевистской партии в сплочении дехканских масс на начальном этапе борьбы с врагами Советской власти в годы гражданской войны.

◆ Б. Л. Оронюк. «Помощь Советского государства Узбекистану в создании фунда-

мента социалистической экономики» — монография, вышедшая в издательстве «Фан» (Ташкент. 1975). Автор исследует многогранную помощь, оказанную КПСС, Советским государством, русским пролетариатом народам Узбекистана, позволившую им в кратчайший срок ликвидировать свою экономическую и культурную отсталость и перейти к социализму. В книге раскрывается сущность марксистско-ленинского учения о некапиталистическом пути развития отсталых народов как одной из важнейших закономерностей перехода их к социализму, минуя капитализм.

◆ Краснодарское книжное издательство (Краснодар. 1975) опубликовало первую часть «Хрестоматии по истории Кубани». В ней содержится 250 документов по вопросам истории этого края с конца XVIII в. до марта 1917 г., извлеченных из архивов.

◆ Амурская областная библиотека выпустила аннотированный рекомендательный библиографический указатель «Амурцы в годы Великой Отечественной войны» (Благовещенск. 1975). В него включены книги, вышедшие в центральных и местных издательствах, статьи из журналов и газет, в том числе местных. Вышел в свет библиографический указатель «Вологжане в Великой Отечественной войне» (Вологда. 1975). В нем, в частности, указаны книги и статьи, посвященные вологжанам, повторившим подвиг Александра Матросова, участникам разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой и др. Рекомендательный указатель «Тула и область в Великой Отечественной войне» (Тула. 1975) содержит перечень литературы о воинских частях и подразделениях, сражавшихся на тульской земле, о партизанском движении в этом крае.

◆ «Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в.» — монография Ч. М. Таксами, вышедшая в издательстве «Наука» (М. 1976). В ней рассматриваются такие проблемы, как особенности хозяйственного уклада, основные черты общественного строя, материальная культура нивхов. Автор анализирует их домашний быт, семейно-родовые отношения, историю и культуру местного общества.

◆ Составление первой археологической карты Туркменистана закончили специалисты Института истории имени Ш. Батырова АН ТуркмССР. На ней отмечены 150 археологических памятников от палеолита до XV в. н. э. Текст-пояснение к карте дает представление о типах, хронологии и степси изученности этих памятников.

◆ Издательством «Алашара» (Сухуми. 1975) выпущен четвертый том трудов научного наследия абхазского археолога М. М. Трапша. Он посвящен средневековой Абхазии, тому периоду, когда в борьбе за независимость с византийцами, персами, арабами формировалась абхазская народность. Автор рассказывает об Абхазском царстве (VIII—X вв. н. э.) и ее столице Анакпии (ныне Новый Афон).

◆ В Кургане Шералитепа (Узбекистан) обнаружены бронзовые монеты, являющиеся

ся подражанием чекану в Греко-Бактрийском царстве. Обнаружено, что в надписях на некоторых монетах пропущены отдельные буквы. Во II в. до н. э. кочевые племена, победив некогда сильное и цветущее царство, обосновались на правом берегу Амударьи. А так как товарно-денежные отношения там сохранились, то завоеватели стали подлаживаться под местные порядки и чеканить монеты. Опыта у них в этом не было, и они копировали бывшие в обращении монеты, которые, в свою очередь, подражали быломu чекану.

◆ Новую страницу в истории Кижей открыли хранители местного музея-заповедника. Исследуя документы, они пришли к выводу, что Преображенский собор построен раньше, а не в 1714 г., как это считалось. На 66 лет «постарела» Покровская церковь на острове Кижь. Теперь можно назвать имя одного из мастеров, чьи руки сооружали ее: то был Сысой Осипов, крестьянин Повецкого уезда; он «все плотничьи и столяр-

ные работы произвел добросовестно и прочно».

◆ В Узбекистане на заброшенной пустоши у Алтынтепа («Золотой курган») была найдена «юрта» — глиняное сооружение, покрытое снаружи рисунками «древа жизни», налепами-шипами. Изнутри «юрта» закопчена пламенем светильника. Все это дает основание полагать, что находка — предмет культа огня, своеобразный домашний переносный алтарь. Здесь также были обнаружены и другие предметы — филигранной отделки расписная чаша XI в. с надписью на арабском языке, клад серебряных монет, керамическая фигурка и пр.

◆ На берегу оз. Буртниеку в Валмиерском районе (Латвия) обнаружена стоянка древнего человека. В числе найденных предметов — костяные и роговые кинжалы, наконечники рыболовных копий, гарпуны, шила, долота, резцы, подвески из зубов животных и др. Вскрыто захоронение, относящееся к раннему мезолиту.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ СССР и ГДР

8—9 декабря 1975 г. в Москве состоялась XXIV научная конференция Комиссии историков СССР и ГДР, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося деятеля германского и международного рабочего движения Вильгельма Пика. В ней приняли участие около 200 ученых, в том числе представители ИМЛ при ЦК КПСС, АОН при ЦК КПСС, АН СССР, вузов Москвы, Ленинграда, Риги, Ташкента, Полтавы, Вологды, Пензы и других городов Советского Союза.

В состав немецкой делегации входили: председатель Комиссии историков ГДР и СССР академик АН ГДР Х. Бартель (глава делегации), соратники В. Пика — В. Бартель, П. Вандель, Ф. Эльснер, дочь В. Пика — Элеонора Штаймер, историки — Л. Бертольд, В. Хорн, Х. Фосске, Р. Штекигт, А. Берендт, Г. Нишце.

Конференцию открыл вступительным словом председатель Комиссии историков СССР и ГДР чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин. С приветствиями к участникам конференции обратились Чрезвычайный и Полномочный Посол ГДР в СССР Г. Отт, академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. Е. М. Жуков и Х. Бартель. В адрес конференции поступило приветствие от вице-президента АН СССР акад. П. Н. Федосеева.

В первый день работы конференции были заслушаны 5 докладов и сообщений. В. И. Цапанов в докладе «Вильгельм Пик о некоторых проблемах рабочего движения» отметил, что В. Пик, ведя упорную и последовательную борьбу за единство рядов рабочего класса, внес огромный вклад в создание и укрепление Социалистической единой партии Германии, воспитание ее членов в духе интернационализма, упрочение братского боевого союза между СЕПГ и КПСС. С именем Вильгельма Пика неразрывно связано образование ГДР, которая, опираясь на всестороннюю поддержку

Советского Союза, других братских социалистических стран, превратилась ныне в развитое, признанное в международно-правовом отношении социалистическое государство.

Э. Штаймер в сообщении «Вильгельм Пик — отец, человек, образец» осветила некоторые аспекты революционной деятельности В. Пика, его неутомимой борьбы против фашизма и войны, беззаветного служения делу рабочего класса на посту президента первого в истории немецкого народа государства рабочих и крестьян. Пик считал, отметила она, что «решающими в его жизни являются вера в победу рабочего класса, безграничная преданность великим идеям марксизма-ленинизма, глубокая убежденность в том, что только в дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом будет обеспечено успешное строительство социализма на немецкой земле». Именно эти положения и находили свое подтверждение в его практической деятельности.

В сообщении В. Бартеля «Вильгельм Пик — друг молодежи» анализировалась деятельность В. Пика по воспитанию молодого поколения ГДР. Возвратившись после разгрома фашизма в Берлин, он самым активным образом включился в решение таких вопросов молодежи, как ее материальное положение, духовный мир, новые формы организации и практической деятельности. Он выступал за создание антифашистских молодежных комитетов, призывал партию и профсоюзы оказывать действенную помощь молодежи, «освободить ее от пережитков фашистского воспитания, помочь ей встать в ряды единого фронта демократии и прогресса».

О многогранной антифашистской деятельности В. Пика накануне и в годы войны, целеустремленной работе под его руководством Национального комитета «Свободная Германия» говорил П. Вандель

в докладе «Борьба В. Пика против фашизма и войны».

Ф. Эльснер в сообщении «В. Пик в Советском Союзе» подчеркнул, что В. Пик был одним из первых в рабочем движении Германии, осознавших всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции как поворотного пункта в истории человечества, необходимость творческого применения опыта Советского Союза в революционном преобразовании германского общества.

Во второй день работы конференции в докладе «В. Пик и развитие марксистской историографии ГДР» Х. Бартель раскрыл пропагандистскую и научную деятельность В. Пика. Немецкие историки Л. Бертольд, В. Хорн, Р. Штекиг рассказали о роли В. Пика в создании объединенной партии немецкого рабочего класса — СЕПГ, проведении антифашистско-демократических преобразований и образовании ГДР, строительстве социализма на немецкой земле. Г. Ницше сделал сообщение о деятельности В. Пика в Коминтерне. Х. Фосске осветил вопрос о состоянии исследования жизни и деятельности В. Пика в ГДР.

Воспоминаниями о В. Пике поделились И. С. Колесниченко, А. Г. Котиков, Я. С. Драбкин, А. В. Кирсанов, Е. А. Бродский, А. С. Бланк. Были также заслушаны сообщения: М. Н. Машкин — «Издание трудов В. Пика в СССР», К. Л. Селезнев — «Сотрудничество В. Пика с политорганами Красной Армии в годы Великой Отечественной войны», Л. К. Лебедев — «В. Пик о становлении и развитии культуры ГДР», И. В. Семенов — «В. Пик и социалистическое строительство на Урале в годы первой пятилетки», Л. Н.

Кузнецова — «В. Пик и проблемы вовлечения женщин в антифашистское демократическое строительство 1945—1948 гг.», А. И. Борозняк — «В. Пик и вопросы единства действий западногерманского рабочего класса», К. Даукшт — «Некоторые проблемы освещения опыта революционного движения в Германии», и др.

Закрывая конференцию, П. А. Жилин отметил, что в докладах и выступлениях нашли отражение не только основные вехи жизни и деятельности В. Пика, но и широко показано время, когда он жил и работал, интернациональные связи между советскими и немецкими коммунистами. Конференция обогатила всех ее участников знанием новых фактов, углубила понимание ими сущности революционной эпохи, открытой Великим Октябрем.

9 декабря состоялось совместное заседание Комиссии, на котором были подведены итоги работы конференции. Руководители делегаций П. А. Жилин и Х. Бартель отметили высокий идейно-политический и научный уровень докладов и сообщений, подчеркнули важное значение конференции для дальнейшего развития марксистско-ленинской исторической науки и укрепления братской дружбы и сотрудничества между СССР и ГДР. Было выражено единое мнение о целесообразности издания материалов конференции. Х. Бартель информировал собравшихся о том, что очередная конференция Комиссии историков СССР и ГДР, посвященная проблеме исторического значения образования СЕПГ и ее совместной с КПСС борьбе за мир и социальный прогресс, состоится в 1976 г. в Лейпциге.

В. И. Куков

Обзоры

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ПРАВОРЕФОРМИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Буржуазно-реформистская историография ФРГ немало потрудились над тем, чтобы скрыть от широких трудящихся масс, особенно от того поколения, которое выросло после второй мировой войны, революционные традиции немецкого пролетариата. В последние годы эта тенденция не только не ослабла, но, напротив, усилилась. Отсюда ее повышенный интерес к истории рабочего движения, диктуемый стремлением монополистической буржуазии и правого крыла социал-демократии «подорвать рабочее движение изнутри, попытаться «интегрировать» его в систему капитализма»¹.

«Бад-годесбергский поворот» социал-демократической партии Германии (СДПГ), закрепивший в программном отношении ее переход на позиции буржуазного реформизма, превращение партии в правящую, — все это в немалой степени предопределило усиленное внимание к истории рабочего движения со стороны руководителей правого крыла СДПГ, ее теоретиков и историков. «Переписывая» историю сложного, а зачастую и противоречивого пути развития германской социал-демократии на оппортунистический манер, правореформистские историки пытаются тем самым создать такую картину истории германского рабочего движения, которая бы отвечала интересам господствующих западногерманских кругов. Немаловажную роль играет в этом плане и стремление правого крыла СДПГ сгладить растущую политическую и идеологическую дифференциацию в рядах партии, левые силы которой не согласны с отказом ее руководителей от борьбы за социализм.

Убедительным подтверждением этого может служить двухтомная история германской социал-демократии, выпущенная в 1974 г. официальным издательством СДПГ «Neue Gesellschaft». Автор первого тома «Малой истории СДПГ» («Социал-демократия от возникновения до 1945 г.») Г. Поттхоф известен в ФРГ как экономист, занимавший ряд ответственных постов в руководящих органах Европейского объединения угля и стали, выпустивший ряд работ по проблемам экономической интеграции стран Западной Европы. Второй том («СДПГ до и после Годесберга») написан С. Миллер — представительницей реформистской историографии, сотрудницей Комиссии по истории парламентаризма и политических партий (Бонн)². Авторы видят свою задачу в том, чтобы представить обзор «становления и действий, мыслей и поступков германской социал-демократии» (т. 1, стр. 9), дать своего рода свод истории СДПГ, рассчитанный главным образом на представителей младшего поколения социал-демократов, для которых, как замечает С. Миллер, партийная история не является «ни прямо, ни косвенно живым опытом» (т. 2, стр. 7).

Какое важное значение придается двухтомнику руководящими кругами западногерманской социал-демократии, видно хотя бы из того, что предисловие к нему написал заместитель председателя СДПГ Г. Кюн. Признав, что в ГДР «предприняты большие усилия» для изучения истории германского рабочего движения; и посетовав, что руководство СДПГ в настоящее время не в состоянии ответить на вызов

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва. 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 287.

² «Kleine Geschichte der SPD». Bd. 1: H. Potthoff. Die Sozialdemokratie von Anfängen bis 1945. Bd. 2: S. Miller. Die SPD vor und nach Godesberg. Bonn—Bad Godesberg. 1974. 229 + 170 S.

марксистской историографии «той же монетой», он обращается с призывом к реформистским историкам «объективно анализировать историю партии, не замалчивать ошибок, ничего не приукрашивать». Он даже объявляет «элементом научного и политического прогресса» тот факт, что в «оценке определенных событий (в истории СДПГ. — Авт.) существуют различные мнения» (т. 1, стр. 4). Однако на поверку оказывается, что под объективностью исторического исследования Г. Кюн понимает только то, что соответствует бад-годесбергскому курсу западногерманской социал-демократии. С этой меркой он подходит и к оценке «Малой истории СДПГ» Г. Поттхофа и С. Миллер. «Оба автора не отрицают, — пишет он, — что во всех своих критических оценках истории нашей партии они исходят из Годесбергской программы, и заместителя председателя партии не имеет никакого повода отрицать, что именно этот факт сыграл не последнюю роль в том, чтобы рекомендовать предложенный текст для просветительной работы внутри партии, а также для тех, кто желает получить о ней первое представление» (стр. 3—4).

Действительно, рассматриваемая работа с начала до конца выдержана в духе буржуазно-реформистских концепций истории германского рабочего движения. Она написана на базе специальных работ таких известных в ФРГ историков буржуазного и реформистского толка, как Г. Моммзен, Г.-А. Риттер, В. Эйхлер, Х. Гребинг, Г.-И. Штейнберг, В. Конце, Ф. Бальзер, Э. Маттиас, К. Андерс. Фактически это сводное издание, аккумулировавшее в себе основные идеи и концепции истории германского рабочего движения, характерные для буржуазной и реформистской историографии последнего времени. Г. Поттхоф уже во введении к первому тому развивает схему, целиком совпадающую с установками названных выше историков.

Широко известно, что в начале XX в. позиции левых в германской социал-демократии, во главе которых стояли К. Либкнехт и Р. Люксембург, и позиции русских большевиков во главе с В. И. Лениным совпадали по многим коренным, решающим вопросам рабочего движения. Игнорируя исторические факты, пытаясь отделить «непреодолимой пропастью» большевиков и революционные силы германской социал-демократии, Г. Поттхоф без обиняков заявляет, что якобы «для подавляющего большинства СДПГ, включая и Розу Люксембург, не было никаких сомнений, что русский путь не был их путем». Г. Поттхоф утверждает, что сущностью германской социал-демократии с самого начала, «в отличие от ленинской формы диктатуры пролетариата», была «тесная связь свободной демократии и социализма». Одновременно автор выражает сожаление, что в прошлом столетии социал-демократы пользовались такими марксистскими понятиями и лозунгами, как «классовая борьба», «революция», «завоевание политической власти». Вопреки очевидным фактам, в полном соответствии с бернштейнскими взглядами Поттхоф объявляет, что в СДПГ будто бы с самого начала существовал разрыв между «радикальной идеологией» и «реформистской практикой», а социализм являлся для партии не целью, но только «длительной задачей» (стр. 11—12).

Весьма характерно, что Г. Поттхоф начинает историю германского социал-демократического и рабочего движения не с «Союза коммунистов», руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом, и его программы — «Манифеста Коммунистической партии», а с деятельности Ф. Лассалья и созданного под его руководством «Всеобщего германского рабочего союза». 25 мая 1863 г., день возникновения последнего, Г. Поттхоф провозглашает «часом рождения германской социал-демократии» (стр. 14). Поставив у истоков германского рабочего движения Лассалья, автор интерпретирует на оппортунистический лад предыдущую и последующую историю германской социал-демократии. В соответствии с установками В. Конце и Ф. Бальзера³ он объявляет предшественником «Всеобщего германского рабочего союза» возникшее в 1848 г. «Рабочее братство» С. Борна, деятельность которого в свое время резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс, а продолжателями (эта точка зрения представляется новой для реформистской историографии) — Эйзенахцев.

К. Маркс и Ф. Энгельс приветствовали создание на Эйзенахском съезде (август 1869 г.) самостоятельной революционной партии германского пролетариата, во главе

³ F. B a l s e r. Sozial-Demokratie 1848/49—1863. Die erste deutsche Arbeiterorganisation nach der Revolution. Bd. I. Stuttgart. 1962.

которой стояли А. Бебель и В. Либкнехт. В. И. Ленин отмечал, что в Эйзенахе был заложен «прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии»⁴. Вопреки фактам Г. Поттхоф считает не соответствующим действительному положению вещей «и по сегодня широко распространенный взгляд, что эйзенахцы олицетворяли марксистскую часть рабочего движения» (стр. 11). Попытка «интеграции» в русло буржуазно-реформистских идей даже партии эйзенахцев нужна автору для того, чтобы скрыть принципиальную разницу между революционным и оппортунистическим течениями в германской социал-демократии, провести преемственность традиций между старой и нынешней западногерманской социал-демократией, подвести, так сказать, исторический базис под реформистский курс правого руководства СДПГ наших дней. Известно, что Ф. Лассаль никогда не признавал всемирно-исторической роли пролетариата, необходимость создания социалистического общества путем завоевания рабочим классом политической власти. Его воззрения были чужды теории и практике научного социализма. Апологетизируя мелкобуржуазный социализм Лассаля, пытаюсь сгладить остроту борьбы двух тенденций в пролетарском движении Германии, Г. Поттхоф не останавливается перед ложными утверждениями о том, что между «социал-демократическим реформизмом Лассаля» и «революционно-интернациональным социализмом Маркса и Энгельса» существовало «далеко идущее соответствие», в том числе и по таким вопросам, как «анализ капиталистической системы, оценка роли рабочего класса и рабочего движения и даже в представлениях о конечных целях» (стр. 28—29).

Нет ничего удивительного в том, что Г. Поттхоф смазывает принципиальную разницу между эйзенахцами и лассальянцами. В противоречии с фактами, давно уже установленными марксистской историографией⁵, он заявляет, что в 60-е — 70-е годы XIX в. уровень германского рабочего движения был настолько невысок, что «не могло быть и речи о единой, монолитной теории», что даже для многих эйзенахцев социализм был «китайской грамотой». По Г. Поттхофу, рабочие только и думали о том, как «врасти» в юнкерски-буржуазное государство (стр. 33, 35). Если это не произошло уже в ранний период развития рабочего движения, то только потому, пишет он, что господствующие классы не захотели поднять рабочих, обрушились на них с исключительным законом. Отсюда все возрастающая со стороны рабочих «враждебность к государству», «тяга к фундаменту, который соответствовал бы их озлоблению и общал бы наверняка крушение всей системы. И то и другое нашли они в учении Маркса и Энгельса» (стр. 42). При таком подходе соединение марксизма с рабочим движением оказывается не закономерным результатом развития рабочего движения, а чуть ли не следствием «оплошности» господствующих классов Германской империи.

Автор признает, что с принятием Эрфуртской программы 1891 г. «марксизм официально стал теоретической основой германской социал-демократии». Однако и это признание понадобилось ему лишь затем, чтобы еще раз подчеркнуть якобы характерный для социал-демократического движения XIX в. разрыв между «радикальной теорией» и «реформистской практикой» (стр. 44). Все симпатии Г. Поттхофа на стороне Фольмара и Бернштейна. О борьбе революционных сил против ревизионизма в конце XIX — начале XX в. в книге не говорится ни слова. Замалчивается и влияние первой русской революции на германское рабочее движение. Автор, правда, вскользь упоминает, что события в России усилили активность германских левых, но вопреки фактам⁶ последние изображены целиком оторванными от пролетариата (стр. 58).

Переход Германии к империализму ознаменовался резким обострением социально-политических противоречий. Объединяя выступления рабочих за свои насущные требования с борьбой за осуществление общедемократических задач, революционные силы в германской социал-демократии проявили глубокое понимание новых исторических задач. «Ни один знаток положения дел, — указывалось в секретном докладе

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 366.

⁵ См. «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967». М. 1968; R. Dlubek, H. Skambraaks. «Das Kapital» von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung. В. 1967.

⁶ См. Б. А. Айзин. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны (1907—1974 гг.). М. 1974. Laschitz a. Deutsche Linke im Kampf für die demokratische Republik. В. 1969.

министерства внутренних дел канцлеру о состоянии социалистического движения в 1900 г., — не может утверждать, что... опасность, которая искони угрожала государственному строю со стороны социал-демократии, уменьшилась или же вообще устранена»⁷. В противоречии с исторической истиной Г. Поттхоф пишет о «частичной интеграции рабочих в существующее государство», происходившей будто бы уже в начале XX в. (стр. 58). Отождествляя оппортунистов и ревизионистов со всей партией, он заявляет, что в то время СДПГ была чисто реформистской организацией, так как под революцией она понимала «хозяйственно-политический процесс преобразований, который совершится без ее непосредственного участия» (стр. 59). С помощью своей интеграционистской схемы автор оправдывает и предательство интересов германской и международного рабочего движения оппортунистическими вождями германской социал-демократии, проголосовавшими 4 августа 1914 г. в рейхстаге за военные кредиты. Переход на позиции социал-шовинизма, по его мнению, отвечал интересам народных масс; это было своего рода «приспособление к всеобщему народному настроению» (стр. 63). Тем самым вина за предательство тогдашних руководителей перекладывается на широкие слои трудящихся. Пытаясь придать своей конструкции «глобальный» вид, Г. Поттхоф заявляет, что пример Германии отражал-де общую закономерность, характерную для высокоразвитых капиталистических стран (стр. 63).

Чем ближе к проблемам новейшего времени, тем отчетливее видно, что пером автора водит антикоммунизм. Это в особенности ощущается при освещении Ноябрьской революции в Германии. Г. Поттхоф признает, что уже в первые ее дни «в рабочих и солдатских Советах, возникавших во всех районах, как грибы из-под земли, массовое движение создало свои революционные органы». Не может он скрыть и тот факт, что Советы формировались «по русскому образцу» (стр. 70). Ученые СССР и ГДР, исследуя советское движение в Германии, пришли к выводу, что большинство Советов, несмотря на их противоречия, были органами революционной инициативы рабочих и солдатских масс, зародышем новой, народной государственной власти. В интерпретации Г. Поттхофа Советы отвергаются как альтернатива по отношению к правительству Эберта — Шейдемана и характеризуются как «глубоко антидемократичные» органы (стр. 78)⁸. Автор оправдывает поведение правых вождей СДПГ в период Ноябрьской революции и видит их заслугу в том, что они «предохранили Германию от большевизма и диктатуры Советов» (стр. 74).

Мужественная, последовательно революционная линия левых во главе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург практически не нашла в книге отражения. Все симпатии Г. Поттхофа на стороне Шейдемана, Эберта, Гаазе и других. Автор совершенно игнорирует роль «Союза Спартака» как организации, ориентировавшей рабочий класс и все антивоенные силы немецкого народа на борьбу с империализмом и милитаризмом. «Только свержение этого правительства, — говорилось в одной из листовок «Союза Спартака», — только сокрушение власти буржуазии, только народная революция и народная республика в Германии могли бы в кратчайший срок привести ко всеобщему миру»⁹. Г. Поттхоф же мимоходом упоминает о «Союзе Спартака», да и то лишь затем, чтобы утверждать будто в нем «доминировали сторонники анархо-утопического направления» (стр. 75). Р. Люксембург автор всячески противопоставляет В. И. Ленину, партии большевиков. С этой целью намеренно не упомянуты все те заявления Р. Люксембург, которые свидетельствуют о ее (как и других немецких левых) идейной близости к В. И. Ленину и большевистской партии. На Учредительном съезде Коммунистической партии Германии (КПГ) Р. Люксембург говорила: «В ответ на клеветнические выпады против русских большевиков мы должны отвечать: где вы обучились азбуке вашей нынешней революции? От русских вы получили ее — рабочие и солдатские Советы... Это русская революция дала первые лозунги для мировой революции»¹⁰.

⁷ «Германская история в новое и новейшее время». Т. 1. М. 1970, стр. 362.

⁸ Подобная точка зрения не разделяется даже рядом социал-демократических авторов (см.: E. Kolb. Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918—1919. Düsseldorf. 1962; P. von Oertzen. Betriebsräte in der Novemberrevolution. Düsseldorf. 1963).

⁹ «Германская история в новое и новейшее время». Т. 2. М. 1970, стр. 6.

¹⁰ «Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918 — 1. Januar 1919)». В. 1972, S. 205—206.

В книге дается искаженная трактовка первых лет истории Веймарской республики. Рассматривая проблемы классовой борьбы 1919—1923 гг. под углом зрения доктрины «тоталитаризма», Г. Поттхоф конструирует схему, согласно которой опасность для буржуазно-парламентской системы исходила в равной степени справа и слева, а СДПГ будто бы являлась в этих условиях «стабилизирующим фактором», «единственным защитником демократии» (стр. 99). Вопреки истине главная заслуга в ликвидации калповского путча приписывается реформистским лидерам СДПГ и профсоюзов. Что же касается политического курса КППГ, то в книге повторяются утверждения буржуазных историков о том, что КППГ якобы «вынужденно» примкнула ко всеобщей стачке. Как показывают исследования историков-марксистов, роль коммунистов в разгроме путча состояла не только в том, что КППГ призвала трудящихся сплотиться под флагом единства действий, но и в том, что партия ориентировала рабочих на создание стабильных гарантий против подобных милитаристско-реваншистских авантюр. Руководство КППГ, закладывая основы тактики единого фронта, выступило с поддержкой лозунга формирования социал-демократического правительства, последовательно проводящего линию борьбы против реакционных сил. В. И. Ленин отмечал, что эта линия была правильной «и с точки зрения основной посылки, и с точки зрения практического вывода»¹¹.

Если Г. Поттхоф и критикует политическую концепцию СДПГ веймарского периода, то лишь за то, что партийные лидеры, как ему представляется, недостаточно энергично осуществляли «интеграцию» социал-демократии в систему буржуазного государства. Герлицкая программа СДПГ 1921 г., считает он, уязвима только потому, что она содержала тезисы о классовой борьбе и социализации промышленности. Автор пишет с сожалением, что эти «жесткие рамки» помешали расширению влияния социал-демократии, в особенности среди мелкобуржуазных слоев населения (стр. 102, 146)¹².

Основные идеологические позиции Г. Поттхофа наиболее четко выявляются при освещении социал-демократического движения в период кризиса и гибели Веймарской республики. Следуя своей основной концепции, он пытается снять с СДПГ ответственность за сохранение и углубление раскола демократических, антифашистских сил в 1929—1933 годах. Виновниками краха буржуазно-парламентской системы он считает «антидемократические партийные группировки», «открытых врагов демократии», в число которых, конечно же, включается и КППГ (стр. 116). Антикоммунизм автора приводит к тому, что изображаемая им картина последней фазы развития Веймарской республики оказывается предельно искаженной. Г. Поттхоф полностью оправдывает курс СДПГ на поддержку определенных представителей буржуазии и юнкерства, которые якобы могли явиться гарантами Веймарского режима. Он одобряет, в частности, призыв реформистских лидеров голосовать за Гинденбурга на президентских выборах 1932 г., хотя в книге и содержится констатация того, что Гинденбург «противостоял парламентской демократии» (стр. 106).

Фактически автор отказывается от постановки и решения кардинальной проблемы о причинах установления фашистской диктатуры в Германии. Применяя модный в буржуазной социологии и историографии «плюралистский» подход, он хочет скрыть существо дела фразами о «множественности» причин гибели республики, о гносеологической невозможности «отыскать общий знаменатель» социально-политической ситуации 1929—1933 гг. (стр. 109). Читателю предлагается фальшивая трактовка событий, связанных с государственным переворотом в Пруссии 20 июля 1932 года. Г. Поттхоф стремится доказать, что «только СДПГ» была «последовательной защитницей демократической конституции и парламентской системы» (стр. 116). Но социал-демократические политики, капитулировав тогда перед реакцией, сделали все воз-

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 95.

¹² Реформистский историк К. Клоцбах также отмечает противоречие между «характеристикой СДПГ как марксистской и классовой партии, данной в ее собственных программах», и ее «активным практически-политическим участием на различных уровнях буржуазно-демократического государства». Это противоречие, по мнению Клоцбаха, мешало СДПГ проводить «конструктивную продуманную и вызывающую симпатии политику» («Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie». Bonn—Bad Godesberg. 1973, S. 33).

можно, чтобы удержать рабочих от массовых выступлений, парализовать их революционную энергию¹³. В книге не упоминается о воззвании ЦК КПГ, опубликованном 20 июля 1932 г. и обращенном ко всем рабочим, членам социал-демократической партии и профсоюзов. Коммунисты призвали СДПГ покончить с политикою отступления перед реакцией. Нельзя согласиться с утверждением автора, что после государственного переворота в Пруссии в Германии отсутствовали «реальные шансы» предотвращения нацистской диктатуры. «Антифашистская акция», во главе которой стояли коммунисты, привлекала, как известно, членов СДПГ и ее молодежных организаций. 30 января 1933 г., в день прихода Гитлера к власти, лидеры СДПГ вновь отвергли предложение КПГ о совместных действиях, о всеобщей антифашистской стачке. Г. Поттхоф умалчивает при этом о разногласиях в правлении СДПГ, возникших в связи с обсуждением воззвания коммунистов.

Рассматривая историю антифашистского Сопротивления в Германии, автор признает заслуги коммунистов в антинацистской борьбе, их вклад в совместные действия с членами СДПГ в подполье и эмиграции. Однако содержащаяся в книге характеристика такого принципиально важного документа, как «Пражский манифест» СДПГ (1934 г.), коротка и нечетка. Между тем именно этот документ свидетельствовал о том, что широкие круги германской социал-демократии в известной степени извлекли уроки из предшествующего развития своей партии, осудив антикоммунизм ее лидеров.

В центре внимания автора второго тома «Малой истории СДПГ», посвященного истории западногерманской социал-демократии после второй мировой войны, находятся процессы эволюции программно-политических установок этой партии. «Духом Бал-Годесберга», то есть проповеди «общности рабочих и работодателей», отказа от коренных антимонополистических требований проникнуто все изложение.

С. Миллер рассматривает СДПГ первых послевоенных лет как единую, монолитную организацию, идеология и политика которой определялись К. Шумахером, якобы выражавшим интересы «партия в целом» (т. 2, стр. 18). Но ведь в социал-демократическом движении были не только антикоммунистические лидеры, но и функционеры среднего и низшего звена, рядовые члены партии, выступавшие за единство действий с коммунистами. В 1945 г. в западных оккупационных зонах для создания такого единства возникли определенные предпосылки: на короткий период влиятельные позиции в СДПГ получили представители левого крыла, высказывавшиеся за преодоление антикоммунизма, за использование опыта совместных действий в антифашистском подполье и эмиграции. Однако эти тенденции внутри СДПГ были подавлены, функционеры, поддержавшие лозунги единства пролетарских сил, были смещены со своих постов. Процесс идейно-политической консолидации СДПГ под руководством правореформистских лидеров проходил вовсе не «при отсутствии крупных конфликтов внутри партии» (стр. 11). Даже некоторые историки реформистского толка признают, что Шумахер и другие социал-демократические лидеры столкнулись в 1945—1946 гг. со сложной для себя «ситуацией в рядах СДПГ», что лозунг единства действий, «без сомнения, обладал активизирующей силой»¹⁴.

Характерно, что С. Миллер предпочитает не затрагивать вопроса о социально-политической направленности ряда программных установок СДПГ 1945—1948 годов. Она объясняет провал торжественно провозглашенных в то время социал-демократии лозунгов социализации промышленности только вмешательством оккупационных властей США, Англии и Франции. Но руководители СДПГ, отказавшись от совместных действий с коммунистами на уровне правительств и парламентов земель, от поддержки антимонополистических выступлений трудящихся, по существу, вновь капитулировали перед натиском реакционных сил. Активное участие лидеров СДПГ в создании западногерманского государства и его конституции, их «западная ориентация» (стр. 22) получают в книге полное одобрение. Автор считает предосудительным наличие в тогдашних программных декларациях СДПГ антикапиталистических требований,

¹³ Некоторые реформистские историки констатируют, что в июле 1932 г. лидеры СДПГ, используя традиционную дисциплинированность рабочих, помешали всеобщей политической забастовке, что нанесло партии «непоправимый вред» (H. Grebing. Geschichte der deutschen Parteien. Wiesbaden. 1963, S. 153).

¹⁴ F. Moraw. Die Parole der «Einheit» und die Sozialdemokratie. Bonn—Bad Godesberg. 1973, S. 122—124.

«представлений о принципиальном структурном изменении общественной системы» (стр. 17).

Весь последующий путь западногерманской социал-демократии представляет собой, по признанию С. Миллер, процесс сбрасывания «идеологического балласта», вытеснения «роли марксизма в формировании сознания СДПГ» (стр. 35). Кульминацией этого процесса «преодоления партийного прошлого», естественно, выступает в книге чрезвычайный съезд в Бад-Годесберге. Автор с полным одобрением, весьма пространно комментирует положения программы СДПГ 1959 г. о частной собственности и свободной конкуренции как фундаменте общественного развития в ФРГ.

При освещении внешнеполитических концепций и внешнеполитической практики западногерманской социал-демократии С. Миллер зачастую старается не касаться противоречий между реалистически мыслящими силами партии и правыми ее кругами, выдвигавшими установки, которые не отвечали делу мира и безопасности народов. Так, в книге сочувственно излагается заявление социал-демократической фракции в бундестаге 30 июня 1960 г. о необходимости выработки единой платформы ХДС и СДПГ по военным и внешнеполитическим вопросам и в то же время замалчивается «План СДПГ по германскому вопросу» (март 1959 г.), в котором фактически признавалось существование двух германских государств и необходимость переговоров между ними¹⁵. С. Миллер приветствует благоприятный для социал-демократов исход выборов в бундестаг осенью 1969 г. и формирование правительственной коалиции СДПГ и Свободной демократической партии. Но объяснение причин этих важных политических перемен является и неполным и противоречивым. Образование «малой коалиции» рассматривается автором лишь как результат изолированных усилий СДПГ. Обходится вопрос о том, что изменения в области внешней и внутренней политики ФРГ были обусловлены новым соотношением сил на международной арене, серьезными сдвигами в расстановке общественных группировок в Западной Германии.

«Малая история СДПГ» содержит значительное документальное приложение, составляющее более половины ее объема. Но материалы здесь подобраны так, чтобы убедить читателя в жесткой предопределенности «бад-годесбергского поворота» этой партии всем ходом развития германского рабочего движения. Кроме фрагментов из высказываний оппортунистов и ревизионистов, в приложении к первому тому помещены выдержки из работ Ф. Энгельса и Р. Люксембург. Однако отрывок из «Введения» Ф. Энгельса (1895 г.) к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» препариован таким образом, чтобы создать впечатление, будто Ф. Энгельс рекомендовал СДПГ отказаться от революционных форм и методов борьбы (т. 1, стр. 184—185). Составители приложения скрывают, при каких обстоятельствах появилась данная публикация Ф. Энгельса, а тем более тот факт, что он сам дал резкую отповедь тем, кто пытался истолковать его точку зрения как отказ от революционных действий вообще, и подчеркивал, что тактику, изложенную во «Введении», он рекомендует «лишь для Германии сегодняшнего дня, да и то со значительной оговоркой»¹⁶.

В приложение включены также выдержки из работы Р. Люксембург «Русская революция», написанной осенью 1918 г. в тюрьме и содержавшей наряду с правильными и некоторые ошибочные суждения. В приложении воспроизведены как раз те тезисы работы, которые не выдержали проверки временем, хотя по выходе из заключения Р. Люксембург, по мнению В. И. Ленина, «исправила большую часть своих ошибок»¹⁷.

Произвольно составлена и подборка документов, освещающих политическую линию германской социал-демократии в период фашистской диктатуры. Текст «Пражского манифеста» 1934 г. здесь отсутствует, равно как и материалы организаций СДПГ, действовавших в эмиграции в Великобритании и выступавших за радикальную трансформацию социально-политической структуры послевоенной Германии. Социал-демократическое движение первых послевоенных лет представлено лишь фрагментами из выступлений К. Шумахера, насквозь проникнутых антикоммунизмом. От воспроиз-

¹⁵ «Deutschlandplan der SPD. Kommentare, Argumente, Begründungen». Bonn. 1959.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 379.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 421—422.

ведения программных документов СДПГ 1946—1947 гг., в которых содержатся требования национализации крупной промышленности и земельной реформы, авторы отказались,

Советские ученые, исследователи ГДР создали марксистскую концепцию развития германской социал-демократии от ее возникновения до современного этапа идейно-политической эволюции СДПГ¹⁸. Опыт истории германской социал-демократии учит тому, что оппортунизм в рабочем движении осуществляет политику подчинения коренных интересов пролетариата интересам империалистической реакции. Антикommунизм превращает правую социал-демократию в пленника буржуазии во всех кардинальных вопросах внутренней и внешней политики. История германского рабочего движения неопровержимо доказывает, что единство действий, сотрудничество коммунистов и социал-демократов, преодоление раскола пролетарских рядов создают условия для осуществления социальной миссии рабочего класса. Критика идейных и политических установок социал-реформизма — необходимая предпосылка успешной борьбы прогрессивных сил за мир, демократию и социализм.

В свете достижений марксистско-ленинской исторической науки становится особенно очевидной научная несостоятельность рассмотренных выше интерпретаций развития германского рабочего движения, свидетельствующих о кризисе буржуазно-реформистской историографии ФРГ.

А. И. Борозняк, Г. В. Павленко

¹⁸ «Германская история в новое и новейшее время». Тт. 1—2. М. 1970; Н. Е. Овчаренко. В борьбе за революционный марксизм. М. 1967; Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская. Роза Люксембург. Биографический очерк. М. 1974; Я. С. Драбкин. Ноябрьская революция в Германии. М. 1967; В. Д. Ежов. Классовые бои на Рейне, М. 1973; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Bd. 1—8. В. 1966; «Klassenkampf, Tradition, Sozialismus». В. 1974.

Рецензии

T. W. MOODY. *The Ulster Question. 1603—1973*. The Mercier Press. Dublin and Cork. 1974. 134 p.

Т. У. МОУДИ. *Олстерский вопрос. 1603—1973*.

Трагические события в Северной Ирландии привлекали и продолжают привлекать пристальное внимание мировой, и в первую очередь английской и ирландской, общестственности, политических кругов, ученых, включая, конечно, историков.

В Ирландской республике, народ которой заинтересован в скорейшем и справедливом разрешении североирландского кризиса, вошли в правило выступления по этому животрепещущему вопросу наиболее крупных и авторитетных историков, в том числе и тех, кто, строго говоря, не является специалистом по проблемам новейшей исто-

рии¹. Эти ученые в той или иной степени отражают политические веяния сегодняшнего дня, настроения влиятельных группировок ирландской национальной буржуазии. В наши дни этот класс, уже более полу столетия находящийся у кормила государственного правления в Ирландии, несмотря на имеющиеся в его среде разногласия и оттенки мнений, в целом настроен

¹ С. С. O'Brien. *States of Ireland*. L. 1972; R. D. Edwards. *A New History of Ireland*. Dublin. 1972; O. D. Edwards. *The Sins of Our Fathers: Roots of Conflict in Northern Ireland*. Dublin. 1970.

компромиссно по отношению к британскому империализму и его политике на северо-востоке Ирландии и резко отрицательно — по отношению к не контролируемой «сверху» революционной инициативе масс, ко всем попыткам существенно продвинуть вперед оставшуюся до сих пор не завершенной национально-освободительную, антиимпериалистическую революцию в Ирландии.

Автор рецензируемой книги — один из самых влиятельных и авторитетных буржуазных историков современной Ирландии, профессор Дублинского университета (Тринити-колледж), Т. У. Моуди. Им написано большое число работ, главным образом по ирландской истории в новое время. Выходец из Белфаста, бывший преподаватель тамошнего Королевского университета, он в известной мере персонифицирует связь ученых умеренно-либерального направления Юга и Севера страны.

Книга ирландского историка имеет немало достоинств. Он одним из первых в современной буржуазной историографии решил исследовать истоки нынешних трагических событий. Для этого автор вполне обоснованно обращается к многовековой истории, к периоду окончательного завоевания Ольстера британской короной, всеобъемлющей экспроприации местного католического населения и заселения ирландского Северо-Востока колонистами-протестантами из Шотландии и Англии. «Проблема уходит своими корнями в начало XVII в., когда Ольстер, в течение многих веков являвшийся оплотом гэльской (то есть ирландской. — Авт.) власти и гэльской культуры, стал основой британской, протестантской колонии, призванной увековечить британскую власть и британскую культуру на руинах поверженного гэльско-католического мира», — отмечает Т. У. Моуди (стр. 96).

В книге уделяется большое внимание социально-экономическим проблемам. На ее страницах можно встретить верные мысли о социальных изменениях в Ольстере XVII в., о совпадении здесь религиозного и политического водораздела между завоевателями и коренным населением с водоразделом экономическим и социальным. Автор останавливается на вопросах экономического развития олстерской колонии в XIX в., справедливо отмечая, что, не имевшая параллелей на Юге страны, индустриализация ирландского Северо-Востока помогла его дальнейшему обособлению от остальной части страны, усилению его эконо-

мических связей с британской метрополией (стр. 15).

Обращаясь к сегодняшним дням, автор пишет, что нынешний кризис нельзя объяснить без учета социальных и экономических факторов, того, что в начале 1970-х годов, как и сотни лет назад, католическая община намного беднее общины протестантской (стр. 94). Прав он и тогда, когда заявляет, что, несмотря на свои географические и исторические особенности, Ольстер всегда был и остается частью Ирландии и его проблемы можно осознать лишь в общем, более широком контексте ирландской истории.

Все это наглядно свидетельствует о том, как реальности сегодняшнего дня, и в первую очередь массовой антиимпериалистической борьбы, приводят буржуазного ученого к обоснованным выводам. Следует отметить и другое: многое из того, к чему пришел в своей последней работе Т. У. Моуди, еще раньше и не один раз подчеркивалось в работах прогрессивных историков и публицистов как в Англии и Ирландии, так и в нашей стране. Достаточно назвать, например, вышедшую в 1970 г. и переведенную на русский язык книгу Л. де Пеа².

И все же труд ирландского буржуазного ученого не дает до конца научного, объективного ответа на главные вопросы, поставленные крайне актуальной и жгучей олстерской проблемой. По мере приближения повествования к рубежу XX столетия и особенно к нашим дням ослабевает авторский интерес к социально-экономическим аспектам, все явственнее обнаруживается стремление к односторонне-идеалистическому объяснению важнейших моментов исторического процесса, общественной борьбы. Так, корни дискриминации католиков в «автономной провинции Северная Ирландия» Т. У. Моуди усматривает в «недоверии» к ним протестантов, в страхе последних перед угрозой увеличения численности католического населения. Таким образом, скрытыми остаются вполне материальные основы этого «недоверия и страха» — боязнь англо-ирландского и шотландско-ирландского большинства населения провинции, в первую очередь его буржуазных и мелкобуржуазных слоев и рабочей аристократии, утратить свои весьма существенные колониальные привилегии, по-

² Liam de Paor. *Divided Ulster*. L. 1970 (рус. пер. — Л. де Пеа. *Расколотый Ольстер*. М. 1974).

лученные за счет угнетения католического меньшинства.

Характеризуя главные аспекты дискриминации, автор концентрирует внимание прежде всего на ее политических и культурных сторонах, меньше интересуясь стороной экономической и социальной. Вполне понятен поэтому и его конечный вывод о главных причинах нынешнего кризиса. «Экономические неурядицы,— пишет он,— обостряли страдания и хаос, но корни сегодняшних событий следует искать в дрящемся веке расколе населения Ольстера в области политики и культуры...» (стр. 94). Подобный подход призван «смягчить» реально существующие антагонистические противоречия между католической общиной и британским империализмом с его олстерскими союзниками, представить их поддающимся регулированию «сверху», в данном случае со стороны английского правительства.

Автор резко отрицательно относится ко всем проявлениям революционного насилия в ходе развития национально-освободительного движения ирландского народа против английского колониализма: от народного восстания 1798 г. до попыток отчаявшегося католического населения в наши дни с оружием в руках противостоять атакам протестантских экстремистов и кровавым репрессиям олстерской полиции. О таких ключевых для истории Ирландии событиях, как национальное восстание 1916 г., национально-освободительная революция 1919—1923 гг. и расколовший страну англо-ирландский договор 1921 г., в книге упомянуто вскользь, в одной фразе. Главная вина за не прекращающееся на Севере кровопролитие возлагается на «возрожденную к активной жизни в 1970 г.» Ирландскую республиканскую армию. Между тем хорошо известно, что кровопролитие началось гораздо раньше, и начали его в 1968—1969 гг. королевская олстерская полиция и протестантские экстремисты в надежде терроризировать католические гетто, сломить мощное движение за гражданские права.

В розовом свете изображает автор историю англо-ирландских отношений и ирландскую политику британских правящих кругов. Он полностью разделяет ставшие ходовыми, особенно в последние десятилетия, в период создания англо-ирландской «зоны свободной торговли» и вступления Ирландии вслед за Англией в «Общий рынок», идеи о насущной необходимости пересмотреть установившийся взгляд на роль бри-

танского колониализма и империализма в ирландских делах. На практике это ведет к затушевыванию многовекового разрушительного английского хозяйничанья в Ирландии, ставшего причиной ее крайней отсталости, принесшего столько страданий ее народу.

Т. У. Моуди пишет, что «британский режим в Ирландии в период Унии был отмечен далеко идущими, хотя иногда и запоздалыми реформами» (стр. 16). Не оставившаяся на вопросе о том, как далеко шли эти реформы, укажем лишь, что, по существу, все они, и особенно «самая далеко идущая», аграрная, явились прямым следствием бескомпромиссной массовой борьбы ирландского народа против английского колониального ярма. Борьбой этой отмечен практически весь период Унии. Автор не согласен с тем, что главным вдохновителем раздела Ирландии выступал британский империализм, и склонен переложить ответственность за раскол страны на северных протестантов-юнионистов, обеспокоенных непримиримостью католиков-южан (стр. 6, 46). В этом он следует за современной английской официальной историографией, которая обвиняет в опасном развитии событий на острове «негибких» твердолобых юнионистов, с тем чтобы оправдать тех, кто несет главную ответственность за раскол Ирландии. Положительно отзываясь о деятельности юнионистской администрации в период до кризиса, автор вместе с тем верно констатирует, что политика премьер-министра О'Нейла не смогла предотвратить взрыв. В то же время в книге утверждается, что именно английское правительство, «вынужденное вмешаться» в олстерские дела после явного банкротства юнионистской администрации, предприняло «титанические усилия» для восстановления порядка и мира, «справедливого» решения олстерской проблемы.

Автор подписал предисловие к своей книге 9 декабря 1973 г., то есть в момент заключения Саннингдейлского соглашения между Англией, Ирландской республикой и Северной Ирландией, которое предусматривало допуск католиков к министерским постам в Ольстере и создание так называемого Совета Ирландии из представителей Севера и Юга страны. Правящие круги Великобритании пошли на вынужденные уступки с тем, чтобы смягчить широкое недовольство, ослабить массовый протест, сохранить основу для неоколониальной экс-

плуатации всей Ирландии — как Северной, так и Южной.

Ирландский буржуазный ученый с энтузиазмом приветствовал соглашение в Саннингдейле, которое, казалось, подтверждало справедливость его построений. Однако потребовалось всего несколько месяцев, чтобы жизнь опровергла эти иллюзии. В мае 1974 г. британский кабинет спасовал

перед навязанной правыми экстремистами всеобщей стачкой в Северной Ирландии. Саннингдейлское соглашение было положено в долгий ящик, а многострадальный Ольстер вновь оказался на грани гражданской войны. Социально-политическая реальность опрокинула выкладки ирландского буржуазного историка.

А. Д. Колпаков, Е. Ю. Полякова

F. D. McCANN. *The Brazilian-American Alliance. 1937—1945*. New Jersey. Princeton University Press. 1973. XIV + 528 p.

Ф. Д. МАККЭН. *Бразильско-американский союз. 1937—1945*.

Бразилия — единственная латиноамериканская страна, армия которой воевала против фашистской Германии. Внешнеполитический курс Бразилии в значительной степени определялся развитием ее взаимоотношений с США. Союз с США (1937—1945 гг.) сказался и на внутреннем положении страны. Анализ и оценка этого важного для истории Бразилии периода даны в монографии американского буржуазного историка Ф. Маккэна, профессора университета штата Нью-Гемпшир.

Автор использовал архивы США и Бразилии (особенно следует отметить введение в научный оборот документов военных ведомств Бразилии), а также интервью с непосредственными участниками событий. В работе сделана попытка проанализировать основные этапы развития взаимоотношений между двумя странами, которые, как считает Маккэн, являются примером типичного для послевоенного времени использования экономической и военной помощи в интересах дипломатии. Общий итог отношений США и Бразилии в годы войны, с точки зрения автора, — рост зависимости Бразилии от США, часто носившей характер прямого подчинения (стр. 5).

Исследование начинается с момента установления диктатуры Варгаса в 1937 году. Маккэн утверждает, что это был чисто «персоналистский» режим, который балансировал между различными группировками, стремился всего лишь к единству, независимости и экономическому развитию страны, не руководствуясь при этом никакой идеологией (стр. 8, 48). Таким образом, «новое государство» в Бразилии в изображении

Маккэна предстает как надклассовое, как плод персональных амбиций Ж. Варгаса и ряда лиц в армии. Несомненно, правление Варгаса имело определенные «бонапартистские» черты. Однако классовая суть его — это диктатура буржуазии, установленная при вынужденном согласии традиционной латифундистской элиты в связи с обострением внутрисполитической обстановки в стране, вызванным массовыми выступлениями 1935 г. и наличием экономического кризиса. Идеология буржуазного национализма лежала в основе режима Варгаса. И в специфических условиях кануна и начала второй мировой войны Варгас стремился ускорить развитие местного капитализма путем лавирования между империалистическими государствами, используя их противоречия для утверждения экономической самостоятельности страны¹.

Несмотря на то, что этот режим был копией корпоративно-фашистской системы Италии и при нем подавлялись демократические элементы в стране, США поспешили признать его. В госдепартаменте считали, что он покончил с «хаосом» и «установил стабильность в стране» (стр. 9). Последующие меры Варгаса, казалось, оправдывали расчеты Вашингтона использовать Бразилию в качестве своей опоры в Латинской Америке. Однако накануне второй мировой войны в Бразилии усилилось влияние Германии, которая вышла на первое место в ее торговле, увеличив закупки бразильских стратегических материалов и хлопка в це-

¹ См. Б. И. Коваль. Бразилия. Вчера и сегодня. М, 1975, стр. 116.

лях подготовки агрессивной войны. Хотя война прервала торговые связи между Бразилией и Германией, но на первом ее этапе, когда фашистские войска одерживали победы в Европе, бразильское правительство воздерживалось от определения курса своей политики, предпочитая выжидать, пока не станет ясным результат войны. Эта двойственная и колеблющаяся тактика Бразилии подробно исследована в книге.

Наглядным примером использования германо-американских противоречий являлась проблема строительства в Бразилии крупного сталелитейного завода в Вольта-Редонда — давнее требование националистических кругов Бразилии. До войны американские монополии наотрез отказались предоставить кредиты и технических специалистов для этой стройки. В июле 1940 г. концерн Круппа предложил построить в Бразилии такой завод. США, опасаясь нежелательного для себя роста влияния Германии в Бразилии, в конце июля 1940 г. согласились немедленно предоставить государственные кредиты и необходимое для строительства завода оборудование, и уже в сентябре кредит был выделен. Правда, автор предпочел умолчать, что США затянули строительство завода до послевоенного времени и добились введения в совет его директоров американских членов, сохранив тем самым на долгое время контроль США над первенцем тяжелой индустрии Бразилии.

Американцы обещали также поставить Бразилии вооружение, на чем особенно настаивали бразильские военные. Было заключено соглашение штабов о принципах совместных действий в случае войны (стр. 205). Соперничая с германскими авиакомпаниями, США с молчаливого согласия Варгаса предоставили частной американской компании «Панэр» субсидии для строительства военных аэродромов на северо-востоке страны. К маю 1941 г. большинство немецких авиакомпаний вынуждено было свернуть свою деятельность, а с января 1942 г. полностью прекратило свои полеты. В 1941 г. Бразилия обязалась поставлять в США все стратегическое сырье, не используемое в стране. Вашингтон все же полностью не доверял Варгасу. И на это были основания. Еще в середине 1941 г. Варгас вел тайные переговоры с германским послом о возможном сотрудничестве с Германией после войны (стр. 227). Поэтому в военных планах США предусматривалась в случае необходимости посылка экспедици-

онных сил на северо-восток Бразилии, а американский военный атташе упорно добивался, чтобы Бразилия еще в мирное время разрешила разместить американские войска на своей территории. Маккэн считает, что если бы Варгас не пошел на военное сотрудничество, то США захватили бы северо-восток Бразилии, не останавливаясь перед риском войны с нею (стр. 238).

Экономическая зависимость Бразилии от США становилась к концу 1941 г. очевидной. В этих условиях, несмотря на ожесточенное сопротивление прогерманской группировки, особенно в армии (военный министр Э. Дутра, начальник генштаба Г. Монтейро), победила точка зрения сторонников сближения с США во главе с министром иностранных дел О. Аранья. В январе 1942 г. на панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро Бразилия поддержала предложения Вашингтона о разрыве дипломатических отношений со странами «оси». Э. Дутра выступил против, повторив угрозы Германии и Японии, что если Бразилия сделает этот шаг, то неизбежна война. Вопреки фактам, кстати говоря, имеющимся в его книге, Маккэн утверждает, что противодействие военных объявлению о разрыве дипломатических отношений было «реалистичным» отражением состояния неподготовленности армии к активным боевым действиям, а не политическими расчетами определенных групп в Бразилии на возможность сотрудничества с победившей Германией. «Дутра, — пишет Маккэн, — как профессиональный солдат восхищался армией фашистов, не обращая внимания на идеологию» (стр. 256).

Политики профашистских элементов в Бразилии автор предпочитает не касаться. Только профессиональными соображениями объясняет он как выступление Э. Дутры против объявления войны странам «оси» в августе 1942 г. (хотя известно, что в этот период под воздействием народного движения профашистские элементы, в частности глава полицейских сил страны Ф. Мюлле, были сняты с высших постов в государстве), так и его возражения против предложения Варгаса в декабре 1942 г. начать непосредственную подготовку вооруженных сил Бразилии к войне против фашистских государств. Невольно напрашивается мысль, что, делая упор на неподготовленность бразильской армии, Маккэн пытается снять с США, как это делает, кстати говоря, и большинство американских историков-латиноамериканистов, ответственность за не-

значительный вклад латиноамериканских государств в дело разгрома фашизма. А ведь хорошо известно, что в таких странах, как Бразилия, Колумбия, Мексика, ширилось народное движение в пользу более действительного участия в войне. Сам автор отмечает, что в 1942—1943 гг. молодые офицеры оказывали давление на Варгаса в пользу скорейшей отправки экспедиционного корпуса, чтобы «в боях покончить с позорным влиянием прогерманских генералов, таких, как Дутра, и смыть пятно профашизма с бразильской армии» (стр. 349).

Во второй половине 1943 г. Вашингтон наконец высказался за отправку бразильских войск на итальянский фронт, считая, что участие Бразилии, этой крупной латиноамериканской страны, в боевых действиях закрепит за США роль руководителя западного полушария после войны. Таким образом, США в этом вопросе преследовали чисто политические цели. Однако автор не делает этого очевидного вывода. Весьма характерно, что Маккэн полностью игнорирует значение событий на советско-германском фронте, их влияние на ускорение подготовки и отправки (в июле 1944 г.) бразильского экспедиционного корпуса в Италию. Не случайно окончательное решение о формировании этого корпуса было принято после Курской битвы, когда стало ясно, что недалек час разгрома фашизма.

Со второй половины 1943 г. наступило охлаждение в отношениях между Варгасом и Вашингтоном. В речах Варгаса все чаще стали проскальзывать националистические нотки. Он выступал за ограничение сферы действий американского капитала, не присоединился к экономическому бойкоту Аргентины в 1944 г., объявленному США. Более того, в это время торговля Бразилии с Аргентиной даже возросла. Варгас сместил с поста министра иностранных дел проамерикански настроенного Аранью, ратовавшего за индустриализацию при помощи американских частных инвестиций; под давлением демократического движения пошел на ряд реформ, пытаясь создать себе опору среди рабочих. Вашингтон видел в этих действиях Варгаса влияние перонизма, набравшего тогда силу в соседней Аргентине. Попытка Варгаса по примеру Перона найти себе поддержку у рабочих, по словам автора, стоила ему власти (стр. 445). Оппозиция, выяснив, что США не вмешаются, если будет свергнут Варгас, стала действовать более решительно (стр. 453).

Военные, возглавляемые Монтейро и Дутрой, приступили к подготовке переворота. Сигнал дал 28 сентября 1945 г. американский посол в Бразилии А. Берли, заявивший о необходимости проведения демократических выборов. Симптоматично, что это выступление Берли одобрил прибывший из Аргентины глава латиноамериканского отдела госдепартамента С. Браден (стр. 474). Таким образом, США официально выразили недоверие Варгасу. Через месяц он был свергнут армией. Этот переворот закрепил зависимость Бразилии от США (стр. 486).

Характеризуя так называемую индустриализацию Бразилии, которая осуществлялась при посредстве США в годы войны, автор показывает, что американская «помощь» определялась в основном требованиями бесперебойной поставки стратегического сырья. Исключение составлял металлургический комплекс Вольта-Редонда. Все остальные планы «индустриализации», разработанные миссией Кука в 1942 г., были в госдепартаменте оценены как «фантастические». США, пишет Маккэн, обещали латиноамериканцам индустриализацию, чтобы обеспечить их политическое сотрудничество, а затем ничего не сделали. К концу войны Бразилия, несмотря на все заверения США, так и не достигла экономической независимости (стр. 387). Анализируя вопрос о путях индустриализации, автор не видит принципиальной разницы между двумя тенденциями, ярко проявившимися в 1935—1945 гг., — тенденцией к достижению экономической независимости и тенденцией младшего партнерства с США. Известно, например, что сторонники Араньи последовательно выступали за предоставление «открытых дверей» американскому капиталу в Бразилии. Попытка же Варгаса в конце войны вывести Бразилию из-под контроля Вашингтона закончилась его свержением. Столкновение между этими двумя группировками (Варгаса и Араньи) рассматривается в книге как конфликт двух возможных путей политического развития страны — «демократии» американского типа, по мнению автора прогрессивной (Аранья), и «диктатуры» (Варгас). В работе отсутствует классовый анализ борьбы этих группировок, как нет и характеристики борьбы, которую вели между собой буржуазия и землевладельческая олигархия, что зачастую влияло и на внешнюю политику Бразилии. Маккэн сводит эту борьбу к столкновению отдельных личностей. Поэтому он все время путается в

оценках Варгаса, Араньи, Дутры и Монтейро. Все эти представители господствующих классов выступали, с его точки зрения, за национальные интересы, за сильную и экономически развитую Бразилию. При таком подходе совершенно непонятен их различный взгляд на США. Ухудшение отношений между Бразилией и США в конце войны Маккэн связывает не с ростом экспансии империалистических монополий, а со сменой внешнеполитического руководства США (стр. 15, 104, 319—325 и др.). Автор неоднократно утверждает, что США не вмешивались во внутренние дела Бразилии (стр. 88, 452—454 и др.), хотя сам приводит яркие примеры, опровергающие это утверждение (например, деятельность американского посла А. Берли, способствовавшего свержению Варгаса в 1945 г.).

Сторонник «представительной демократии», Маккэн отрицательно относится к вмешательству армии в политику. Революции 1937 и 1945 гг. он осуждает главным образом за то, что они привели к диктатуре и усилению военных. При этом армия выступает у него в виде нерасчлененного целого, действующего в роли беспристрастного арбитра в разрешении конфликтов в обществе (стр. 187, 254 и др.). Он игнорирует тот общеизвестный факт, что армия — это сколок общества, что в период политиче-

ских кризисов позиция армии не едина, хотя на поверхности событий зачастую кажется монолитной, особенно в том случае, когда во внутренних междоусобицах армии предварительно победила та или иная ее фракция, связанная тем или иным способом с близкой ей по духу частью гражданского населения. Вся история Бразилии с 1945 по 1964 г. говорит, что противоречия в обществе неизбежно отражались и на армии. Однако Маккэн приписывает армии какую-то чисто военную программу развития страны, когда он утверждает, что в 1945 г. армия быстро отказалась от власти, так как не имела своей идеологии, а в 1964 г., в период военного переворота, была якобы вооружена широким планом преобразований всей жизни страны (стр. 485—510). В действительности то, что было выработано в стенах военных учреждений к 1964 г., отражало взгляды самых реакционных проамериканских кругов крупной буржуазии Бразилии.

Книга Маккэна — типичный пример буржуазного объективизма. Причины исторических событий автор видит в чисто внешних, главным образом персоналистских, мотивах той или иной личности. Ценна же его книга прежде всего своей документальной основой.

И. И. Янчук

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Военноисторически сборник». София. 1975, № 2.

Великая победа; 20 лет Варшавского Договора. — С. М. Штеменко. Варшавский Договор — надежный щит мира и социализма; Ат. Семерджиев. Переустройство болгарской Народной армии в условиях развернутого социалистического строительства и революции в военном деле (1956—1962 гг.); К. Грезе, А. Ферстер. О развитии ННА ГДР в военном содружестве братских социалистических стран; 30 лет Победы над фашизмом. — Бр. Орманов. Решающий вклад Советской Армии в разгром гитлеровского фашистского блока во время второй мировой войны; Вл. Стойчев. От Старой планины до Авст-

рийских Альп; В. Мацуленко. Берлинская операция — триумф советского военного искусства; Г. Выхов. Участие русских офицеров в создании Восточнорумелийской милиции (1879—1885 гг.); Д. Овчаров. Раннесредневековое болгарское вооружение и снаряжение; Г. Димитров. Выдающиеся болгарские военные педагоги; В. Младенов. Развитие военно-воздушных войск и их участие в Отечественной войне 1944—1945 годов.

«Военноисторически сборник». 1975, № 3.

Сл. Трынски. Роль Советской Армии и Советского Союза в освобождении Болгарии от монархо-фашизма; Й. Илел. Некоторые результаты вооруженной антифаши-

стской борьбы болгарского народа в 1941—1945 гг.; Е. Антонов. Проблемы Отечественной войны Болгарии в докладе тов. Т. Живкова «Тридцать лет Победы над фашизмом»; Ив. Тучев. О характере и роли второго фронта во время второй мировой войны; Г. Камбуров. Работа БКСМ и трудовой молодежи в буржуазной армии (1924—1925 гг.); Г. Георгиев, Ст. Александров. Революционная деятельность в общевойсковом полку связи (1941—1944 гг.); К. Стоянов. Разрастание партизанского движения в Х ПОЗ весной и летом 1944 г.; Цв. Павловска. Военная подготовка восстания 1875 г.; И. Николов. Военные аспекты Великой крестьянской войны в Германии; Материалы.—И. Мит. Крымская война, «восточный вопрос» и судьба южных славян в памятке французского правительства 1854 г.; О. Щегленко. Вклад моряков в укрепление болгаро-советских дружественных связей (1921—1923 гг.); Л. Рангелов. Клятва верности родине; В. Петров. Иван Загубанский — ученик морской унтер-офицерской школы в Русе; А. Михияк. Создание и развитие чехословацкой Народной армии.

«Военноисторически сборник». 1975, № 4.

К 100-летию Апрельского восстания 1876 года.—Т. Гигов. Источник героизма апрельцев и их пример после Освобождения: И. Митев. Панагюриште—центр Апрельского восстания; Ив. Топузов. Неизвестный документ об Апрельском восстании в г. Клисура; П. Тивчев. О положении болгарского народа под византийской властью (1018—1185 гг.); Ат. Попов. Военно-оборонительные особенности крепостной системы Царевца; П. Коледаров. Военная карта Балканского полуострова, составленная в 1388—1393 гг.; А. Ангелов. Работа военной организации БКП по созданию нелегальных каналов и их использование; Ив. Драев. Марксистское программное положение о всенародном вооружении и тесные социалисты; Г. Томов. Военная работа партии в Бургасском округе в 1918—1944 гг.; Материалы.—П. Хадживанов. Советские офицеры — советники в болгарской Народной армии во время первого периода Отечественной войны 1944—1945 гг.; Д. Радулов. Командный состав болгарской армии во время сербоболгарской войны 1885 г.; З. Мицов. Участие болгар в борьбе против фашизма и капитализма в Австрии (1920—1945 гг.); Ч. Подгорский. Создание и развитие польского Народного войска.

«Bulgarian Historical Review». Sofia. 1975, № 2.

Б. Григоров. Выдающиеся деятели международного социалистического движения и Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков) (1923—1931 гг.); Г. Боршуков. Болгарская периодическая пресса во время национального возрождения и общественное мнение за границей; Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии;

Научные заметки.—Русские организаторы болгарских вооруженных сил (1877—1885 гг.); Л. Демиденко (СССР). К вопросу об историко-этнографическом изучении болгарского населения в УССР; Г. Эрцегги (Венгрия). Новый источник по истории болгаро-венгерских отношений во время правления Борила.

«Bulgarian Historical Review». 1975, № 3.

В. Чичовска. Болгарские международные культурные отношения (9. IX. 1944—1948 гг.); В. Койчева. Старозагорское восстание 1875 года; Г. Нешев. Католическая пропаганда в болгарских землях в XVII в. и историческое развитие Юго-Восточной Европы; Д. Попов. Культ богини Бендиды в Афинах; Научные заметки.—З. Попов. Торговые договоры Болгарии с другими странами (1905—1907 гг.); В. Паскалева. Черное море и его побережье в период османского господства на болгарских землях (историко-экономический очерк); Е. Топольски (Польша). Количественная конкретизация согласно методу моделирования в экономической истории; Б. Бешевлиев. Навигационная карта нижнего течения Дуная конца XVIII века.

«Acta Historica». Budapest. 1975, № 1—2.

Ж. П. Пах, Д. Ранки. Четверть века Института истории Венгерской Академии наук; С. Шомоди. Планы реорганизации монархии Габсбургов после австро-прусской войны 1866 г.; И. Гонда. Неограниченная подводная война и Австро-Венгерская монархия; Д. Токоди. К дилемме принятия или непринятия Версальского мирного договора; Сообщения.—В. Эндрей. Английская шерстяная материя в Венгрии; Ф. Глатц. Буржуазное развитие, ассимиляция и национализм в Венгрии в XIX веке; П. Шипош. История фабрик и история рабочего движения в Венгрии; Документы.—Д. Литван. Документы о франко-венгерских отношениях 1917—1918 годов.

«Századok». Budapest. 1975, № 3—4.

Л. Бенцеди. Восстание 1670 г. в области верхней Тисы и его социальный фон; Д. Сабад. Л. Кошут о политическом устройстве Соединенных Штатов Америки; Т. Франк. Венгрия в английской публицистике (1865—1870 гг.); Д. Токоди. Соотношение сил в рабочем движении Германии в ноябре и декабре 1918 года; Сообщения.—Д. Рети. Итальянские документы о Венгерской Советской Республике; Ч. Чаподи. Рукописное наследие историков в румынском отделе Библиотеки ВАН.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 2.

Г. Бензер, Г. Фидлер, Г.-И. Круш. Историческое значение объединения КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии; З. Козик. Объединение рабочего движения в народной Польше;

М. Боучек, М. Клиmesh. Объединение рабочего движения в Чехословакии; Г. Дитрих. Количественный рост и изменения в структуре рабочего класса ГДР как планомерно направляемый процесс (конец 40-х — начало 60-х годов); З. Финцельберг. Претворение в жизнь главной задачи, принятой VIII съездом СЕПГ, и активность рабочего класса (июнь 1971 — июнь 1972 гг.); Г. Хорчански, В. Виммер. Партия рабочих для рабочих. Связь партии с массами в политике Эрнста Тельмана; Документы и материалы. — Публикации Эрнста Тельмана в газете «Молот» (Ростов-на-Дону) в 1926—1928 гг. (Ю. А. Львунин); Воспоминания. — В. Бартель. Последние десять дней фашистского концлагеря Бухенвальд; Р. Бюхнер. История одной листовки и одной интернациональной маевки в 1945 году; Г. Гоффман. Через единство действий к объединению; Научные сообщения. — К.-Г. Янке. Эрнст Тельман, рабочая молодежь и молодежное рабочее движение; М. Ульман. Издание и распространение ленинских работ на немецком языке после разгрома фашизма, до основания СЕПГ.

«*Militärsgeschichte*». Berlin. 1976, № 1.

Г. Кесслер. Историческая заслуга СЕПГ в развитии ННА в современную социалистическую армию; А. А. Епишев. Всемирно-историческая победа Советской Армии в 1945 г. и ее значение для патриотического и интернационального воспитания военнослужащих; З. Май, В. Тиль. Советские боевые традиции — средство классового воспитания в ННА; З. Хайнце, В. Ян. О руководящей роли СЕПГ при создании и развитии военной академии им. Ф. Энгельса; Документы. — Г. Кюн, В. Вебер. Отчеты о подпольной военной организации в бывшем концлагере Бухенвальд; В. Ханиш, В. Шенфельд, Г. Шульц. Военно-политические и военные события из истории Варшавского Договора 1955—1974 гг. (ч. 4: 2. III. 1971—31. X. 1974); Дискуссия. — Генезис и развитие милитаризма. — Ф. Бауэр, К. Шмидель. Оценка германской социал-демократией милитаризма в период с 1865 по 1875 г.; Военные традиции. — Р. Кирхнер. 13 августа 1961 г. в преподавании истории в военном училище пограничных войск им. Р. Люксембург.

«*Militärsgeschichte*». 1976, № 2.

А. А. Епишев. Боевые традиции Советской Армии — важный фактор воспитания воинов в социалистическом духе; Е. И. Рыбкин. Об анализе социального и политического характера войн в современную эпоху; К. Л. Селезнев. В. И. Ленин о моральном духе империалистических армий, его исследовании и оценке; Х. Хен. О некоторых проблемах развития военно-теоретической мысли в сухопутных войсках ННА; А. Каризус. О сущности империалистических военных коалиций и стратегии НАТО; Э. Делер. Военный вопрос на XII

съезде КПГ; Воспоминания. — М. Озеранер. Немецкие антифашисты в партизанском движении РСФСР и Белорусской ССР; Дискуссия. — Генезис и развитие милитаризма. Б. Мальке. Об отношениях милитаризма и фашизма в Германии; Из истории военной техники. — Э. Штенцель. Развитие артиллерии в отдельный род войск в военном деле позднего феодализма (XVII и XVIII вв.).

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Berlin. 1976, № 3.

Х. Нойперт. Италия между демократией и реакцией. Борьба коммунистов за демократию и социальное обновление и контр наступление консервативных сил Италии в 1946—1947 гг.; З. Томас. «План Шумана» в «европейской политике» ФРГ (1949—1952 гг.); Сообщения. — Ф. Петрикк. 21 условие приема в Коминтерн и Норвежская рабочая партия; Публикация. — В. Шрёдер. Профсоюзный закон бисмарковского государства? Меморандум полицей-президента Берлина фон Мандай прусскому министру внутренних дел фон Путткамеру от 27 декабря 1884 г.; Дискуссия. — Э. Хоффман. Об отношениях между историческим музеем и исторической наукой.

«*Kwartalnik Historyczny*». Warszawa. 1976, № 1.

И. Бежуньска-Маловист. Социальное положение рабов в Египте в эпоху Птолемея; Р. Людвиговски. Между романтическим энтузиазмом повстанцев и органическим трудом; М. Новак-Келбикова. Из истории польских эмигрантов в Англии в годы межвоенного двадцатилетия 1919—1939 гг.; П. Лоссовски. Ленинская концепция создания СССР; Обзоры — полемика — предложения. — А. Выханьски. Сотрудничество историка с компьютером; К. Вычаньска, К. Субета. Информационная система «Большая эмиграция»; Ч. Майорек. «Исторический вестник» («*Wiadomości Historyczne*») в прошлом и настоящем; К. Гавликовски. О первой в Польше «Истории Китая».

«*Studia historyczne*». Kraków. 1976, № 1.

А. Подраза. Литература о подьеме сельского хозяйства к середине XVIII в. и ее развитие (ч. 1 — до конца XVI в.); Л. Лисьяк. Статуты Казимира Великого в XV в. — юридическая практика в Малой Польше; Р. Людвиговски. Социалистическая опасность как причина компромисса, достигнутого в крестьянском вопросе. Размышления об идеологии польского консерватизма в период между восстаниями 1830 г. и 1863 г.; Я. Наумюк. Основные политические оппозиционные группы против режима санации в Келецком воеводстве (1936—1939 гг.); И. Пачинска. Формы советской партизанской войны и методы борьбы советских подпольных групп в Средней и Южной Польше (в период гитлеровской

окупации); Материалы и научные заметки.—Е. Мадейски. Печати городов великих князей и ведущие от них начало геральдические гербы; А. Овсинска. Сообщения французской полиции об активности революционных организаций в Лондоне в 1845—1846 гг.; Полемика и дискуссии.—Э. Бидрицки. Дополнение к «Истории польских общин на Буковине»; С. Кожоровски. О книге «Chadecja» (христианско-демократическая партия) Божены Крживоблоцкой.

«Wojskowy Przegląd Historyczny». Warszawa. 1975. № 3.

Б. Хоха, З. Стомпор. Избранные вопросы военного искусства на европейском

театре военных действий 1939—1945 гг.; М. Вечорек. Партизанские силы Армии Людовой в 1944 г. Очерк организационного развития; Материалы.—Т. Равски. Пехота в годы второй мировой войны (ч. 1); Ф. Скибиньски. Бронетанковые войска в годы второй мировой войны (ч. 1); И. Благовещански. Артиллерия в годы второй мировой войны (ч. 1); Ч. Кшеминьски. Использование ВВС в годы второй мировой войны в Европе (ч. 1); Е. Бордзиловски. Инженерные войска в годы второй мировой войны (ч. 1); Я. Шимановски. Моя служба в дорожных войсках (окончание); М. Гарц, Б. Зелиньска, А. Мохнацка-Вуйцик, У. Новицка. Материалы по библиографии второй мировой войны.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент. 1971. 135 стр. Рец.: Kazemzadeh F.—«American Historical Review». Washington. 1975, № 4, p. 941.

Андреев И. Л. Некапиталистический путь развития. (Опыт филос.-социол. анализа). М. 1974. 192 стр. Рец.: Semmler W.—«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1975, H. 6, S. 1050—1052.

«Античная цивилизация». М. 1973. 271 стр. Рец.: Wąsowicz A.—In: «Archeologie», 25, 1974. Wrocław e. a. 1975, s. 163—164. «Армии стран НАТО. Воен.-полит. очерк». М. 1974. 285 стр. Рец.: Schröter L.—«Militär-geschichte». Berlin. 1975, № 5, S. 626—628.

Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. М. 1974. 399 стр. Рец.: Bartkowski T.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1975, z. 12, s. 176—178.

Брагинский М. И. Формирование африканского пролетариата. М. 1974. 303 стр. Рец.: Müller H.—«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1975, H. 6, S. 1072—1073.

Васюта І. К. Селянський рух на Західній Україні в 1919—1939 рр. Львів. 1971. 222 стр. Рец.: Процько В. Р.—«American Historical Review». Washington. 1975, № 4, pp. 1014—1015.

«Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории сов. партизанского движения в годы Великой Отеч. войны». Вып. 1. М. 1974. 447 стр. Рец.: Apel R.—«Militär-geschichte». Berlin. 1975, № 5, S. 621—624.

«Вторая мировая война и современность». М. 1972. 355 стр. Пер. на болгар. яз. София. 1975. Рец.: Мирчева Х.—«Меж-

дународни отношения». София. 1975, кн. 4, с. 112—114.

Высоцкий В. Н. Мероприятие «терминал». Потсдам. 1945. М. 1975. 204 стр. Пер. на нем. яз. Berlin. 1975. Рец.: Wildner G.—«Deutsche Aussenpolitik». Berlin, 1975, H. 10, S. 1585—1586.

Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М. 1973. 296 стр. Рец.: Giertz H.—«Militär-geschichte». Berlin. 1975, № 5, S. 631—632.

Дмитриев Е., Ладейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке. М. 1974. 247 стр. Рец.: Grzeskowiak M.—«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1975, H. 6, S. 1065—1066.

«Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 1. Ноябрь 1917 г.—август 1922 г. М. 1973. 551 стр. Рец.: Куманов М.—«Bulgarian Historical Review». Sofia. 1975, № 2, pp. 100—101.

Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках. М. 1973. 255 стр. Рец.: Wielowiejski J.—In: «Archeologie», 25, 1974. Wrocław e. a. 1975, s. 168—169.

Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. По материалам Сред. и Сев. Италии. М. 1967. 363 стр. Пер. на итал. яз. Bologna. 1975. Рец.:—«Veltro». Roma. 1975, № 3—4, pp. 420—421.

Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). Минск. 1975. 222 стр. Рец.: Добрянков Т.—«Международни отношения». София. 1975, кн. 4, с. 102—104.

Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М. 1973. 315 стр. Рец.: Curtiss J. Sh.—«American Historical Review». Washington. 1975, № 4, p. 1010.

Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1971. 575 стр. Рец.: Калаора Б.—В кн.: «Профсоюзни летописи». 12. София. 1975, с. 334—341.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в феврале 1976 года.

Михайлина П. В. Міста України в період феодалізму. (До питання про становище міст в умовах іноземного поневолення в кінці XVI — першій половині XVII ст.). Чернівці, 1971. 114 стр. Рец.: Armstrong J. A.—«American Historical Review». Washington, 1975. № 4, p. 1014.

Мурашева Г. Ф. Вьетнамо-китайские отношения XVII—XIX вв. М. 1973. 159 стр. Рец.: Darogless J. W.—«American Historical Review». Washington, 1975, № 4, pp. 1035—1036.

«На вечные времена». М. 1975. 325 стр. Рец.: Godó A.—«Hadörténelmi közlemények». Budapest, 1975, № 3, 571—576. old.

Новичев А. Д. История Турции. Т. 3. Новое время. Ч. 2. (1839—1853). Л. 1973. 205 стр. Рец.: Svetkova B.—«Bulgarian Historical Review». Sofia, 1975, № 3, pp. 105—107.

«Октябрьская революция и армия. 25 окт. 1917 г.— март 1918 г.». Сборник документов. М. 1973. 455 стр. Рец.: I. Gieritz H.—«Militärgeschichte». Berlin, 1975, № 5, S. 632—633; 2. Kenez P.—«American Historical Review». Washington, 1975, № 4, pp. 1012—1013.

«Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы». М. 1974. 463 стр. Рец.: Wegner-Korfes S.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1975, H. 12, S. 1455—1456.

Римантиене Р. Первые жители Литвы. Вильнюс, 1972. 96 с. (на литов. яз.). Рец.: Gimbutas M.—«American Historical Review». Washington, 1975, № 4, p. 942.

Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в

XIV—XVII вв. М. 1972. 322 стр. Рец.: Donchenko A. K.—«American Historical Review». Washington, 1975, № 4, p. 965.

Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—1939. М. 1974. 428 стр. Рец.: Skrzypek A.—«Kwartalnik historyczny». Warszawa, 1975, z. 4, s. 893—896.

Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. (Альбом). Л. 1973. 191 стр. Рец.: Wasowicz A.—In: «Archeologie», 25, 1974. Wrocław e. a. 1975, s. 164—165.

Трапезников С. П. На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы с ревизионизмом внутри марксистско-ленинского движения). М. 1971. 271 стр. Пер. на словац. яз. Bratislava, 1974. Рец.: K. H.—«Slovenský prehľad». Praha, 1975, № 5, s. 408—409.

Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л. 1972. 226 стр. Рец.: Emmons T.—«American Historical Review». Washington, 1975, № 4, pp. 1011—1012.

Шейн Р. В., Головенко И. П. Каталог орденов и медалей Монгольской Народной Республики (1924—1969 гг.). Баку, 1969. 60 стр. Рец.: Prozogo K.—«Biuletyn numizmatyczny». Warszawa, 1976, № 8, s. 154—155.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1973. 511 стр. Пер. на венгер. яз. Budapest, 1975. Рец.: Móricz L.—«Hadörténelmi közlemények». Budapest, 1975, № 3, 567—568. old.

Хроникальные заметки

◆ В связи с 30-й годовщиной СЕПГ, в марте 1976 г. в Берлине состоялась научная конференция, созванная Институтом марксизма-ленинизма, Высшей партийной школой «Карл Маркс» и Институтом общественных наук при ЦК СЕПГ, на тему «СЕПГ — сознательный, организованный, передовой отряд рабочего класса и трудового народа». В ее работе участвовали члены ЦК, краевых и областных организаций СЕПГ, ветераны партии, ученые. Вступительное слово произнес директор ИМЛ проф. Гюнтер Хайден. С докладом выступил член ЦК СЕПГ, директор Института общественных наук проф. Отто Райнхольд, осветивший историю слияния КПГ и СДПГ в восточной части Германии и показавший значение этого события для построения социализма в ГДР. В ходе дискуссии обсуждались различные аспекты партийной работы, внешней политики и социалистического соревнования в ГДР.

◆ Той же дате была посвящена специальная конференция в Высшей партийной школе «Карл Маркс». С докладом выступила директор ВПШ проф. Ханна Вольф,

охарактеризовавшая путь, пройденный СЕПГ за 30 лет. Авторы 14 сообщений освещали вопросы руководящей роли партии, деятельности рабочего класса и теоретические проблемы, критиковали современную буржуазную литературу, касающуюся СЕПГ.

◆ Совет по научному коммунизму Института общественных наук при ЦК СЕПГ провел в апреле с. г. конференцию, посвященную исторической роли рабочего класса. Проф Гюнтер Хоппе сделал доклад о развитии мирового революционного процесса, стратегии и тактики международного рабочего движения. Выступившие в дискуссии обсуждали проблему возрастания роли рабочего класса и его партии, формы союза с кооперированным крестьянством, сотрудничество с интеллигенцией и всеми трудящимися, рассматривали процесс сближения всех классов и слоев общества в ГДР.

◆ В Берлине был организован в апреле с. г. научный colloquium на тему «Борьба Эрнста Тельмана против фашизма» (к 90-летию со дня рождения Тельмана). Его

участники доложили о новых исследованиях по истории рабочего движения в Германии, ГДР и ФРГ, в том числе: Хайнц Карл — о борьбе против фашистской угрозы в конце 20-х — начале 30-х годов, Вальтер Виммер — о борьбе КПГ за единый антифашистский фронт в 1932 г., Гюнтер Хорчанцки — о борьбе тельмановцев с захватившим власть фашизмом. Обобщенную характеристику тельмановедческих исследований дал проф. Эрнст Диль.

◆ В Дрездене (январь 1976 г.) собрались военные историки-музееведы стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, чтобы в рамках международной научной конференции обсудить актуальные проблемы музееведения и военной истории, использования ее достижений в области пропаганды. Об общем значении военно-исторических исследований и использовании исторического опыта в современной борьбе за сохранение и упрочение мира говорил начальник Главного политического управления Национальной Народной армии ГДР адмирал Вальдемар Фернер. Директор Музея вооруженных сил ГДР Йоханнес Штройбель остановился на роли военных традиций в патриотическом воспитании социалистического гражданина.

◆ В Гумбольдтовском университете (Берлин) в январе 1976 г. прошел коллоквиум на тему «Сотрудничество университета с советской наукой: традиции и современность». В работе коллоквиума приняли участие представители Московского университета, Общества СССР — ГДР и Общества германо-советской дружбы. Вступительный доклад сделал проректор Гумбольдтовского университета Йохим Ау т. В процессе двухдневного обсуждения доклада были проанализированы связи между учеными двух стран и намечены новые перспективы в рамках научных учреждений и вузов.

◆ В марте текущего года в Варшаве имело место юбилейное заседание Комиссии историков ГДР и Польши, приуроченное к 20-й годовщине со дня ее образования. Проф. Владислав Маркевич (ПНР) сделал доклад о сотрудничестве обеих стран в области общественных наук. Были обсуждены планы дальнейшей работы комиссии. Следующее ее заседание посвящается истории культуры Германии и Польши в первой половине XIX столетия.

◆ Шведско-венгерский исторический комитет, возглавляемый Фольке Линдбергом (Стокгольмский университет) и Дьёрдем Ранки (Дебреценский университет), выпустил историографическо-библиографическую работу о венгеро-шведских контактах и соответствующих средневековых источниках. В нее вошли очерк Дьёрдя Секели на указанную тему и перечень находящихся в шведских архивах источников (до 1600 г.), содержащих данные о Венгрии («Hungary and Sweden. Early Contacts. Early Sources»). Budapest. «Akadémiai Kiadó». 1975. 122 old.).

◆ Том XVI серии монографий «Исторической библиотеки Румынии» посвящен взаимоотношениям автохтонного и пришлого населения на территории современной Ру-

мынии. Он содержит статьи: В. Илиеску о скифах в Добрудже, В. Цирра о даках и кельтах в Трансильвании, А. Дайковичу о даках и римлянах в Траяновой провинции, Г. Бикира о сарматах и даках, Г. Диакону о готах в Дакии, И. Ионице о готах на Карпатах, С. Долинеску-Ферке о гуннах на Нижнем Дунае, Р. Архою о Трансильвании V в. н. э., К. Оредага о гелидах и аварях в Трансильвании, М. Русу об аварях, славянах и потомках римлян в VI—VIII вв., Д. Г. Теодора о славянах Восточных Карпат, М. Комша о славянах на Нижнем Дунае, М. Русу о венграх в Трансильвании, К. Преда о византийцах на Дунае, П. Диакону о печенегах на Нижнем Дунае, Г. Бако о венграх и печенегах в Банате, Ш. Олтяну о румынских средневековых княжествах и воеводствах, В. Спиньи о среднеазиатских кочевниках в Румынии, И. Доната о румынах XIV в., М. Петреску-Дымбовичу, Д. Г. Теодора и В. Спиньи о Восточной Румынии до XIV в., А. Граура о румынском языке («Relations between the Autochthonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania». Collection of Studies. Bucureşti. EARPR. 1975. 323 p.).

◆ Очерки о восьми мыслителях итальянского Возрождения (Петрарка, Валла, Фичин, де ла Мирандола, Помпонаци, Терезио, Патрици и Бруно) составили в совокупности новую книгу швейцарца Пауля Оскара Кристеллера (P. O. Kristeller. *Œuvres philosophiques de la Renaissance italienne*. Genève. «Droz». 1976. 168 p.).

◆ В 1578 г. Жан де Лери, он же Леви-Строс, считающийся во Франции зачинателем ее этнографической науки, предпринял путешествие в Бразилию и дал в 1580 г. первый «этнографический» очерк этой страны в своем дневнике. Осуществлено новейшее издание дневника с примечаниями Ж. К. Моризо и Л. Неккера (J. de Lery. *Histoire d'un voyage fait en la terre de Brésil*. Genève. «Droz». 1975. 548 p.).

◆ В очередной, пятый том серии «Международного журнала по экономической и социальной истории» вошли среди прочих следующие статьи: Ж. Видаланк «Социальные предпосылки коррупции во Франции 1798—1848 гг.», Р. Мандль «Черты экономического развития Гвнаны в XIX в.», П. Шою «Экономическая история: прошлое и перспективы» («International Journal of Economic and Social History». Vol. 5. 1975. 448 p.).

◆ Пол Лоренс Роуз (Англия) написал книгу о роли математики в развитии итальянского Ренессанса от Петрарки до Галилея. Им рассмотрены следующие проблемы и личности: истолкование тогдашними математиками понятия «Возрождение», связь их воззрений с теориями гуманизма, их контакты с переводчиками античных текстов и со схоластами, Региомонтан, Коперник, Паччоли, Кардано, Бомбелли, Тарталья, Бенедетти, Мавролико, школа Урбино, Галилей (P. L. Rose. *The Italian Renaissance of Mathematics*. Genève. «Droz». 1976. 332 p.).

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Эта уникальная карта была обнаружена среди бумаг «Кабардинских дел 1719 года»¹ и опубликована в первом сборнике «Кабардино-русские отношения», посвященном событиям XVI—80-х годов XVII века. Может быть, именно поэтому комментарий к ней спуска до предела: «Первая обнаруженная русская карта Северного Кавказа была составлена в 1719 году»². Некоторые данные этой карты, касающиеся расселения западно-адыгских племен, использовала Е. Н. Кушева³. В дальнейшем карта не подвергалась специальному источниковедческому анализу. Попытаемся выяснить содержание карты, условия ее создания, а также имя автора.

По характеру исполнения карта скорее является чертежом-схемой, хотя и подробным, но все же лишенным таких обязательных для первой половины XVIII в. атрибутов собственно карт, как заглавие, «компасные розы», масштаб, «соблюдение пропорций» в графической подаче всей изображаемой территории, а не только тех ее районов, которые интересуют автора⁴. Свообразно и «Описание», помещенное в углу чертежа: оно содержит не условные обозначения или уточнения местонахождения тех или иных «узловых» населенных пунктов (как это было принято)⁵, а сведения о расстояниях между ними, измеряемых «днями пути». Линии рек, морей выполнены не-

брежно и уж во всяком случае лишены профессиональной картографической четкости.

Примечательно и содержание чертежа. Оно доказывает прежде всего, что составитель его имел крайне смутное представление об областях, лежащих к югу от Кавказского хребта. «Персидская земля» (Иран), «Земля турецкая» (Турция), «Грузия» лишены у него каких бы то ни было картографических характеристик и представлены лишь названиями. Бросаются в глаза вопиющие ошибки: «Горы арацкие» обозначены на карте в западном Закавказье, к северо-западу от «Грузии», и именно от них начинается течение «реки Кубани», которая пересекает меридианально весь Кавказский хребет. Апшеронский же полуостров автор принял за поворот южного берега Каспийского моря и уверенно очертил южную границу Каспия от известного ему города «Дербень» (Дербент) по направлению к востоку.

Значительно больше осведомлен составитель о Северном Кавказе, где нанесены гидрографическая сеть, рельеф (горы даются способом «кротовин», то есть в виде холмиков, изображенных в профиль и затушеванных с одной стороны), населенные пункты, дороги, названия этнических групп, местностей и т. п. Однако и тут по степени полноты и точности топографического материала различные части изображаемого пространства выполнены неодинаково. Низовья Волги, Кубани, Дона, предкавказские степи, территория Дагестана и правобережья Терека даны схематично и выглядят на карте пустынно. Их изображение несет минимум графической и словесной информации, чаще всего прямо связанной с «путеводными» задачами «Описания» к чертежу. К тому же автор допускает грубые погрешности и существенные ошибки. Так, город «Черкас» (Чаркасск) помещен им на левом берегу Дона, хотя в действительности он располагался на правом⁶. Устье Кубани, состоящее из двух рукавов, впадает

¹ ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. 12, лл. 37 об.—38.

² «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.». Т. I. М. 1957, вклейка между стр. 388—389, стр. 425.

³ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII веках. М. 1963, стр. 138—141. Пользуемся случаем выразить благодарность Е. Н. Кушевой за ценные советы, которые помогли нам в работе над интерпретацией карты.

⁴ К. А. Салищев. Основы картоведения. М. 1948.

⁵ См., например: «Карта большой и малой Кабарды» 1744 г. («Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.». Т. II. М. 1957, стр. 114—115); «Карты реки Терка и по части Малой Кабарды и Грузии» 1733 г. (В. Н. Гамрекели. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси. 1968, стр. 118).

⁶ См., например, план и карту Черкаска, составленные А. Ригельманом в середине XVIII в. (А. Ригельман. История или повествование о донских казаках. М. 1846).

в середине восточного побережья Азовского моря (на самом деле один из рукавов реки впадал в Черное море, а другой — в южный угол Азовского моря в районе Таманского полуострова). Чеченцы помещены в горах близ Грузии, между истоками Терека и Сунжи (устье последней, кстати, изображено рядом с устьем реки Малки, хотя в действительности между ними расстояние более 100 верст⁷), что неверно, ибо «чеченцы» в источниках и на картах первой половины XVIII в. — это жители округа аула Большой Чечень, расположенного в низовьях правого притока Сунжи — реки Аргуна⁸. На правом берегу Терека с обеих сторон устья Сунжи обозначены на карте городки «Гребенских казаков», истинное местонахождение которых на левом берегу реки неоспоримо с 1712 г. и многократно засвидетельствовано источниками первой половины XVIII века⁹. Перечень неточностей и ошибок можно продолжить. Он доказывает приблизительность знаний автора или его небрежное отношение к оформлению периферии некоего основного для составителей карты района.

Таковым оказывается район Северного Кавказа, населенный адыгами. Здесь, как бы составляя фокус карты, четко обозначены владения Кабарды и «Вольных черкесов», пересеченные многочисленными реками (Терек, Баксан, «Малхъ» — Малка, Кума с Подкумком, Кубань, Лаба), названия которых тщательно засвидетельствованы. Тут обозначены пять гор «Бестова» (Бештау, Пятигорье) и «Теплые воды» среди них. Между средним течением Кубани и Черным морем карту густо заполняют изображения селений «Бесли» (бесленевцев), «атукаев» (натухаевцев), «темиргоев» (темиргоевцев), «женов» (женевцев), «хету-ге» (хатукаевцев) и «задух» (бжеду-

хов) — западно-адыгских племен, близко родственных кабардинцам. Именно тут, в районе «Бестова» (Пятигорья), сливаются пунктирные обозначения тех путей, что даны в «Описании», и эта единая «дорога» ведет от «Бестова» на левый берег низовой Кубани, к селениям неких «кубанцев». Есть здесь и иная (менее важная для нас), старательно поданная картографическая информация, связанная с обозначением горских соседей Кабарды и «Вольных черкесов». Все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что автор был человеком, исключительно осведомленным в делах именно кабардино-черкесского мира¹⁰ и озабоченным какими-то вполне конкретными задачами при составлении своей карты-путеводителя и дополняющего ее «Описания».

Чем же могло быть вызвано появление карты?

Первые десятилетия XVIII в. были особенно тревожными в истории кабардинцев, черкесов, адыгейцев. Над ними нависла угроза порабощения со стороны Турции и вассального ей Крыма¹¹. Яростный военно-политический нажим на адыгов (общее название этих народов) предпринял в те годы Бахты-Гирей — кубанский сераскир (турецкий правитель населения низовой Кубани). Многочисленные челобитные Петру I, направляемые кабардинцами, придерживавшимися устойчивой русской ориентации, полны сведений о том, что «Крым... и все кубанцы... согласились на нас схать, хотят нас всех вырубить и в полон взять», что «они издавна на нас злобились, а ныне и наипаче нас хотят разорить и погубить, что мы поддались служить вам, великому государю христианскому, и на них ходили войной, и в том велики нам ставят пуше прежнего недругами», что «жели нам помочи и соблюдение не будет от ве-

⁷ «Кабардино-русские отношения». Т. I, стр. 387—388.

⁸ См. названные выше карты 1733 и 1744 гг., а также: В. Н. Гамрекели. Указ. соч., стр. 106 и сл.; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. О месте первоначального расселения гребенских казаков. «Советская этнография», 1972, № 3, стр. 39, и др.

⁹ См. также: И. Дебу. О Кавказской линии. СПб. 1829, стр. 54; И. Попко. Терские казаки с стародавних времен. СПб. 1880, стр. V; В. А. Потто. Два века терского казачества. Т. I. Владикавказ. 1912, стр. 103; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. О времени заселения гребенскими казаками лвого берега Терека. «История СССР», 1975, № 6.

¹⁰ Подобная односторонняя заинтересованность, точность только определенной информации в данном случае говорят об этнической принадлежности автора, подобно тому, как «наиболее совершенные изображения территории Каргтийского, Кахетинского и Имеретского царств» на фоне схематических, а нередко и заблуждающих ошибками частей карт прочих районов Кавказа недвусмысленно свидетельствуют о национальности Вахушти Багратиони, создававшего свои атласы в 30-х годах XVIII в. (см. Л. И. Маруашвили. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. М. 1956, стр. 98—103).

¹¹ См. «Очерки истории Адыгии». Майкоп. 1957, стр. 140—143; «Очерки истории Карачаево-Черкесии». Т. I. Ставрополь. 1967, стр. 263—269.

ликого государя, без меры нам будет трудно» и т. д. и т. п.¹². Серьезную опасность, нависшую над земляками, отлично сознавал и князь А. Б. Черкасский — сподвижник Петра I, постоянный представитель интересов Кабарды перед русской администрацией¹³. В 1711 г. он был направлен царем в Кабарду для организации совместного русско-кабардинского похода против закубанских татар («кубанцев»). Поход состоялся, но был не особенно удачен и привел лишь к обострению обстановки. В 1714 г. А. Б. Черкасский подготовил правительству «доношение»¹⁴, в котором настойчиво предлагал организовать большой поход русских войск и казаков против турецко-крымских сил в Закубанье, гарантируя безоговорочную помощь со стороны кабардинцев, «горских черкесов» и родственных им адыгских племен. Об этом же настойчиво просили и ведущие князья Большой Кабарды. Каждое последующее письмо от них было тревожнее предыдущего¹⁵.

Обстановка особенно накалилась к 1718 году. И вот тогда-то в Москву спешит полномочный посол кабардинских князей Султан-Али Эшев (Абашев). Он не только везет обычное письмо («лист») от своих патронов, но и наделен правом личных «словесных доношений»¹⁶. Султан-Али полностью использует предоставленные ему полномочия и весной 1718 г. в Посольском приказе, бегло ответив на ряд вопросов, обстоятельно докладывает подробный, продуманный в деталях план совместного русско-кабардинского похода на Бахты-Гирея. Этот план в записи московских подьячих тождествен той информации, которая заложена в исследуемой карте. Султан-Али (как и А. Б. Черкасский) выступает от имени группы князей Большой Кабарды¹⁷. В фокусе карты также изображена «Кабарда», лежащая к западу от меридианального течения Терека, то есть именно и только Большая Кабарда (Малая Кабарда располагалась на правом берегу Терека). Султан-Али предлагает «на Кубань напасть и разорить», «на Бахты-Гирея, и на войска ево,

и на юрты напасть и по возможности разорить». Основная цель карты — обозначить «дорогу», ведущую в глубь владений Бахты-Гирея, к селениям «кубанцев».

Кабардинский посол призывал объединить силы «Черкасских и Кабардинских войск» с «донскими казаками или иными российскими войсками». Он предостерегал, что в противном случае «Бахты-Гирей Салтан готовится ехать под казачьи городки, а именно под Черкасское» (то есть к низовьям Дона). «Описание» же к карте содержит расчет расстояний «до Кубани», «до кубанских жителей» от Дона («от Черкаска»), от Астрахани, от Терков, от Гребенских казаков, от Кабарды, от «Вольных черкесов», то есть практически от всех пунктов возможного размещения войск, выступающих в поход. Султан-Али считает, что отрядам «соединитца надобно у Кумы реки, у места Бестова». На карте именно в районе «Бестова» на Куме пути вероятного продвижения войск, обозначенные пунктиром (из Астрахани, из Терков и мимо городков Гребенских казаков, из Большой Кабарды), сливаются в одну общую «дорогу» за Кубань.

Со слов посланца Кабарды в Посольском приказе было записано: «Позади Кабарды есть 6 городков, в которых живут черкесы ж иного языка; и из тех в Хатукае да в Жаду жителем он, Бахты-Гирей, отчасти верит». На карте названы по именам шесть западно-адыгских племен и обозначены селения их, причем «хетуге» (хатукаи) и «задух» («жаду» — бжедухи) оказываются непосредственными соседями враждебных «кубанцев», что и определяло, очевидно, их некоторую зависимость, объясняющую частичное «доверие» к ним Бахты-Гирея.

Эти аналогии между текстом «распросных речей» Султан-Али и содержанием карты слишком существенны, чтобы считать их случайными. Можно предполагать, что карта-чертеж Северного Кавказа служила графической иллюстрацией плана похода, задуманного и давно уже вынашиваемого князьями Большой Кабарды. В дипломатической практике тех лет достаточно часто были случаи, когда послы или высокие гости из союзных стран, кроме устных или письменных разъяснений, подготавливали и самодельные карты-схемы. Так поступили, например, в Москве грузинский царь Вахтанг VI в 1725 г. и грузинские послы в 1733 году¹⁸. Известно, что в изданной в Пари-

¹² «Кабардино-русские отношения». Т. II. М. 1957, стр. 4—14.

¹³ В. Б. Вилинбахов. Александр Черкасский — сподвижник Петра I. Нальчик. 1966.

¹⁴ «Полное собрание законов Российской империи». Т. V. СПб. 1873, № 2815.

¹⁵ «Кабардино-русские отношения». Т. II, стр. 15—17.

¹⁶ Там же, стр. 17—20.

¹⁷ Там же, стр. 5—8.

¹⁸ В. Н. Гамрекели. Указ. соч., стр. 105—106, 119—120.

же Г. Делилем (1722 г.) карте стран, прилегающих к Каспийскому морю, были использованы картографические материалы грузинского князя Сулхан-Сабы Орбелиани, побывавшего во Франции, и «господ Крузюса, Зурабека и Фабрициуса — послов при персидском дворе», выполненные собственноручно¹⁹. Поэтому подобный шаг кабардинского посланца был по тем временам логичен.

Но мог ли Султан-Али Эшев нарисовать такую карту? Или информация его «распросных речей» легла на некую контурную карту Кавказа, подготовленную в Посольском приказе?

Если сравнить известный картографический материал рубежа XVII—XVIII вв., относящийся к изображению Кавказа, Каспийского и Черного морей, с рассматриваемой картой, то обнаружатся весьма существенные отличия объектов сопоставления. Так, изображение Каспийского моря (в частности, вошедших в карту 1719 г. его северного и западного берегов) не соответствует ни одной из предшествовавших русских и западноевропейских карт (С. Ремезова 1697 г., Г. Делиля 1706 г., Е. Майера-Оттенса 1703—1722 гг., А. Б. Черкасского 1715 г., В. А. Урусова и А. Кожина 1718 г.)²⁰. В сущности, изображенная часть берега Каспия представляет собою самую общую схему, лишенную каких бы то ни было подлинных примет (заливы, полуострова и т. д.). Бассейн Каспия лишь отдаленно, общим абрисом (угадываемым по вошедшей в карту части и приближающимся к форме неправильного квадрата) напоминает контуры карты Г. Делиля 1706 года. Но дальше этого сходство не идет. План Черного и Азовского морей ближе к реальности и к ее фиксации в хронологически предшествовавших картах (И. Массы 1633 г., Н. Витсена 1687 г., Г. Делиля 1706 г. и др.)²¹. Но и

¹⁹ Л. И. Маруашвили. Указ. соч., стр. 21—22; Р. Барамидзе. Страницы одной дипломатической миссии. В кн.: Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. Тбилиси. 1969, стр. 124—126.

²⁰ Л. С. Баулов. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб. 1912; Л. С. Берг. Первые русские карты Каспийского моря. «Известия» АН СССР. Серия географическая и геофизическая. 1940, № 2; Е. А. Княжецкая. Судьба одной карты. М. 1964, стр. 63—91.

²¹ «Материалы по истории русской картографии». Вып. I. Киев. 1899; Л. И. Маруашвили. Указ. соч., стр. 98—99; Б. А. Рыбачков. Русские карты Московии. М. 1974, стр. 54—108.

здесь до тождества далеко: заметно искажены изображения Таманского полуострова, дельты Кубани, а кавказское побережье дано «условно-волнистой» линией, совершенно лишенной тех чрезмерно извилистых очертаний, которые составляют особенность изображения берегов Черного моря в картографии XVII — первой половины XVIII века.

Грубым отступлением от истины и официальной картографии эпохи является неумелое в композиционном отношении размещение земель Северного Кавказа. Территория Предкавказья значительно преувеличена, а цепь Кавказских гор оказалась смещенной далеко к югу и протянулась между южными оконечностями Каспийского и Черного морей. Ничего подобного нет ни на известных нам картах начала XVIII в., ни на чуть более поздних картах, построенных на информации тех же лет (Г. Делиля 1722 г., И. Мутафаррика 1732 г.)²².

Таким образом, нет оснований считать, что исследуемая карта скопирована с какой-либо другой известной карты. Она представляется весьма приблизительным наброском контуров Кавказа и прилегающих к нему с севера степей, сделанным человеком, имеющим представление о картографии и знакомым с соответствующими картами. Но он не был, очевидно, профессионалом, и потребность создания собственноручной схемы диктовалась ему конкретной практической необходимостью. В связи с этим целесообразно вновь вернуться к личности Султан-Али Эшева.

Признание (или хотя бы допущение) его авторства подразумевает, что кабардинский посланец знал русскую грамоту и, главное, был знаком с азами картографии. Не слишком ли много для горского узденя, пусть даже и посланного в Москву с ответственным поручением? Сомнения на этот счет исчезнут, если учесть, кем же был Султан-Али. Оказывается, он не только доверенное лицо князей Большой Кабарды, но и близ-

²² См.: G. Delisle. Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre. Histoire de l'Académie royale des science. Année 1720. Avec les mémoires de mathématique et de physique. P. 1722, pp. 365—384; Ю. Крачковский. Турецкий первопечатник Ибрахим Мутафаррика и его работы по географии. «Тюркологический сборник». Т. I. М.-Л. 1951.

кий к А. Б. Черкасскому человек. В августе 1717 г., в разгар Хивинского похода и за несколько дней до своей гибели князь отослал Султан-Али из своей свиты в Кабарду, делами которой он всегда был озабочен. Князь поручил на этот раз Султан-Али разведку «рудных мест» на Северном Кавказе²³. Поручение было блестяще выполнено: в горах, «в дне езды» от Кабарды, Султан-Али обнаружил четыре местонахождения железной, серебряной и свинцовой руд, продемонстрировав недюжинные способности «рудознатца», ответственно подошедшего к данному ему заданию²⁴. Когда спустя полгода кабардинские князья посылали Султан-Али в Москву с проектом похода на Кубань, они сочли нужным в своем письме подчеркнуть: «И он, Султан-Али, сын Эшева, от младенчества своего при князе Александре Бековиче пребывал, много вам служил, и он вам никогда не изменит. И мы словам его верим, и ныне ево ж определили посланцем и послали ево и во всех наших делах вам донести ему приказали и поверили»²⁵.

Значит, Султан-Али с детства находился при князе Черкасском и, следовательно, почти всю жизнь прожил в России. Он, очевидно, умел не только говорить, но и писать по-русски. Весьма вероятно, что он сопровождал князя А. Б. Черкасского и в его поездке в Западную Европу для изучения «навигационного искусства», включавшего и навыки картографии. А. Б. Черкасский стал высококвалифицированным мореходом и картографом. Именно ему принадлежит честь создания первой научной карты восточного берега Каспийского моря, которую он выполнил во время специальной экспедиции 1714—1715 годов²⁶. В период с 1711 по 1715 г. он неоднократно ездил в

²³ «Кабардино-русские отношения». Т. II, стр. 18.

²⁴ Любопытно, что А. Б. Черкасский в своем проекте 1714 г. о присоединении народов Северного Кавказа к России, особое внимание уделял разработке различных руд в местных горах, суля от них «прибыток немалый» государству Российскому («ПСЗ Российской империи». Т. V, № 2815, стр. 108—110).

²⁵ «Кабардино-русские отношения». Т. II, стр. 17.

²⁶ Е. А. Княжецкая. Указ. соч., стр. 14—91.

Кабарду, пересекая почти весь Северный Кавказ. Согласно письму кабардинских князей от 5 декабря 1717 г., его сопровождал («между нами бывал и ежал») и Султан-Али. Еще в 1711 г. Султан-Али ездил в Москву послом от А. Б. Черкасского с известием о победе все над теми же закубанскими татарами, к походу на которых он призывает и в 1718 году²⁷.

Рассматриваемая карта, как уже упомянуто выше, была найдена среди «Кабардинских дел 1719 года», тогда как «распросные речи» Султан-Али были записаны весной 1718 года. Однако в этих фактах нет непреодолимого противоречия. Известно, что, покинув Москву 14 мая 1718 г., Султан-Али был задержан в Терках до марта 1719 г. Вероятно, чертеж был выполнен именно там (в развитие идей, высказанных в Москве) и передан в Посольский приказ вместе с очередным кабардинским посольством (январь 1719 г.), вновь спешившим к Петру I с известием «о готовящемся нападении кубанцев, нагайцев и крымцев и с просьбой о помощи». Видимо, не случайно карта соседствует в фонде с «Решением Коллегии иностранных дел об отпуске в Кабарду с ценными подарками кабардинского посла Султан-Али, задержанного в Терках из-за соглашения некоторых кабардинских князей с султаном Бахты-Гиреем», принятом в феврале 1719 года²⁸.

Последующие годы дипломатическая и военная активность вокруг кабардино-закубанско-крымских отношений не утихла²⁹, но большой совместный поход, о котором хлопотал Султан-Али, так и не состоялся. С 1718 г. Россия готовилась к Персидскому походу и не могла расплыть свои силы. В посольском архиве осталась без употребления и карта 1719 года. И все же она со служила службу как документальный источник о расселении и политическом положении адыгских племен. К тому же это — первая сохранившаяся карта Северного Кавказа на русском языке.

*В. Б. Виноградов,
Т. С. Магомадова*

²⁷ «Кабардино-русские отношения». Т. II, стр. 5, 6, 17.

²⁸ Там же, стр. 20—22.

²⁹ Там же, стр. 22—35.

ПОЕЗДКА М. И. КАЛИНИНА В ПОВОЛЖЬЕ В 1921 ГОДУ

Летом 1921 г. советские республики постигло тяжелое стихийное бедствие — голод, который охватил Поволжье, Приуралье, частично Украину, Северный Кавказ, Урал и Западную Сибирь. В 34 губерниях остались без хлеба 28 млн. человек. Для снабжения голодающего населения и засева полей не хватало 166 млн. пудов зерна. ЦК РКП(б) и Советское правительство приняли экстренные меры по ликвидации тяжелых последствий голода. 18 июля была создана Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) под руководством Председателя ВЦИК М. И. Калинина. В урожайных районах страны проводился досрочный сбор продналога, осуществлялась спешная переброска продовольствия, а также семян для осеннего сева в голодающие губернии. По указанию В. И. Ленина велись закупки сельскохозяйственных продуктов за рубежом. В стране развернулось всенародное движение помощи голодающим.

Среди этих неотложных мер свое место занимает и поездка М. И. Калинина в голодающие районы Поволжья, предпринятая по решению Президиума ВЦИК и августовского Пленума ЦК РКП(б) 1921 года. В. И. Ленин придавал большое значение этой поездке. В письме членам Политбюро ЦК РКП(б) от 26 августа 1921 г. он разоблачал антисоветскую и антинародную деятельность членов Всероссийского комитета помощи голодающим кадетов Н. М. Кишкина, С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой и других, которые «наотрез отказались выехать в голодающие районы для практической работы. «Баричи, белогвардейцы, — писал В. И. Ленин, — хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал, а кадетам «не вместно»¹. В ночь на 13 августа 1921 г. агитационно-инструкторский поезд ВЦИК «Октябрьская революция» отбыл из Москвы. За 22 дня агитпоезд исколесил Пензенскую, Самар-

скую, Саратовскую, Царицынскую и Астраханскую губернии, проделав путь в несколько тысяч километров. М. И. Калинин и другие участники поездки, кроме губернских городов, побывали во многих уездных центрах, в селах и деревнях. В агитколлектив входили ответственные работники ведущих наркоматов республики. Политическим комиссаром поезда и фактическим заместителем М. И. Калинина был видный партийный и государственный деятель М. Ф. Владимирский, занимавший в то время пост заместителя наркома внутренних дел РСФСР. Всего в коллектив агитпоезда входило, включая технический персонал, 98 человек.

В поезде находились представители международного коммунистического и рабочего движения, делегаты недавно закончившего III конгресса Коминтерна. В поездку по Поволжье отправилась и группа корреспондентов английских и американских газет. Среди них — представитель американского синдиката печати, объединявшего 20 периодических изданий, Л. Левин; прогрессивная американская писательница Б. Бессис, очевидец Октябрьской революции, автор книги «Красное сердце России», в которой с симпатией к трудящимся массам рассказывалось о революционных событиях в нашей стране².

Одна из главных задач агитпоезда состояла в том, чтобы участники поездки на месте смогли определить действительные размеры голода и необходимые меры помощи пострадавшему населению³. Проехав тысячи верст по центру голодающего района, всероссийский староста увидел истинную народную нужду, оценил многолетним житейским опытом в прошлом рядового крестьянина и рабочего сложившуюся обстановку. Член Коллегии Наркомпроса В. Н. Шульгин, входивший в агитколлектив поезда, вспоминал, как «Михаил Иванович обходил двory. Кое-где уцелели ко-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 53, стр. 141.

² «Новый мир», 1967, № 7, стр. 186.

³ «Коммуна» (Самара), 16.VIII.1921.

ровы, лошади, куры. Он заходил в стойла, коровники. Он знающе, по-хозяйски осматривал животных, расспрашивал, сколько собрали, как долго сумеют прокормиться и прокормить скот»⁴. В телеграмме В. И. Ленину, ЦК РКП(б) и Советскому правительству М. И. Калинин писал: «Голод в Поволжье сильнее, чем можно себе представить. Необходима помощь не только Советского правительства, но и всего народа советских республик»⁵. По его словам, деревня Самарской губернии «производит жуткое впечатление»⁶. Вместе с тем М. И. Калинин ориентировал местные органы Советской власти на изыскание всех возможных средств для борьбы с тяжелым бедствием.

В первый день пути «Октябрьской революции» под председательством М. И. Калинина было проведено совещание политотдела, на котором обсуждались задачи агитпоезда. Прежде всего необходимо было оказать помощь и поддержку местным партийным и советским органам в их борьбе с голодом. 15 августа в Самаре состоялось расширенное заседание губисполкома с участием представителей губкома РКП(б), губпрофсовета, партийного и беспартийного актива. Накануне работники наркоматов, приехавшие с М. И. Калининым, познакомились с работой местных советских учреждений. С краткими информационными докладами о продовольственном положении в Самарской губернии, состоянии в ней крестьянского хозяйства, переселенческом движении, налаживании детского питания и состоянии детских домов выступили заместитель председателя исполкома и представители его отделов. М. И. Калинин обратил внимание самарских руководителей на необходимость изыскания средств на местах по борьбе с голодом: использование товарообмена, организация сбора суррогатов, поддержка самостоятельных действий населения. Центр, сказал он, в состоянии оказать помощь на 60%, остальное придется «добывать своими силами»⁷. За все время следования агитпоезда было проведено 30 совещаний такого рода — губернских, уездных, волостных Советов и их отделов.

Участники агитпоезда проверяли работу

местных советских учреждений, знакомились с состоянием больниц, школ, детских домов, проводили инструктивные совещания и собрания, оказывали поддержку в ликвидации имевшихся недостатков. В Самаре они помогли улучшить работу детских учреждений. В связи с голодом детские дома в городе были переполнены. Не хватало кроватей, постельного белья. Половина зданий нуждалась в ремонте. 16 августа представители Наркомпроса провели совещание по вопросу о помощи детям. Помощь голодающим детям объявлялась первоочередной задачей всех органов Советской власти и общественных организаций трудящихся. В состав Чрезвычайной комиссии помощи детям вошли работники губернского отдела народного образования, губпродкома, военкомата, губпрофсовета и губкома РКП(б), намечались меры по налаживанию питания 150 тыс. голодающих детей. В связи с этим все школьные помещения переоборудовались под пункты питания. Совещание предложило всем губернским организациям в двухнедельный срок освободить занимаемые ими помещения детских учреждений. Для ремонта детских домов был выделен кредит в 10 млрд. рублей⁸ (в дензнаках того времени).

Во время борьбы с голодом очень остро стояла проблема беженцев. Летом 1921 г. в Самаре на вокзале и пристанях скопилось более 25 тыс. человек. Город превратился в перевалочный пункт, куда стекались беженцы из голодающих губерний. Тысячи людей стремились как можно скорее добраться до урожайных районов: по железной дороге — в Сибирь и Среднюю Азию, водным путем — в центр России. Плохо налаженная работа транспорта, а также несогласованные действия местных советских учреждений осложняли положение дел. Дополнительные трудности создавались и в связи с тем, что восточная эвакуационная база (Востэвак), которая должна была руководить переброской беженцев, имела слабые связи с Самарским губисполкомом и его отделами. По указанию М. И. Калинина было проведено совещание всех заинтересованных организаций в Самаре, намечены меры по оказанию помощи голодающим беженцам и по улучшению эвакуации. Органы Центроэвака получили чрезвычайные полномочия, и на них возлагалось руководство эвакуацией населения из голо-

⁴ «Новый мир», 1967, № 7, стр. 193.

⁵ «Известия», 31.VIII.1921.

⁶ «Правда», 7.IX.1921.

⁷ Государственный архив Куйбышевской области, ф. 81, оп. 1, д. 27, лл. 3—7; «Коммуна» (Самара), 16.VIII.1921.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5207, оп. 1, д. 6, л. 74, д. 57, лл. 131—133.

дающих районов. Для согласованной работы с отделами исполкомов в Самаре, Саратове и Астрахани образовывались специальные тройки во главе с председателями губисполкомов. В результате принятых мер уже в конце августа несколько улучшилось питание беженцев. В Самаре был открыт дополнительный приемник на 2500 человек, а на станциях Кинель и Батраки — пункты питания⁹.

В поле зрения М. И. Калинина была и деятельность местных комиссий помощи голодающим. 18 августа он председательствовал на заседании Самарской губернской комиссии. Отсутствие денежных средств и продовольственных ресурсов затрудняло ее работу. М. И. Калинин дал указание выделить комиссии кредит в 3 млрд. руб. за счет других советских учреждений Самары. В распоряжение комиссии передавалась часть хлеба из фондов губпродкома, принимались меры по закупке продовольствия и семян в урожайных губерниях. Для организации товарообмена губернский отдел снабжения выделил по распоряжению М. И. Калинина часть товаров из своего фонда¹⁰. Из Самары всероссийский староста телеграфировал в Ташкент Туркестанскому ЦИКу и Туркнаркомпроду о необходимости срочно выполнить наряды на отправку в Самарскую губернию 71 вагона хлеба. Во время пребывания М. И. Калинина в селе Вязовый Гай, Суховязовской волости, Пугачевского уезда, там на средства агитпоезда был открыт первый в Самарской губернии пункт питания для голодающих детей. При активной поддержке губкома РКП(б) и местных советских органов этот пункт обслуживал до 1900 детей¹¹. Через несколько месяцев общее собрание граждан Суховязовской волости приняло решение направить телеграмму М. И. Калинину по поводу открытия пункта питания, «благодаря которому сотни детей изъяты из когтей неумолимой голодной смерти»¹².

Всероссийский староста уделял большое внимание вопросам развития сельского хозяйства в голодающих районах, проведению там агротехнических мероприятий против засухи, подготовке к осенней посевной кам-

пании. В Саратове он знакомился с работой местной сельскохозяйственной опытной станции, которой руководил известный агроном Н. М. Тулайков, интересовался способом выведения новых засухоустойчивых культур для районов степного Заволжья¹³. М. И. Калинин одобрительно отнесся к плану восстановления разрушенных в годы гражданской войны оросительных сооружений в Саратовской губернии. По его указанию Саратовский губфинотдел ассигновал на эти цели 2 млрд. рублей¹⁴. 5 сентября Малый Совнарком выделил Саратовской губернии еще 5 млрд. рублей для ремонта оросительной сети¹⁵. Представитель Наркомзема в агитпоезде П. Я. Гуров телеграфировал в наркомат о необходимости направить в Саратов недостававших здесь мелиораторов. М. И. Калинин внимательно изучал опыт, накопленный крестьянами и коллективными хозяйствами по орошению полей. В Царицынской губернии он посетил совхоз «Аргутинское», который в засушливое лето 1921 г. все же сумел снять с орошаемых земель 500 тыс. пудов овощей. Вместе с представителями зарубежных коммунистических партий Михаил Иванович побывал в одной из коммун Царицынской губернии, которая благодаря орошению не только обеспечила себя продовольствием, но и помогла окрестным крестьянам¹⁶. В Саратовской губернии он изучал также практику крестьян села Александровского по выращиванию овощей на орошаемых землях.

В речи на расширенном заседании Самарского Совета 15 августа 1921 г. М. И. Калинин подчеркивал, что «нельзя ложиться перед сошедшим на нас роком и дожидаться смерти, а нужно бороться с ним... Побольше инициативы, побольше активности, и вы выйдете победителями»¹⁷. 18 августа Михаил Иванович телеграфировал В. И. Ленину, что в Самаре активизируется борьба с голодом. Во время остановки в Кузнецке он особо отметил деятельность местных партийных и советских органов по заготовке семян и организации товарообмена, в Камышине и Саратове обратил

¹³ «Новый мир», 1967, № 7, стр. 187—188.

¹⁴ Государственный архив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 628, лл. 9—11; д. 613, лл. 42, 45.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1064, оп. 2, д. 8, л. 22.

¹⁶ «Борьба» (Царицын), 28 и 30.VIII.1921; «Правда», 7.IX.1921.

¹⁷ «Коммуна» (Самара), 16.VIII.1921.

⁹ «На фронте голода». Кн. 1. Самара. 1922, стр. 207, 208, 212.

¹⁰ «Коммуна» (Самара), 24.VIII и 14.XII.1921.

¹¹ «На фронте голода». Кн. 1, стр. 80; Партийный архив Куйбышевской области, ф. 1, оп. 1, д. 753, л. 32.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 1064, оп. 1, д. 109, л. 153.

внимание на работу по оказанию помощи беженцам. М. И. Калинин заинтересовался предложением ученых Самарского университета использовать траву сусак (хлеб-корень) в качестве хлебного суррогата. Демонстрировались образцы хлеба, выпеченного из сусака с примесью муки. По предложению М. И. Калинина была создана специальная «суррогатная комиссия», организован сбор хлебокорня, выпущены листовки, рекомендующие его. По данным Самарской губернской комиссии помощи голодающим, было собрано 100 тыс. пудов сусака¹⁸. В начале сентября сельскохозяйственная секция Госплана приняла решение о развертывании широкой агитационной кампании по сбору и использованию такого рода суррогатов¹⁹.

Во время поездки по губерниям голодающего Поволжья ярко проявилась одна из характерных черт М. И. Калинина как государственного деятеля нового типа — близость к народу, умение понимать его нужды, убеждать людей, оказывать влияние на настроения широкой массы трудящихся. Делясь впечатлениями о пребывании всероссийского старосты в Самаре, корреспондент газеты «Коммуна» писал: «Товарищ Калинин говорит простым народным языком, без пышных фраз, не «стыдится», как буржуазные президенты, разговаривать с простыми рабочими и крестьянами, выслушать их, посоветоваться с ними»²⁰. Типична в этом отношении беседа М. И. Калинина с крестьянами села Вязовый Гай. Уже в конце лета 1921 г. его жители питались одной лебедой. Дети опухали, имелись случаи голодной смерти. Настроение крестьян было тревожным. Их попытки заготовить для себя продовольствие и семена в урожайных районах окончились неудачей. М. И. Калинин вел с крестьянами беседу откровенно и задушевно, отвечал им обстоятельно и спокойно на вопросы, которые задавались отчаявшимися от голода людьми. Он рассказывал о создавшейся обстановке в Поволжье, о том, что голодает не одна волость и не один уезд, а громадный район, протянувшийся на тысячи верст с юга на север и на 600 верст с запада на восток²¹. Освещая меры, принимаемые Советским правительством по оказанию помо-

щи бедствующим районам, он искренне сказал, что эта помощь будет сравнительно невелика и удовлетворить все потребности голодающих Советская власть не в состоянии. М. И. Калинин отвечал на многочисленные вопросы о продразверстке, объяснял ее необходимость в условиях гражданской войны. «Мы должны были,— отмечал он,— спасти заводы, железные дороги, должны были спасти Север. Теперь у вас неурожай, и мы 10 млн. пудов берем из северных губерний. Я крестьянам прямо говорю: выручайте, голодает та губерния, у которой три года отбирали». Вместе с тем М. И. Калинин остро реагировал на сообщения крестьян о перегибах местных властей при взимании продразверстки. «Если у вас,— говорил он,— действительно взяли хлеб и не заплатили, то заплатят»²².

Во время остановки в Камышинне к М. И. Калининну явились вместе с работниками Николаевского уисполкома, Царицынской губернии, бывшие главари бандитских шаек, которые незадолго перед тем сдались органам Советской власти. Беседа с ними длилась около часа. «Мы, все присутствующие, чувствовали,— писал свидетель разговора П. Я. Гуров,— что в сущности М. И. Калинин говорит не с этими двумя вожакими бандитов, а через их головы с той частью крестьянства, которая под влиянием пропаганды меньшевиков и эсеров, остатков белогвардейщины и кулачества пыталась продолжать борьбу против Советской власти. Это был разговор большой силы и глубины, своего рода программа»²³. Близость М. И. Калинина к народу, высокий авторитет, которым он пользовался у трудящихся, отмечали и представители буржуазной прессы. Корреспондент американской газеты «Daily News», делясь впечатлениями от встречи с М. И. Калининым, подчеркивал, какое «огромное впечатление произвело на нас единение власти с народом»²⁴. Поволжские крестьяне долго еще помнили о поездке М. И. Калинина. С его именем они связывали свои надежды на выход из тяжелого положения, на получение семян и продовольственной помощи. Корреспондент самарской газеты «Коммуна» рассказывал, как во время распределения семян для осеннего сева старик крестьянин, погрузив на распределительном пункте полученное зерно, говорил: «А Калиныч-то сказал, что

¹⁸ «Итоги борьбы с голодом». М. 1922, стр. 235.

¹⁹ «Экономическая жизнь», 21.IX.1921.

²⁰ «Коммуна» (Самара), 17.VIII.1921.

²¹ М. И. Калинин. Беседы с народом. М. 1960, стр. 57.

²² Там же, стр. 67.

²³ «Новый мир», 1967, № 7, стр. 189.

²⁴ «Известия» (Саратов), 21.VIII.1921.

пришлет семена. Тапереча видим, что правда. Советская власть, чай, не обманет»²⁵.

Во время поездки участники агитпоезда читали лекции и проводили беседы на политические и сельскохозяйственные темы. Коллектив агитпоезда выпускал газету, которая бесплатно раздавалась крестьянам. На нее в одном селе реагировали так: «Живем уже шесть месяцев, как в мешке. Ничего не знаем, что делается на белом свете. Вот и помощь идет. Духом падать не будем»²⁶. Большое агитационное значение приобретали митинги и собрания трудящихся, заседания местных Советов с участием М. И. Калинина. Первый многолюдный митинг по пути следования агитпоезда был проведен в Кузнецке. С приветствием к собравшимся рабочим и крестьянам обратился английский коммунист Т. Манн. М. И. Калинин говорил в своей речи о начавшемся всенародном движении помощи голодающим, о подъеме, охватившем крестьянские массы от Украины до Архангельска, об успешном сборе продналога, первые пуды которого побудят на самарские и саратовские поля. «Великое бедствие кует новую великую душу Советской России»²⁷.

В своеобразный митинг интернациональной дружбы превратилось расширенное заседание Самарского губпрофсовета с участием представителей рабочих организаций, которое проходило 16 августа во Дворце труда. Появление в зале М. И. Калинина и делегатов от зарубежных коммунистических партий было встречено громом аплодисментов. Перед собравшимися выступили представители коммунистических партий Англии и США. Они рассказали о растущей пролетарской солидарности, о готовности зарубежного пролетариата поддержать Советскую Россию. Речь М. И. Калинина была посвящена роли рабочего класса, который должен помочь крестьянству в восстановлении и развитии сельского хозяйства. Это заседание, продолженное 17 августа с участием представителей профсоюзов, фабзавкомов и партийных ячеек, затянулось за полночь. М. И. Калинин было задано множество вопросов. Собрание закончилось пением «Интернационала» и бурными аплодисментами в честь Председателя ВЦИКа и зарубежных гостей²⁸.

Такой же характер носило заседание Саратовского Совета. М. И. Калинин говорил здесь о причинах голода, о задачах восстановления сельского хозяйства и промышленности. Цель Коммунистической партии, разъяснял он, заключается в том, чтобы «голод вышел из обихода Советской России», перестал принимать характер регулярно повторяющегося бедствия и наш народ забыл об этом бедствии, а слово «голод» исчезло из «лексикона русского языка»²⁹. Саратовская крестьянская газета «Деревенская Правда» изложила содержание этой речи М. И. Калинина в редакционной статье «Что говорил всероссийский староста». Чтобы забыть слово «голод», разъясняла газета, нужно улучшать сельское хозяйство и использовать науку, следить за примером зарубежных крестьян, вводить ранние пары, рядовые посевы, хорошие севообороты и все, «что говорят лучшие агрономы»³⁰.

Работа, проделанная коллективом агитпоезда «Октябрьская революция» во время его следования по Поволжью, сыграла важную роль в мобилизации сил и средств на борьбу с голодом. Накопленный при этом опыт помог Советскому правительству в его дальнейшей деятельности по оказанию помощи голодающему населению. За год борьбы с голодом было переброшено в неурожайные губернии только за счет государственных средств более 70 млн. пудов продовольствия и семян; около 11 млн. пудов собрали на добровольных началах трудящиеся республики. Согласно отчетным данным ЦК Помгола, к лету 1922 г. получали питание в общественных столовых или сухой паек 12 242 тыс. человек³¹. В наиболее пострадавшей от голода Самарской губернии практически все население питалось таким образом. То была большая победа советского народа над постигшим страну бедствием. Немалая заслуга в решении этой трудной задачи принадлежит и М. И. Калинин.

Е. М. Хенкин

²⁹ «Заседание Саратовского Совета 21 августа 1921 года в присутствии М. И. Калинина». Саратов. 1921, стр. 3, 8, 11, 26, 27, 30, 31.

³⁰ «Деревенская Правда» (Саратов), 25.VIII.1921.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1065, оп. 2, д. 63, л. 2; д. 51, л. 3.

²⁵ «Коммуна» (Самара), 9.IX.1921.

²⁶ «Коммуна» (Самара), 1. IX. 1921.

²⁷ «Коммуна» (Самара), 19. VIII. 1921.

²⁸ «Коммуна» (Самара), 17 и 19. VIII. 1921.

«ЦИНЯ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работая над созданием сети агентов и распространителей газеты «Искра», В. И. Ленин 2 апреля 1900 г. прибыл в Ригу, где встретился с латышскими социал-демократами, среди которых был и первый редактор будущей газеты «Циня» Я. Озол (Зарс)¹. Владимир Ильич изложил им свою мысль о значении всероссийской рабочей газеты, о необходимости ее издания за границей, а также договорился о нелегальной пересылке «Искры» через Ригу и Лиенау в глубь страны. Революционная социал-демократия Латышского края полностью поддерживала идеи ленинской «Искры». С 1900 г. до 1903 г. эта газета опубликовала 32 статьи о революционном движении в Риге, Лиенау, Елгаве и Даугавпилсе². Своим примером «Искра» как коллективный пропагандист, агитатор и организатор внесла весомый вклад в основание партии латышского пролетариата и ее центрального органа — газеты «Сіпа» («Циня», то есть «Борьба»).

Один из основателей социал-демократии Латышского края, П. Стучка, в 1910 г., давая оценку роли газеты в жизни партийной организации, писал: «Трудно сказать, организация ли сильнее влияла на выход и издание «Цини» или «Циня» сильнее укрепляла и расширяла массовые организации. Так тесно переплетались связи организации с ее центральным органом, который был не только изданием партии, но и ее символом»³. Первый номер газеты «Циня», ныне органа ЦК Коммунистической партии Латвии, Верховного Совета и Совета Министров Латвийской ССР, вышел в свет во второй половине марта 1904 года. То был период, когда Россия уже стала центром мирового революционного движения и в ней назревала революция. В редакционной статье первого номера «Цини» говорилось: «Свободное слово в Прибалтике теперь не заглушить! Оно будет звучать и в нашей газете: газета будет защищать подлинные интересы рабочих, будет освещать их положение, будет будить дремлющих, подбадривать боязливых, будет звать и собирать сознательный латышский пролетариат на борьбу, к победе!»⁴.

Чтобы свергнуть самодержавие, покончить с угнетением и эксплуатацией, необходимо создать единую, нелегальную, сильную рабочую партию — эта мысль содержалась в статье «Цини» «Сомкните ряды!», помещенной в том же номере. Данное положение развивалось в публикуемых газетой материалах, способствуя укреплению революционной рабочей партии. Борьба латышского пролетариата теснейшими узами была связана с революционной борьбой русского и других народов России. У рабочих всех национальностей имелись общий враг, общие интересы и общие задачи. Эта идея убедительно звучит на страницах «Цини». Так, передовая статья первого номера «Сомкните ряды!» заканчивалась следующими словами: «И когда объединенный пролетариат России... объявит последний бой не на жизнь, а на смерть прогнившему царскому трону, тогда и мы встанем в ряды борцов, и латышская социал-демократия ни в коем случае не должна занять в этой борьбе последнее место. Этот решающий момент, когда падет царское правительство, уже недалек, и для него, товарищи, будем работать и будем к нему готовы!»

Идейно и организационно «Циня» росла и развивалась вместе со своей партийной организацией. Она начала свой путь как издание Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации, а с июня 1904 г. в соответствии с решением I съезда, образовавшего ЛСДРП, стала ее центральным органом. С 1906 г. «Циня» была центральным органом местной территориальной организации РСДРП — Социал-демократии Латышского края, с 1917 г. — Социал-демократии Латвии, а с 1919 г. — Коммунистической партии Латвии. Оценивая образование местной партийной организации, «Циня» писала в 1904 г.: «Латышская социал-демократическая рабочая партия открыто признает себя отдельным отрядом в армии пролетариата всех стран и глубоко убеждена, что в борьбе за свержение российского самодержавия и установление свободного государственного строя она не находится и не будет находиться в последних рядах и что ее удары в общей освободительной борьбе будут играть важную роль»⁵.

В январские дни 1905 г. в России началась революционная буря. Весть о Крова-

¹ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л. 1958, стр. 222.

² А. А. Дризул. В. И. Ленин и революционная Латвия. Рига. 1970, стр. 25.

³ «Сіпа», № 100, VII. 1910.

⁴ «Сіпа», № 1, III. 1904.

⁵ «Сіпа», № 5, VIII. 1904.

вом воскресенье разнеслась по всей стране. А кровь рабочих, пролитая 13 января в Риге, скрепила боевой союз латышских рабочих с революционным русским пролетариатом. Подробно освещая январские события, «Циня» писала, что солдатские пули, направленные в наших братьев в Петербурге, Варшаве, Риге, Ревеле и в других местах, уничтожили в народе последнюю веру в царское правительство. «Революция началась в России! — писала газета. — В январские дни целый миллион рабочих России с единодушной силой подтвердил, что они больше не хотят томиться под игом, что они не могут больше жить без свободы»⁶.

«Циня», выражая настроения революционного пролетариата, призвала разрушать полицейских и других наймитов самодержавия, вооружаться и создавать боевые дружины. Газета популяризировала и такие формы борьбы, как собрания и демонстрации, всеобщая стачка и при необходимости пассивное сопротивление. Стратегия и тактика партии, формы борьбы, освещавшиеся в газете, соответствовали тем, о которых В. И. Ленин писал в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». «Циня» разоблачала либеральную буржуазию, боявшуюся размаха народной революции, рассказывала о разгромах волостных правлений, о многочисленных столкновениях крестьян с полицией и царскими войсками. «Циня» горячо приветствовала восстание лодзинских рабочих и матросов броненосца «Потемкин». Она писала о них как о героях, поднявших красное боевое знамя «на мачты сильнейшего броненосца Черного моря, который бросил вызов не только царскому самодержавию, но и всему капиталистическому миру»⁷.

Славную страницу в историю пролетарских сражений 1905 г. вписали «боевики» Риги, которые по заданию Рижского комитета ЛСДРП в ночь на 7 сентября напали на Центральную тюрьму с целью освободить заключенных товарищей. Сообщая об их подвиге, «Циня» писала: «Тюрьма была всегда чем-то устрашающе неприступным, как в глазах правительства, так и в глазах народа. Рижские товарищи доказали обоснованность этой мысли; они доказали, что судьбу арестованных могут решать не только правительственные палачи, а и боевые друзья»⁸.

Вершиной революции явилось Декабрьское вооруженное восстание. На страницах «Цини» латышские большевики высоко оценивали опыт московских рабочих: «Московское вооруженное восстание стоит перед нами как наиболее яркий пример. Хотя и там пролетариат был вынужден сложить оружие, тем не менее эти жертвы не пропали даром. Московское вооруженное восстание... никогда не забудется. Пролетариат России вечно будет помнить уроки, вынесенные из московского восстания»⁹. Затем в 51-м номере газеты 23 сентября 1906 г. в статье «Чему учит нас вооруженное восстание в Москве?» «Циня» почти полностью перепечатала из газеты «Пролетарий» статью В. И. Ленина «Уроки московского восстания», в которой Владимир Ильич обобщил и проанализировал опыт вооруженной борьбы пролетариата. На страницах «Цини» латышские революционные марксисты отстаивали большевистскую тактику действий, популяризировали ленинские идеи.

Уже с первых номеров «Циня» стала близкой и понятной сознательному рабочему. Весь латышский пролетариат заботился о газете, поддерживал ее материально и морально. На ее страницах он высказывал свои мысли, надежды и чаяния. Боевое крещение «Циня» практически получила в годы первой русской революции. Она высоко несла революционное знамя борьбы, поддерживала по основным вопросам революции ленинскую тактику, укрепляла боевой союз латышских и русских рабочих, боролась за объединение их сил. Во время революции тираж «Цини» рос из месяца в месяц. Если первые номера газеты издавались тиражом лишь в 2—3 тыс. экз., то в январе 1905 г. тираж «Цини» достиг 5 тыс. экз., в марте — 7 тыс., в августе — 14 тыс., в сентябре — 15 тыс., наконец, 24-й номер вышел 21 ноября тиражом в 18 тыс. экземпляров. Тираж нелегальной «Цини» превысил тогда тиражи легальных буржуазных газет¹⁰.

«Циня», которая была образована сначала как ежемесячное издание, стала выходить с 1905 г. чаще: в этом году увидели свет 15 ее номеров, в 1906 г. — 35, в 1907 — 33. Объем нелегальной газеты тоже увеличился, более содержательными и разнообразными стали помещаемые в ней материа-

⁶ «Ци́а», № 10, I. 1905.

⁷ «Ци́а», № 17, 16.VII.1905.

⁸ «Ци́а», № 21, 24.IX.1905.

⁹ «Ци́а», № 32, 23.V.1906.

¹⁰ «Циня». К пятидесятилетию со дня выхода первого номера». Рига. 1954, стр. 33.

лы. По внешнему виду газета напоминала легальное издание. В этом большая заслуга организаторов выпуска «Цини». «Техники», договорившись с рабочими больших легальных типографий, вечером привозили свой набор, а ночью газета печаталась. Рано утром набор вместе с готовой продукцией увозили. Царская жандармерия прилагала все усилия к тому, чтобы найти подпольные типографии; своре шпиков, занятых поисками места, где издавалась «Циня», советовали хорошенько поискать его... в лесах Дундаги, где, дескать, «устроен подземный ход». В памфлете о сыщиках газета писала, что наиболее дешевую подпольную типографию удобно устраивать на пароходах, где имеются двигатели и черная краска, которую можно изготовить из угля; кроме того, на пароходах провозят печатные машины из-за границы; но еще лучше «Циню» печатать в тюрьме, где заключены борцы революции¹¹.

В партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Латвии хранятся данные анкет, которые весной 1905 г. Латышская социал-демократическая рабочая партия распространяла среди руководителей местных организаций. Один из вопросов гласил: «Сколько в каждом кружке имеется абонентов подпольной газеты «Циня?» Р. Э. Трей, исследовавший и обобщивший анкетные материалы, получил такие результаты¹². Из 35 анкет Лиепайской организации (по ней сохранились наиболее полные данные) видно, что в ее кружках работало 580 членов партии, а подпольной «Цини» было выписано 752 экземпляра. Это свидетельствует о том, что беспартийные не только читали газету, но и являлись ее подписчиками. Сведения об отдельных заводских кружках показывают, что в кружке «Вайрогс» («Щит»), в котором было 22 члена ЛСДРП, выписывали 80 экземпляров «Цини», в кружках «Асны» («Ростки») и «Аусеклис» («Утренняя звезда»), в каждом из которых было по 10 членов, имелось по 15 абонентов газеты. Такое же примерно соотношение существовало между числом членов ЛСДРП и абонентов «Цини» в остальных кружках. Так, в кружке «А», действовавшем среди ремесленников Лиепая, на 10 членов насчитывалось 44 подписчика газеты. По Рижской организации в тот период анкетные данные содержат сведения только о подпольных кружках Яунмилграв-

ского подрайона Саркандаугавской районной организации. В этом подрайоне работало 12 кружков со 112 членами партии и имелось 133 абонента «Цини». Существовала система предварительной подписки нелегальной газеты. Она сохранилась и позднее. Анкеты от июня 1906 г. показывают, что в наиболее пролетарской части города — Розенкранском подрайоне II района Рижской организации Социал-демократии Латышского края работало 14 кружков с 233 членами и имелся 191 подписчик газеты¹³.

Несмотря на наступившую в 1907 г. реакцию, голос «Цини» не умолкал, она не покидала рабочих квартир. Так, в Лазаревском районе Лиепайской организации на 29 членов СДЛК было 28 абонентов «Цини». Сельские кружки, которые вошли в состав Лиепайской организации, на 19 членов имели 15 подписчиков. На 147 членов СДЛК Лиепайской организации насчитывалось 124 подписчика. Осенью 1909 г. в той же организации почти на каждого из 173 членов, объединенных в 27 кружков, приходилось по экземпляру «Цини». В целом «Циня» в 1905—1907 гг. имела 12 тыс. постоянных подписчиков. Еще один момент, который свидетельствует об устойчивой связи газеты с массами, — организация корреспондентской сети. Подсчеты корреспонденций с мест, опубликованных на страницах подпольной газеты, показывают, что с 1904 по 1907 г. «Циня» (по неполным данным) получила и опубликовала корреспонденции из 119 латышских городов и пунктов сельской местности¹⁴. Корреспонденты систематически отражали положение трудящихся и ход революционных событий на местах.

Интересуясь революционным движением в Латвии, В. И. Ленин постоянно следил за газетой «Циня». Видный латышский революционер Я. Берзинь-Зиемелис, который в конце 1906 г. жил вместе с В. И. Лениным в Финляндии на даче «Ваза», вспоминал, что всегда, когда Берзиню из Петербурга присылались свежие номера «Цини» или других латышских партийных изданий, Ильич просил его рассказать об их содержании и полностью перевести наиболее важные места. В 1906 г. В. И. Ленин в статье «Партизанская война» отмечал, что «латышская социал-демократическая рабочая партия

¹¹ «Сіпа», № 45, 7.VIII.1906.

¹² «Сіпа», 12.II.1974.

¹³ Там же.

¹⁴ «История Латвийской ССР». Т. II. Рига. 1954, стр. 477.

(часть РСДРП) правильно... выпускает свою газету»¹⁵. В специальной статье, которая напечатана в № 100 «Цини», В. И. Ленин высоко оценивал латышский пролетариат и его партию. Он писал: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»¹⁶, отмечая, что участие рабочего класса Латвии в революции не ограничивалось забастовочной борьбой; что он «шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на высшую ступень, то есть на ступень восстания»; что, «будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в тяжелый период контрреволюции»¹⁷. Интересно, что на русском языке эта статья опубликована в переводе с латышского текста — со страниц газеты «Циня», так как оригинал ее пока не найден¹⁸.

Первые статьи П. И. Стучки были помещены в «Цине» весной 1906 года. Он писал в газете по вопросам объединения Латышской социал-демократической рабочей партии с РСДРП и о тактике революционной борьбы. В № 33 напечатана статья П. И. Стучки «Простить — или требовать — или взять силой». В ней решительно отвергаются иллюзии буржуазной конституционности, которые распространялись меньшевиками, и подчеркивается справедливость большевистской точки зрения о необходимости вооруженного восстания. 14 августа 1906 г. в № 46 напечатана его же статья «Направо или налево?». Автор писал о длинном и трудном пути к свержению царизма. Но именно на этом пути, в борьбе с самодержавием, будет создаваться та опора революции, которая в дальнейшем приведет к победе. В 1907 г. в № 71 П. И. Стучка подчеркивал, что «русский пролетариат в широком смысле слова в эту пору достиг... высокой ступени революционной сознательности и встал в первых рядах европейского и всемирного пролетариата». Автор писал, что контрреволюции не удаст-

ся уничтожить революционные корни, которые будут постоянно произрастать и давать могучие побеги.

В период первой русской революции в работе редакции «Цини» деятельно участвовали Я. Озол, Я. Лутер, Я. Асар, Я. Янсон-Браун, Ф. Розинь, В. Дерманис и другие известные социал-демократы¹⁹. Имена многих сотрудников «Цини» вписаны в славную историю революционной печати. Среди них — Е. Трейманис, который, умело используя конспиративные приемы, занимался организацией нелегальных типографий для «Цини»²⁰. Этой работе много сил и энергии отдал революционер-боевик Ф. Грининьш. В издании нелегальной газеты активно участвовали Я. Зирнитис, К. Опманис, И. Нагель, Э. Липхард, М. Ритер, Т. Озол, К. Мурниец²¹.

Когда столыпинский террор обрушился на организаторов и работников «Цини», было арестовано и осуждено на каторгу, ссылку, тюремное и крепостное заключение 37 работников партийной печати. Из их числа: Э. Ауниня погибла, заболев в тюрьме туберкулезом; М. Ритер застрелил часовой через окно тюремной камеры; Ф. Дзелзгалвис подвергался пыткам, а в январе 1907 г. драгуны застрелили его в лесу; в конце 1906 г. был зверски убит Ф. Грининьш; в 1910 г. в каторжной тюрьме в Бутырьках умер Э. Липхард; в Смоленской каторжной тюрьме в 1911 г. скончался К. Опманис, а в следующем году в Рижской губернской тюрьме — И. Нагель²². Несмотря на невероятные трудности в работе, аресты и вынужденную эмиграцию ряда руководителей и организаторов нелегальных типографий, «Циня» продолжала выходить в Риге вплоть до 1 июля 1909 г., когда ЦК СДЛК признал целесообразным издание «Цини» перенести за границу, а номера газеты привозить нелегальным способом и распространять среди рабочих Латвии²³.

А. О. Хенинь

¹⁹ «Славный путь газеты «Циня». Рига. 1974, стр. 41.

²⁰ Там же, стр. 40.

²¹ Там же, стр. 40—41.

²² «Циня». К пятидесятилетию..., стр. 53—54.

²³ «Славный путь газеты «Циня», стр. 47.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 14, стр. 5.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 305.

¹⁷ Там же, стр. 306.

¹⁸ Там же, стр. 309.

ПЕРВЫЙ КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС (1774 г.)

Войне североамериканских колоний Англии за независимость предшествовал длительный период упорного сопротивления колонистов попыткам метрополии усилить свою власть над колониями. Начало 70-х годов XVIII в. ознаменовалось активными действиями колонистов, выступавших против политики метрополии. Важным шагом на пути объединения их усилий стали «Комитеты связи», образованные в 1772—1773 гг. почти во всех колониях. Эти комитеты явились «средством организации революционных сил»¹. Правительство Великобритании ответило принятием ряда репрессивных актов. Первый из них предусматривал закрытие бостонского порта после того, как жители города выбросили в океан груз чая, принадлежавший Ост-Индской компании. Второй отменял конституционную хартию Массачусетса, лишая тем самым эту колонию самоуправления. Согласно третьему акту, суд над лицами, обвиняемыми в антианглийской деятельности, должен был проводиться в какой-нибудь другой колонии, а не там, где жил подсудимый, либо в Англии. Четвертый акт разрешал размещение британских войск в домах колонистов. Одновременно парламентом был принят «Квебекский акт», по которому к провинции Квебек присоединялись территории, лежавшие к северо-западу от Аллеганских гор, а католицизм объявлялся официальной религией Канады².

Эти акты, получившие у колонистов название «невыносимых», вызвали возмущение широких слоев населения. Был организован сбор пожертвований для жителей заблокированного Бостона³. Законодательное собрание Вирджинии в знак солидарности с бостонцами объявило 1 июня 1774 г.— день вступления в силу «Закона о порте Бостона» — «днем скорби, поста и молитвы»⁴. Некоторые колонии выдвинули предложение провести встречу своих представителей для обсуждения сложившегося положения. 17 мая 1774 г. городское собрание Провиденса (штат Род-Айленд), а 21 и

23 мая — собрания «Комитетов связи» Филадельфии и Нью-Йорка первыми высказались за созыв всеобщего конгресса колоний. 27 мая большинство депутатов законодательного собрания Вирджинии оценило репрессивные акты Великобритании как «наиболее опасную попытку нарушения конституционных свобод и прав всей Северной Америки» и заявили о том, что нападение на одну из колоний должно рассматриваться как нападение на все колонии; вирджинцы рекомендовали также созвать общий конгресс колоний для обсуждения мер, необходимость которых диктуется «общими интересами Америки»⁵.

Требования созыва всеобщего конгресса попали на благоприятную почву. 17 июня нижняя палата законодательного собрания Массачусетса избрала пять делегатов для участия в работе конгресса и предложила провести его в сентябре в Филадельфии. Еще 15 июня были избраны делегаты от Род-Айленда⁶. Активно прошли выборы делегатов и в других колониях. Избрание делегатов, за некоторыми исключениями, проводилось «Комитетами связи» или специально созданными конвентами. Последние были новыми представительными учреждениями, возникшими без строгого соблюдения правил цензового представительства, с участием и тех, кто раньше не пользовался политическими правами⁷. Таким образом, справедливо отмечает Г. Аптекер, в созыве Континентального конгресса, этого «революционного органа, участвовала действительно вся страна»⁸. Созыв Континентального конгресса стал возможным вследствие того, что большинство колоний пришло к выводу о необходимости совместных действий против политики Великобритании. Эта проблема единства колоний была не нова. Широкую известность получили различные проекты объединения колоний, выдвигавшиеся У. Пенном (1697 г.), Д. Коксом (1722 г.), Б. Франклином (1754 г.). Однако центробежные тенденции были тогда сильнее центростремительных. Каждая колония защищала прежде всего собственные

¹ У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 168.

² «Documents of American History». Ed. by H. S. Commager. Vol. I. N. Y. 1958, pp. 71—76.

³ J. Miller. Origins of the American Revolution. Stanford. 1959, pp. 360—368.

⁴ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. Boyd. Vol. I. Princeton. 1950, pp. 105—106.

⁵ Ibid., pp. 107—109.

⁶ M. Jensen. The Founding of a Nation. A History of the American Revolution 1763—1776. N. Y. 1968, pp. 469, 467.

⁷ А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма. М. 1969, стр. 373.

⁸ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 103.

права и интересы, представляла самое себя. Преодолеть разногласия, объединить свои действия колонии были вынуждены перед лицом своекорыстной политики метрополии, представлявшей угрозу для всех них без исключения. Поэтому не случайно обнаружение «невыносимых» актов привело к почти единодушному требованию созыва всеобщего межколонияльного конгресса.

В конце августа 1774 г. в Филадельфию прибыли 56 делегатов конгресса⁹. Они представляли все североамериканские колонии Великобритании, за исключением Джорджии. Каждая колония была представлена наиболее видными местными лидерами. Почти все они являлись плантаторами, купцами, крупными фермерами, банкирами. Половина делегатов имела юридическое образование, а 10 человек обладали опытом политической деятельности в межколонияльном масштабе. Пользовались популярностью Дж. Дикинсон — автор «Писем пенсильванского фермера к жителям британских колоний» и такие делегаты Вирджинии, самой крупной и влиятельной в то время колонии, как известные ораторы П. Генри и Р. Г. Ли, которых называли Демосфеном и Цицероном¹⁰. Полковник вирджинской милиции Дж. Вашингтон единственный из делегатов обладал серьезным военным опытом.

Большинство делегатов было настроено миролюбиво. Спикер палаты представителей Пенсильвании Дж. Галлоуэй, пытаясь «определить настроение делегатов» накануне открытия конгресса, пришел к выводу, что они «будут вести себя сдержанно и с умеренностью»¹¹. Однако среди делегатов сразу же наметились расхождения. Одни из них во главе с Дж. Галлоуэем и представителями Нью-Йорка Дж. Джеймсом и Дж. Дуэйном стремились к компромиссу,

пытались уладить противоречия между колониями и метрополией. Им противостояла настроенная более радикально группа делегатов под руководством С. Адамса, К. Гадсдена и П. Генри.

Первая проба сил этих группировок состоялась еще до официального открытия конгресса при решении вопросов организационного характера. Галлоуэй предложил проводить заседания в помещении Стейт Хауз. Одновременно филадельфийские мастеровые предоставили в распоряжение конгресса только что отстроенный Дом плотников. Наличие хорошей библиотеки и большого вестибюля предопределило выбор в пользу Дома плотников¹². Затем по предложению Т. Линча (Южная Каролина) спикер палаты горожан Вирджинии П. Рендольф был единодушно избран председателем конгресса. Споры разгорелись вокруг кандидатуры секретаря. На этот пост было предложено избрать члена конгресса С. Дина из Коннектикута¹³. Была выдвинута и кандидатура Ч. Томсона, одного из лидеров радикального движения Пенсильвании, «посвятившего жизнь делу свободы»¹⁴. Кандидатура Томсона получила поддержку большинства голосов, хотя он и не был делегатом конгресса (этот пост Томсон занимал затем в течение 15 лет). Одновременно постановили назвать собрание представителей американских колоний в Филадельфии «конгрессом», а его председателя — «президентом»¹⁵. Тем самым было положено начало «двум основным названиям современной правительственной организации» США¹⁶.

Важной проблемой процедурного характера стал вопрос о голосовании. Малые колонии настаивали на принципе «каждой колонии — один голос». П. Генри, выражая интересы Вирджинии и других крупных колоний, призывал к принятию такой системы представительства и голосования, которая соответствовала бы численности населения, размерам собственности или величине торгового баланса каждой колонии. Именно в этой его речи прозвучали ставшие знаменитыми слова: «Различий между вирджинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и жителями Новой Англии более не су-

⁹ M. Boatner. *Encyclopedia of American Revolution*. N. Y. 1966, p. 264; «*Collier's Encyclopedia*». Vol. 8. N. Y. 1950, p. 80; L. Montross. *The Reluctant Rebels. The Story of the Continental Congress 1774—1789*. N. Y. 1950, pp. 29, 36. В некоторых изданиях приводится цифра 55 («*The Encyclopedia Americana*». Vol. VII. N. Y. 1953, p. 508).

¹⁰ «*The Diary and Autobiography of John Adams*». Ed. by L., H. Butterfield. Vol. 2. Cambridge (Mass.). 1961, p. 113. О П. Генри см.: А. А. Фурсенко. «Свобода или смерть». «Вопросы истории», 1976, № 2.

¹¹ «*Letters of Members of the Continental Congress*». Vol. 1. Ed. by E. Burnett. Washington. 1921 (далее—LMCC), p. 5.

¹² «*The Diary and Autobiography of John Adams*». Vol. 2, p. 122; LMCC. Vol. 1, p. 8.

¹³ LMCC. Vol. 1, pp. 11, 8.

¹⁴ «*The Diary and Autobiography of John Adams*». Vol. 2, p. 115.

¹⁵ LMCC. Vol. 1, p. 8.

¹⁶ E. Burnett. *The Continental Congress*. N. Y. 1941, p. 34.

ществует. Я не вирджинец, а американец»¹⁷. Это предложение было отклонено, ибо установить с достаточной точностью степень влияния отдельной колонии оказалось практически невозможным. В результате решили предоставить каждой колонии один голос¹⁸.

Затем было образовано два комитета: одному поручили «определить права колоний... и меры, наиболее подходящие для их восстановления», другому — рассмотреть «акты парламента, затрагивавшие торговлю и промышленность колоний»¹⁹. Главными проблемами, дебатировавшимися в первом комитете, являлись теоретическое обоснование прав американских колонистов и пределы власти британского парламента. Почти все выступления основывались на аргументации, почерпнутой из памфлетов, широко циркулировавших в то время по обе стороны Атлантического океана. Никто из делегатов не выдвигал новых теорий, принципов или идей. Дискуссии носили довольно бурный характер, но не выходили за рамки чисто теоретических споров. «Каждый вопрос,— сообщал в одном из писем Дж. Адамс,— обсуждался с умеренностью, пронизательностью и детальностью, достойной Тайного совета королевы Елизаветы»²⁰. Длительные, подчас бесплодные обсуждения делали, по его словам, заседания конгресса «нев्यразимо скучными»²¹.

Размеренный ход работы конгресса был 17 сентября неожиданно прерван, когда в Филадельфию доставили резолюции, принятые собранием представителей графства Саффолк, на территории которого находился Бостон. Причиной, вызвавшей появление «саффолкских резолюций», стали действия командующего британскими войсками в Северной Америке генерала Г. Гэйджа, направленные против Бостона. Резолюции обосновывали неподчинение короне и парламента «законом природы» и «общественным договором», характеризовали «невыносимые» акты как «грубое нарушение» прав колонистов и попытку «поработить Америку». Резолюции призывали жителей Массачусетса прекратить уплату налогов, учиться владеть оружием и создавать отряды мили-

ции. Рекомендовалось также принятие строгих экономических мер, вплоть до полного разрыва торговых отношений с Великобританией. «Такое поведение,— отмечалось в резолюциях,— может быть оправдано разумом и законами самосохранения». Вместе с тем резолюции призывали отнестись «со всем должным уважением и смирением» к мерам, которые Континентальный конгресс сочтет необходимыми «для восстановления и упрочения наших справедливых прав... для возрождения гармонии и союза между Великобританией, и колониями, столь искренне желаемого всеми добрыми людьми»²².

Появление «саффолкских резолюций» было не случайным. Есть основания полагать, что они были инспирированы С. Адамсом и его сторонниками в Массачусетсе. С. Адамс, отправляясь на конгресс в Филадельфию, просил бостонский «Комитет связи» провести собрание своих представителей. Такое собрание было созвано и приняло 9 сентября резолюции, составленные соратником С. Адамса Дж. Уорреном. 14 сентября С. Адамс писал «Комитету связи» Бостона, что он «с большим нетерпением» ожидает от него известий²³. «Саффолкские резолюции» были немедленно переданы на обсуждение конгресса. Его консервативное большинство оказалось таким образом перед дилеммой: отвергнуть резолюции значило одобрить британскую политику в колониальном вопросе (а большинство делегатов ее не одобряло); принять резолюции означало согласиться со всем тем, против чего колонии возражали, начиная с отрицания права английского парламента регулировать торговлю и кончая прекращением самой торговли²⁴. 17 сентября конгресс единодушно одобрил «саффолкские резолюции» и постановил перепечатать их во всех газетах вместе с соответствующим постановлением²⁵.

По свидетельствам очевидцев, этот акт конгресса был встречен с воодушевлением. «То был один из счастливейших дней в моей жизни... Этот день убедил меня, что Америка поддержит Массачусетс или погибнет вместе с ним»²⁶,— отмечал Дж. Адамс. К аналогичным выводам пришел и С. Адамс²⁷. Против «саффолкских резолю-

¹⁷ «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, pp. 124—126; LMCC. Vol. 1, pp. 12—13.

¹⁸ «Journals of the Continental Congress 1774—1789». Vol. I. Ed. by W. C. Ford. Washington. 1904 (далее — JCC), p. 25.

¹⁹ Ibid., p. 26.

²⁰ LMCC. Vol. 1, p. 60.

²¹ Ibid., p. 66.

²² JCC. Vol. I, pp. 32—37.

²³ LMCC. Vol. I, p. 31.

²⁴ M. Jensen. Op. cit., p. 495.

²⁵ JCC. Vol. I, p. 40.

²⁶ «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, pp. 134—135.

²⁷ LMCC. Vol. 1, p. 37.

ций» выступила лишь незначительная часть делегатов конгресса, которая полагала, что одобрение поведения жителей Массачусетса будет способствовать дальнейшему обострению англо-американского конфликта. Дж. Галлоуэй характеризовал резолюции как «подстрекательские», отметив вместе с тем, что «изменническое голосование» в конгрессе положило начало военному сопротивлению колонистов по всей Америке²⁸. В Англии же сообщение об одобрении Континентальным конгрессом «саффолкских резолюций» было воспринято с большим беспокойством. Т. Хатчинсон, бывший королевский губернатор Массачусетса, отозвался об этом известии как о «наиболее тревожном». Британское правительство было поражено новостью²⁹.

Принятие «саффолкских резолюций» явилось победой наиболее радикально настроенных делегатов конгресса. Однако и они не помышляли в то время об отделении североамериканских колоний от Великобритании. К восстановлению союза между колониями и метрополией призывали инструкции, полученные делегатами большинства колоний. За достижение согласия возносились молитвы, поднимались тосты на многочисленных обедах и банкетах, дававшихся в Филадельфии³⁰. Многие делегаты разделяли мнение представителя Нью-Йорка Дж. Дуэйна, считавшего, что «прочный союз метрополии и ее колоний должен быть главной целью этого конгресса», ибо только он сможет «гарантировать постоянную стабильность Британской империи и взаимное счастье ее членов»³¹. Наиболее последовательным сторонником примирения с Великобританией был Дж. Галлоуэй. Поэтому никто не удивился, когда он 28 сентября представил конгрессу «План союза между Великобританией и колониями»³². Этот план предусматривал создание «для упорядочения управления общими делами Америки» общеамериканского законодательного собрания с сохранением за колониями их прежних конституций и права управления внутренними делами. Собрание должно было состоять из Генерального президента,

назначаемого короной, и Большого совета, избираемого раз в три года legislaturami колоний. Большой совет получал «те же права, свободы и привилегии, что и палата общин Великобритании», а его акты приобретали законную силу после утверждения их Генеральным президентом, в обязанности которого входило также наблюдение за их претворением в жизнь. Генеральный президент «по совету и с согласия» Большого совета пользовался «всеми правами, властью и полномочиями, необходимым для управления общими делами колоний... как в области гражданской, уголовной, так и коммерческой»³³.

По предложению Галлоуэя, собрание должно было стать «подчиненной и отдельной» частью британского парламента³⁴. Никакие законы, касающиеся колоний в Америке, не могли бы быть приняты без согласия американского собрания. Одна из статей допускала рассмотрение законопроектов, относящихся к Америке, и британским парламентом и американским собранием. Но силу закона такие биллы получали только при одобрении их обоими органами³⁵. План Галлоуэя не изменял по существу положения колоний. Он лишь трансформировал их зависимость от Великобритании, создавая видимость соучастия в управлении. Этот план был поддержан Дж. Джэйем и Дж. Дуэйном³⁶. По мнению делегата от Южной Каролины Э. Ратледжа, предложения Галлоуэя представляли собой «почти идеальный план» союза³⁷. Большинство же делегатов, не отвергая в целом план Галлоуэя, отнеслось к нему довольно прохладно. Некоторые из них считали, что не имеют надлежащих полномочий для решения вопроса о политическом союзе между колониями и метрополией. Другие были согласны с Р. Г. Ли, полагавшим, что данный план приведет к «таким изменениям в законодательных собраниях» колоний, согласиться на которые делегаты не вправе «без консультаций с избирателями»³⁸.

После дебатов план Галлоуэя было решено отложить для дальнейшего обсуждения, которое потом так и не состоялось, а 22 октября, за несколько дней до своего роспуска, конгресс принял решение откло-

²⁸ Ibid., pp. 55—56.

²⁹ M. Jensen. Op. cit., p. 571.

³⁰ См., например: «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, p. 121.

³¹ LMCC. Vol. 1, p. 38.

³² J. P. Boyd. Anglo-American Union. Joseph Galloway's Plans to Preserve the British Empire 1774—1788. Philadelphia. 1941. App. 1, pp. 112—114.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., p. 114.

³⁵ Ibid., pp. 36—37.

³⁶ «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, pp. 142—143.

³⁷ Ibid., p. 143.

³⁸ Ibid.

нить этот план³⁹. Появление плана Галлоуэя несколько приостановило обсуждение в конгрессе вопроса об англо-американских экономических связях. Санкции в отношении английского импорта в колонии были оружием, которым колонисты успешно пользовались на протяжении предыдущего десятилетия. К этому испытанному средству борьбы за свои права колонии обратились вновь. Еще 22 сентября конгресс рекомендовал приостановить заказ товаров в Англии и аннулировать уже заключенные сделки до тех пор, пока не будет принято решение об экономических санкциях против метрополии⁴⁰. Делегаты единодушно поддержали предложение Р. Г. Ли о прекращении импорта английских товаров. 27 сентября было постановлено прекратить ввоз и потребление всех английских товаров с 1 декабря текущего года⁴¹.

Но предложение о немедленном запрещении экспорта в Англию американского сырья и товаров вызвало ожесточенные споры, так как речь шла о проблемах, затрагивавших жизненно важные интересы многих колоний. Южные колонии почти целиком зависели от европейских рынков сбыта. Вирджинские делегаты возражали против немедленного прекращения экспорта, ибо урожай табака (основного предмета местного экспорта), собранный в 1774 г., мог быть отправлен за океан только весной следующего года. Почти все представители Южной Каролины настаивали на том, чтобы для их колонии было сделано исключение, позволявшее им продолжать вывоз риса в Европу⁴². Дебаты о прекращении экспорта обнажили экономическое соперничество между колониями. Конгресс сумел найти выход лишь для большинства и 30 сентября 1774 г. принял решение о прекращении с 10 сентября 1775 г. американского экспорта в Великобританию⁴³. Был создан комитет, которому поручили выработать план претворения этих решений в жизнь⁴⁴. Комитет представил 12 октября свои соображения конгрессу. Подготовленный документ — «Ассоциация» — во многом напоминал ряд одобренных ранее некоторыми колониями документов экономического характера, в первую очередь «Соглашения

о прекращении импорта», принятые Бостоном в 1768 г. и Вирджинией в 1774 году⁴⁵.

«Ассоциация» в соответствии с решением конгресса предусматривала прекращение с 1 декабря 1774 г. импорта любых товаров из Великобритании и Ирландии, товаров английского происхождения, транспортируемых через другие страны, а также товаров, произведенных в Британской Вест-Индии⁴⁶. В качестве «действенной гарантии соблюдения» данного решения было заявлено о прекращении с 1 марта 1775 г. приобретения и потребления всех английских товаров. С 10 сентября прекращался экспорт колониальных товаров в Великобританию, Ирландию и Вест-Индию, если до того времени не будут отменены законы метрополии, вызвавшие недовольство колонистов⁴⁷. «Ассоциация» призвала колонистов «содействовать развитию земледелия, ремесел и промышленности» на местах, поощряла «умеренность, экономно и прилежание», осуждала «любое проявление излишеств и легкомысленных развлечений, особенно скачек, азартных игр, петиуниных боев, различных зрелищ и прочих дорогостоящих развлечений и увеселений». Для наблюдения за исполнением положений «Ассоциации» предусматривалось создать специальные комитеты, избираемые повсеместно, с правом публиковать в прессе имена нарушителей положений, чтобы «такие противники прав Британской Америки были бы публично известны и всеми презирались как враги американской свободы...»⁴⁸.

«Ассоциацию» одобрили и подписали 20 октября 1774 года. За неделю до этого конгресс принял «Декларацию прав и жалоб»⁴⁹. При обсуждении этого документа наибольшие споры вновь вызвал вопрос о праве британского парламента регулировать торговлю. С одной стороны, ряд делегатов поддерживал точку зрения К. Гаддена, полностью отрицавшего такое право за британским парламентом. Другие были солидарны с Дж. Дуэйном, считавшим право регулирования торговли «большим достоинством». Конгресс зашел в тупик, голоса колоний разделились. В этот момент Дж. Адамс предложил такую формулировку, которая не удовлетворяла в принципе

³⁹ LMCC. Vol. 1, pp. 51, 80.

⁴⁰ ICC. Vol. 1, p. 41.

⁴¹ Ibid., p. 43.

⁴² «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, pp. 137—140.

⁴³ JCC. Vol. 1, p. 51.

⁴⁴ Ibid., p. 53.

⁴⁵ «Documents of American History». Vol. 1, pp. 67—68, 80.

⁴⁶ JCC. Vol. 1, pp. 75—77.

⁴⁷ Ibid., p. 77.

⁴⁸ Ibid., pp. 78, 79.

⁴⁹ Ibid., pp. 63—73.

никого, но была принята, ибо «от этого зависел союз колоний»⁵⁰. В окончательном виде «Декларация прав и жалоб» представляла собой документ, состоявший из трех частей. В пространной преамбуле перечислялись нарушения прав американских колонистов, побудившие их собраться на конгресс. Далее следовали 10 резолюций, суммировавших основные принципы и права американцев, начиная от «права на жизнь, свободу и собственность» и кончая всеми теми правами и свободами, которыми колонисты как британские подданные, несомненно, обладали. «Декларация» завершалась перечислением законов и мероприятий метрополии, демонстрировавших «систему, направленную на порабощение Америки». Отмена всех этих актов, по мнению членов конгресса, была «существенно необходимой» для восстановления отношений между Великобританией и американскими колонистами⁵¹.

Конгресс принял обращения к народу Великобритании, а также к жителям Квебека и других английских колоний в Северной Америке. В этих посланиях сообщалось о деятельности конгресса, принятых им решениях и содержался призыв поддержать требования американских колонистов. Одновременно была одобрена петиция королю Великобритании, составленная Дж. Дикинсоном в верноподданнических выражениях⁵². 26 октября конгресс заявил о своём роспуске, постановив созвать следующий конгресс 10 мая 1775 г., если до того времени не будут удовлетворены требования колонистов⁵³. Решения конгресса повсеместно претворялись в жизнь. «Ассоциация» была одобрена всеми колониями, за исключением Джорджии и Нью-Йорка, хотя и там функционировали комитеты, призванные контролировать исполнение этого документа. Данные комитеты, действовавшие в тесном контакте с «Комитетами связи», быстро распространились по стране. Не ограничиваясь публикацией имен нарушителей «Ассоциации» в прессе, они установили контроль над эко-

номической жизнью колоний и превратились в центры политической власти на местах⁵⁴. Бойкот английской торговли успешно осуществлялся и привел к резкому ее сокращению. Ввоз английских товаров в колонии за один год упал с 2,6 млн. ф. ст. (1774 г.) до 201 тыс. ф. ст. (1775 г.), то есть уменьшился почти на 92%⁵⁵. Кампания бойкота обеспечивала еще одну возможность объединения колонистов в общей борьбе, сопровождаемая усилением патриотического движения.

Первый Континентальный конгресс и принятые им документы отчетливо отразили сложившуюся в колониях ситуацию, которая характеризовалась возрастающей решимостью колонистов оказывать сопротивление метрополии (с сохранением, однако, надежды на какое-то урегулирование конфликта). Разрыв с метрополией как выход из создавшегося положения не считался в то время возможным даже наиболее радикальными лидерами патриотов. Отсюда — половинчатость многих решений конгресса. Тем не менее созыв его имел большое значение. Он предоставил лидерам американских колонистов возможность встретиться, обсудить волновавшие их проблемы, выявить точки зрения на сущность англо-американского конфликта, принять определенные решения. Конгресс в Филадельфии стал школой политической борьбы. В нее вступили люди различных взглядов и убеждений. Одни из них, такие, как Дж. Галлоуэй и Г. Миддлтон, оказались лоялистами, другие перешли в лагерь буржуазной революции. Школу конгресса прошли два первых президента США — Дж. Вашингтон и Дж. Адамс. 18 участников конгресса поставили свои подписи под Декларацией независимости. Многие делегаты приняли участие в войне за независимость и играли позднее активную политическую роль в центральных и местных органах власти США. Таким образом, деятельность Континентального конгресса представляла собой один из первых шагов на пути к созданию в Северной Америке нового буржуазного государства.

В. Н. Плешков

⁵⁰ «The Diary and Autobiography of John Adams». Vol. 2, p. 133; vol. 3. Cambridge (Mass.). 1961, pp. 309—310; LMCC. Vol. 1, p. 72.

⁵¹ JCC. Vol. I, p. 71.

⁵² Ibid., pp. 82—90, 103, 105—113, 115—121.

⁵³ Ibid., p. 102.

⁵⁴ M. Jensen. Op. cit., p. 507.

⁵⁵ A. Schlesinger. The Colonial Merchants and the American Revolution. 1763—1776. N. Y. 1956, pp. 535—536.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сахаров Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР периода феодализма Исторического факультета МГУ, председатель секции истории научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, специалист по истории России XIV—XVII вв., русской историографии и истории русской культуры. Автор ряда книг, разделов в учебниках по истории СССР для вузов, учебных пособий и других работ.

Ахундов Рауф Велиевич — член Союза журналистов СССР, аспирант АОН при ЦК КПСС.

Сахаров Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, член коллегии Госкомиздата СССР. Автор ряда работ по социально-экономической и политической истории России периода феодализма.

Виноградов Владилен Николаевич — доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР. Специалист по истории Румынии, Англии, международных отношений в новое время. Автор монографий «Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии», «Россия и объединение румынских княжеств», «Румыния в годы первой мировой войны», «У истоков лейбористской партии», «Очерки общественно-политической мысли в Румынии» и ряда статей.

Писарев Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором новой истории балканских стран Института славяноведения и балканистики АН СССР, автор монографий «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914 гг.», «Сербия и Черногория в годы первой мировой войны 1914—1918 гг.», «Образование Югославского государства» и других трудов по истории Центральной и Юго-Восточной Европы.

Хромов Юрий Семенович — аспирант Московского государственного университета, специализируется по аграрным проблемам Великобритании новейшего времени.

Левшин Борис Венедиктович — кандидат исторических наук, директор Архива АН СССР. Специализируется по истории отечественной науки. Автор книг «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны», «Академия наук СССР — штаб советской науки» и др.

Боков Федор Ефимович — генерал-лейтенант, автор ряда работ на исторические, военные и политические темы.

Окладников Алексей Павлович — академик, действительный член Академии наук МНР, член-корреспондент Британской академии, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Якутской и Бурятской АССР, лауреат Государственных премий, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Работает в области изучения палеолита и неолита, первобытного искусства, истории Сибири и Центральной Азии. Автор многочисленных работ, в том числе монографий, по этим вопросам.

Овчинников Реджинальд Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специалист по русской истории XVIII века. Автор книги «Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»)», ряда публикаций и других работ.

SUMMARIES OF ARTICLES

A. M. SAKHAROV. Fifty Years of the Journal "Voprosy Istorii"

The article briefly surveys the journal's activities, emphasizing its contribution to the elaboration of major scientific problems in the sphere of Russian and Soviet history as well as the history of other countries, to the rise and development of Soviet Marxist-Leninist historiography, to the organization of Soviet historical science. The author graphically shows how the journal responds to the most important historical events of our time, how it highlights the most significant discoveries made by archeologists, historians and source researchers. The article traces the main landmarks in the activity of the journal's Editorial Board over the past half-century and shows the prominent part played by the journal as the leading organ of historical science in the U.S.S.R.

R. V. AKHUNDOV. The Development of the Material and Technical Basis of Soviet Socialist Culture at the Present Stage

The article examines the process of development of the material and technical basis of Soviet socialist culture during the eighth and ninth five-year-plan periods. The author graphically shows how the rapidly developing scientific and technological revolution gives rise to quantitative and qualitative changes in the material conditions and technical means of organizing cultural life—the production, distribution and consumption of spiritual values. Drawing on extensive factual material, the author traces the process of successfully overcoming spatial, geographical barriers and creating broad possibilities for bringing the priceless treasures of spiritual culture within the reach of ever new millions of people, of gradually eliminating the distinctions still existing between town and country.

A. N. SAKHAROV. The "Diplomatic Recognition" of Ancient Rus (A. D. 860)

For the first time in Soviet historiography the author makes an attempt to establish how far the diplomatic practice of the ancient Russ in the 9th century corresponded to the general political tendencies of that period. The author examines the history of the campaign launched by ancient Rus against Constantinople in 860 and the subsequent Russo-Byzantine negotiations concerning the inclusion of the ancient Russian state in the political conglomerate of East-European countries. The article represents the first attempt in Soviet historiography to broach the subject of the "diplomatic recognition" of ancient Rus by Byzantium in the latter half of the 9th century.

V. N. VINOGRADOV, Y. A. PISAREV. The Revolution of 1905-1907 in Russia and the Revolutionary Processes in the Balkans

The authors point out that the powerful influence exerted by the Revolution of 1905-1907 on the Balkan countries should be attributed to the similar or common features existing in the economic and socio-political development of Russia and the states of Southeastern Europe, which largely determined the community of aims of the oppressed classes. The first Russian revolution gave a powerful impetus to the deep-going revolutionary processes engendered by the social realities in Southeastern Europe. The article briefly describes the response evoked by the revolution in the various Balkan countries and underscores the significance of its lessons for enhancing the revolutionary wing of the Balkan socialist movement and for ensuring its gradual transition to the positions of Leninism.

Y. S. KHROMOV. From the History of State Regulation of Agriculture in Great Britain

The article examines the evolution of the methods of state regulation of agriculture in Great Britain, beginning with the period between the wars and ending with Britain's entry into the Common Market. In the postwar years the role played by the state in developing Britain's agriculture has increased owing to the growing economic significance of agriculture in this period. The author cites authentic factual data to prove that the agrarian policy of Great Britain has failed to solve the tasks set before it and that the internal contradictions rending the English countryside are becoming increasingly acute. The main reason for the setbacks in the sphere of state regulation of agriculture should be sought in the class limitations of this regulation which serves the interests of big agrarian capital and the monopolies.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 6, 1976

Articles: A. M. Sakharov. Fifty Years of the Journal "Voprosy Istorii"; R. V. Akhundov. The Development of the Material and Technical Basis of Soviet Socialist Culture at the Present Stage; A. N. Sakharov. The "Diplomatic Recognition" of Ancient Rus (A. D. 860); V. N. Vinogradov, Y. A. Pisarev. The Revolution of 1905-1907 in Russia and the Revolutionary Processes in the Balkans; Y. S. Khromov. From the History of State Regulation of Agriculture in Great Britain. Publications: At the Sources of the Journal "The Marxist Historian" (Half-Centenary of the Journal "Voprosy Istorii"). Reminiscences: Lieutenant-General F. E. Bokov. The Surrender of the "Brown Empire." Historical Essays: Academician A. P. Okladnikov. From Anga to Unalashka: The Miraculous Fate of Ivan Popov; R. V. Ovchinnikov. Colonel Gavril Likhachov of Pugachov's Insurgent Army. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: A. I. Borozniak, G. V. Pavlenko. The History of German Social-Democracy as Interpreted by Right-Wing Reformists. Book Reviews: Klich Kuliev. The Experience of Building Socialism in the Soviet Central Asian Republics and Its Significance for the Developing Countries; N. N. Bolkhovitinov. Russian-American Relations in 1815-1832; V. N. Nikiforov. The East and World History; I. A. Lebedev. Australia's Foreign Policy (1939-1974); Y. I. Semyonov. The Origin of Marriage and the Family; T. W. Moody. The Ulster Question. 1603-1973 (Dublin and Cork); F. D. McCann. The Brazilian-American Alliance. 1937-1945 (New Jersey). Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » № 6, 1976

Articles: A. M. Sakharov. Le 50e anniversaire de la revue « Questions d'histoire »; R. V. Akhoundov. Le développement de la base technique et matérielle de la culture soviétique à l'étape actuelle; A. N. Sakharov. « Reconnaissance diplomatique » de l'ancienne Russie (860); V. N. Vinogradov, Y. A. Pisarev. Les années 1905-1907 en Russie et les processus révolutionnaires aux Balkans; Y. S. Khromov. De l'histoire de la régulation par l'Etat de l'agriculture de la Grande-Bretagne. Publications: Aux sources de la revue « Historien-marxiste » (A l'occasion du 50e anniversaire de la revue « Questions d'histoire »). Mémoires: Le général-lieutenant F. E. Bokov. La capitulation de l'« empire brun ». Aperçus historiques: A. P. Okladnikov, membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. De Anga jusqu'à Ounalashka: le sort frappant de Ivan Popov; R. V. Ovchinnikov. Gavril Likhatchev, colonel de l'armée de Pougatchev. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues: A. I. Borozniak, G. V. Pavlenko. L'histoire de la social-démocratie allemande vue par les réformistes de droite. Comptes rendus des livres: Klytch Kouliev. L'expérience de l'édification du socialisme dans les républiques de l'Asie moyenne et sa portée pour les pays en voie de développement; N. N. Bolkhovitinov. Les relations russo-américaines de 1815-1832; V. N. Nikiforov. L'Orient et l'histoire mondiale; I. A. Lébédév. La politique extérieure de l'Australie (1939-1974); Y. I. Séménov. L'origine du mariage et de la famille; T. W. Moody. La question d'Ulster. 1603-1973 (Dublin and Cork); F. D. McCann. L'alliance brésilienne-américaine. 1937-1945 (New Jersey). Notes scientifiques. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 6, 1976.

Artículos: **A. M. Sájarov.** Hacia el 50 aniversario de la revista «Cuestiones de historia»; **R. V. Ajundov.** Desarrollo de la base técnica y material de la cultura soviética en la etapa actual; **A. N. Sájarov.** «Reconocimiento diplomático» de la Rusia Antigua (año 860); **V. N. Vinogradov, Y. A. Pisarev.** Años 1905—1907 en Rusia y procesos revolucionarios en los Balcanes; **Y. S. Jromov.** De historia de la regulación estatal de la agricultura en la Gran Bretaña. Publicaciones: Orígenes de la revista «Historiador marxista» (Hacia el 50 aniversario de las «Cuestiones de historia»). Memorias. **Teniente general F. E. Bokov.** Capitulación del imperio hitleriano. Ensayos históricos: Académico **A. P. Okládnikov.** De Anga a Unalashka: destino asombroso de Juan Popov; **R. V. Ovchinnikov.** Coronel del ejército de Pugachev Gabriel Lijachev. La ciencia histórica en la URSS y en extranjero. **Revistas: A. J. Borozniak, G. V. Pavlenko.** Historia de la democracia social alemana interpretada por los reformistas de derecha. **Reseñas de libros:** Klich Kuliev. Experiencia de la construcción del socialismo en las repúblicas de Asia Central y su importancia para los países en vías de desarrollo; **N. N. Boljovitinov.** Relaciones ruso-norteamericanas 1815—1832; **V. N. Nikiforov.** Oriente e historia mundial; **J. A. Lebedev.** Política exterior de Australia (1939—1974); **Y. J. Semionov.** Surgimiento del matrimonio y de la familia; **T. W. Moody.** The Ulster Question. 1603—1973 (Dublin and Cork); **E. D. McCann.** The Brazilian-American Alliance. 1937—1945 (New Jersey). Notas científicas Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А. М. Сахаров — Журналу «Вопросы истории» — 50 лет	3
Р. В. Ахундов — Развитие материально-технической базы советской культуры на современном этапе	20
А. Н. Сахаров — «Дипломатическое признание» Древней Руси (860 г.)	33
В. Н. Виноградов, Ю. А. Писарев — 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах	65
Ю. С. Хромов — Из истории государственного регулирования сельского хозяйства Великобритании	77

ПУБЛИКАЦИИ

У истоков журнала «Историк-марксист» (Вступительная статья Б. В. Левшина)	97
---	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков — Капитуляция «коричневой империи»	108
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Академик А. П. Окладников (Новосибирск) — От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова	121
Р. В. Овчинников — Пугачевский полковник Гаврила Лихачев	130

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

В. А. Тишков — Общее годичное собрание Отделения истории АН СССР	137
---	-----

Рецензии

Ю. Н. Розалиев — Клыч Кулиев. Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран	141
Г. С. Кунавина (Ташкент) — И. М. Пушкарёва. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях	143
В. И. Викторов — А. И. Клибанов. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем; его же. Из мира религиозного сектантства. Встречи, беседы, наблюдения	146
А. А. Фурсенко (Ленинград) — Н. Н. Болховитинов. Русско-американские отношения 1815—1832	149
Г. Ф. Ким — В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история	152
Н. Русланов — И. А. Лебедев. Внешняя политика Австралии (1939—1974)	156
Г. Е. Марков — Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи	159
Новые книги	162
Статьи в советских периодических изданиях	165
Р. М. Савицкая, А. Я. Шевеленко — К 90-летию со дня рождения Б. М. Волина	168
В. А. Черных — Региональные археографические конференции	173
Хроникальные заметки	174

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

В. И. Кусков — Научная конференция историков СССР и ГДР	178
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

- А. И. Борозняк (Липецк), Г. В. Павленко (Ужгород) — История германской социал-демократии в правореформистской интерпретации 180

Рецензии

- А. Д. Колпаков, Е. Ю. Полякова — Т. У. Моуди. Олстерский вопрос. 1603—1973 187
И. И. Янчук — Ф. Д. Маккэн. Бразильско-американский союз. 1937—1945 190

По страницам зарубежных журналов

- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах 193
Рецензии на советские издания 196
Хроникальные заметки 197

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- В. Б. Виноградов (Грозный), Т. С. Магомадова (Грозный) — Первая русская карта Северного Кавказа 199

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- Е. М. Хенкин (Новосибирск) — Поездка М. И. Калинина в Поволжье в 1921 году 204
А. О. Хенинь (Рига) — «Циня» в годы первой русской революции 209
В. Н. Плешков (Ленинград) — Первый Континентальный конгресс (1774 г.) 213

-
- Сведения об авторах 219
Резюме статей на английском языке 220
-

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (и. о. заместителя главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Слано в набор 23/IV 1976 г.
А 00925. Подписано к печати 14/VI 1976 г. Формат 70×108^{1/16}.
Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 500 экз. Изд. № 1543. Зак. № 2165.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

БУРМОВ А. Христо Ботев и неговата чета. София Наука и изкуство. 1975. 785 с.

НАЙДЕНОВ Д. **Огън трябва**. Публицистика Съст.: Владимир Димитров Найденев. София. Партиздат. 1975. 281 с.

НАЧО ИВАНОВ. **Жизнен път, статии, документи, спомени**. Съст. Берта Калаора. София. Профиздат. 1975. 205 с.

ПОЛЯКОВА Р. Англия — от икономически затруднения към социална криза. София. Наука изкуство. 1975. 200 с.

СТЕФАНОВ Н. **Разказ за моя другар**. Хроника за Марко Добрев. София. Нар. младеж. 1975. 126 с.

ФОЛ А. **Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха**. София. Наука и изкуство. 1975. 270 с.

ШИШМАНОВ Д. **Кръв и карамфили в Лисабон**. Бележки на журналиста. София. Партиздат. 1975. 216 с.

A barátság három évtizede. Összéall: V. Fábri Magda. Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1975. 237. old.

ARPO A. **A szocializmus építésének útján**. Budapest. Kosyuth könyvknadó. 1975. 129 old.

BAJOMI L. E. **A vörös szűz, Louise Michel lobogó élete**. Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1975. 251. old.

LENGYEL L. **A török Magyarországon**. Magyarországa a 16—17. században. Budapest. Móra. 1975. 159. old.

SZABÓ J. **Internacionalisták Kirgizföldön**. Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1975. 129 old.

Somogy megye munkásmozgalmának kiemelkedő harcászatai. (Eletrajzgyűjtemény). Szerk. és a bevezetőtanulmányt írta: Andrassy Antal. Kaposvár. Kiadja a Magyar Szocialista Munkáspárt Somogy megyei bizottsága. 1975. 224. old.

VO NGUYEN GIAP. **Guerre du peuple contre guerre aeronavale US**. Hanoi. Ed. en lang. étrangères. 1975. 251 p.

Atlas zur Geschichte. In 2 Bänden. Bd. 2. Von der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917 bis 1972. Gotha—Leipzig. Herman Haack Geographisch-Kartographische Anstalt. 1975. XIII, 232 S.

Aufbruch in unsere Zeit. Erinnerungen an die Tätigkeit der Gewerkschaften von 1945 bis zur Gründung der DDR. Red. unter Leitung von Erwin Lehmann. Berlin. Tribüne. 1975. 247 S.

BRUCK C. von. **Ein Mann, der Hitler in die Enge trieb**. Hans Littens Kampf gegen den Faschismus. Ein Dokumentarbericht. Berlin. Union Verl. 1975. 141 S.

FREYER P. H. **Sturmvoegel. Rote Matrosen 1918/19**. Ereignisse, Tatsachen, Zusammenhänge. Berlin. Militärverl. der DDR. 1975. 220 S.

KRÖGER H., WÜNSCHE H. **Friedliche Koexistenz und Völkerrecht**. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1975. 111 S.

LATZO A. **Die Warschauer Vertragsorganisation auf Friedenswacht**. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1975. 94 S.

DROZDOWSKI M. M. **Alarm dla Warszawy**. Ludność cywilna w obronie stolicy we wrześniu 1939 r. Warszawa. Wiedza powszechna. 1975. 332 s.

PACHONSKI, J. **Józef Grabiński, generał polski, francuski i włoski, naczelny wódz powstania bolońskiego 1831 roku**. Kraków. Wyd-wo lit. 1975. 328 s.

Prahistoria ziem polskich. Oprac. zbiorowe pod red. W. Hensla. T. I Paleolit i mezolit. Aut. W. Chmielewski, R. Schild, H. Więckowska. Wrocław, e. a. Ossolineum. 1975. 458 s.

ZOLL-ADAMIKOWA H. **Wczesnosredowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski**. Wrocław i i. Ossolineum. 1975. Cz. I. Zrodla. 387 s.

WALICHNOWSKI T. **U źródeł walk z podziemiem reakcyjnym w Polsce**. Warszawa. KiW. 1975. 344 s.

Antológia k dejinám medzinárodného robotníckeho hnutia a komunistickej strany Československa. Študijná pomôcka pre vysoké školy. Zv. 2. Bratislava. Pravda. 1975. 495 s.

ŠROM V. a VOKATY J. S. **Syrská arabská republika**. Praha. Svoboda. 1975. 203 s.

ŠVERMA J. **Za nové Československo**. Praha. Svoboda. 1975. 107 s.

VANĚK A. **Sociální struktura. Kritika buržoazní a revizionistické teorie**. Praha. Univ. Karlova. 1975. 366 s.

ЕКМЕЧИЋ М. **Ратни циљеви Србије 1914**. Београд. Српска књиж. задруга. 1973. 550 с.

Тако се борила Црна Трава. Ред. одб. Десимир Димитријевић и др. Председник Симон Симоновић — Монка. Црна Трава. Општински одб. Савеза удружења бораца народна-ослободилачког рата Црна Трава. 1973. 482 с.

НОВЫЕ КНИГИ

TODOROVIC J. Skordisci. Istorija i kultura. Novi Sad. Inst. za izučavanje istorije Vojvodine. Beograd. Savez arheoloških d-va Jugoslavije. 1974. 295 s.

Шајкашка. Историја. Уред. Славко Гавриловић и др. I кн. Нови Сад. Матица српска. 1975. 417 с.

APPLETON J. D. S. Labour Economics. London. Macdonald and Evans. 1975. X. 238 p.

GOLANT W. The Long Afternoon. British India 1601—1947. London. Hamilton. 1975. XVIII, 270 p.

PARISH P. J. The American Civil War. London. Methuen. 1975. 750 p.

ROCK D. Politics in Argentina 1890—1930. The Rise and Fall of Radicalism. Cambridge Univ. Press. 1975. IX, 315 p.

WHITEHOUS D., WHITEHOUS R. Archaeological Atlas of the World. With 103 Maps drawn by J. Woodcock and Sh. Schotten. London. Thames and Hudson. 1975. 272 p.

ZWIEBACH B. Civility and Disobedience. London e. a. Cambridge Univ. Press. 1975. X, 241 p.

THRANE H. Europæiske forbindelser. Bidrag til studiet af fremmede forbindelser i Danmarks yngre bronzealder (periode IV—V). København. Nationalmuseets skrifter 1975. 296 s.

LOWER Th. La inquisición. Versión: T. Lopez. Valencia—Barcelona. Petronio. 1975. T. I. 360 p.; T. 2. 5, 367—832 p.

GENTILE P. Storia del cristianesimo dalle origini a Teodosio. Milano. Bibl. universale Rizzoli. 1975. 362 p.

Italia. Costituzione. 1947. Costituzione italiana. Introd. di Giangiulio Ambrosini. In app.: Statuto fondamentale del Regno di Sardegna (1848); Costituzione della Repubblica romana (1849); Decreto Legge luogotenenziale (1944) e. a. Torino. Pic-

cola bibl. Einaudi Testi. 1975. LXVIII, 103 p.

HERTEIG A. F. e. a. Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo e. a. Univ. forl. 1975. 175 p.

MARTINS J. S. Política de emergência económica nacional. Sector agrário. Lisboa. Estampa. 1975. 114 p.

NAVARRO A. M. Perspectivas de libertação no Nordeste Transmontano. Textos e entrevistas. Lisboa. Prelo. 1975. 344 p.

Partido Comunista Português Central. Documentos... Abril-Dez. de 1974. Lisboa. Avante! 1975. 180 p.

BENNETT L. The Shaping of Black America. Chicago. Johnson. 1975. (7), 356 p.

CHARD Ch. S. Man in Prehistory. 2nd ed. New York e. a. McGraw-Hill. 1975. X, 406 p.

FOLEY Ch and SCOBIE W. J. The Struggle for Cyprus. Stanford (Cal.). Hoover Institutions Press. 1975. X, 193 p.

KRANZBERG M. and GIES J. By the Sweat of the Brow. Work in the Western World. New York. Putnam—Capricorn Books. 1975. 248 p.

DEMICHEL A. e. a. Institutions et pouvoir en France. Une traduction institutionnelle du capitalisme monopoliste d'Etat. Paris. Ed. sociales. 1975. 224 p.

DREYFUS F. G. Histoire des gauches en France. 1940—1974. Paris. Grasset. 1975. 378 p.

GANIAGE J. L'expansion coloniale et les rivalités internationales. Paris. Centre de doc. univ. «Les cours de Sorbonne». 1975. T. I. 151 p. T. 2. 149—312 p.

RANDLES W. G. L. L'empire du Monomotapa du XV-e au XIX-e siècle. Paris—La Haye. Mouton. 1975. 167 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласию, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случаях отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

ВСЕ ЖИЛЫЕ ДОМА
И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПОСТРОЙКИ,

находящиеся в личной собственности граждан, застрахованы в обязательном порядке. В случае их гибели или повреждения от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий органы Госстраха гарантируют их владельцам выплату страхового возмещения.

● В дополнение к обязательному проводится и добровольное страхование строений, которое обеспечивает гражданам получение более полного возмещения ущерба в случае перечисленных событий, а также внезапного выхода подпочвенных вод, паводка, необычных для данной местности продолжительных дождей, обильного снегопада, аварий отопительной системы и водопроводной сети.

● Добровольное страхование строений проводится исходя из оценки строений по действующим государственным розничным ценам.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите более подробно ознакомиться с условиями его проведения и оформить договор, обратитесь в районную инспекцию Госстраха или к страховому агенту.

ГОССТРАХ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СВОИ УСЛУГИ.

ГОССТРАХ РСФСР